

Глава 1-2

- Ты просто не понимаешь! – истерически кричала Наташа, размазывая слезы вперемешку с тушью по лицу. – Когда влюбишься, тогда я посмотрю на тебя!

Ольга усмехнулась и покачала головой, подавая подруге стакан виски. Сколько подобных истерик ей приходилось видеть? Да уже со счета сбилась. Сначала одноклассницы в старшей школе и их первая любовь с заламыванием рук и нежеланием жить без него; потом университетские подруги, выскакивающие замуж на первом курсе и разведившиеся к третьему, что иногда сопровождалось мелодраматическим «он мне испортил всю жизнь»; коллеги и соседки, к тридцати годам обвешавшиеся двумя-тремя детьми с вечными жалобам на невнимание мужей. Ольга этого никогда не понимала, и сейчас ничего не изменилось.

Неужели для женщин нет большей радости, чем влюбляться, страдать, рыдать?

- Оля, – Наташа продолжала жалобно всхлипывать. – Что мне делать?

Если бы Ольга знала, что нового сказать, то давно бы успокоила ее. Но за двадцать лет дружбы исчерпала все возможные варианты. Поэтому сейчас уже полчаса молча слушала и отпаивала Наташу запасом алкоголя, чувствуя себя бесчувственной стервой.

- Ты знаешь мое мнение на этот счет...

- Как у тебя все просто!

- А что в этом сложного? – не выдержала Ольга, выплескивая в свой стакан остатки виски. – Зачем всегда расставаться с истериками?

- Но я же люблю его... – уже шепотом сказала Наташа.

- Да-да, – вырвался наружу сарказм. – И предыдущего ты тоже любила, и того, который был до него, и я уже даже не припомню их всех. Каждый раз одно и то же: ты расстаешься с очередным обоже, рыдаешь на моей кухне, неделя депрессии, новая любовь, эйфория... И круг начинается снова.

Наташа молчала, уставившись в стакан, как будто именно там находился ответ на вопрос, который вертелся на языке, но не произносился вслух. Молчание затягивалось, и только слезы очередной несчастной любви падали в стакан, разбавляя солью

горьковатый вкус алкоголя.

- И почему так постоянно происходит? – наконец произнесла Наташа.

Ольга вздохнула, но не торопилась с ответом. У них с подругой были слишком разные точки зрения на отношения.

- Ты слишком драматизируешь, – нашла все-таки подходящую фразу.

Наташа только горько усмехнулась, но опять промолчала. Сколько она не пыталась объяснить подруге, что существует то прекрасное чувство, о котором пишут в книгах и снимают фильмы, когда дрожат коленки, перехватывает дыхание и сердце делает сальто в груди, Ольга только снисходительно улыбалась, иронично поджимала губы и говорила, что Наташа читает слишком много книг о любви...

Глава 2

Роман Островский долго сопротивлялся. Несколько крупных компаний предлагали продать права на экранизацию его произведения. Его душа была внутри этой книги, его мировоззрение, его мысли...

Каждый раз он отвечал отказом. Полгода в списке бестселлеров, полгода звонков и предложений, но каждый раз Роман переживал, что на экране не смогут передать весь смысл его книги, ее изюминку. Он знал, как умеет кинематограф портить всю прелесть литературных произведений, он это видел каждый день. И вот опять звонок. Где они только находят его номер телефона?

Снова обещания перезвонить, подумать. И деньги, деньги, деньги... Для Романа дело было вовсе не в деньгах, а в возможности заниматься любимым делом. Он оглядел с усмешкой свою однокомнатную квартиру в старом панельном доме, посмотрел в покрытое пылью окно на улицу на окраине города и подумал, что не так все представляют жизнь известного писателя.

Но Роман никогда не опускал руки! Он хочет заниматься именно этим – он будет заниматься именно этим. И первый шаг на пути к мечте уже сделан.

Пришло сообщение на электронную почту, оповещающая звуковым сигналом, что отвлекает писателя от мыслей.

«На любых условиях мы готовы экранизировать ваш роман», –

прочитал он. И почему-то именно в этот момент решил ответить.

«На моих условиях. Я работаю вместе со сценаристом. Выбираю сам. Все остальное при встрече», – набрал текст, решившись на этот шаг, хотя сомнения все еще одолевали. Для него это было подобно тому, как оторвать для матери ребенка от груди, как подписать бумагу на эвтаназию умирающей собаки, как отвести на кастрацию любимого кота.

Больше месяца Роман изучал работы самых известных сценаристов в самых крупных киностудиях, но не видел в них жизни, страсти, скорее, просто любовь к работе и слепое следование за популярным трендом.

Он почти отчаялся найти нужного человека, пока не наткнулся на интересную работу. И понял: с этим человеком он сработается легко.

Автор сценария: Ольга Флоренцева.

Странно было для Романа увидеть женское имя – он был уверен, что автор мужского пола. Ну ладно! Это лучшее, что ему попало.

Глава 3

Олег Самойлов уже пятый раз набирал номер и слушал длинные гудки. Бывшая почти благоверная не желала отвечать. Он все сильнее отстукивал дробь карандашом по блестящей поверхности стола, почти потеряв терпение. Почему эта сумасшедшая женщина не может просто снять трубку? Седьмой звонок, восьмой... На девятом Олег наконец услышал не совсем трезвый голос:

- А-лле.

- Оля, ты можешь отвечать на звонки сразу? – не выдержал Олег.

- Дорогой, ты похож на ревнивого мужа, – пьяно хихикнула девушка в трубку, решив, что это очень удачная шутка.

- Ты там плотно на стакане, я смотрю?

- Мы оплакиваем загубленную любовь, – Ольга трагическим голосом просветила звонившего.

- Я сомневаюсь, что ты бы рыдала, если б тебя твой пилот бросил, – сделал вывод Олег. – Поэтому думаю, что Наташка рассталась с очередным любовником и теперь льет слезы в дружескую жилетку.

- Да ты просто Шерлок, – опять хихикнула Ольга, а потом спросила серьезнее: – Ты что хотел-то?

- А ты точно вспомнишь все, что я тебе скажу сейчас?

- Не факт... – протянула она, кажется, начав заикаться.

- Я чуть не женился на алкоголичке, – резюмировал Олег, тяжело вздохнув, и добавил: – Завтра с утра заеду – есть разговор.

Ольга с Наташей совершили эпический поход в магазин, потому что запасов для лечения душевных ран не хватило, спели несколько грустных песен под недовольные вопли соседей и даже вспомнили парочку душераздирающих стихов о несчастной любви.

Неудивительно, что Ольга не услышала вибрацию телефона где-то в комнате под подушкой. И только совершая поход на балкон, чтобы отравить свой организм дозой никотина, услышала звонок от Олега.

Что он хотел, Ольга так и не поняла. Но она, как Скарлетт О'Хара, подумает об этом завтра.

- Кто звонил? – выглянула с балкона Наташа, пытаясь сфокусировать разбегающиеся глаза на Ольге.

- Олежек...

- Вот скажи мне, Оля, как ты смогла сохранить такие отношения с бывшим? – Наташе самой такое никогда не удавалось, а любовные связи подруги плавно перетекали в крепкую дружбу.

- Потому что мы поняли, что наши отношения изжили себя и ничего не получится, поэтому не стали и пытаться начать снова. Глупо было бы делать то же самое и надеяться на другой результат. Лучше понять это сразу и расставаться без взаимных упреков и обид, сохранив нормальные дружественные отношения.

- Вот вроде и понимаю, что мыслишь-то ты, в общем, верно, но женская натура не может так поступать при расставании, – сонно сказала Наташа заплетающимся языком, уже пристроив тело на Ольгин диван в горизонтальном положении.

Накрыв уснувшую подругу, Ольга вышла на балкон и вдохнула первый повеявший весной воздух. Весна... «Влюбиться что ли?» – подумала она и усмехнулась. После Наташиных расставаний уже не верилось, что можно так безбашенно любить. Ольга любила... и не

один раз, хоть и утверждали многие умники, что «любить лишь можно только раз». Но любила-то она по-другому, хоть и любила.

И Олега любила, который ей позвонил сегодня, как и звонил примерно раз в неделю, чтобы просто спросить, как дела. Да, не сложилось, хоть и дошло не просто почти, а до самого ЗАГСа. Но Ольга благодарила бога, что в последний момент в ней проснулся здравый смысл. И Олег ее понял – в его рационализме никогда не было сомнений. Они любили друг друга, но любовь проходит со временем, перед этим чертом мало что властно.

А вдруг у каждого человека есть просто предел? Как существует порог боли, почему не может существовать порог любви? Ольга всегда считала, что ее порог очень высок. Нет, не низок. Именно высок. Чем меньше воспринимаешь, тем терпимее; чем сильнее – тем восприимчивее. Сумбур какой-то...

Любовь – это простая химическая реакция, и, кажется, компонентов для бурного протекания в организме Ольги не хватало. Каждый человек любит настолько сильно, насколько может, и требовать большего просто глупо.

С Олегом они познакомились пять лет назад, совместно работая над фильмом. Он – молодой, но талантливый кинорежиссер, творческий, страстный, преданный делу. Ольга – сценарист, не менее увлеченная процессом создания киношедевра. По всем законам жанра им суждено было проникнуться друг к другу симпатией. Так и случилось.

И с полной уверенностью они могли бы сказать, что время, которое они провели вместе, было наполнено счастливыми моментами, любовью, страстью и легкостью. Через год Олег и Ольга подали заявление в ЗАГС и начали приготовления к свадьбе. И, может, их отношения продлились бы дольше, если бы не эта досадная оплошность. Червячок сомнения начал грызть Ольгу по мере приближения счастливой даты. И когда пришло время сдачи паспортов, она поняла, что не может этого сделать. Она не готова была к такому серьезному шагу: дом, быт, дети и остальные прелести семейной жизни. Ольга объяснила Олегу свою позицию и, как ей показалось, он тоже вздохнул с облегчением. Что ждали они от этого брака – не ясно. Он считал, что любая женщина хочет замуж, она не хотела обидеть его отказом и потерять.

Вовремя объяснившись и выяснив все, они сберегли друг для друга время и нервы. Это лучше, чем развестись через год с ненавистью. Ольга опять переехала в свою квартиру, сохранив с Олегом теплые отношения. Они продолжали любить друга, но, скорее, просто по-человечески, а не как мужчина и женщина, хотя на протяжении еще двух лет периодически оказывались в одной постели. И оба понимали, что это просто взаимовыручка, когда не хочется себя связывать новыми обязательствами и новыми отношениями.

Потом Олег женился на какой-то актрисе, по понятным причинам не пригласив Ольгу на свадьбу, а через полгода разошелся с благоверной с эпическим скандалом, битьем посуды, взаимными оскорблениями и судебными тяжбами. Наученный горьким опытом, он теперь чурался ЗАГСа, как черт лаdana.

А Ольга продолжала стоять на балконе, подставив лицо свежему ветру, чувствуя, как из головы начинает выветриваться алкоголь. Она понимала, что срочное дело Олега связано с работой, но не понимала, почему он ей позвонил. Сценаристской деятельностью она перестала заниматься два года назад, уйдя в независимое плавание в море фриланса. Решив не заниматься гаданием на кофейной гуще, Ольга легла рядом со спящей Наташей и мгновенно провалилась в сон.

Глава 4

Ольга открыла глаза и почувствовала запах свежесваренного кофе. Застонала, схватившись за раскалывающуюся голову, попробовала подняться, но тут же рухнула обратно на подушку.

- Доброе утро! – услышала она мужской голос и повернулась в сторону дверного проема.

- Олег, – простонала Ольга. – Откуда ты здесь?

- Я же вечером предупреждал, что заеду, – вроде бы удивился он и не упустил случая поязвить: – Тебя накрыла алкогольная амнезия?

- Да пошел ты! Кофе неси.

Олег улыбнулся и вышел, несколько не обидевшись. За столько лет он привык к немного грубоватой манере общения Ольги, но зато с ней никогда не было скучно – в любой момент она могла выкинуть что-то неординарное и нелогичное вопреки всем ожиданиям. И Олег знал, что с утра ей нужна чашка крепкого черного кофе и сигарета, чтобы проснуться, поэтому подготовился, предполагая, как Ольга

отреагирует на его просьбу. Эта женщина и с лестницы спустить может.

- А где Наташа? – спросила Ольга, появляясь на кухне. Олег поставил перед ней чашку бодрящего напитка и сел напротив.

- Впустила меня в квартиру и отчалила на работу в очень плачевном состоянии, обнимаясь с бутылкой минералки, найденной в твоём холодильнике.

- Если она продолжит с такой же периодичностью расставаться со своими парнями, то я точно стану алкоголичкой. Так ты-то что так срочно хотел?

Олег улыбнулся и предложил:

- Пойдем перекурим.

Ольга пожала плечами, но промолчала. Как и большинству женщин, любопытство было ей присуще, а вот терпением похвастаться она не могла. Но раз Олег тянет время, значит, ему нужна протрезвевшая женщина в хорошем расположении духа. На балконе они провели минут двадцать в полном молчании, выкурив по две сигареты и допив кофе.

- Я в душ, – предупредила Ольга. – А ты пока подумай, как будешь меня уговаривать, хоть и не знаю, на что именно.

Олег уже почти сутки думал об этом, перебирая десятки вариантов разговора, но это все бесполезно, потому что предположить сценарий разговора с этой непредсказуемой дамой невозможно. Но она вместе с ее пусть и сумасшедшим характером, но гениальным мастерством сценариста нужна ему сейчас.

Ольга бесшумно зашла в комнату в одном полотенце, когда Олег, лежа на диване, смотрел по телевизору программу о брачном периоде горилл.

- Интересно?

- А порнушки нет? – ответил он вопросом на вопрос, окинув взглядом Ольгин наряд, точнее, его отсутствие.

- Извини, не держим. Предпочитаю делать, а не смотреть.

- Тоже верно, – согласился Олег, выключая телевизор.

Ольга сбросила полотенце, оставшись нагишом, и открыла шкаф.

- Рассказывай, – сказала, выбирая нижнее белье.
- Ты думаешь, что в данной обстановке я способен вести деловые беседы? – возмутился Олег, но даже не подумал отвернуться.
- Эрекция мешает? – спросила Ольга, остановив свой выбор на черном кружевном комплекте.
- А что твой пилот скажет, если узнает, что ты рассекаешь перед посторонним мужиком голышом? – сменил Самойлов тему, подумав, что сегодня вечером стоит расслабиться, потому что насчет эрекции она попала в самую точку.
- Ну какой же ты посторонний?! – со смешком ответила Ольга, надевая домашнее платье, а Олег смог наконец выдохнуть и перейти к делу:
- Слышала про писателя Романа Островского?
- Знакомое имя. Он вроде одну книгу только выпустил? Кажется, в интернете видела, – нахмурилась Ольга.
- Да-да, – подтвердил радостно Олег. – Многие кинокомпании пытались у него купить права на экранизацию произведения, но он всегда отвечал безапелляционное «нет». Сначала думали, что он таким образом набивает себе цену, но потом поняли – Островский просто переживает, что книгу испортят.
- А я тут при чем? – спросила Ольга, когда пауза в монологе затянулась.
- Не знаю, как так получилось, что решил он ответить именно мне согласием, хотя я писал ему, не особо надеясь на положительный ответ.
- Он продал тебе права?!
- Ну... – протянул Олег. – Пока еще нет, но готов. И мы согласились на любые его условия.
- И что же он попросил? – Ольга почувствовала, как начинает накатывать раздражение из-за затянувшегося лирического вступления и непонимания, что же в итоге требуется от нее.
- Чтобы ты адаптировала роман под сценарий, – на одном дыхании выпалил Самойлов, ожидая бурной реакции.
- Нет, Олег, – последовал удивительно спокойный ответ. – Есть много

хороших сценаристов, гораздо опытнее и талантливее меня.

- Но он хочет работать именно с тобой! Напишите вместе сценарий...

- Что-что? – Ольга уже перешла на крик. – Ты прекрасно знаешь, как я работаю и что не потерплю, чтобы кто-то стоял над душой и вносил свои поправки. Более того я никогда не адаптировала книги, а создавала сценарии с нуля.

- Тише... – Олег поднял руки в примирительном жесте. – Не надо так остро реагировать. Я принес тебе его книгу, – кивнул в сторону стола. – Только не швыряй ее в меня. Просто просмотри на досуге, вдруг и идеи какие-нибудь появятся.

- Что ты будешь делать, если он не согласится на другого сценариста? – уже спокойнее спросила Ольга.

- Значит, фильм мы не снимем, – горестно вздохнул режиссер и развел руками. – Ладно, поехал я на работу, а то надо проконтролировать моих гуру монтажа. Завтра позвоню, а ты пока подумай, пожалуйста.

- Не думаю, что изменю решение, – отрезала Ольга, поцеловав его на прощанье в щеку.

Захлопнув за Олегом дверь, она заварила еще кофе и набрала номер подруги, страдающей на работе от похмелья.

- Жива? – спросила у Наташи.

- Наполовину, – страдальческим голосом ответила та. – Что Олег хотел? Любви и ласки? – хихикнула в трубку.

- Не совсем, – усмехнулась Ольга и вкратце передала недавний разговор.

- И?.. – осторожно спросила Наташа.

- Что «и»? Конечно, я его послала. С режиссерскими сценариями покончено два года назад, я уже и не вспомню, как они пишутся.

- Ну-ну, подруга, как же... А писатель хоть симпатичный?

Ольга закатила глаза и призвала себя к спокойствию. Кому что, называется, а Наташе лишь бы мужик красавчиком был. Книга все так и лежала на столе, где ее оставил Олег.

- Сейчас посмотрим, – сказала Ольга в трубку, перевернула

увесистый том и разочаровала подругу: – Здесь нет фотографии.

- Как так-то? – удивилась Наташа.

- Не ищет господин Островский популярности. Или просто он реинкарнация Квазимодо, – сделала вывод Ольга, уже открывая ноутбук, чтобы найти загадочного писателя во всемирной паутине. – Иди работай, – сказала Наташе, – позже созвонимся.

- Сегодня Андрей возвращается? – спросила та, пока подруга не отключилась, и услышала тяжелый Ольгин вздох, за которым последовал ответ:

- Наверное.

- Такой мужчина, – восторженно отозвалась Наташа. – И такое безразличие в твоём голосе.

- Не начинай! – Ольга в который раз за утро начала закипать. – Забирай, если хочешь!

- Дура ты! Он же тебя любит. Если бы я такого встретила, то выскочила бы замуж, холила и лелеяла его, варила борщи и рожала детей.

У Ольги от подобного сценария жизни свело скулы и желудок. Но заводить в сотый раз эту тему и объяснять Наташе свою позицию не было желания, поэтому она бросила короткое недовольное «пока» и нажала кнопку сброса.

Двадцать минут поиска не дали никакой информации об авторе, кроме ссылок на магазины, предлагающие купить его книгу. Возможно ли это в двадцать первом веке? Кажется, да. Соцсети выдали Ольге слишком большое количество пользователей с таким сочетанием имени и фамилии, и она не была до конца уверена, что это не авторский псевдоним. Ведь, как нередко бывает, на обложке может быть написано одно, а в паспорте совсем другое. Чувствуя себя заправским сыщиком, Ольга еще полчаса провела, пытаясь узнать хоть что-то о загадочном авторе, но не нашла ни одной фотографии с презентаций, хотя была уверена, что у писателей, как и у актеров, должен быть прописан в договоре с издательством подобный пункт.

- Шифровальщик, – резюмировала Ольга для самой себя и открыла книгу.

Сюжет увлек сразу твоей нетривиальностью и неизбитостью, изложение шло плавно, язык автора великолепен, герои живые и яркие, характеры прописаны шикарно, каждая сцена настолько продумана, что мозг читателя, хочет он того или нет, включает воображение на полную – эти вещи Ольга отмечала автоматически глазом сценариста. Сценарий более похож по своей структуре на пьесу, но и от романов взял немало, поэтому знать основные правила построения сюжета, самые распространенные стилистические ошибки и прочие нюансы литературного мастерства ей было положено знать.

Прочитав первые три главы, Ольга схватилась за блокнот и начала делать пометки. За окном начало смеркаться, а она, забыв о перекусах и перекурах, перелистывала страницу за страницей, не выпуская из рук шариковую ручку и продолжая делать записи. Оторвалась от увлекательного занятия, когда буквы стали почти неразличимы, а пальцы перестали слушаться.

Ольга вышла на балкон и закурила, попутно набрав номер Олега. Он как будто только и ждал ее звонка – ответил после первого гудка. Голос уставший и раздраженный.

- Я согласна, – сходу выпалила, сама боясь передумать.

Повисло молчание.

- Правда? – с сомнением переспросил Самойлов.

- Да, и даже если он будет меня нервировать на протяжении нескольких недель, я это переживу, только пусть не лезет в то, в чем не разбирается.

- Я сейчас ему позвоню! – радостно заорал Олег. – Спасибо, Оля!

- Спасибо на счет не положишь и в стакан не нальешь.

- Понял-понял! Мы сорвем куш на этом фильме!

Ольга только усмехнулась, повесив трубку. Самойлов был не только талантливым продюсером и режиссером, но и отличным бизнесменом – своего никогда не упускал, поэтому она не сомневалась в словах бывшего почти благоверного.

Телефон пискнул, оповестив о приходе смс, и Ольга прочитала:

«Я вернулся! Встретимся сегодня?» От абонента: Андрей.

«Нет, устала, и поработать еще надо», – набрала она быстро текст. Ответ последовал незамедлительно:

«Пожалуйста, очень хочу тебя увидеть».

«Хорошо, через два часа. Там, где и всегда».

Ольга сама не понимала, что ею продолжало двигать при встречах с Андреем. Жалость? Привычка? Она хорошо к нему относилась: добрый, интересный, умный мужчина, просто мечта любой женщины. Обычно после подобных характеристик следует «но», а вот тут его не было. Андрей будто был героем, сошедшим со страниц лучших книг о любви, но, к его великому сожалению, не был героем Ольгиного романа. Еще великий классик писал про то, что «чем меньше женщину мы любим...», но и с мужчинами этот закон срабатывал.

А ведь поначалу Ольга была довольна – ей казалось, что это именно то, что ей и было нужно. Андрей работал пилотом на международных рейсах и часто и подолгу отсутствовал. Когда возвращался, они встречались, проводили вместе пару вечеров и ночей, а потом он снова улетал. Никаких совместных планов на будущее они не строили, у каждого была, по сути, своя жизнь, но потом Ольга стала замечать, что Андрей изменился, точнее, изменилось его отношение. Все сложнее ей становилось рядом с ним, все чаще ее начали раздражать разговоры, сводящиеся к чему-то более серьезному, и поведение любовника. Зачем так усложнять, когда все вроде бы хорошо, Ольга не понимала.

Несколько месяцев назад она начала отказывать ему в сексе, мотивируя это разными причинами, а он только вздыхал и гладил ее по руке, что не вызывало абсолютно никаких эмоций и чувств в душе. В постели с Андреем Ольге было неплохо, но это для нее больше походило на занятие спортом, чем на удовольствие. А когда он захотел проявить нежность и чувственность, шепча ей в ухо «Олечка» и гладя по волосам, чего она вообще не переносила на дух, Ольга поняла, что пора с этим завязывать. Андрей хотел получить от нее то, чего она дать ему не могла, а держать его рядом, но не подпускать слишком близко было бы эгоистично с ее стороны.

Когда Ольга попыталась прекратить с ним любое общение, оборвать все концы, он посмотрел на нее глазами побитой собаки и сказал, что не стоит торопиться, надо подумать, а не принимать

скоропалительные решения. Ведь Андрей любил ее, и видит бог, Ольга не хотела делать ему больно, но и любить себя она его не просила.

Поэтому сейчас собиралась на встречу нехотя, но и в то же время понимала, что ее жалость никакого облегчения ему не принесет.

Ольга опаздывала – долго ждала автобуса. Андрей уже мерил шагами тротуар возле кафе и оглядывался по сторонам. Заметив ее, он широко улыбнулся, резво загашал навстречу, приобнял за плечо и поцеловал куда-то в район виска. Ольга быстро отстранилась и выдавила из себя подобие улыбки.

- Привет, я скучал, – сказал Андрей.

- Привет, – ответила ему и шагнула к дверям кафе, почувствовав, как его рука легла ей на талию. Быстро сделала два шага вперед, чтобы быть в недосягаемости и услышала звонок мобильного.

Номер был незнакомый. Сделав Андрею знак подождать, ответила:

- Да!

- Ольга Михайловна? – спросил незнакомый, но приятный мужской голос.

- Да.

- Это Роман Островский. Мне дал ваш номер Олег Викторович для связи.

- А нах... В смысле, зачем? – не выдержала Ольга, уже придумывая, какую экзекуцию устроит Самойлову.

- Нам же с вами придется работать, поэтому я хотел спросить, когда вы сможете приехать, – все так же спокойно продолжал Роман, вроде бы не замечая реакции собеседницы.

- Куда приехать? – не поняла Ольга. Ей казалось, что писатель говорит с ней на суахили.

- В мой город, чтобы мы смогли поработать над сценарием, – терпеливо начал разъяснять Островский, ни на секунду не меняя эмоциональный окрас голоса.

- Роман... Простите, как вас по батюшке? – тоном педагога, разъясняющего новую тему неразумному ребенку, заговорила Ольга.

- Сергеевич.

- Так вот, Роман Сергеевич! Адаптирование литературного сюжета – несомненно один из ключевых моментов для создания хорошего фильма, но помимо этого, если вы так жаждете контролировать, – сделала язвительный акцент на последнем слове, – весь процесс, то первоочередно вам придется общаться с режиссером, потом с художником-постановщиком, с художником по костюмам, с актерами и даже гримерами. Странно, что Олег Викторович вам об этом не сказал.

- Он упоминал, – все такой же спокойный ровный голос. – Но я предполагал, что мы с вами сначала напишем сценарий, а потом я буду решать остальные вопросы.

- Если я вам так нужна в качестве сценариста, то соизвольте поднять свое творческое тело и приехать сюда, – елейным голосом сказала Ольга, понимая, что ее статус в приоритете. Он просил, чтобы она занялась сценарием, так что пусть терпит, а если передумает, то Ольга не настаивает на своем участии.

- Вы не в духе?

- Что вы? Я просто в нирване.

- Я позвоню вам завтра. До свидания, – попрощался Роман и повесил трубку, пока Ольга не съязвила что-нибудь в ответ.

Когда они с Андреем устроились за столиком, он спросил:

- Кто звонил?

- Это по работе, – ответила Ольга, не отрывая взгляда от меню.

- Как-то импульсивно ты отреагировала на рабочий звонок, – отметил Андрей, но ответом ему было молчание.

Так они и продолжали сидеть...

- Оля, – прервал он затянувшуюся паузу, – я люблю тебя.

А ей в этот момент захотелось закатить глаза и сказать, что не любовью называется все его «хватит курить, ты мне нужна здоровая» или «оденься теплее, тебе еще детей рожать», а желанием полного тотального контроля. Может, подобные фразы и кажутся заботливыми, но только до определенного момента. Если подобная забота начинает душить и не дает дышать свободно, то надо это

прекращать. Ольга привыкла к своей независимости, или к своему одиночеству, и теперь ей претила сама мысль о том, что кто-то может посягнуть на это. Андрей часто утверждал, что она слишком самостоятельна (вот любят мужчины таких, но боятся), а для женщины это недопустимая роскошь. А Ольга думала иначе: если сама не добьешься ничего в жизни, то всегда будешь тенью мужчины, от которого зависишь и который будет управлять тобой.

- Андрей, – снисходительно попросила она, – не надо...

- Давай поженимся, – неожиданно выпалил он, но, нарвавшись на Ольгин взгляд, как-то сразу поник.

- Зачем?

- Ну... – Андрей даже растерялся. – Все так делают.

Ольга, не сдержавшись, рассмеялась, и на них стали оборачиваться другие посетители заведения. Нет, она смеялась не над ним, а над иронией и стереотипами. Неужели он не видит все ее безразличие? Может, действительно любовь слепа? И в который раз подумала, что Андрей с Наташей были бы идеальной парой, но, по законам всех жанров, противоположности притягиваются.

- А я не хочу быть всеми. И если ты меня любишь, то должен принимать мою точку зрения.

- Я тебя люблю, поэтому я хочу полностью обладать тобой, хочу, чтобы ты всегда была только со мной, хочу с тобой родить детей, хочу, чтобы мне было куда возвращаться после рейса...

- То есть любовь есть обладание? – спросила Ольга.

- Конечно, – с улыбкой подтвердил Андрей.

- А мое мнение насчет свадьбы и детей ты учиываешь?

- Естественно.

И тут она сорвалась, хоть и знала, что не надо:

-Так вот послушай, полгода назад я забеременела. От тебя, – ткнула в Андрея пальцем. – И когда шла на аборт не чувствовала ничего – я шла... Как будто на удаление аппендикса. Сожалела ли я тогда? Нет. Сожалела ли потом? Нет. Мучила ли меня совесть? Нет. Снился ли мне плач нерожденного ребенка по ночам? Нет. Я абсолютно ничего не чувствовала, понимаешь?

У Андрея только периодически дергались скулы, пока Ольга говорила, но потом он выдавил из себя:

- У нас еще будут дети.

- У нас? – Кажется, уже администратор кафе хотела выдворить их, так странно косилась, перешептываясь с официантами, а Ольга продолжала: – У нас ничего уже не будет, как ты не можешь понять?

Договорив, вылетела на улицу и закурила. Ей было жаль Андрея, но и в то же время она почувствовала себя свободной, в который раз убедившись, что любовь не стоит этого.

Ольга уже была дома, игнорировала все звонки и смс и поняла, что самым запоминающимся событием за этот день стал звонок «гения пера» (как она его мысленно окрестила Романа Островского, и вполне заслуженно).

Глава 5-6

Роман, нахмурившись, посмотрел на свой телефон после разговора со сценаристом, как будто тот мог что-то объяснить. Это же надо было Островскому из сотен талантливых людей выбрать неуравновешенную особу с острым языком. Если она начала раздражать его с одного телефонного разговора, как с ней работать несколько недель, Роман не представлял. Но он не привык из-за мелких неурядиц менять свои решения и отступать от намеченных планов. Как-нибудь попробует найти с Ольгой Михайловной общий язык – личная неприязнь не должна мешать работе.

Но все равно, бронируя билет на поезд, подумал: «Вот стерва!»

Совесть – странная штука, способная долго съедать человека изнутри. И сейчас, когда Ольга остыла, а эмоции перестали доминировать над здравым смыслом, она поняла, что перегнула палку с Андреем и не мешало бы извиниться. Поэтому утром первым делом набрала его номер и стала слушать длинные гудки. Ответа за ними не последовало. Тогда Ольга набрала смс: «Извини, не хотела тебя обидеть», хоть и понимала, что ее извинения мало что изменят. Вчера надо было думать, прежде чем говорить, но так уж у нее случалось – не следить за словами, когда переполняют эмоции.

Чтобы немного отвлечься от угрызений совести, она вновь погрузилась в чтение, не забывая делать пометки в блокноте, который

уже наполовину был исписан. Когда Ольга закрыла книгу через пару часов и сделала последнюю запись, зазвонил телефон. Андрей...

- Да, – ответила.

- Привет, – печальным голосом тихо поздоровался он. – Ты ни в чем не виновата.

Грудь сдавило от жалости, и Ольга сказала:

- Давай забудем вчерашний вечер. Я наговорила лишнего.

- Нет, Оль, все верно, – вздохнул в трубку Андрей. – Мне сразу надо было дать тебе понять, что намерения у меня самые серьезные, но ты была вся такая неприступная и независимая... Я подумал, пусть лучше как есть, но рядом с тобой, чем потерять хоть некоторое подобие нормальных отношений.

- А я была уверена, что тебя все устраивает, пока ты не начал все сильнее стараться... Как бы это правильно сказать, – не могла Ольга найти слова. – Проникнуть в мою жизнь слишком глубоко.

Андрей усмехнулся:

- Я думал, что если это делать постепенно, то ты не заметишь, а потом привыкнешь. Но ты просто не любила меня. Я вроде и понимал это, но принимать не хотел, надеялся, что твое отношение изменится, да даже моей любви хватило бы на двоих.

- Прости меня, – попросила Ольга, понимая, что слова не принесут ему облегчения, но, по крайней мере, успокоят ее совесть.

- Мне не за что тебя прощать, – все так же тихо отозвался Андрей и повесил трубку.

Может, и вовремя он завершил разговор, чтобы не мучить себя и не услышать от Ольги банального «давай останемся друзьями», а ведь именно это она и собиралась сказать в конце разговора. Ее нежелание пускать его в свою жизнь всегда больно ранило Андрея, но он всерьез думал, что сможет это исправить, показать, что рядом с ним она будет счастлива. Но ей было лучше одной, привычнее, спокойнее.

Город встретил Романа гулом огромного вокзала, где впору с непривычки почувствовать себя маленьким потерявшимся мальчиком. Незнакомый чужой город, намного больше его

собственного, другой ритм жизни и много спешащих куда-то людей. Но Островского редко что могло выбить из колеи – он нечасто терялся и быстро умел адаптироваться. Поэтому сейчас, подхватив чемодан, вышел на улицу, поймал такси и назвал водителю адрес квартиры, которую нашел вчера и договорился о съеме на месяц.

До встречи с Олегом Самойловым оставалось еще два часа, когда Роман получил ключи и закрыл за хозяйкой дверь. Контрастный душ помог взбодриться после дороги, а кофе с припасенными бутербродами придал сил. На тумбочке в коридоре заметил маленькую бумажку с записанным логином и паролем от интернета. Подключив свой ноутбук, открыл карту города, чтобы посмотреть, сколько ему добираться до кинокомпании господина Самойлова, потому что опаздывать не любил, считая, что это может испортить первое впечатление.

За полчаса до назначенного времени вышел на улицу, без труда нашел нужную остановку и сел в подъехавший по расписанию автобус.

Звонок застал Ольгу в ванной.

- Через полчаса жду, – коротко сказал Олег. – Подпишешь договор.
- У меня, по-твоему, дел своих нет? – возмутилась она в ответ.
- Островский приедет.
- Ладно... – протянула Ольга, стараясь не показывать своего интереса, а познакомиться с гением пера ей не терпелось.

Роман без труда нашел нужное здание и остановился напротив входа, задержав взгляд на девушке, курившей, сидя на скамейке. Почему именно на нее он обратил внимание, когда на оживленном проспекте сотни людей вокруг, Островский и сам не понял. Светлые волосы, собранные в пучок, кое-где выбились, ни грамма косметики на лице. Кроссовки, потертые джинсы и белый свитер с закатанными по локоть рукавами. На правой руке татуировка, начинающаяся от запястья, делала витиеватый узор и уходила под свитер. «Странная и в то же время такая обычная», – подумал Роман, продолжая рассматривать девушку.

Ольга повернула голову и увидела, что на нее смотрит мужчина. «Интеллигент», – вынесла она мысленно вердикт, хотя судить людей по одному только внешнему виду было не в ее правилах. – «И на ботаника похож». Аккуратно постриженные темно-русые волосы, немного вытянутое лицо, правильные черты. Очки в прямоугольной тонкой оправе, из-за которых Ольга и окрестила его ботаником, костюм и рубашка без единой складки, начищенные туфли. Весь такой просто идеальный. Ольга думала, что так не бывает и какой-нибудь изъян должен быть у него обязательно.

Любой сценарист назвал бы этот момент постановочным знакомством, но ни он, ни она еще этого не знали.

Ольга поднималась на второй этаж, попутно здороваясь со знакомыми, с которыми раньше приходилось работать. Кто-то с любопытством смотрел на нее, но не спрашивал, почему ее сюда занесло после двух лет отсутствия; кто-то вполне дружелюбно улыбался и даже интересовался, как дела.

Дверь в кабинет Олега была приоткрыта, так что Ольга не стала стучать, а просто толкнула ее. Самойлов, кажется, не заметил, что кто-то вошел, потому что увлеченно целовался с некой блондинкой и вот-вот готов был разложить мадам на рабочем столе. Ольга уже собиралась было выйти в коридор и подождать, пока люди удовлетворят свои физиологические потребности, но услышала сзади шаги, и в дверном проеме нарисовался мужчина, с которым они так увлеченно разглядывали друг друга на улице.

Роман посмотрел на увлекшуюся парочку и легонько покашлял, чем привлек внимание, заставив их оторваться от увлекательного занятия.

- Здравствуйте, – с улыбкой сказал Самойлов, быстро взяв себя в руки, а потом обратился к блондинке: – Анна, зайди ко мне через часа полтора.

Островский едва заметно усмехнулся, заметив, что девушка, стоявшая рядом с ним, едва сдерживается, чтобы не рассмеяться.

Ольга, не дожидаясь приглашения, прошла в кабинет, села на стул и спросила:

- Кабинет не пробовал закрывать? Или хочешь, чтобы твоя

сексуальная жизнь стала достоянием общественности?

Самойлов проигнорировал ее вопрос, только показал едва заметно кулак и посмотрел на так и стоявшего в дверях писателя.

- Роман Сергеевич?

Тот ответил кивком, а Олег, расплывшись в улыбке, продолжил:

- Проходите, пожалуйста, – и указал рукой на свободный стул.

Островский уверенным шагом преодолел расстояние до стола, пожал Самойлову руку и повернулся к разглядывающей потолок девушке:

- Ольга Михайловна?

Она посмотрела на него и кивнула, вроде бы немного удивленно.

- Рад знакомству, – продолжил Роман и протянул ладонь.

- Взаимно, – ответила Ольга и аккуратно вложила свою руку в его, отметив, что голос гения пера звучит еще лучше, чем по телефону. Да и руки такие мужественные.

А прикосновение... Пожалуй, такие прикосновения и взгляд в упор и зарождают некую особую связь между людьми, которая ими еще не осознается, но уже чувствуется. Ольга, для которой это было что-то непонятное и неизвестное, поняла, что даже задержала дыхание, а сердце начало отбивать ритм, как при тахикардии. Она первая отвела глаза и, возможно, слишком резко выдернула ладонь из руки Романа, ощущая некоторую неловкость.

Повернувшись к Олегу, перевела дыхание и достаточно резко выпалила:

- Давай свой договор, а то у тебя скоро свидание с очаровательной блондинкой!

У Самойлова дернулась щека, но профессиональная выдержка не позволила ему при Островском прокомментировать Ольгин сарказм. Поэтому режиссер просто достал из ящика стола две папки, одну подал писателю, вторую – сценаристу.

Ольга быстро пробежала глазами по договору и, взяв со стола ручку, подписала оба экземпляра. Роман неторопливо продолжал изучать документы, периодически задавая Олегу вопросы, на которые тот терпеливо отвечал. За это время Ольга успела сделать кофе, выпить его и с десятков раз подумать: «Ну и зануда!»

Перспектива работать с гением пера над сценарием казалась все более удручающей, а решение импульсивно принятым. Но дороги назад уже нет, так что придется терпеть его общество. Наконец, он поставил подпись, чем вызвал у Самойлова едва заметный вздох облегчения.

- Очень рад сотрудничеству, – улыбнулся Олег. – Присылайте мне сценарий по мере написания, чтобы я мог начать подготовку к съемкам.

Ольга облокотилась на стол и прошипела:

- Не думаю, что мы быстро справимся, если каждое мною написанное слово будут изучать под микроскопом.

- Ольга Михайловна, – в тон ей ответил Самойлов, – уберите свои си... свою грудь с моего стола и начинайте работать.

- Кхм... – опять привлек к себе внимание Островский легким покашливанием, и две пары глаз уставились на него, а он продолжил: – Если никто не будет из себя строить стерву, то мы сработаемся.

Ольга в первый момент растерялась, потом злость ударила в голову, и она только смогла спросить:

- Это вы мне?

- Вам, вам, – спокойно ответил Роман, слегка кивнув.

В кабинете обстановка накалялась: Ольга начала закипать, Олег не знал, как не дать разгореться начинающему скандалу, и только Островский, кажется, держал себя в руках, а на лице его играла едва уловимая снисходительная улыбка.

- Зануда! – бросила ему Ольга и вылетела из кабинета, успев заметить, что ни один мускул не дрогнул на лице писателя.

«Интересно, он хоть какие-то эмоции испытывает?» – подумала, закулив на улице.

Олег тем временем рассыпался в извинениях:

- Роман Сергеевич, она иногда может вспылить, но быстро отходит и потом чувствует себя виноватой. Это же женщины, – развел руками, проклиная несдержанность Ольги и надеясь, что этот инцидент не скажется на дальнейшей работе.

Островский с пониманием кивнул и попрощался. Кому и что она

пыталась показать своим поведением, Роман не знал, но на него подобные сцены не действуют. А когда истерика разбивается о стену молчания и равнодушия, то быстрее заканчивается.

Он застал Ольгу на той же скамейке, где увидел час назад. Подошел – она подняла глаза и встретила с ним взглядом. И снова не выдержала первая, начав рассматривать голубя, прогуливавшегося неподалеку.

- Ольга Михайловна, – позвал ее Островский. – Мы с вами работать будем? Или будем злиться? На меня или на себя?

«Спокойствие, только спокойствие», – подумала она, уже остыв от предыдущей перепалки и заметив, что этот гений пера просто издевается над ней, так ненавязчиво и почти незаметно.

- Роман Сергеевич, конечно, работать. Может, нам стоило у Олега свободный кабинет попросить?

- Не стоило, – ответил Островский, а Ольга, подняв на него снова взгляд, заметила, что за стеклами очков глаза откровенно смеются. – Поехали!

- Куда? – не поняла она.

- Ко мне, – ответил Роман.

- Поехали, – согласилась Ольга, поднимаясь.

В автобусе она достала блокнот с пометками, отдала в руки гения пера и отвернулась к окну, сказав:

- Надеюсь, вы разберете, что там написано.

Островский промолчал, начал перелистывать страницы, где-то задерживаясь, где-то быстро пробегая, и едва не пропустил остановку. Он легонько взял Ольгу за руку чуть выше локтя, почувствовав, как она вздрогнула от его прикосновения.

- Идемте.

- Вы сняли квартиру? – спросила Ольга, когда они остановились возле панельного многоквартирного дома.

- Да, – ответил Роман, достав ключи, и не выдержал: – А почему вы так беспрекословно со мной поехали?

- А мне надо было жеманно потупить глаза, глупо хихикнуть и

сказать, что я не езжу к мужчинам домой в первый день знакомства?

- Примерно так, – согласился Островский, улыбнувшись так, что в пору было заподозрить в нем латентного маньяка.

- Миром правят стереотипы? – Ольге почему-то хотелось постоянно язвить в присутствии писателя, чтобы вызвать у него хоть какое-то проявление эмоций, но он настолько умело держал себя в руках, что выбить его из колеи не представлялось возможным.

- А как же... – протянул Роман, поворачивая ключ в замке, и толкнул входную дверь: – Проходите.

Ольга сбросила обувь и осмотрелась. Старая квартира: заводские межкомнатные двери, местами потертый линолеум, советские обои в некогда яркий цветочек пожелтели и кое-где выцвели. Ольге это не показалось странным – она знала, что слава и деньги не всегда идут руку об руку, по крайней мере, в мире кинематографа так зачастую и случалось. Не ценит страна творческую интеллигенцию.

- Ольга Михайловна, – позвал ее Островский. – Если вы закончили осмотр, то, может, выпьем кофе? Кажется, я видел на кухне банку, надеюсь, в ней что-то есть.

- Если нет, то придется вам прогуляться до магазина, – ответила, пройдя за ним в кухню.

Роман промолчал, и Ольга в который раз подумала, что еще неизвестно, кто и кого здесь пытается выбить из колеи.

К счастью, кофе в банке нашелся, а на столе даже стояла пепельница, которая явно намекала на то, что хозяева квартиры ничего не имеют против того, чтобы квартиросъемщики травились табаком прямо за кухонным столом. Приоткрыв оконную раму с потрескавшейся краской и закулив, не спрашивая разрешения, Ольга посмотрела на спину колдующего над чашками писателя. Пиджак он сбросил в коридоре, закатал по локоть рукава рубашки и теперь демонстрировал не только свою выдержку, но и сильные руки с рельефными плечами.

Ольга поймала себя на мысли, что ей до почему-то хочется дотронуться до него, но быстро списала это не на что-то интимное, а на эстетическое. Себя она никогда не считала красавицей, хотя Андрей при каждой встрече убеждал ее обратном, да и вообще не верила в идеальных людей – природа не создает совершенства, а если

что-то близкое к этому и получается, то какой-то изъясн все равно присутствует, пусть и не заметный на первый взгляд.

- Мне понравились ваши заметки, – заметил Роман, оторвав Ольгу от лицезрения своей мускулатуры.

- А если бы не понравились? – опять не сдержалась она. – Попросили бы другого сценариста?

- Ольга Михайловна, – добродушно начал Островский, – я не зря настоял, чтобы именно вы занялись сценарием, хотя Самойлов сказал, что вы уже не работаете в этой сфере два года.

- Вы назвали меня стервой!

- Вы не правы, я сказал, что вы строите из себя стерву.

Роман поставил на стол чашки и опять в упор посмотрел Ольге в глаза. Этот взгляд, как будто считывающий все сокровенные тайны и обнажающий душу, она вновь не выдержала. И эта игра в гляделки с гением пера ей порядком начала надоедать.

А вот он чувствовал себя полностью в зоне комфорта, и Роману нравилось наблюдать, как эта молодая женщина, постоянно выпускающая колючки, разбивается о его взгляд и становится будто беззащитной.

- Почему вы перестали писать сценарии? – когда молчание затянулось, спросил Островский.

Ольга снова закурила и, глядя на оранжевый кончик сигареты, ответила:

- Я писала о жизни, а людям этого и так хватает, поэтому в кино они хотят видеть то, чего в реальности никогда не случится: неземную любовь, ванильные хэппи-энды, наказание всех злодеев и прочее.

- Вы не верите в любовь?

- Скорее, я не верю в сказки. А писать о том, во что не веришь сам, не то, чтобы невозможно, но получается без души, сухо, стереотипно.

Раньше она никому этого не говорила, зная, что нарвется на стену непонимания, ведь тысячи людей ежедневно ходят на работу, которая им не нравится, делая там то, что делать не хочется, а Ольга так не умела.

Роман смотрел на нее и видел, что она, наконец, начинает сбрасывать

свое напряжение, доверяет ему что-то личное и колючки становятся меньше.

- И почему вы согласились сейчас?

- Мне понравилась ваша книга, я поверила ей, – как-то неоднозначно ответила Ольга, но Островский понял, что она имела в виду.

Глава 6

Страсть... Она превращает минуты в мгновения, а часы в секунды, заставляя людей не замечать бег времени и остальной мир. И речь здесь совсем не о сексе, а о ментальной связи двоих, увлеченных одним делом, которое они одинаково чувствуют, о котором одинаково думают, из которого хотят создать шедевр.

Ольга работала в паре над киносценарием только с Олегом, только однажды, и орали они друг на друга так, что соседи вызвали полицию. После подобного сотрудничества она зареклась создавать с кем-то сюжеты новых лент, поэтому и была поначалу недовольна тем, что кто-то далекий от мира киноиндустрии, пусть и неимоверно талантливый, будет вносить свои исправления в ее детище. А к каждому сценарию Ольга относилась именно так.

- Смотрите, – показывая на строчки в своем блокноте, терпеливо начала она разъяснять Роману аспекты создания киносценария, – нам уже не нужно создавать то, что прописано в сюжете книги: экспозицию, усложнение, перипетии, кульминацию, завязку-развязку, финал. Мы их просто адаптируем, местами сокращаем, но... – сделала паузу Ольга, посмотрев на писателя, который сидел так близко, склонившись вместе с ней над записями. – Мы оставим все ключевые моменты, не волнуйтесь. Вы же понимаете, что вместить все дословно в двухчасовой фильм невозможно?

- Я это прекрасно понимаю, но для меня важно, чтобы сохранилась сама идея. И вы это уловили, судя по заметкам, – сказал Роман, тоже повернувшись к ней лицом. Он видел, как она увлеченно рассказывала, и слушал ее с интересом, наблюдая, как Ольга жестикулирует кистями рук, как расслабляется, пряча свою язвительность, как глаза становятся живыми.

- Тогда, – сказала она, – в первую очередь нам нужно сделать листы. Это вы тоже могли видеть в моих записях, потому что книгу никто не

станет читать, работникам киностудий надо видеть то, что написано именно для них: для постановщиков – лист объектов съемок, для актеров – лист описания персонажей, синопсис – лист изложения сюжета. И лог-лайн, что лучше вас никто не сделает.

- Лог-лайн? – переспросил Роман.

- Это описание всего сюжета буквально тремя предложениями, – пояснила Ольга. – Кто сможет это сделать лучше создателя?

- А вы мне можете подсказать, как это сделать для киносценария? – спросил Островский, заметив, как в начинающих опускаться на город сумерках, она едва заметно улыбнулась.

- Конечно. Я бы сделала это так, – ответила, черкнув пару строк в своем блокноте. Роман посмотрел и едва не рассмеялся – он бы написал то же самое.

- Мне нравится, – сказал он.

Так за совместным творчеством, потому что работой это было назвать невозможно, они провели вечер и часть ночь – создали часть листов, прописали две первые сцены.

Ольга всегда была человеком неусидчивым, но здесь хотела оставаться сутками. Настолько комфортно, удобно и раскованно она давно себя не чувствовала. Когда время перевалило за два часа ночи, поняла, что пора уезжать.

- Завтра продолжим, – сказала Роману. – А через пару дней можно отправлять начало Олегу.

- С вами приятно работать.

В выдержке, вежливости и джентльменстве ему не было равных – Ольга это уже поняла, но поняла и то, что это вроде маски, а ей так захотелось увидеть его настоящего, потому что не верилось, что человек может быть таким... А каким, она и сама не смогла бы сейчас описать.

- Завтра увидимся? – первая нарушила молчание Ольга уже в коридоре вроде бы невзначай.

- Приезжайте в часов двенадцать.

- Посмотрим, – вылетело опять у нее. – У меня еще работа есть. А дедлайн завтра. Так что придется вам подождать.

- Занимайтесь своими делами, – согласился Роман, у которого опять осталось бесстрастное лицо. – Когда сможете – приезжайте.

Ольга вышла из квартиры и едва не вернулась под предлогом «вдохновилась на создание сюжета», но вовремя себя одернула. Что с ней происходило, она и сама не могла разобраться – такое было впервые. Любовь? Это вряд ли, тем более с первого или со второго взгляда, да и не верила она в это чувство. Влечение? Может быть, но только ментальное – гений пера был умным человеком, а Ольга в людях это ценила превыше всего. Что еще это могло быть?

«Да ничего!» – мысленно одернула она себя, выйдя на улицу. – «Просто с ним приятно работать».

Все, во что Ольга верила на протяжении почти тридцати лет, и все, во что отказывалась верить, смешалось с появлением одного человека, за один только проведенный вместе день. Впору было поверить в то, что показывают в мелодраматических фильмах.

Но она списывала это на что угодно, но только не на чувства. Прислонившись к холодной двери подъезда в ожидании такси, заметила, как дрожат руки.

- Ольга Михайловна! – услышала окрик из окна, вышла из-под козырька и посмотрела наверх. – Вы забыли телефон.

- Вынесете? – крикнула она, а потом добавила: – Или мне вернуться?

- Сейчас иду! – ответил Роман, перегибаясь через старенькую раму, а через пару минут появился на улице.

- Спасибо, – сказала Ольга, поежившись то ли от прохлады весенней ночи, то ли от его взгляда.

- Я бы не обратил внимания, если бы вас срочно не хотела слышать некая Наташа.

Три пропущенных – вполне в ее духе...

Роман смотрел на Ольгу в свете тусклого света лампочки, горевшей над входом в подъезд, видел, что ее что-то смущает, немного нервирует, поэтому она так упорно смотрела куда угодно, но только не на него. И вроде даже расслабленно опустила плечи, когда из-за угла дома показалась машина такси.

Проводив взглядом автомобиль, Роман вернулся в квартиру и еще раз просмотрел все, что они за сегодня сделали. «Не такая уж и стерва, скорее, просто защищается», – подумал он. И что заметил в первую очередь – она не старается ему понравиться.

Желание женщин понравиться, затащить его в постель, построив из себя обиженную невинность, хотя иногда там пробы ставить негде было, а потом паразитировать на мужчине всю оставшуюся жизнь Островский не понимал. Наверное, именно поэтому и ни одна не задерживалась с ним надолго. Роман всегда был подчеркнуто вежлив и обходителен – так уж его воспитали. А современные дамы так и стремились связать его узами браками отнюдь не из большой любви, а, думая, что нашли надежного и стабильного идиота, который будет потакать всем прихотям и любить до гроба. Но какой бы Роман не был с виду, его мало кто мог узнать по-настоящему, поэтому светлые девичьи грезы быстро разбивались.

И сейчас он подумал, что Ольга такая же, просто затащить в ЗАГС она решила не его, поэтому и ведет себя нормально, но искренне пожалел еще одного парня, решившего свить семейное гнездышко, а потом развестись через пару лет. Поначалу он предположил, что ее с Самойловым связывают не только рабочие отношения, но реакция на блондинку в кабинете была не совсем в стиле влюбленной женщины, скорее, снисходительной старшей сестры.

Ольга поднималась по темному подъезду, подсвечивая путь телефоном и проклиная тех, кто снова выкрутил лампочки, и едва не заработала инфаркт, рассмотрев в полумраке фигуру возле двери.

- Андрей! – возмущенно выдохнула она довольно громко, а подъездное эхо только усилило голос. – Что ты здесь делаешь?

- Поговорить хочу, – шепотом ответил он.

- Пойдем на улицу.

Ольга не хотела приглашать его в квартиру, никогда не хотела, предпочитая встречи на нейтральной территории и секс у него дома, откуда она могла уехать в любой момент, сославшись на работу или другие дела. Скорее на интуитивном уровне боялась, что он, попав туда однажды, больше не уйдет.

В свете фонаря Ольга посмотрела на Андрея и, наверное, именно в

этот момент поняла, что ничего не чувствует. И чувствовала ли хоть когда-то? Одернула себя от одной только мысли. Пусть она и не была похожа на тех женщин, которые полностью растворяются в мужчинах и считают главной целью удачное замужество, но это не говорило о неспособности чувствовать и проявлять эмоции.

- Оля, – заговорил Андрей, – я готов принять твои условия.

- Какие условия?

- Любые. Только бы быть с тобой.

Ольге показалось, что это отдает дешевыми мелодрамами, сценарии которых она когда-то так не хотела писать, ведь такого в жизни не бывает. И в который раз она решила, что такая любовь сродни наркотической зависимости, когда человек готов отдать все, лишь бы получать свою дозу. Дозу псевдоотношений, дозу псевдочувств, дозу псевдоудовольствия.

- Не надо, Андрей... Как бы это сейчас не прозвучало, но лучше найди себе женщину, которая будет любить тебя, женишься на ней, она родит тебе детей и будет делать все, что делают нормальные замужние дамы.

Он молчал не меньше минуты, а потом сказал:

- Угрозило же меня влюбиться в чокнутую, – и, развернувшись, пошел к машине.

Ольга проводила его взглядом, закурила и все-таки вздохнула с облегчением, поняв, что даже жалость отступила, выдвинув на первый план какое-то другое чувство, еще непонятное, но явное дарящее свободу.

Наташа объявилась утром с гневными претензиями:

- Ты почему мне вчера не перезвонила?!

- Не смогла, – сонно ответила Ольга, которую звонок разбудил. – Насыщенный день, – и, подумав, добавила: – И часть ночи.

- Вау! А что ночью?

- Ничего особенного.

Ольга знала, как Наташа отреагирует на ситуацию с Андреем, ведь

он, по ее мнению, был идеалом, эталоном и другими подходящими эпитетами для характеристики настоящего мужчины.

Разглагольствовать опять о несоответствии точек зрения не было желания, поэтому Ольга спросила:

- Который час?

- Почти десять. Я уже час батрачу, а кто-то спит.

Как они с Наташей стали подругами, непонятно. Но, может, действительно противоположности притягиваются. Иногда ссорились, пусть и нечасто, нередко расходились во мнениях, но, по сути, друг без друга жить не могли. Наташина мама как-то сказала, что они похожи на супругов, которые двадцать лет в браке, но при этом, будь они хоть немного похожи, их дружба не выдержала бы такого длительного промежутка времени, а так они идеально дополняли друг друга. Вот так однажды сев с человеком за одну парту в первом классе, не предполагаешь, что он станет твоим спутником на всю жизнь.

- Батрачь, женщина, – сказала Ольга. – А я пойду собираться на встречу с гением пера.

- Гением пера? – переспросила Наташа, не поняв поначалу, но после секундной паузы воскликнула: – Будешь знакомиться с Островским?

- Я с ним познакомилась еще вчера, и за вечер мы создали базу для сценария.

- Ты? За вечер? Базу? Не верю... – удивилась подруга. – Вы с Олегом готовы были убить друг друга за каждое слово, а тут уже база?

- Мы с ним нашли общий язык.

- А он симпатичный?

Ольга в ответ едва не ляпнула: «Типичный зануда и ботаник». Но поняла, что так уже не считает – было в нем что-то, но это что-то было далеко от ее понимания. Такого она не видела ни в ком, не чувствовала себя так рядом с кем-то. Возможно ли подобное после одной только встречи, еще и не задавшейся с самого начала? Возможно, хоть и неознаваемо. Непринимаемо для себя же.

- Он интеллигентный, правильный до приторности и абсолютно безэмоциональный, – ответила Ольга, ограничившись первым впечатлением и стараясь обойтись без личной антипатии или

симпатии.

- Вечером не забудь позвонить и рассказать, как вы продуктивно пообщались, – Наташа хмыкнула в трубку, стараясь убрать сарказм из голоса, а то подруга может и вспылить.

- Пока, – как обычно не прокомментировав, сказала Ольга.

- Давай, только ноги не забудь побрить, – выпалила Наташа на одном дыхании и отключилась, пока не наревалась на гнев.

Хотела того или нет, но Ольга сама уже об этом подумала.

«Но я не собираюсь с ним спать», – решила для себя, надевая платье и подкрашивая глаза. А ведь вчера и без этого неплохо обошлась, занявшись сексом. Но сексом не физическим. Сексом эмоциональным, ментальным, психологическим... Друг от друга они получили удовольствие и без физического контакта, и от этого Ольга чувствовала совсем неуютно.

Она даже забыла про свой дедлайн, так ей не терпелось скорее снова окунуться в написание сценария. Уже на пороге чертыхнулась, посмотрев на время, и достала телефон.

«Приеду к двум», – написала смс Островскому.

«Хорошо», – моментом пришел ответ.

Почти три часа заняло написание статьи, хотя мысли витали далеко. Ольга отвела взгляд от монитора ноутбука и потерла глаза, совершенно забыв, что они накрашены. Увидела свое отражение в зеркале, напоминающее невыспавшуюся панду, и пошла поправлять макияж, опять подумав, что можно было обойтись и без этого. При этом еще решила, что не мешало бы похудеть, а то даже летом придется носить утягивающие колготки, и критически осмотрела едва заметные морщинки возле губ. До красоты с обложки глянцевого журнала и подиумов было далеко, но только сейчас Ольга подумала, что могла бы выглядеть и лучше.

От самокритики ее оторвал звонок телефона, почему-то она подумала, что это гений пера, и даже с некоторым разочарованием посмотрела на высветившуюся на экране фотографию Олега.

- Ты жива? – вроде бы с удивлением спросил он, когда Ольга ответила.

- Не поняла...

- Я решил, что Островский тебя уже прикопал в каком-нибудь лесочке за твой острый язык и несносный характер или ты сидишь в обезьяннике за его убийство.

- Ты debil? – не выдержала Ольга, но определенный резон в словах Олега был, потому что именно так едва не закончилась их совместное творчество.

- Нет, – без обиды ответил он, рассмеявшись.

- Ты только это хотел спросить? Я жива-здорова, чиста перед законом и собираюсь уезжать к Островскому. Еще вопросы?

Олег помолчал немного, а потом спросил:

- Ты с ним трахнулась что ли? И прежде, чем ты начнешь орать на меня, замечу, – быстро сказал он, зная, что Ольга уже готова его послать, – что другого объяснения твоего «собираюсь уезжать к Островскому» и отсутствие вчера пропитанного воплями и гневом звонка мне не могу найти.

- Да пошел ты, – вполне миролюбиво прокомментировала Ольга. – Жди сегодня-завтра листы и первые сцены.

- Обалдеть, – только смог сказать Олег и, судя по звуку, даже что-то уронил. – Я-то думал, что ждать придется полгода. Работай, дорогая! Чао!

- Чао, дорогой! – в тон ему прилетел ответ. – Иди лучше сам с кем-нибудь трахнись, чтобы не лезть туда, куда не просят.

Ольга еще раз посмотрела на себя в зеркало, смахнула невидимую пылинку с платья, убедилась, что на нем нет складок, и постаралась определиться с выбором обуви. Классические туфли на шпильке отменяла сразу – слишком вычурно, для других мероприятий. Любимые кроссовки явно сюда не подходят. Балетки... То, что надо.

День выдался совсем не по-весеннему теплым, поэтому Ольга накинула наверх пиджак и вышла из квартиры, чувствуя некоторое покалывание в пальцах и легкую дрожь в коленях.

Может, в каждой девочке, девушке, женщине живет принцесса, которая верит в сказки. Но реальность, быт, проблемы заталкивают ее куда-то глубоко, уступая место злой ведьме, которой легче приспособиться к жизни.

И Ольга, подходя к дому Островского, чувствовала себя, подобно школьнице на первом свидании, хотя никаких предпосылок к этому не было. И это было для нее так странно, как будто два человека боролись внутри, что немудрено у себя и шизофрению диагностировать. Она остановилась возле подъезда, закурила, видя, как подрагивают руки, и попыталась привести мысли в порядок, поэтому даже немного растерялась, когда услышала под самым ухом:

- Ольга Михайловна, хорошо выглядите.

Глава 7

Ольга резко развернулась, оказалась с Романом лицом к лицу и не придумала ничего лучше, как сказать:

- Спасибо. Вы тоже ничего.

Он чуть улыбнулся одним уголком губ, а за стеклами очков глаза насмешливо сверкнули. Ольга обратила внимание, что сегодня гений пера одет более демократично: простая темная футболка, поверх которой накинута мастерка, взгляд скользнул ниже на спортивные штаны и кроссовки, в руках, на которых вновь задержала взгляд, фирменный пакет из супермаркета. Вид такого по-простому домашнего Островского еще больше смутил Ольгу, и она немного нервно начала теревить пуговицу на боковом кармане пиджака.

Роман заметил все: и платье, и подведенные глаза, и укладку, и запах духов, которого вчера не было, и нервные движения. Не сказать, что ему хотелось все видеть, но это уже происходило автоматически. Когда он только начинал свою писательскую карьеру, то сам был не вполне доволен скудным на описания текстом и понял, что таланта мало, надо еще и оттачивать мастерство. Поэтому он часто просто наблюдал за людьми, за их действиями, потом стараясь подробно все описать, наблюдал за падающим снегом и заходящим солнцем, придумывая аллегории, метафоры и гиперболы, чтобы ярко отразить на бумаге эти природные явления, научился различать эмоции людей и интонации голоса, прочитал немало книг на эту тематику. Его даже можно было назвать неплохим психологом-самоучкой.

«Все они одинаковые, против природы не попрешь», – подумал Островский, потом мысленно отметив: – «Но у этой хотя бы мозги есть», – а вслух сказал:

- Ольга Михайловна, идемте.

Пока они поднимались наверх, Ольга постоянно одергивала себя, чтобы не поправлять волосы, не теревить пуговицы, представляя, как это смотрится со стороны Романа, но при этом из-за увеличивающейся нервозности не знала, куда девать руки.

На кухонном столе все так же лежал ее блокнот с заметками, стоял открытый ноутбук Островского, только пепельница была пустой и чисто вымытой.

- Чем сегодня займемся? – спросил Роман, поставив чайник на плиту, а Ольге показалось, что это прозвучало чертовски двусмысленно.

- Можно отредактировать две первые сцены, доделать оставшиеся листы и расписать блоки. Олег...Викторович, – сама не понимая, почему упомянула Самойлова по имени-отчеству, – ждет. Но, поймите, последнее слово за режиссером, есть понятие режиссерского сценария, и это будет окончательным вариантом. Он может кое-что исправить, кое-что дополнить или убрать, если посчитает это нужным, и сама кинолента станет, в первую очередь, его видением сюжета.

Роман слушал Ольгу, стоя напротив, через стол, и ей не нравилось смотреть так на него снизу вверх, учитывая, что они были почти одного роста. Скрещенные на груди руки – черт подери, отчего же ей так хотелось до них дотронуться – и одна недоверчиво приподнятая бровь явно давали понять, что сейчас будет вопрос. И Ольга его даже предугадала, поэтому быстро добавила:

- Но Олег... Викторович, – почему-то она стала добавлять отчество бывшего каждый раз, – профессионал своего дела, и то, что мы делаем, он сохранит в таком же виде или почти таком же. Я думаю, вы с ним это должны были обговорить. Он ни в коем случае не испортит ваш сюжет, ваших героев, он и сам неплохой сценарист.

- Я даже не успел задать вопрос, а вы на него уже ответили, – заметил Островский, поворачиваясь к закипевшему чайнику, отчего Ольге даже стало легче дышать.

- Женская интуиция, – улыбнувшись, ответила ему и поняла, что прозвучало это несколько жеманно, поэтому быстро перевела тему: – Итак, вернемся к первой сцене.

- У вас с Самойловым... отношения? – прервал ее Роман, вновь

нависнув сверху, подавая кофе. Он понял по голосу и движениям, что, погрузившись в рабочие моменты, она снова расслабилась и стала излучать ту же страсть, что и вчера, когда создавала базу сценария, а он наблюдал, как Ольга, вроде бы даже забывая о его присутствии, накручивала на палец прядь волос возле виска, морщила нос, задумываясь, а потом поднимала брови, когда приходило озарение. Островский едва не ляпнул: «Ты спишь с Самойловым?», но понял, что прозвучит это не совсем корректно, хотя вопрос и так был явно не рабочим моментом, потому что она моментом уткнулась в чашку, а плечи и шея вновь напряглись.

- Нет, – тихо ответила, не поднимая на Романа взгляда, а ведь могла сказать, что это не его ума дело, и послать к черту. – Были, но давно. Мы почти поженились, – а вот это добавила зачем, сама не поняла.

- И почему он вас бросил? – вырвалось у Островского. А вот это было совсем неэтично, потому что Ольга резко вскинула голову – две складки между сведенными бровями, глаза, казалось, готовы прожечь его насквозь, губы поджаты. Теперь Роман предугадал ее вопрос и, как можно спокойнее, сказал: – Я просто предположил. Извините.

- Оставьте свои предположения при себе, – довольно холодно ответила Ольга, уже жалея, что так необдуманно прокомментировала свои отношения с Олегом. – Может, мы займемся делом?

- Как скажете, – согласился Островский, присев рядом.

«Работать!» – призвала себя Ольга, стараясь не замечать, как соприкасаются иногда их ноги под столом, и надеясь, что он не чувствует, как она вздрагивает каждый раз.

- Я предлагаю добавить немного детализации, пусть сейчас это чаще используется в театральных сценариях, но тогда всем, кто будет работать над кинолентой, станет проще проникнуться.

Несколько часов в сугубо рабочей обстановке – и Ольга снова стала страстной, увлеченной, эмоционально раскрепощенной, отдаваясь делу, как любовнику. Такая она Роману невероятно нравилась, и он подумал, что это было бы одно удовольствие от описания такой героини в романе. Такая яркая, дерзкая снаружи, при этом явно не обделенная интеллектом, но такая немного зажатая, разочарованная в чем-то и несчастная внутри, хоть и пытавшаяся это скрывать от себя в том числе. И ему захотелось узнать, отдавалась ли она хоть одному

мужчине так же, как и своим киносценариям, и он это узнает – еще вчера понял. Роману было неважно, что она вчера с нескрываемым скептицизмом отозвалась о любви, потому что ее любовь ему не была нужна – он хотел увидеть ее страсть. Да, Островский был уверен, что у женщин все понятия, связанные с сексом: любовь, страсть, эмоции, влечения – смешивались в простое желание быть рядом с мужчиной, привязать его к себе и впоследствии окольцевать. Но Ольгу он считал умной и понимал, что она слишком горда (если не горделива), чтобы опуститься до банальных женских уловок. Такая не станет вести себя, как героиня бульварных любовных романов, она понимает, что прекрасных принцев в реальности не бывает. А Роман подавно на эту роль не годится.

- Роман Сергеевич!!!

Он поднял на Ольгу глаза нехотя, потому что рассматривал ее колени и часть бедра, открывшиеся, когда она, сидя на стуле, закинула ногу на ногу, и уже прикидывал, как их можно описать.

- Вы меня слышите? – спросила Ольга, удивленно на него глядя.

- Конечно, – улыбнулся Роман. – Я просто задумался. Знаете, как иногда бывает, что накрывает идея в самый неподходящий момент?

Она расслабленно усмехнулась – ей такие моменты знакомы. Или были знакомы.

- Вот смотрите, – впервые на своей памяти Ольга разъясняла многие моменты терпеливым голосом лектора. – Например, с чем у вас ассоциируется образ... допустим Шерлока Холмса? – спросила она, зная, что примеры являются лучшим педагогом.

- Трубка, кокаин, дедукция, – не задумываясь, ответил Островский.

- Вот это детали, создающие образ персонажа. Есть еще детали, создающие перипетию. Например, в «Коде да Винчи»...

- Священный Грааль, – не дал Ольге закончить Роман, а она, кивнув, продолжила:

- Детали, которые объединяют воедино несколько историй...

И снова Островский закончил за нее фразу:

- Наверное, это присуще детективным историям, когда сыщик, объединяя некую вещь или человека, выходит на преступника?

- Именно так. – Она была немного шокирована – пусть он писатель, пусть понимает основу построения сюжета, создание героев, но... Как он может быть таким... Каким? Умным? Понимающим? Схватывающим все на лету?

- Если в первом акте на стене висит ружье...

- ...То в последнем оно должно выстрелить, – теперь Ольга закончила за Романа фразу, процитировав Чехова.

Повисло молчание, но не неловкое, а скорее удивленное. Они посмотрели друг на друга и поняли, что именно в этот момент окончательно стали интеллектуальными любовниками.

Пока они занимались детализацией аспектов сценария, Роман то и дело возвращался взглядом к ее ногам, пытаясь подобрать для описания подходящие эпитеты. Ее ноги не были идеальны – он заметил и маленький шрамик чуть выше колена, и не совсем подтянутые бедра, и россыпь родинок на них. Она не была совершенной, но было такое желание узнать, что же там под платьем... Чулки или колготы телесного цвета?

Ольга поставила точку в последней строчке, спросила:

- На сегодня закончили? – и поднялась, не ожидая ответа. Она теперь смотрела на Островского сверху вниз, но это все равно не придавало ей уверенности, как будто он так и продолжал доминировать над ней, как тогда, когда нависал через стол.

Женщины должны подчиняться – стереотип, женщины должны быть слабее – стереотип. Ольга привыкла всегда быть сама по себе, объединив некоторую женственность с мужской непоколебимостью – фемининность и мускулинность в одном флаконе.

- Как скажете, – ответил Роман.

Узкий проход, которого даже не хватало, чтобы вытянуть руки от стены до дверей туалета и ванной, между кухней и коридором – и где-то посередине Ольга почувствовала прикосновение к руке, не успела обернуться к идущему позади Роману и оказалась прижата к стене. Прижата грудью, животом и бедрами, чувствуя, как сзади ее придавило мужское тело так, что стало тяжело дышать. Пальцы рук переплелись с ладонями Романа, и он их уверенно впечатал в стену, но сразу же отпустил, при этом прикусив Ольгу за мочку уха.

Она ждала этого? Наверное, подсознательно, неосознаваемо, пусть согласно всем канонам хотелось залепить ему пощечину и гордо удалиться со словами: «Я не такая!» Он хотел этого? Несомненно, может, и не сейчас, но не смог сдержаться, пусть и в любую минуту ждал, что она развернется и начнет возмущаться, начиная со слов «что вы себе позволяете».

Но ее руки так и продолжали упираться в стену, даже тогда, когда он их отпустил и переместил под платье. Ольга упиралась в стену лбом, а Роман хотел видеть ее, поэтому его ладонь с одной стороны накрыла ее лицо, поворачивая в профиль. Такое маленькое личико под большой ладонью – указательный палец лежал на виске, когда остальные вплетались в волосы, а большим Островский гладил губы и подбородок. Теперь он мог управлять движениями, поэтому повернул ее голову, немного оттянув за волосы, а с другой стороны прижал опять к стене.

Вторая его рука уверенно сжимала бедро, явно оставляя следы, которые завтра выступят синими пятнами, а потом он сказал:

- Замечательно, – явно намекая на чулки.

Роман поцеловал ее, и пусть в этом поцелуе не было ничего, кроме животной страсти, придавливая к стене эту женщину, он подумал, что с таким остервенением не хотел трахать еще ни одну...

А Ольга не понимала, почему ее будто парализовало от этих прикосновений. Если бы кто-то попробовал вот так тягать ее за волосы, уже бы получил дозу брани и обвинений в извращении.

Но это... Это была боль на грани с удовольствием, похоть на грани с естественным желанием, стереотипы на грани с ничего не приемлемой страстью.

Ольга чувствовала его руку, сильную, даже властную, уверенно обосновавшуюся под платьем, и от этого ощущения ее бросало то в жар, то в холод. В голове упорно не могла удержаться ни одна мысль, и еще Ольга не могла заставить себя открыть глаза, боясь то ли нарваться снова на взгляд Романа, то ли показать свою растерянность, но в то же время и желание, которое уже накрыло с головой, несмотря на то, что казалось, будто ее голова, взятая в тиски с одной стороны холодной стеной, а с другой – горячей ладонью, сейчас лопнет.

Островский понял, что немного потерял контроль и не рассчитал силы, когда ее веко и щека, повернутые к нему, немного дрогнули, показав признаки боли. Он переместил руку Ольге на затылок, снова запустив пальцы в волосы, потянул на себя, заставив ее откинуть голову, и укусил в этот раз за шею. Она шумно выдохнула, но не издала ни звука, только ногти впились в обои, оставляя на стене небольшие следы, но Роман почувствовал, как при этом инстинктивно сама прижалась к нему сильнее, хотя напряжение не хотело отпускать ее тело, а ноги дрожали так, что вот-вот готовы были подкоситься.

Роман хотел выбить из нее эту скованность именно так, именно неким подобием шоковой терапии, пока Ольга опять не выпустила свои колючки и не поставила стену язвительности. Он хотел видеть ее такую, какой она становилась во время работы...

Ольга же вообще перестала что-либо соображать, пусть где-то на задворках сознания здравый смысл кричал, что это неправильно, слишком по-животному, слишком яростно. От сдержанности и самообладания Островского, казалось, ничего не осталось, а на его месте появился совершенно другой, дикий и необузданный человек. Но то, что он делал, ей нравилось, даже очень нравилось.

«Извращенка», – подумала Ольга, и почему-то эта мысль разорвала клубок напряжения в груди.

А когда Роман дернул низ платья вверх, поняла, что низ живота даже болит от понимания того, что случится дальше, а его рука в волосах добавляет всему некой пикантности и яркости ощущений.

Нетерпение Островского достигло пика, когда он почувствовал, что Ольга расслабилась, быстро приспустил штаны, подцепил одним пальцем кружевную ткань ее белья, отодвинув в сторону, и резко толкнулся вперед, перехватив ее тело под животом. Пожалуй, слишком резко, потому что почувствовал, как Ольга вновь вся сжалась и слабо охнула, но сдерживать себя он уже не мог, оказавшись внутри нее.

Этот толчок был болезненным, да и все последующие смешивались в дикий коктейль боли и удовольствия. «Еще и мазохистка», – добавила эпитет в свою копилку. Хотелось орать, стонать, но к такому проявлению эмоций Ольга не привыкла, поэтому сдерживала свои крики, чувствуя, что вот-вот разорвется от переполнявших ее

ощущений. Ногти готовы были проделать дыру в стене, а пальцы ног непроизвольно поджимались.

С каждой секундой Роман все сильнее тянул ее за волосы, явно не контролируя себя в порыве страсти. Его злило ее молчание, хотя он чувствовал ее и знал, как ей хорошо. Если голос Ольга могла контролировать, то тело, которое говорило о многом, нет. И когда она вздрогнула, а потом просто обмякла, Островский все понял. Он и сам был близок к подкатывающему оргазму, который уже пару раз сдерживал, уменьшая темп. Последнее движение, хоть и не хотелось покидать ее тело, и через секунду он уже в ванной, благо, что она была прямо за спиной.

Ольга дрожащими руками обтянула платье и на неслушающихся ногах вернулась в кухню. Табуретка стала спасательным кругом – казалось, еще шаг и упадет без сил. Роман появился почти следом за ней, заметив, как она нервно закуривает. Молча налил воды, сделал два больших глотка и спросил:

- Ты останешься или домой поедешь?

Спросил таким тоном, каким спрашивают «ты будешь чай или кофе», ровным, будничным. Ольга посмотрела на него с удивлением, недоумением – перед ней стоял тот же сдержанный непробиваемый гений пера, как будто не он пять минут назад трахал ее так, что искры из глаз летели.

- Мы перешли на «ты»? – спросила она.

«Боже, дура, что ты несешь», – подумала через мгновение.

- Мне показалось, что да, – спокойно отреагировал Роман.

А Ольга впервые после секса не знала, что сказать и как себя вести.

Почувствовав, что ноги вроде бы готовы удержать вес тела, она встала и подошла к окну. Оперлась руками на подоконник и подставила лицо легкому ветру в надежде, что он хоть немного остудит голову и приведет мысли в порядок. Ольга слышала, как шуршит пакет, так и оставленный Островским неразобраннным на полу. Хлопок холодильника, второй. Молчание затягивалось...

Услышала, как несколько раз стукнули дверцы кухонных шкафчиков, потом еще какие-то едва различимые звуки. Ольга не понимала,

почему она так и продолжает стоять, уставившись в окно, а не едет домой...

Звук жидкости, наливаемой из бутылки, и через пару секунд – нет, не услышала, – просто поняла, что Роман стоит очень близко за ее спиной. Сразу же напряглась, вспомнив, как закончилась предыдущая ситуация, когда он оказался сзади, и почувствовала, что начали гореть щеки, повернулась, стараясь не встречаться с ним взглядом, и увидела у него в руках две чашки.

- Выпей, – слегка улыбнулся.

Ольга взяла одну чашку, стараясь не прикасаться к его пальцам, и принялась.

- Это вино, – сказал Островский и сделал глоток. – Бокалов не нашел.

- Вы... ты хочешь меня напоить? – нервно усмехнулась Ольга.

- А смысл? – вроде бы удивился Роман, отметив, как она залилась краской и старается избегать его взгляда еще больше. Нельзя сказать, что он всегда так общался с женщинами, но сейчас даже сам немного растерялся, хоть и не показывал этого. Он-то думал, что Ольга залепит ему пощечину, назвав козлом, с едва сдерживаемыми слезами сбежит, в истерике набирая номер Самойлова, и скажет, что с сексуально озабоченными писателями работать не собирается. Или того хуже решит, что теперь он ей что-то должен, и будет жеманно кокетничать, намекая всем своим видом – мы теперь пара.

Островский уже и сам пожалел, что так сорвался, поэтому и обдумал всевозможные линии ее поведения.

Но вот она стоит перед ним, немного чувствующая себя не в своей тарелке, опять напряженная, пытается язвить и выпустить свои колючки, но при этом вроде как делает вид, что ничего и не произошло. И даже не пытается набить себе цену, оправдываясь тем, что она обычно не позволяет мужчинам иметь себя – а именно это Роман с ней и делал – на второй день знакомства, но тут что-то с ней такое непонятное случилось, она сама не поняла, что это было, и все в таком роде.

Пока Островский думал над ее странным поведением и прикидывал дальнейшие варианты развития событий, Ольга прошла все пять стадий принятия неизбежного. Отрицание с мыслью: «Это случилось не со мной, мне все приснилось». Гнев: «Да что этот чертов интеллигент себе позволил?» Торг: «Надо будет договориться, как мы

станем дальше работать, если это еще уместно». Депрессия: «Но я такая идиотка, ничего уже не хочется». Смирение: «Гори оно все синим пламенем! Подумаешь, трахнул меня симпатичный мужик, да и сама я не больно-то сопротивлялась, зато доставили друг другу удовольствие».

Обычно на это требуется больше времени, как у Наташи, когда та расстается с очередным обоже, но все эти мысли пронеслись в голове слишком быстро.

Роман немного вытянул руку с чашкой в понятном для застолий жесте, Ольга повторила его движение, и с легким звоном керамическая посуда соприкоснулась.

- Что отмечаем?

- Плодотворное сотрудничество, – ответил Островский.

- А плодотворным сотрудничеством ты называешь совместную работу с бонусом в виде секса со сценаристом? Может, Олег добавил этот пункт в договор и забыл меня предупредить? – Ольга даже не пыталась скрыть свой сарказм.

Они оба понимали, что это некое подобие защитной реакции, маска, которую она носила, боясь показаться слабой. И Роману так понравилось ее снимать – и интеллектуально, и эмоционально, и физиологически. Он сделал шаг к ней, Ольга только иронично изогнула одну бровь, но при этом вжалась в хлипкий старый подоконник так, что было непонятно – то ли он первый сломается, то ли ее копчик. Островский поставил чашку на стол, сделал еще шаг и поставил руки на многострадальный подоконник по обе стороны от ее тела. Нагнулся к самому уху и тихо сказал:

- Я тебя сейчас еще раз отымею прямо на здесь, а если и это не поможет сбить с тебя всю спесь, то уложу грудью прямо на кухонный стол и отымею еще раз.

Ольга едва не выронила чашку от этих слов, кровь хлынула к лицу и к животу, ноги опять начали подрагивать, но она так же тихо и таким же тоном ответила:

- Придется сильно стараться, господин писатель.

Если это и была окончательная проверка со стороны Островского, то она ее прошла. Роман посмотрел на Ольгу, не уловил на ее лице никаких признаков иронии, она в свою очередь увидела в его

выражении небольшое удивление и недоумение. А в следующую минуту они почти одновременно рассмеялись. И Рубикон был пройден, и пали стены Иерихона от этого смеха.

Ольга поняла, что каждый носит свои маски, и Островский был самым обычным человеком, не высеченным из камня, не эмоциональным инвалидом, не холодной глыбой льда.

Глава 8

Игры, в которые играют мужчина и женщина, между которыми нечто неуловимое, поначалу непонятное проскальзывает, часто затягиваются. Почему? Потому что не комильфо сразу падать в постель. Стереотипы... Он будет думать, что она легкодоступная, она – что ему только одно и надо. Или же, отбросив все каноны, следовать негласной договоренности ни к чему не обязывающих отношений. И если мужчины могут просто трахаться, то женщины, как будто следуя генетической предрасположенности, со временем начинают все же требовать любовь.

Роман сейчас этого не боялся – он уедет через пару недель, и эта женщина останется приятным воспоминанием. Она не будет лить слезы, умоляя остаться, она не приедет к нему со словами «дорогой, это я», она понимает, что это может стать лишь своеобразным курортным романом.

Ольга точно сейчас не думала об отношениях: «недобрак» с Олегом, Андрей, стремящийся к серьезному, – это все отбило охоту, и заветных любовников она вспоминала уже почти с ностальгической нежностью. Обычные человеческие игры, к которым Ольга привыкла и тоже следовала правилам, но у Островского они были свои. Она даже не понимала, была ли его фраза про то, как «я тебя отымею», шуткой или просто манерой общения того, другого человека.

Но между ними рухнула стена, а, может, просто треснула, потому что до сих пор оба не были собой. Не были настоящими. Некоторое спавшее напряжение разрядило маленькое кухонное пространство, хоть и не принесло полного взаимопонимания. Но два-три шага они к этому сделали.

Может, достигли бы и большего, но разрывающийся телефон Ольги оборвал эту невидимую нить. Она вздрогнула и снова отвела взгляд, опять суетливые движения руками, пока пыталась справиться с

пуговицей кармана пиджака. Посмотрела на дисплей и мысленно послала Олега к дьяволу.

- Что? – спросила, опустив приветствие.

- А что мы такие злые? Работа не клеится?

- Черт, – выругалась Ольга. – Сейчас сбросим.

- Сбросим? – спросил Олег. – Ты до сих пор с Островским? – она проигнорировала вопрос. – Либо ты стала трудоголиком, либо действительно трахаешься с ним.

В данный момент она уже проклинала не Самойлова, а динамик своего телефона, потому что усмешка Романа дала понять, что он прекрасно слышал каждое слово.

- Не ревнуй, дорогой, – в привычной манере общения с Олегом ответила Ольга. – Ты же знаешь, что люблю я только тебя и даже готова прощать блондинок в твоём кабинете. Жди.

Когда она повесила трубку, Островский заметил:

- Странные у вас отношения. Любовь прошла, а привычка осталась?

- Мы друзья, – коротко бросила Ольга, но сама поняла, что произнесла это оправдательным тоном.

- Бывшие любовники, ставшие друзьями и периодически оказывающиеся в одной постели?

И опять этот ровный будничный тон, которым был задан такой каверзный вопрос, смутил и разозлил Ольгу. И можно было невооруженным глазом увидеть, как стена, давшая трещину, вновь восстанавливается по кирпичику.

- Да пошел ты! – раздраженно ответила ему и подошла к ноутбуку. Отправила Олегу первые две сцены и листы, хлопнула крышкой, возможно, слишком сильно и собиралась направиться к выходу, но Роман беззвучно подошел слишком близко, поэтому, подняв голову от компьютера, Ольга почти столкнулась с ним лбами. Машинальный шаг назад – но Островский перехватил ее за талию и притянул к себе.

- Так куда мне пойти? – спросил тихо, а потом засунул язык Ольге в ухо. – Может, сюда? – Проделав языком линию от уха к губам, слегка прикусил за нижнюю. – Или сюда? – Взгляд опустил ниже и остановился где-то в районе бедер. – Или?..

Ольге казалось, что его руки оказывают на нее нервно-паралитическое воздействие. Как медузы своим ядом обеспечивают неподвижность жертвы, так и прикосновения Романа не давали ей пошевелиться. Тонкая трикотажная ткань спортивных брюк не скрывала того, куда, по крайней мере, одна часть его тела готова была отправиться прямо сейчас.

- Ты извращенец? – выдавила из себя Ольга, стараясь, чтобы голос не дал понять, что ее уже тоже распирает от возбуждения.

- Я творческий человек, – ответил Островский и, нарвавшись на недоуменный взгляд, добавил: – Секс – это искусство.

- Искусство? – переспросила Ольга заинтересованно, надеясь, что гений пера объяснит ей, что он имел в виду.

- Ну вот смотри, – начал он, так и не отпустив ее. – Ты можешь взять кисть в руки и водить ею по холсту, но это не значит, что ты будешь Ван Гогом или Пикассо; можешь складывать слова в предложения, предложения в абзацы, рифмовать слова, но это не сделает из тебя Толстого или Пушкина; можешь выучить ноты и попробовать создать свое музыкальное произведение, но это не значит, то ты станешь...

- ...Шопеном или Моцартом, – закончила Ольга. – Но как это соотносится с сексом?

- Каждый может лечь в постель с человеком противоположного пола, хотя не всегда противоположного, делать ритмичные движения на одной ноте и думать, что он гуру секса. Как в каждом человеке от рождения есть какие-то задатки к определенному виду деятельности, которые потом можно развить в способности, затем в талант, так абсолютно у всех есть задаток к сексу, но развивать его никто не хочет.

- Странная философия. А как же женская фригидность, мужская импотенция?

- Импотенция на пустом месте не возникает, а во фригидность я не верю.

- Станный разговор получился, – заметила Ольга.

- Откровенный, – поправил Островский. Он заметил, что ей было интересно слушать его сравнения, пусть она явно была с ним не совсем согласна, но, судя по всему, немного расслабилась, а то стояла, как статую, когда Роман прижал ее к себе.

- Все-таки я, наверное, не соглашусь. Но каждый имеет право на свое мнение, – сказала Ольга.

- Хочешь, изменю твое? Могу тебя прямо сейчас довести до оргазма хоть членом, хоть языком, хоть пальцами...

- Точно извращенец, – уже как факт констатировала Ольга, но почувствовала, как при этом загорелись щеки.

- Вот! – протянул Островский. – Именно так почему-то и принято думать, считая секс чем-то постыдным, в том числе и разговоры о нем.

Он сделал несколько шагов вперед, продолжая прижимать Ольгу к себе, так что ей пришлось попятиться и упереться спиной в несчастный подоконник. Рука его уже привычно скользнула под платье, только бедро на этот раз осталось без внимания, сразу скользнув под кружевные стринги, а пальцы принялись за дело.

«Только держи себя в руках, не доставляй ему удовольствия насладиться своей правотой», – призвала себя Ольга, но меньше чем через минуту уже уперлась лбом в плечо Романа, чтобы он не видел ее выражение лица, вцепилась ногтями в его руки и мысленно умоляла не останавливаться. Но как бы она не пыталась держать зубы сцепленными, в конце все равно не смогла сдержать тихий стон, и звук собственного голоса вернул ее на грешную землю. То, что делал с ней этот мужчина, не поддавалось никакому объяснению, и от этого становилось страшно. Так что пора снова выпускать свои колючки.

Роман сделал шаг назад и посмотрел на Ольгу – расширенные зрачки, частое дыхание. Он улыбнулся, и его самодовольная улыбка окончательно отрезвила голову Ольги. Она пригладила платье и сказала:

- До свидания, Роман Сергеевич!

- И вы меня так покинете? – подыграл он ей.

Ольга невольно скользнула взглядом ниже его пояса и весьма ехидно выдала:

- Подрочить вам? Извините, но обслужите себя сами.

Островский рассмеялся вполне искренне и довольно заразительно, кажется, ее колкости уже просто веселили его.

- Может, ты мне еще предложишь проститутку вызвать?

- Неплохой вариант, – пожала плечами Ольга.

Как же Роман хотел, чтобы она осталась. Нет, он не просто хотел спустить пар, а хотел именно ее. Обычно, стоит только подарить женщине пару-тройку оргазмов, она уже заглядывает в глаза, как бездомная собака, которой бросили косточку и почесали за ухом. А у Ольги до сих пор шерсть дыбом и не совсем дружелюбный оскал. И собралась она уходить с таким видом, что останавливать ее сейчас не стоило. Роман видел, что это не показное выступление в стиле «останови меня, прижми к стеночке и закрой рот поцелуем».

Сейчас Ольга сама не понимала, что происходит, поэтому ей просто необходимо было подумать и остыть. Она выскочила из съемной квартиры Островского, поблагодарив мысленно, что он ее не остановил. На улице закурила и вызвала такси. Если она станет каждый день так поздно уезжать отсюда, то Олегу придется возместить расходы за транспорт.

Ехать домой в мокром насквозь белье – то еще удовольствие. Водитель пару раз покосился на ерзающую на сидении Ольгу, но промолчал. И только возле дома, когда она не спешила выходить из машины, сказал:

- Мы приехали.

Ольга вздрогнула от его голоса, вроде бы опомнившись. Она и сама уже забыла, где находится, пополняя мысленно свой лексикон словосочетаниями «чертов писака», «гений извращений», «искусствовед по сексу» и тому подобными. Рассчиталась с таксистом и пошла к подъезду, продолжая придумывать эпитеты в адрес Островского.

Одежда осталась на полу коридора, а Ольга, чувствуя даже на коже чужой мужской запах, направилась в душ. Она так усердно натирала себя мочалкой, что впору было остаться без кожи, задержала руку на бедре, где уже выступили хорошо заметные синяки от пальцев Романа, нецензурно выругалась, при этом улыбнувшись, и выключила воду.

Завернувшись в полотенце, провела рукой по запотевшему зеркалу и снова выругалась, подумав, что такими темпами скоро можно будет давать мастер-класс грузчикам в магазинах. На шее виднелись две полоски в виде полумесяцев, оставленные зубами.

«Может, у него еще и плетки в арсенале имеются?» – подумала

Ольга, но, вспомнив, как получила свои отметины, почувствовала небольшую пульсацию внизу живота. Типичная женщина с кучей противоречивых мыслей. И как поступила бы любая типичная женщина, сразу позвонила подруге, несмотря на позднее время. Завтра выходной, и если Наташа не на свидании с новым ухажером, то будет до утра сидеть в компании голливудских мелодрам.

- Да, Оль, – ответила она, шмыгнув носом.

- Чего ревешь, подруга?

- Тут такая любовь, над которой не властно время и расстояние, – уже почти рыдала Наташа в трубку. – Вот бы в жизни так...

Ольга усмехнулась. Как это мило – не терять веру в сказку и надеяться встретить героя в облики Брэда Питта, но уж слишком неправдоподобно. Однако вслух сказала:

- В жизни тоже мелодрам хватает.

- А ты что так поздно? Случилось что?

- Если не считать того, что я в синяках после парочки умопомрачительных оргазмов, то ничего.

- Не поняла... – протянула Наташа, а потом восторженно добавила: – Ты помирилась с Андреем?

- Нет, – вздохнула Ольга и рассказала про Островского.

- Ну ты даешь! Послала любящего тебя мужика и трахаешься с каким-то писателем, о котором ничего не знаешь. Он свалит скоро отсюда, оставив тебя с разбитым сердцем. Хотя что это я? Сердце ваше, Ольга Михайловна, высечено из гранита и разбить его очень трудно.

- Не утрируй, Натали. Я прекрасно это понимаю и трахаться с ним больше не собираюсь.

- Да можешь спать с ним хоть до его отъезда, если это не выльется во что-то большее с твоей стороны, а потом забудь и вернись к Андрею.

- Не собираюсь я ни к кому возвращаться! – возмутилась Ольга.

- Ну и дура! – отозвалась Наташа.

- Вот и поговорили.

Роман лежал на кровати поверх покрывала, улыбаясь самому себе. «Она мне еще ответит за сегодняшний холодный душ», – подумал он. Задерживаться в этом городе Островский не планировал – сделать работу и уехать. Но оказалось, что даже рабочий процесс можно превратить в маленькое эротическое приключение. Давно он не испытывал азарта, а Ольга разбудила его. Можно было пойти легким путем, ожидаемым для большинства женщин и принимаемым почти каждым мужчиной, но Роман решил немного поиграть, зная, что сам никогда не заиграется больше, чем требуется.

Ольга открыла глаза и сразу схватилась за телефон, уверяя себя, что вовсе не ждала сообщения или звонка от Островского. Пусто... Подумала, что писатель вчера переутомился и решил устроить себе выходной, но все равно опустила телефон в карман халата, когда пошла на кухню делать кофе.

Час, два, три... У Ольги все валялось из рук, и она то и дело проверяла смартфон. Пару раз хотела сама набрать Роману или написать, но останавливалась в последний момент. Состояние неопределенности раздражало – она просто хочет доделать быстрее работу и сделать ему ручкой, а то, что он там себе напридумывал после вчерашнего, ее не волновало. Или все же?..

«Ну и насколько хватит женского терпения?» – подумал Роман, когда время перевалило за обед. Вчера они ни о чем не договаривались, что неудивительно, потому что обоим было явно не до рабочих моментов.

Почти в четыре телефон разразился веселой мелодией, и Островский самодовольно улыбнулся, посмотрев на номер.

Она так и не поняла, зачем позвонила. «Просто узнать, будем ли мы сегодня работать», – заверила себя. Роман долго не снимал трубку, и в ожидании ответа Ольга нервно стучала пальцами по столу. Наконец услышала короткое «алло» и постаралась взять сугубо деловой тон, но вышло все равно язвительно:

- Роман Сергеевич, сегодня работать будем?

- Ольга Михайловна, рад, что вы позвонили. Я думал, что у вас

выходной, но если вы настаиваете, то я готов с вами создать пару-тройку новых сцен. Приезжайте.

И повесил трубку.

- Я настаиваю? – удивленно спросила Ольга у своего телефона, как будто тот мог ответить. Тон Островского был таким же ровным, спокойным, почти безэмоциональным, как при их первой встрече, и Ольга уже всерьез начала думать, что вчерашний день ей просто приснился в самом невероятном эротическом сне.

Глава 9

Многие начинающие писатели, придумав даже оригинальный сюжет, часто забывают о своих героях. Как будто у персонажей до начала описываемых в книге событий не было жизни. Островскому часто это бросалось в глаза, когда он брал в руки хорошо написанную книгу, но не проникался историей героев, не понимал их.

И вот сейчас это своеобразное «белое пятно» было в его жизни. Вчера они с Ольгой начали писать свою историю – на полноценную книгу не потянет, но рассказ может выйти неплохой. Они были именно такими героями без прошлого, не знающими друг о друге ничего...

Она постоянно курит и пьет кофе, талантливый сценарист, чуть не вышла замуж за режиссера – вот и все сведения, которые имелись у Романа относительно Ольги. А ведь у нее может быть парень, жених, муж, трое детей или что-то в этом роде. Она тоже ничего не знала о нем, да и мало кто знал – не тем человеком был Островский, который станет пускать людей слишком глубоко. Наверное, поэтому женщины рядом с ним надолго и не задерживались: они много говорили о себе, задавали много вопросов, лезли в каждый уголок жизни, мешали даже дышать, обижались на его молчание и скупость информации. Романа это раздражало, хоть он и понимал, что женщины от природы болтливы и любопытны.

Он подошел к окну – все-таки ждал ее. И, черт возьми, хотел. Вспомнив вчерашний день, почувствовал, как опять натягивается ткань брюк, и отогнал ненужные мысли. Сейчас Островский поменял правила этой игры – он хотел, чтобы она сама сделала шаг, а то вчера все более походило на изнасилование. Увидел, как Ольга шла от остановки, остановилась возле подъезда, немного нервными

движениями достала сигарету, уронила на землю, раздраженно раздавила ногой, достала вторую, подкурила, едва не сорвав колесико зажигалки, и затянулась так сильно, что проступили скуловые впадины.

«Нервничает», – подумал Роман.

Ольга не столько нервничала, сколько злилась. Причем, исключительно на себя. Она сама так и не поняла, зачем ему позвонила, зачем приехала сюда, зачем так основательно рассматривала свое отражение в зеркале перед выходом. Но, по крайней мере, успокоила себя тем, что не надела платье, обошлась без укладки и чуть мазнула тушью ресницы.

«Еще не хватало, чтоб этот гений пера решил, что я для него стараюсь», – решила, сделав последнюю затяжку, и вошла в подъезд.

Роман уже открыл дверь и опирался одним плечом о дверной косяк, когда Ольга поднялась на этаж. Сердце, кажется, пропустило несколько слишком громких ударов, когда она натолкнулась на его взгляд, но Островский только сказал:

- Привет, – и прошел в квартиру.

- Привет, – как можно спокойнее ответила Ольга, закрывая дверь.

- Всегда по выходным работаешь? – спросил Роман и поставил на плиту чайник.

- Я привыкла работать как попало. То сутками не отрываешь рук от клавиатуры, то за день только час проведешь за компьютером, при этом не зная, какой сейчас день недели.

- Полный хаос. Не проще ли выделять каждый день определенные часы для работы, чтобы не загонять себе или не отвыкать от рабочего процесса? А воскресенье можно оставить для отдыха при желании.

Ольга смотрела на Островского и не понимала, что происходит. Они сидят, обсуждают лучшие условия для рабочего процесса, делают вид, что вчера ничего не произошло, и только его обращение на «ты» убедило, что это не было плодом ее больного воображения. Она наблюдала, как Роман заваривает кофе, за его руками и, стиснув зубы, вспоминала, что эти самые руки могут творить. Тут необходимо взяться за работу, чтобы отогнать непрошенные мысли, поэтому Ольга спросила:

- Итак, на чем мы вчера остановились? – и запнулась в конце фразы, потому что остановились они вчера на ее оргазме и неудовлетворенности Островского.

Он уже привычно подал ей кофе, пододвинул пепельницу и спокойно, не выражая мимикой ни одной эмоции, ответил:

- Сейчас посмотрим, – открыл ноутбук, файлы и повернул экран к Ольге.

- Я думаю, еще один-два эпизода сделаем за сегодня.

- Хорошо, – согласился Роман.

За все часы работы никаких намеков, никаких поползновений сексуального характера в ее сторону он не делал. Подсознательно Ольга этого ждала и даже приготовила несколько фраз, после которых обычно у мужиков сразу все опадает и не поднимается даже при помощи хорошего минета. Обычно по такому сценарию все мужчины и действуют, считая, что секс с ними – это лучшее, что может случиться в ее жизни. Но Островский был другим, и Ольга поняла, что не знает, чего от него ждать.

За окном уже давно стемнело, на улице стало меньше голосов и звуков проезжающих машин, а Роман все думал, когда же она не выдержит. Любая женщина уже давно бы подняла тему вчерашнего дня, попыталась выяснить отношения, а эта молчит и сосредоточенно работает. И вроде как сейчас собралась уходить.

Ольга действительно посмотрела на время и сказала:

- Мне пора.

- Завтра приедете? – спросил Роман, выходя за ней в коридор.

- Я позвоню, – ответила Ольга и подумала: – «Неужели ничего не скажет?»

«Неужели так молча уйдет?» – удивился мысленно Островский, стараясь не показывать своего недоумения, когда она взялась за дверную ручку.

- Слушай... – повернулась опять к нему.

«Есть!»

- Да? – Роман вопросительно на Ольгу, на лице которой сейчас боролись противоречивые эмоции: злость и любопытство, неловкость

и раздражение.

- А что это вчера было? – выпалила она, пока не передумала, а то неясность ситуации привнесла какой-то диссонанс в ее размеренную жизнь и сложившиеся установки.

Островский едва заметно улыбнулся и ответил:

- Я даже не знаю, что тебе сказать.

- Замечательно! Писатель не может найти слов! Это как-то странно, не находишь?

Ольга жалела, что не прикусила вовремя язык, потому что этот гений пера, если не издевался, то играл с ней точно. Он сделал шаг к ней и увидел, как напряглись ее плечи, провел рукой по лицу, задержав пальцы на губах.

- Я могу все повторить еще не один раз, только медленнее, чтобы ты запомнила наверняка, как и что это было.

Никогда Ольга не думала, что можно забыть, как дышать, но сейчас в легких закончился воздух, а вдох сделать было невозможно.

«Да! Да!» – орал то ли ангел, то ли демон на одном плече.

«Дура! Не смей» – спорил с ним оппонент на другом.

Но эти поглаживания губ – одно такое легкое, второе уже с нажимом, потом опять едва ощутимое, как будто он вот-вот уберет руку, и Ольга непроизвольно тянулась за пальцами. Такой контраст возбуждал, затуманивал разум и связывал низ живота в тугий узел.

Роман видел, что выиграл. Зачем тратить ресурсы на осаду, если можно усыпить бдительность противника. Троянский конь сработал.

Ольга и сама не поняла, как подалась вперед и прижалась к мужскому торсу. Сумка выскользнула из рук на пол, а руки нырнули под его футболку на спине. Островский убрал руку с губ и запустил в волосы.

«Фетиш у него на волосы что ли?» – подумала Ольга, но спросить не решилась, потому что ей это тоже нравилось.

- Так что? Мне повторить? – спросил Роман, проводя второй рукой по ее позвоночнику.

- Да... – скорее выдохнула, чем сказала Ольга.

«Сдалась», – подумал он.

«Сдалась», – подумала она.

Островский сомкнул пальцы на ее запястьях и, убрав руки со своей спины, потянул к двери единственной в квартире комнаты.

Ольга всегда думала, что секс красив только в книгах и фильмах, а если бы кто-то решил снять домашнюю порнографию, то глубоко бы разочаровался. А еще главные героини, когда встречаются своих героев, утверждают, что такого с ними еще никогда не случилось. Ольга над этим тоже посмеивалась. Нет, не утверждала, что все мужчины в постели одинаковы, но ничего «такого» никто с ней не делал, даже стонать не заставил. До сегодняшней ночи...

Глаза привыкали к полумраку комнаты, свет из коридора, совсем немного доходивший сюда, придавал мебели более четкие очертания. Роман притянул Ольгу к себе довольно резко – ей пришлось вцепиться в его плечи для удержания равновесия. Он нетерпеливо расстегивал пуговицы на ее рубашке, почти срывал их, сам не понимая, куда делась его сдержанность, уступая место одержимости. Полная потеря контроля. Островский уже понял, что медленно не получится, не сейчас. Распахнув полы ее рубашки, переключился на джинсы.

Его нетерпение передалось Ольге, заставляя ее тело биться будто в лихорадке. Когда Роман справился с пуговицей и запустил руку под ткань, она поняла, что сейчас ей тоже не нужны долгие прелюдии, ей надо то, что было вчера: страсть, дикость, ненасытность. Он стянул джинсы до середины бедра и, снова перехватив руки Ольги, толкнул ее на кровать, а сам продолжал стоять, нависая над ней. Быстро справился со своей одеждой, вернее, только ее нижней частью, не желая терять ни секунды, отбросил брюки с боксерами в сторону, одним движением избавил Ольгу от осточертевших джинсов вместе трусиками, перехватил ее ноги под коленями, немного подтянул к себе вошел в нее полностью.

Ольга чувствовала себя в таком положении беззащитной – она ничего не могла контролировать или остановить, но сейчас это ее не смущало, хоть положение и напоминало осмотр у гинеколога. Она шумно вдохнула, когда почувствовала его в себе, не понимая, почему Роман не начинает двигаться. Потом осознала, что мышцы живота и ног напряжены, и он не мог этого не почувствовать, удерживая ее под

коленими. Островский слегка двинул бедрами, не выходя ни на миллиметр, и Ольга прикусила себя за нижнюю губу, вцепившись руками в покрывало – он этим движением задел клитор, что пронеслось разрядом по всему телу и заставило мышцы расслабиться.

Роман это почувствовал и начал долгожданные для обоих толчки, не забывая про ту самую точку, когда входил до основания. Ему нравилось вот так сверху наблюдать за ней, так он мог видеть каждую эмоцию на ее лице, пусть в комнате и было мало освещения. И сейчас это было непонимание вперемешку с удовольствием, и это недоумение принесло ему уверенность, что так ее еще никто не трахал.

Ольге казалось, что из глаз вот-вот посыпятся искры от смеси толчков внутри и прикосновений снаружи. И через пару минут так и случилось.

Роман тоже готов был кончить, но выходить не хотел.

- Ты как-нибудь предохраняешься?

Кажется, не сразу Ольга поняла, что он спрашивает, потом все-таки сфокусировала на нем осмысленный взгляд и утвердительно кивнула, надеясь, что в полумраке он заметит, потому что говорить пока она не могла. Островский уперся коленями в край кровати, сделал еще несколько резких движений и остановился, с силой сжав ее ноги.

К Ольге уже вернулась способность соображать и язвить, поэтому она не выдержала:

- С такими темпами у меня все тело превратится в один сплошной синяк.

- То ли еще будет, – незамедлительно последовал ответ, и Роман медленно покинул ее. Подал руку, чтобы помочь подняться, и добавил: – Душ найдешь?

Ольга поднялась, нашла свое белье и, не глядя на него, вышла из комнаты. В ванной сбросила расстегнутую рубашку, бюстгалтер и включила воду. Стоя под струями воды, сказала сама себе:

- Обалдеть...

- Рад, что тебе понравилось. Мне тоже, – услышала голос Островского, даже не заметив, как он зашел. Хорошо, хоть шторку догадалась задернуть.

- Какого черта? – рявкнула Ольга.

- Я принес полотенце, – невозмутимо ответил он. – Уже ухожу.

Она было подумала, что Роман собирается к ней присоединиться, но тот действительно вышел.

Ольга вытерлась, надела нижнее белье и поняла, что джинсы оставила в комнате, поэтому придется продефилировать в полуобнаженном виде. Не включая свет, выкурила на кухне две сигареты подряд и только потом вернулась в комнату.

Роман лежал на кровати, закинув руки за голову. Одеться он так и не потрудился, зато включил ночник, и Ольга старательно отводила взгляд, хотя вид голых мужчин ее никогда не смущал. Джинсы лежали на том же месте, где оставил Островский. Она даже не успела поднять их, а он уже спросил:

- Куда-то собралась?

- Домой, – вроде бы удивленно ответила Ольга. – Мы же вроде как закончили.

Усмехнувшись, Роман поднялся и привлек ее к себе.

- Мы еще даже не начинали, – и запечатлел на губах звонкий поцелуй, начисто лишенный романтизма.

- Нормальные люди целуются до секса, а не после.

- У меня нестандартный подход, – заметил Островский, увлекая Ольгу за собой на кровать.

Он опять был готов просто сорвать с нее одежду, но сейчас действовал медленнее. Когда на ней остались только трусики, стянул с себя футболку, оставшись полностью обнаженным, и, разведя ее ноги, устроился между ними на коленях. Подцепил большими пальцами кружево по бокам и потянул вниз.

Ольга наблюдала за ним с предвкушением, желая вновь испытать те ощущения, только теперь не так быстро. Но когда его лицо опустилось к бедрам, инстинктивно их сжала. Не любила она это, особенно, когда мужчина, работая там языком, еще и выглядывал, как немец из-за бугра. А потом, как само собой разумеющееся, намекал на такую же ответную услугу. Но ее еще в детстве мама учила не тянуть в рот все подряд.

- Расслабься, – сказал Роман.

- Не надо...

Но он не слышал. Провел рукой по ноге и резко отвел в сторону, принимая такое положение, чтобы Ольга не смогла сомкнуть ноги. Она почувствовала его язык, который то грубо терзал, то едва касался. А потом к нему прибавились пальцы, и, отбросив стыд, захотелось кричать от удовольствия.

Роман заметил, как она начала подаваться бедрами ему навстречу. Это возбуждало. Он оторвался от нее и услышал выход разочарования. Просунув руку Ольге под спину, слегка приподнял нижнюю часть ее тела и немного подразнил, вроде бы вот-вот входя, но в последний момент отстраняясь. Она уже извивалась в томительном ожидании и каждый раз, когда он отстранялся, издавала мучительный стон, цепляясь за его руки, царапая их.

И вот он уже вновь внутри, чувствует, что опять готов вот-вот кончить, как пацан на первом свидании. Ольга тоже была на грани – ей-то казалось, что она знает об оргазмах не понаслышке, но оказалось, что можно действительно улететь куда-то, а не просто почувствовать нечто приятно. Улетала она раза два, прежде чем Роман остановился.

Сил подняться с постели у Ольги не было, что неудивительно после такого секс-марафона. Островский вышел из комнаты, а она просто натянула на себя покрывало и, кажется, мгновенно уснула.

Разбудил Ольгу звонок телефона. Она перегнулась через край в поисках джинсов, в кармане которых он и лежал. На экране фотография Наташи.

- Привет, – ответила подруге, откинувшись обратно на подушку. Все тело болело, но болело приятно.

- Привет. И давно ты до обеда стала спать?

- Ты позвонила, чтобы спросить об этом? – раздраженно бросила Ольга.

- Нет, – с тяжелым вздохом ответила Наташа. – Я хотела спросить, давно ли ты стала изменять своим принципам.

- В смысле?

- Ой, еще скажи, что ты ничего не знала!

- Наташа!!!

Подруга молчала полминуты, еще раз вздохнула и вылила на голову Ольге ушат холодной воды:

- Твой Островский женат.

Что-то ежом прокатилось под ребрами, а потом в глазах потемнело. Это была не ревность, не обида и даже не злость. Слепая ярость, готовая криком вырваться наружу.

- Оля! – сквозь звон в ушах она услышала голос Наташи.

- Ты дома? Я сейчас приеду, – спокойно ответила Ольга, поражаясь сама своему хладнокровию.

- Жду.

Романа рядом не было, и она успела окончательно взять себя в руки, пока роботоподобными механическими движениями натягивала на себя одежду. Внутри все клокотало, но сейчас Ольга не хотела сорваться. Она не имеет права закатывать ему истерики и требовать объяснений. Вышла в коридор, посмотрев в сторону кухни – Островский сидел за столом и пил кофе. Повернул голову в ее сторону, слегка улыбнулся, но тут же нахмурился, нарвавшись на полный ненависти взгляд.

Ольга повернулась к зеркалу, собрала волосы. Сейчас ее бы самообладанию позавидовал сам гений пера. Он вышел в коридор и молча наблюдал, как она собирается с каменным выражением лица.

- И по какому поводу ты бесишься? – спросил Роман, поняв, что она вот так и собирается уйти.

«По поводу твоей жены», – подумала Ольга, но вслух сказала:

- Роман Сергеевич, сегодня у меня выходной, а завтра свяжемся с Олегом Викторовичем – он хороший сценарист и сможет вам помочь.

- Какого хрена происходит?!

Ольге показалось, что они сейчас поменялись местами – слишком эмоциональный Роман, явно не понимающий, почему она так ведет себя. Он схватил ее за руку выше локтя и притянул к себе, повторив:

- Так что случилось?

- Ничего, – ответила Ольга, стараясь не выдать своего состояния, но его близость очень пугающе влияла на ее тело.

А Островский уже запустил руки под ее рубашку, до боли сжимая кожу, и она ничего не могла сделать с физиологией, вцепившись в мужские руки. Когда его ладони скользнули под лифчик и сжали соски, Ольга издала едва слышный стон. Больше всего она хотела сейчас почувствовать его в себе, услышать банальные фразы, но быстро страхнула с себя оцепенение, оттолкнула его и сказала:

- Извините, утренний минет отменяется.

От Романа не ускользнуло, как она сканировала с утра его правую руку. И ее поведение после телефонного звонка – тонкие панельные стены позволили услышать каждое ее слово. Но Островский все равно не верил, поэтому просто диагностировал:

- Женщины...

- Да, тупые бабские закидоны, – подтвердила Ольга и открыла входную дверь. – До свидания, а лучше прощайте!

«Откуда она знает?»

Роман понял, что она как-то узнала про его семейное положение. Раньше его это мало заботило и его постельных девушек тоже, но здесь была такая неприязнь, ненависть... Он не пошел за ней, не спросил.

«Если сама не хочет говорить, то и мне не стоит. Перебесится», – подумал, закрывая дверь.

Ольге срочно надо было найти ближайший магазин – курить хотелось невероятно, а сигареты остались на кухне в квартире Островского.

«Ты просто ничего не знала», – оправдывала она себя, стоя в магазине, даже не помня, как дошла до него. – «А что вообще о нем знаешь?»

Это был пункт... Незыблемый, непоколебимый...

Ольга помнила тот день двадцать лет назад, когда отец ушел к любовнице, как будто это было вчера. Для маленькой восьмилетней девочки это стало стрессом, болью, взрослением. И в тот вечер отец пропал, как будто его никогда и не было, а мать начала тонуть в

пучине пьянства и одноразовых любовников. Почти десять лет Ольга наблюдала эту картину, обещая себе, что никогда не свяжется с женатым мужчиной, никогда не разрушит семью, никогда не оставит детей без отца...

Но теперь преданное обещание грузом легло на плечи, пятном, которое уже не вытрешь из страницы жизни, болью, которая жжет сейчас где-то в груди, и диссонансом, где тело хотело вернуться к нему, а здравый смысл останавливал.

Глава 10

Ольга сама не знала, сколько времени просидела на скамейке, занимаясь самокопанием и терзаясь чувством вины. Сигареты исчезали из пачки одна за одной, в голове начало звенеть от переизбытка никотина и мыслей, к горлу подступила тошнота.

«Надо ехать», – подумала Ольга, поднимаясь. Ноги казались ватными – после нахлынувшей ярости наступило бессилие и опустошение, голова кружилась, а перед глазами запрыгали белые пятна.

Через полчаса она уже заходила в квартиру Наташи, рухнула на пуфик в прихожей и, прислонившись головой к холодной стене, закрыла глаза.

- Пойдем покормлю тебя, а то сейчас в обморок завалишься.

Ольга только махнула рукой. Не было сил ни на что и ничего не хотелось.

- Где родители? – только смогла она выдавить из себя.

- На даче, – ответила Наташа.

- Я полежу немного, – едва ворочая языком, сказала Ольга и целенаправленно пошла к дивану. Мгновенно провалилась в дремоту, уставшая от своих мыслей и терзаний. Наташа ничего не говорила, не спрашивала, понимая, что подруге надо немного прийти в себя.

Раздражение Романа не отпускало. Он не понимал – неужели так сложно задать вопрос и получить на него вразумительный ответ. Но нет, женщинам проще напридумывать, вбить себе что-то в голову и, пылая ненавистью, сбежать. Островский знал, что его объяснение

покажется самым идиотским оправданием женатого мужчины, желающего сходить налево, но все-таки это было правдой.

Он открыл ноутбук, собираясь поработать, чтобы отвлечь себя от мыслей об Ольге, но смог написать за час только один абзац.

- Твою ж мать! – вслух выругался и пнул ногой стоявшую рядом табуретку.

Роман ни в чем не был виноват, но тем не менее чувствовал себя именно так. И среди его знакомых был только один человек, который мог помочь разобраться в подобной ситуации.

Анна никогда не расставалась с телефоном: ни днем, ни ночью, ни в будние, ни в праздники. И сейчас подняла трубку после второго гудка.

- Привет, Ромочка, – пропела она.

- Привет, – отозвался он. – Как дела?

- Опускаем прелюдии и переходим сразу к делу. Что случилось?

Островский давно привык к юридическому подходу Анны – четко и по делу. Она умела слушать и слышать, всегда давала советы, не руководствуясь женской солидарностью и не становясь ни на чью сторону. Сейчас Роман вкратце обрисовал ей события пары последних дней и спросил после пятиминутного монолога:

- И что мне с ней делать?

- Во-первых, Рома, эта девушка основательно запала тебе в душу или в член, – четко поставленным голосом начала Анна. – Во-вторых, это хреново, что она узнала не от тебя, теперь твои объяснения будут выглядеть глупо. В-третьих, девушка, кажется, с определенными принципами, так что считает тебя сейчас последним мудаком.

- И что мне ей сказать?

- Лучше ничего, пока твоя Ольга сама не спросит, а то будешь смотреться довольно жалко с попытками оправдаться.

- Некрасиво получилось, – протянул Островский.

- Ты там влюбился что ли? – усмехнулась Анна.

- Нет!

- Ну-ну...

- Это сейчас был сарказм? – спросил Роман.

- Островский, я тебя знаю почти тридцать лет. Я видела многих твоих дам, видела, как ты к ним относился, как с ними расставался. И мнение ни одной из них тебя никогда не волновало, а их истерики вызывали только раздражение. Так что, если захочешь развестись, мы быстро уладим этот вопрос. Чао, муженек!

- Пока, женушка, – в тон сказал он и отключился.

Предположение Анны о влюбленности он не разделял – Ольга была просто еще одной женщиной в его жизни, которая надолго не задержится. Но в одном его жена была права: он не хотел выглядеть в ее глазах моральным уродом.

- Эй, соня, подъем! – Наташа трясла подругу за плечо. – Вечер уже.

Ольга открыла глаза и сказала:

- Сделай кофе.

- Сначала поешь. Идем.

С кухни доносился запах еды, и Ольга поняла, что закинуть в желудок что-нибудь надо, а то немудрено и язву заработать. Зашла сразу в ванную, умыла лицо холодной водой, жалея, что вот так просто нельзя смыть вчерашний день. При воспоминании об Островском и том, что он с ней делал, снова начало тянуть внизу живота.

«Точно нимфоманка», – подумала и невесело усмехнулась своему отражению в зеркале.

Наташа успела приготовить почти праздничный ужин и сейчас расставляла многочисленные тарелки на стол.

- Не стоило так убиваться возле плиты, – сказала Ольга.

- Хорошая еда снимает стресс, а хорошая закуска и подавно, – подмигнула ей подруга, достав из холодильника коньяк.

Когда с первым бокалом было покончено, Наташа не выдержала:

- Рассказывай...

- Что? – Ольга видела, что та уже ерзает от любопытства.

- Про писателя своего.

- Он не мой. Да и нечего рассказывать, просто очередной козел. Ты мне лучше Расскажи, зачем навела о нем справки?

Наташа виновато опустила глаза, налила еще коньяка, сжевала бутерброд и только потом ответила:

- Интересно мне стало, что он за зверь такой, если ты попала под его обаяние на второй день знакомства. А если у тебя вся семья состоит из одних ментов, то соблазн покопаться в жизни писателя, о котором мало что известно даже интернету, становится велик.

- Любопытная ты моя... – без злости покачала головой Ольга, а Наташа продолжила:

- Островский Роман Сергеевич, тридцать лет, не судим, не привлекался, женат на гражданке Колесниковой Анне Алексеевне. Вот ее даже у нас в городе довольно хорошо знают в определенных кругах, говорят, она первоклассный адвокат и...

- Хватит! Ничего не хочу слышать ни о нем, ни о его жене.

- Пожалуйста, – согласилась Наташа, подняв руки. – Но что ты будешь делать с работой?

Ольга уже сама задавалась этим вопросом. Можно было закатить истерику Олегу и сказать, что заниматься этим больше не станет. Но сумма, прописанная в договоре, останавливала – таких денег не заработать на фрилансе. Все упиралось в финансовую сторону.

- Попробую поговорить с Олегом, может, он сможет договориться с Островским, чтобы я работала сама, присылала ему готовые сцены, он их одобрял или браковал и сам отсылал Самойлову. Времени займет немного больше, чем планировалось, но я не буду видеть рожу гения пера.

- Вышла б замуж за Андрея, не пришлось бы думать о деньгах, – завела свою любимую пластинку Наташа.

- Не начинай!

- Молчу, но замечу: за время, что мы тут сидим, ты пять раз посмотрела на телефон. От кого звонка ждешь?

Как бы не хотела Ольга признавать, но она действительно ждала звонка или сообщения от Романа, хоть и сама отрицала это.

- Ничего я не жду.

- И на старуху бывает проруха, – усмехнулась Наташа. – Ты, кажется, втрескалась в своего писаку.

- Ха-ха-ха, – чеканя слоги, сказала Ольга и фыркнула: – Очень смешно.

Комментария в ответ она так и не услышала, а только получила снисходительную улыбку.

Островский знал, что разорвать договор Ольга не сможет – Самойлов ей не позволит. Многие пункты и подпункты контракта на экранизацию были внесены Анной, а режиссер сам виноват, что согласился работать на любых условиях.

«Жена», – подумал он и понял всю абсурдность ситуации.

На протяжении всех лет, пока у него стоял штамп в паспорте, Роман не чувствовал каких-то изменений в своей жизни. Этим штампом он просто помог своей подруге детства сделать карьеру, но никогда в их отношениях не было ни капли романтики с его стороны, а с ее и подавно. Анна была хорошим другом, почти сестрой, и их регистрация ничего не значила... До сегодняшнего дня, до встречи с Ольгой.

Время притупляет эмоции. То, что казалось вчера невыносимой трагедией, окрасившей жизнь в черный цвет, сегодня может отозваться лишь легкой болью в груди. И в голове от переизбытка коньяка.

Ольга спала все на том же диване, заботливо укрытая пледом, и слушала мелодию своего мобильного, оставленного на кухне.

- Эй, алкоголички! – услышала голос Наташиного брата из соседней комнаты. – Я только что пришел с дежурства.

- Закрой рот! – проорала откуда-то подруга и через минуту принесла Ольге телефон с шепотом: – Это Островский, – как будто гений пера мог их слышать.

- Можешь послать его, – накрылась с головой, желая спрятаться ото всех, и услышала, как Наташа пропела:

- Слушаю.

Стараясь не показывать своей заинтересованности, даже не выползла из-под пледа, но затаила дыхание и прислушалась.

- Ольга Михайловна занята...

Пауза, потом снова голос нараспев:

- Я скажу, чтобы она вам перезвонила... Нет-нет, не надо звонить Олегу Викторовичу... Я сейчас попробую, – последняя фраза уже была произнесена другим тоном, немного растерянным. Видимо, Островский себе не изменяет.

Наташа рывком сдернула спасительный плед и показала пальцем на телефон. Ольга отрицательно покачала головой.

- Нет, все-таки Ольга Михайловна не может подойти... Да, хорошо, я передам.

- Что случилось?

- Твой... Твой писака... – Наташа даже задыхалась от возмущения. – Вот как он так может общаться? Вроде бы ничего плохого не сказал, но чувствуешь себя нашкодившей школьницей...

- Это он умеет, – подтвердила Ольга.

- А еще сказал, что если не перезвонишь в течение пятнадцати минут, то он позвонит Олегу и обговорит условия разрыва контракта.

- А он сможет это сделать?

- Кто знает, что там прописано. У него жена юрист, могла внести свои поправки... Ой, – запнулась Наташа, виновато посмотрев и пожав плечами.

- Ничего, – вроде бы равнодушно отозвалась Ольга, но в груди опять кольнуло. – Я поехала домой.

- Что делать-то будешь?

- Я пока подумаю.

Быстро умывшись и сделав два глотка кофе в прихожей, Ольга вышла на улицу, закурила и начала сверлить взглядом телефон. Минуты менялись на дисплее слишком быстро – мысли от них отставали.

«У тебя осталось две минуты», – высветилось СМС, и она набрала номер, почувствовав, как участилось сердцебиение, но опять, прибегнув к самой распространенной психологической защите –

отрицанию, списала это на комбинацию вчерашнего алкоголя и принимаемого сейчас никотина.

- Неужели? – ответил Роман вместо приветствия.

- Что ты хочешь?

- Тебя.

От одного только слова Ольга едва устояла на ногах и подумала: «Каким гипнозом он владеет?»

- Давай ты жену свою будешь хотеть, – она все-таки не выдержала, но Островский, кажется, ее не услышал:

- Через час я договорился о встрече с Самойловым. Надеюсь, ты там будешь.

Хотя бы не позвал к себе, но при упоминании имени Олега у Ольги все оборвалось внутри. Если гений пера разорвет контракт, то пострадает и бюджет киностудии, и бюджет сценариста на договоре подряда.

- Хорошо, – согласилась Ольга и отключилась.

Быстро дошла до дома, приняла душ и, как бы того не хотела, все равно осматривала себя в зеркале перед выходом. Самой себе хотела понравиться, или понравиться Островскому, или просто что-то ему доказать – например, что ей на него плевать – или скрыть за внешним лоском свою потерянность и дрожь.

Она приехала первая за десять минут до назначенного времени. Выражение лица Олега не сулило ничего хорошо – сосредоточенное, хмурое. Ольга даже не успела закрыть дверь, а он уже начал орать:

- Ты какого черта творишь?

- А что я натворила? – спросила спокойно, проходя в кабинет и присаживаясь на стул.

- Оля, я не думал, что ты докатишься до типичных женских истерик. Ты всегда умела руководствоваться мозгами, а не эмоциями. Сейчас что-то изменилось?

- Нет. Может, я просто окончательно поняла, что написание киносценариев не мое. А тебе Островский на что жаловался?

Олег тяжело вздохнул, откинулся на спинку кресла и уже более ровным тоном сказал:

- Да не жаловался он. Сказал, что у него есть дополнительное соглашение к контракту и его надо подписать мне и тебе.

- Что за соглашение?

Ситуация Ольге не нравилась на интуитивном уровне. В юридических тонкостях она разбиралась мало, оставляя эти моменты Олегу и его юристам.

- Если ты здесь, то явно что-то, связанное с работой над сценарием. В твоём договоре прописано, что его можно расторгнуть по соглашению сторон. Это стандартный пункт.

- Но вторая сторона же не Островский, а ты, точнее твоя кинокомпания?

- Да, – подтвердил Олег. – Но его контракт...

Договорить он не успел – раздался стук в дверь, а через секунду на пороге с вежливой улыбкой стоял Роман. Ольга скользнула по нему взглядом и отвернулась, намерившись в ближайшее время заглянуть на кардиограмму, потому что сердечный ритм снова сбился.

- Роман Сергеевич, проходите, – сладко пропел Олег, а потом, соорудив озадаченное выражение, спросил: – Что-то случилось?

- Нет-нет, – заверил его Островский спокойным тоном. – Решил подстраховаться на случай, если Ольга Михайловна опять начнет заниматься ерундой и захочет бросить дело на полпути.

«Сволочь», – едва не рявкнула на него Ольга, но сделала глубокий вдох и сказала:

- Роман Сергеевич, почему бы вам тогда не найти другого сценариста, чтобы не думать о том, что неуравновешенная истеричка в любой момент вас кинет?

- Мне нравится работать с вами, – произнес Островский таким тоном, что Ольга почувствовала, как кровь приливает к щекам.

- Извините, – вмешался Олег, – давайте мы все-таки придем к соглашению. Роман Сергеевич, вы хотите, чтобы именно она занималась сценарием. Так?

- Да.

- Ольга, ты собираешься отказаться. Так? – повернулся к ней.
- Я могу продолжить работу, но одна. Буду высылать готовые сцены господину писателю, а он тебе.
- Не пойдет, – сказал Островский.
- Я вынужден согласиться с Романом Сергеевичем. Время – деньги, а мы его потеряем при такой работе, – заметил Олег и выжидающе посмотрел на Ольгу.

Она чувствовала себя меж двух огней и не знала, что делать. С одной стороны – выгодная работа, с другой – нежелание находиться с гением пера рядом. И сейчас она должна дать ответ.

А Самойлов хотел задушить этих двоих. Он видел, что это отнюдь не рабочие разногласия, а личные. Ольга никогда раньше не вела себя так – Олег не узнавал ее. Что-то в ней изменилось, точнее что-то в ней изменил этот писатель.

Ответа мужчины не дождались. Быстрый стук каблуков в коридоре, и в кабинет залетела самая красивая женщина, которую Ольга когда-либо видела. Сразу возникло желание выпрямить спину, втянуть живот, а лучше записаться на фитнес. Брючный костюм сидел на ней так, как будто был пошит на заказ, туфли на шпильке делали ноги длиннее. Черные блестящие локоны рассыпались по плечам, казалось, был отдельно уложен каждый волосок, светлая кожа без единого изъяна, подведенные почти черные глаза и красная помада на пухлых губах.

Олег поднял брови:

- Простите?..

Дама добродушно улыбнулась и сказала:

- Здравствуйте!
- Это юрист, который поможет составить дополнительное соглашение, – подал голос Роман и, повернувшись к ней, добавил: – Спасибо, что приехала.
- Анна Алексеевна, – представилась женщина.

Ольге показалось, что ей только что влепили унижительную пощечину.

«Это его жена», – пронеслось в голове.

- Но мы еще не решили этот вопрос, – отметил Самойлов.

Островский уставился на Ольгу, которая выглядела сейчас донельзя растерянной. Она поднялась со стула, буркнула:

- Извините, я на минуту... – и вышла в коридор.

Это походило на какую-то комедию положений, на абсурдный сценарий, кратко описанный словами «муж, жена, любовница и ее почти бывший муж». Ольга толкнула дверь туалета – хотелось спрятаться от этого, сбежать отсюда... Оперевшись руками о холодную эмаль раковины, посмотрела в зеркало и сказала:

- Не тебе тягаться с такой красотой.

Включив холодную воду, наклонилась над раковиной, смочила ладони и провела ими по шее. На лицо не плеснула, боясь испортить макияж – не хватало только с потекшей тушью вернуться в кабинет. Когда Ольга вновь подняла голову, то увидела в зеркале отражение Романа за своей спиной и резко обернулась, зло бросив:

- Занято!

- Тогда дверь закрывать надо, – спокойно ответил он и сделал шаг вперед.

- Не подходи! – предостерегающе сказала она.

- А то что? – с улыбкой спросил Островский.

- Я ей все расскажу.

- Ане? Поверь, ей глубоко плевать, с кем я трахаюсь, а вот тебе вроде бы нет.

Он сделал еще шаг, почти прижавшись к Ольге. Она выставила между ними руки, стараясь оттолкнуть Романа, но как-то без особого энтузиазма.

- Она. Твоя. Жена.

- Да, – не стал спорить Островский. – На бумаге, но я с ней даже не спал ни разу.

- Чего только не придумают мужчины, особенно с такой фантазией, как у тебя.

- Не веришь? Ну и ладно... Оправдываться я не собираюсь.

В пылу их диалога Ольга не поняла, как он незаметно поднял ее юбку

вверх, и только вздрогнула, когда почувствовала его пальцы под бельем. Попытка вырваться не удалась – Роман приподнял одной рукой ее за ногу и закинул к себе на бедро, не отрывая вторую от действий, и тихо сказал:

- Мне так нравится наблюдать за твоими оргазмами.

Он делал ее слабой, безвольной, без возможности устоять перед его напором, перед желанием. Ольга издала тихий стон, вцепившись в ворот его пиджака и запрокинув голову. Тело предало ее в который раз, и она уже двигалась навстречу его пальцам и приближающемуся экстазу.

- Вот так, – шепнул Роман в ухо. – Кончи для меня...

- У тебя странные методы убеждения, – сказала Ольга, вытирая бумажным полотенцем внутреннюю сторону бедер.

- Это не было способом шантажа или манипулированием. Ты умна и талантлива, огромный нерастраченный потенциал и понимание материала.

- А это лесть... – усмехнулась она.

- Это констатация факта, – серьезным тоном внес поправку Роман.

Дверь так и оставалась незапертой, поэтому Анна появилась неожиданно. Ольга вновь почувствовала стыд и опустила глаза, вроде бы увлекшись рисунком на плитке. Но жена Островского только лукаво улыбалась, оценивающе глядя на Ольгу, и весело сказала:

- Ребята, если вы закончили... или кончили, – тут она сама рассмеялась над своей шуткой, – то предлагаю заняться делом. И в следующий раз знайте – на двери туалета всегда есть замок.

- Спасибо, Аня, но мы вроде договорились с Ольгой Михайловной. Ведь так?

- Я закончу работу.

- Только зря приехала, – беззлобно сказала Анна. – Хотя нет. Будь, Рома, твой сценарист брюнеткой, я бы непременно ее у тебя отбила.

А Ольга совсем перестала понимать, что происходит.

Глава 11

- Вы трахнулись прямо в туалете, что ли? – весело спросила Анна, хитро прищурив один глаз, когда они с Романом вышли на улицу.

- Почти, – ответил Островский и снова сказал: – Спасибо.

- Дорогой мой человек, я бы ради тебя и в Штаты прилетела, если бы попросил. А тут... – она фыркнула, махнув рукой, – пару часов на машине, и твоя Ольга снова готова к труду и обороне. Но знаешь, Рома, я так и не поняла, тебе нужны были ее рабочие навыки или...хм...немного другие?

- Рабочие, Аня, исключительно рабочие. Она хотела бросить сценарий и вряд ли бы мои доводы даже стала слушать, если бы ты не приехала.

- Рада, что смогла помочь. Пока.

Анна поцеловала Островского в щеку, нажала на брелок сигнализации и села в машину. Роман помахал ей рукой, она улыбнулась и открыла окно.

- Знаешь, я всегда знала, что однажды какая-нибудь девушка отогреет твое ледяное сердце или разобьет его.

- Это явно не Ольга, – усмехнулся он в ответ.

Провожая взглядом автомобиль Анны, Островский мысленно себя похвалил за находчивость, которая посетила его в три часа ночи. И пусть спросонья Анна не самый дружелюбный человек, но отказать не смогла. Если бы он попытался поговорить с Ольгой, то вряд ли бы та поверила в жену-лесбиянку, которой просто нужен был статус замужней женщины для карьерного роста.

«Бред какой-то», – решила Ольга, отказываясь верить в происходящее, когда возвращалась в кабинет Олега.

- Сделай кофе, – попросила она Самойлова растерянно. Мысли скакали слишком хаотично, и ни одна из них не хотела удерживаться в разболевшейся голове.

- Что с тобой происходит? – спросил Олег, щелкнув чайник и насыпая коричневые гранулы в чашку. Ответа не последовало – Ольга сидела, уставившись в одну точку на стене и, кажется, не

слыша вопроса. – Ольга!!!

Она вздрогнула и спросила:

- Что?

- Что с тобой? – уже тише спросил Самойлов.

- Все нормально. Я продолжу работу над сценарием.

Ольга позволила Островскому связать себя по рукам и ногам, и Олега неудобно было подставлять, и денег надо было заработать. Она пообещала, что закончит работу, а значит – придется. За свои слова надо отвечать, иначе им грош цена. Только Ольга так и не поняла, гений пера хотел ее вернуть в рабочий процесс или в свою постель. И рассмеялась, представив, как его жена вместе с юристами Олега вносит в контракт пункты «секс по ночам» и «минет по утрам».

Самойлов вопросительно поднял брови, когда Ольга залилась истерическим смехом.

- Извини, – сказала она и вытерла выступившие слезы.

- Черт возьми! – рявкнул Олег и с громким стуком поставил перед ней чашку, расплескав часть содержимого на стол. – Ты мне не чужой человек, я волнуюсь за тебя! – запнулся на последнем слове, переведя взгляд с Ольги на дверь.

Она обернулась – на пороге стоял Островский и последнюю фразу явно слышал.

- Я помешал? – спросил он.

- Что вы, Роман Сергеевич, – улыбнулся Самойлов. – Ольга сказала, что вы решили возникшее... недоразумение, – подобрал подходящее слово.

- Да, – своим безэмоционально-ледяным тоном ответил Островский. – Поэтому, пожалуй, мы вернемся к работе. Как вы сами заметили – время-деньги.

- Конечно, – согласился Олег.

- Ольга Михайловна, вы идете?

- Да-да, – ответила она, поднимаясь. – Пока, – бросила Олегу и отвернулась, не желая видеть его любопытный взгляд.

- Ты сегодня непривычно молчалива, – сказал Роман на улице, когда Ольга вызвала такси.

- Мне надо заехать за блокнотом домой, – никак не прокомментировала она его слова. – Так что можешь ехать к себе, а потом я приеду.

- Поедем вместе, – безапелляционно заявил Островский, а Ольга только пожала плечами в жесте «как хочешь, мне все равно», не глядя на него. А он продолжал сканировать ее и наконец сказал: – Спрашивай.

- О чем?

- Об Ане. Или тебе неинтересно?

- Она действительно?..

- Да, – предугадав вопрос, перебил Роман Ольгу. – Один раз она оказалась в постели с мужиком и сказала, что ничего противнее с ней не случилось. И пусть сейчас повсеместно прививают толерантность, крича о том, что при приеме на работу сексуальная ориентация не важна, но какая уважающая себя контора наймет юриста-лесбиянку. Или представить ситуацию, что ты защищаешь клиента в суде, а твой оппонент может использовать нетрадиционную ориентацию против тебя, допустим, сыграв на предвзятом отношении к противоположному полу. Город наш хоть и не особо маленький, но и не столица, поэтому на заре ее карьеры поползли ненужные слухи. Анна пришла ко мне с просьбой жениться на ней, чтобы заткнуть всем рот. У меня тогда не было девушки, да и желания завязывать серьезные отношения тоже, поэтому я согласился. Недоброжелатели покачали головой, но замолчали, и ее карьера пошла в гору. Об этом никто не знает, потому что за фиктивный брак предусматривается какая-то там ответственность, наверное, административная. Тебе пришлось рассказать, чтобы ты не забивала голову угрызениями совести и продолжила работать со мной.

- Понятно, – только и смогла сказать Ольга. Расскажи он такую историю вчера утром, она бы ни за что не поверила, посчитав это самым оригинальным оправданием измены.

- Поехали, – сказал Роман, заметив машину такси, и открыл дверь.

Ольга назвала водителю адрес и отвернулась к окну, а через минуту почувствовала, как рука сидевшего рядом Островского скользнула

под юбку и начала наглаживать бедро. Она покосилась на таксиста, потом посмотрела возмущенно на Романа и одними губами сказала:

- Извращенец, – попытавшись убрать его ладонь.

- Зато как заводит, – шепнул он, наклонившись к ее уху, и прикусил за мочку.

По телу тут же побежали мурашки размером с мадагаскарских тараканов, что не ускользнуло от чрезмерно внимательного гения пера.

- Видишь, – сказал он.

Из-за его действий Ольга не заметила машину Андрея возле подъезда. Они вышли из такси, и только тогда она мысленно чертыхнулась.

- Может, не отпускай машину. Я скоро вернусь, – быстро протараторила Роману, но тут же издала мысленный стон, потому что услышала окрик:

- Оля!

Островский демонстративно хлопнул дверью и уставился на приближающегося Андрея, который рассматривал его с неменьшим интересом.

Ольга со вздохом сказала:

- Привет. Что случилось?

- Ты не берешь трубку, – с беспокойством заметил Андрей, игнорируя присутствие Романа, но продолжая изредка бросать на него взгляды. Островский делал вид, что дело еще вообще не касается, но прислушивался к разговору.

- И?.. – не поняла Ольга.

- Просто хотел убедиться, что у тебя все в порядке, и попрощаться.

- Все отлично. Пока. Мне надо работать.

Андрей вроде бы еще что-то хотел сказать, но улыбнулся и быстрым шагом пошел к машине. А Ольга смогла выдохнуть, только когда он скрылся за поворотом.

- Очередной бывший? – спросил Островский безразлично.

- Отвали, – ответила она, отыскав ключи в сумке.

- Что-то мы их довольно часто встречаем. Ты с половиной города перетрахалась? – и все тот же тон.

Вот это терпеть уже было невозможно – Ольга как будто второй раз за день получила пощечину и решила, что не ей одной сегодня должно перепасть, поэтому резко развернувшись, звонко влепила гению пера по лицу.

Ни один мускул не дрогнул на лице Островского, только взгляд немного изменился. Он тихо и очень спокойно сказал:

- Не делай так больше.

- Пошел в задницу! – выпалила Ольга.

- Ох, с удовольствием. Желаеть поэкспериментировать с сексом?

До нее не сразу дошел смысл сказанной фразы, а потом она снова замахнулась, но на этот раз Роман успел перехватить ее руку и все тем же ровным тоном уточнил:

- Я сказал, так больше не делать.

- Жди здесь, я сейчас вернусь.

Ольга вырвала руку и залетела в подъезд. Островский на удивление вполне мирно кивнул и остался на улице.

«А чего ты ждала?» – спросила она у самой себя, поднимаясь по лестнице. На глаза едва не навернулись слезы после вспышки злости, когда он почти назвал ее шлюхой, грудь сдавила обида. Ольга понимала, что сама виновата – позволила трахнуть себя на второй день знакомства, а потом с увлечением продолжала, отбросив все правила приличия. Но ведь это был просто секс, а тут с какого-то перепуга ему понадобилось выяснять про количество ее любовников. А ведь сама Ольга даже не знала, кто ждет Романа дома, сколько бывших и настоящих у него. Ничего...

Забросив блокнот в сумку, успела быстро принять душ и переодеться, решив, что от Островского не убудет, если он погрееется на весеннем солнце. Но Роман не скучал – он успеть обаять соседку, которая, несмотря на почтенный возраст, жеманно улыбалась и заливалась краской.

«Он точно владеет гипнозом», – решила Ольга.

- Спасибо за увлекательную беседу, – галантно сказал гений пера и даже приложился губами к морщинистой руке.

- Значит, так, – сказала Ольга, подкурив, когда соседка скрылась за дверью подъезда. – Я продолжаю работать, но тоже выдвигаю свои условия.

- И какие же? – спросил Роман.

- Мы больше никогда не трогаем тему, кто, когда, где, с кем и в каких позах трахался. Ты не пытаешься меня затащить в постель...

- То есть в постель я тебя затащил? – перебил ее Островский. – Мне кажется, что ты не больно сопротивлялась.

Ольга покраснела, отведя взгляд, и сказала предостерегающе:

- Ты меня понял.

- Конечно, – усмехнулся он, оставив свои планы при себе.

Глава 12

Первую неделю Ольга еще вздрагивала, когда Роман подходил слишком близко, недоверчиво хмурилась, пытаясь найти в его словах какой-то скрытый подтекст, и сама не понимала, ждет она этого или боится. Но никаких поползновений Островский не делал.

Олег вроде бы выдохнул с облегчением, поняв, что эти двое пришли к консенсусу. Сцены приходили почти каждый день, Самойлов не мог нарадоваться – ему даже в режиссерском сценарии ничего поправлять не придется. С Островским они пару раз виделись, когда общались с другими членами съемочной группы, но Олегу начало казаться, что интересуется уже Романа процесс съемок мало.

Он всегда хотел быстрее вернуться к сценарию. Писать – это то, что он умел, а в кинематографе мало понимал. Именно так он себя убеждал, пусть и на подсознательном уровне понимал, что вернуться хочет к Ольге.

Но Островский знал – не готова. Она сейчас включила обычную женщину, обычные обиды, стереотипы...

Больше половины сценария, усердная работа, когда Ольга уезжала

домой только принять душ, поесть и поспать, что удавалось реже всего.

Ни один из них не знал, ждут они окончания работы или боятся прощания, пока однажды ночью Ольга не проснулась среди ночи и не поняла, что расставаться с ним ей не хочется. Как можно было прикипеть, настолько привыкнуть к человеку меньше чем за две недели? Слово «влюбиться» она старательно не впускала в свои мысли. Посмотрела на часы – четыре утра.

«Спишь?» – набрала СМС, долго смотрела на текст, не зная, то ли удалить, то ли отправить... И все-таки отправила. А потом хлопнула себя по лбу, обозвав дурой, и вышла на балкон, не забыв при этом прихватить телефон.

Едва успела подкурить, как пришел ответ:

«Нет».

Кратко и по существу, как раз в стиле гения пера.

«Может, продолжим работу?» – чуть помедлив, набрала Ольга.

«В четыре утра?» – пришел вопрос от Островского, а следом снова сообщение: – «Приезжай».

Ольга смотрела на телефон, пока не истлела сигарета в руках. Потом в голову закрались мысли: как он отреагировал, почему не спит, что делать... Но пока эти вопросы вертелись в голове, руки суматошно хватались за одежду, расческу, телефон.

Две сигареты на улице и еще прохладная весенняя ночь не остудили голову, и Ольга без раздумий прыгнула в машину такси.

«Я еду работать. Какая разница, сколько времени, если мы оба не спим. Но что он подумал, когда я написала ему в это время? Да плевать! Я же ясно ему все дала понять, и он вроде понял».

Как люди умеют себя успокаивать, отрицать очевидное, лишь бы не пускать в свою голову то, к чему они не привыкли, что не хотят принимать, во что не хотят верить. Странная атравмирующая особенность человеческой психики, видимо, защищающая от сумасшествия.

Сейчас Ольга и ощущала себя на грани сумасшествия, не понимая, зачем и что делает, но все равно ехала и даже не думала повернуть машину обратно.

Роман удивился, а удивить его мало кому удавалось. На самом деле он спал, но слышал звук оповещения на телефоне. Сначала хотел проигнорировать, но все-таки протянул руку к тумбочке и, взглянув на дисплей, улыбнулся. Неожиданно, но сюрприз получился довольно приятный.

Быстро принял душ, чтобы окончательно проснуться, оделся и пошел заваривать кофе, то и дело поглядывая в окно. Ему казалось, что Ольга в последний момент передумает. Но вот темный двор осветили фары автомобиля, который остановился прямо напротив подъезда, а через минуту раздался звонок в домофон. Роман нажал кнопку на белой трубке, повернул ключ в дверном замке и вернулся на кухню. За последнюю неделю это стало своеобразным ритуалом: Ольга приезжала в одно и тоже время, он просто оставлял дверь открытой и шел делать кофе.

Так и сейчас – он услышал, как хлопнула дверь, возню в коридоре и едва слышные приближающиеся шаги.

- Доброе утро! – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал как можно непринужденнее.

- Привет, – отозвался Островский, поворачиваясь с двумя чашками в руках.

Ольга неосознанно повела плечами от взгляда, который он бросил на нее. Так он не смотрел на нее уже неделю. Чтобы как-то сгладить начинающий выступать угол, она сказала:

- Давай работать.

Роман смотрел на нее молча не меньше минуты, борясь с желанием заправить за ухо выбившуюся из ее прически прядь. Он видел, что собиралась Ольга скорее всего второпях, то ли боясь передумать, то ли желая быстрее оказаться здесь. Он все-таки надеялся на второе.

- Ты работать приехала почти в пять утра? – спросил он.

- А зачем же еще? – Ольга сделала глоток из чашки и закурила.

- Ты кому сейчас лжешь? Себе или мне?

Она молчала минуту...две...три. Успела уже подкурить вторую сигарету, и Роман понял, что его вопрос останется без ответа. Она себе не могла признаться, а ему и подавно.

Островский открыл ноутбук и сказал, пожав плечами:

- Продолжим работать, значит.

Ольга, кажется, даже не услышала, что он сказал. Со стороны могло показаться, что ее интересуют цветочки на обоях, но на самом деле она их даже не видела. Погруженная в разрывающие ее мозг напололам мысли, она не видела и не слышала ничего вокруг, только периодически подносила сигарету к губам.

Она боялась: и своего влечения к этому мужчине, и того, как он на нее действовал, и себя саму. Она к такому не привыкла, она такого не понимала, поэтому и не знала, что делать, как себя вести, что сказать.

Роман видел, что сейчас Ольге точно не до работы. Он все-таки протянул руку и заправил эту прядь, которая не давала ему покоя. От прикосновения Ольга слегка вздрогнула и повернула к нему голову.

- Что? – слегка испуганно спросила она.

Островский улыбнулся одним краешком губ и покачал головой – мол, ничего.

- Кажется, тебе не до работы?

- Нет, – неуверенно ответила Ольга, отведя взгляд. – Все нормально.

- Я бы так не сказал. Может, поговорим?

- О чем?

- О нас, – сказал Роман и, взяв ее за подбородок, заставил поднять голову. – Что случилось сегодня, что ты приехала в пять утра? И не надо мне сейчас опять говорить о работе.

- Не о чем тут говорить, – довольно резко выпалила Ольга, дернув головой, чтобы избавиться от его пальцев на своем лице. Даже это прикосновение было невыносимым... Невыносимо приятным.

«Опять начинает выпускать колючки, как дикобраз», – подумал Островский.

Она снова закурила, на этот раз подойдя к окну, чтобы быть хоть немного дальше от Романа. Теперь Ольга корила себя за этот порыв приехать среди ночи и действительно обманывала себя, а вот его обмануть не удалось. Создавалось впечатление, что он видел ее

насквозь, и от этого становилось неуютно. Она не услышала, скорее почувствовала, как он подошел, и напряженно застыла. Не сопротивлялась, когда Роман забрал сигарету из ее рук и затушил, а потом просто развернул Ольгу лицом к себе и спросил:

- В чем дело?

- Я... – она запнулась. – Не знаю.

- А кто тогда знает?

Вопрос был риторическим и просто повис в прокуренных стенах кухни, а они продолжали стоять друг напротив друга. Без действий. В полном молчании.

Островский первым разорвал тишину:

- Мы сейчас ведем себя, как два идиота в подростковом возрасте, а ведь же взрослые люди. Неужели так трудно сказать: «Роман Сергеевич, ты мне нравишься», а я бы тебе ответил: «Ты мне тоже, Ольга Михайловна». Зачем все усложнять? Я же не кусаюсь.

- Правда? – Ольга подняла брови, а Островский улыбнулся, оценив шутку.

- Только в порыве страсти. А ты мне серьезно нравишься, можешь даже почувствовать, насколько сильно.

Он обвил одной рукой талию Ольги и прижал к себе, заметив, как на ее щеках появляется румянец смущения от того, что она действительно почувствовала, насколько ему нравится. Рука Романа уже скользнула под ее рубашку и теперь легонько наглаживала спину. А сам он продолжал:

- Я не собираюсь дурить тебе голову байками о «долго и счастливо», а потом просто сказать: «Извини, мы не подходим друг другу» и свалить в закат. Но мы можем сделать очень приятным то время, что проведем вместе. Если ты этого не хочешь, то заставить я тебя не смогу, и мы сейчас же забудем про этот разговор и сделаем вид, что между нами не скажут искры и ничего не было. Так что?

Ольга ничего не ответила, но вместо ответа положила руку ему на затылок и притянула его лицо к своему, заметив, как в легкой улыбке дрогнули уголки губ. Она удивилась сама своим действиям, учитывая, что Островский действовал на нее, как удав на кролика. Ольга лишь легонько коснулась его губ своими, но уже через секунду

Роман до боли даже не целовал, а почти истязал ее губы. Таким она его видела впервые, чувствовала, как трясет все его тело, а дрожащие руки едва справляются с одеждой.

- Не могла платье надеть? – выдохнул он ей в губы, пытаясь справиться с пуговицей на джинсах.

Романа действительно трясло так, будто секса у него не было не неделю, а целую вечность. Ему сейчас было не до долгих прелюдий, не до ласки и не до романтики – он хотел ее прямо здесь и прямо сейчас. Наконец справившись с осточертевшей пуговицей, Островский просто рванул джинсы вниз, приподнял Ольгу над полом, сделал два шага к столу и развернул ее спиной к себе, заставив опереться руками о шаткую столешницу и прогнуться в спине. Со своими брюками Роман справился быстрее и в нетерпении сделал первый толчок.

Когда Ольга его ощутила в себе, то почувствовала, как дрогнули ноги, и вцепилась в стол так, что побелели костяшки пальцев. Островский с обеих сторон до боли сжимал ее талию, все наращивая темп, и вскоре Ольга поняла, что от переизбытка удовольствия уже не может стоять на ногах. Роман остановился, покинул ее тело, и Ольга почувствовала, что его руки заскользили по ногам, окончательно освобождая их от так и не снятой полностью одежды.

Островский притянул ее к себе, заставив переступить ее через джинсы на полу, сам присел на табуретку и одним движением усадил Ольгу сверху. Поняв, что Роман все еще готов к дальнейшим действиям, она спросила:

- Ты еще?..

- Нет.

Его руки легли на ее бедра и помогли сделать первое движение. Если бы Островский не прислонился к стене, то они бы быстро оказались на полу. Ольга прикрыла глаза, но тут же услышала:

- Смотри на меня.

Никогда она не испытывала таких эмоций – не просто соединение телами в физиологической потребности, а настоящее растворение в человеке, полное слияние. И от этого становилась столь же приятно, как и страшно.

Телефон разрывался где-то далеко. Ольга открыла глаза, но сон еще окончательно не ушел. Роман лежал рядом на животе, пристроив одну руку на ее груди, а вторую под подушку. Ольга аккуратно встала, чтобы не разбудить его, и нагишом пошла на поиски телефона, который мирно покоился в джинсах, оставленных на полу кухни.

Увидев, кто звонит, она мысленно застонала, но не ответить не могла, поэтому сделав глубокий вдох, сказала в трубку:

- Слушаю.

- Ольга! – услышала высокий женский голос в трубке. – Совсем про мать забыла?

- Нет, мама, я занята на работе.

- Ты нашла нормальную работу? – недоверчиво спросила мать Ольги, Галина Леонидовна.

- Я сейчас адаптирую киносценарий по книге, – как можно спокойнее ответила Ольга, чувствуя, как ногти руки, сжатой в кулак и свободной от телефона, впиваются в кожу.

- Тьфу... Вот я всю жизнь отработала на заводе, а не мыкалась туда-сюда в поисках легкой работы, скоро, не дай бог, пойдешь на трассу, совсем обленившись, и будешь прыгать на членах, пока возраст позволяет.

- Мама, что ты несешь?

- А что я несу? Ты же вся в папашу, безответственная, легкомысленная. Но я же все равно тебя люблю и говорю так, потому что желаю тебе лучшего.

- Спасибо, мам, – не желая комментировать последнюю фразу, ответила Ольга, уже едва сдерживая слезы. – Извини, я занята.

- Ладно, – обиженно протянула Галина Леонидовна. – Если тебе даже с матерью некогда поговорить... – и бросила трубку.

Дрожащие руки пытались справиться с зажигалкой. Последние лучи заходящего солнца красным светом озарили кухню, и Ольга увидела свое едва заметное отражение в окне.

«Только не плакать».

Но предательские слезы покатались по щекам, как бы она не

старалась их сдерживать. Такое бывало часто после разговора с матерью – Ольга снова чувствовала себя маленькой беззащитной девочкой, униженной и ничтожной. И плакала она сейчас не от обиды, а от собственного бессилия, от невозможности избавиться от этой детской неуверенности.

Услышав шаги за спиной, Ольга смахнула слезы. На обнаженные плечи легли теплые руки, и она услышала тихое, в самое ухо:

- Доброе утро.

- Сейчас вечер, – усмехнулась Ольга.

- Тогда идем спать дальше, – интимно шепнул Роман, переместив руки с плеч на грудь.

- Сейчас. Покурю еще.

Островский развернул Ольгу к себе лицом и внимательно посмотрел на нее, а потом спросил:

- Что случилось?

- Ничего, – поспешно ответила она.

- Ты плакала, – даже не спросил, а просто констатировал он факт.

- Не твое дело! – не выдержала Ольга, не понимая, почему это вообще его интересует и какого черта он лезет куда не просят, а через секунду осознала, что просто сорвалась на нем, и сказала: – Извини.

Роман молча поставил на плиту чайник, а она быстро оделась и не знала, куда себя деть. Островский был непроницаем, и Ольга не понимала, задела ли его ее слова, все ли равно ему или нет.

- Знаешь, – начал он, – когда-то я был похож на тебя. Взрывной, импульсивный, эмоционально нестабильный...

- Ты? Быть такого не может!

- Может, все может. Драки, ссоры, отделения полиции... я проходил через это едва ли не через день. Тонул в пучине алкоголя, легких наркотиков и одноразового секса, а Анна меня вытаскивала из «обезьянников», пыталась научить уму-разуму, но потом все повторялось вновь. Где-то два года назад она уехала с очередной подружкой отдыхать, а я опять загремел в каталажку. Родителей уже давно не было в живых, Анна на отдыхе, а друзьям, с которыми я куролесил дни и ночи, оказалось не до меня. И за то время, что я там

провел, понял: пора что-то менять. Вышел я оттуда другим человеком – от моей несдержанности не осталось и следа, я научился управлять эмоциями. Спокойствие – залог контроля над ситуацией. Ты этого делать не умеешь, поэтому эмоции управляют тобой, а не ты ими.

Пока Роман рассказывал, успел сделать кофе и бутерброды и сел напротив слегка шокированной Ольги. Она не верила, что он сейчас рассказывал о себе.

- И потом ты начал писать?

- Я делал это всегда. Закончил журфак, писал небольшие новостные статьи в интернет-журнал, но, видимо, из-за неполной самореализации и пошел по наклонной. Когда Анна вернулась, даже перекрестилась, хотя особой набожности за ней никогда не водилось, и сказала, чтобы я чем-нибудь себя занял, пока не вернулся к старым привычкам или не впал в депрессию. И я начал делать то, что умел. Так и родилась эта книга.

- Искусство рождается только от горя. И никогда – от радости, – процитировала Ольга.

- Чак Паланик, – быстро определил Роман. – Хороший автор со своеобразным мировоззрением. Так ты расскажешь, что случилось?

- На фоне твоей истории, достойной пера классика, моя покажется рассказом непризнанного гения, скучно и избито.

- Не бывает скучных историй. Все дело в подаче материала.

С подачей у Ольги вышло плохо, местами она выплескивала одни эмоции, отходя от фактов, местами просто замолкала, думая о своем, но рассказала все: про отца, которого не видела двадцать лет, про странное проявление материнской «любви», про побои в детстве, про многочисленных маминых любовников и реки алкоголя в квартире...

- Сейчас она живет на другом конце города, я иногда заезжаю, но стараюсь это делать как можно реже. Спасибо бабушке, которая оставила мне квартиру, в которой я сейчас живу. Но при каждом маминном слове я чувствую себя...ником, – закончила Ольга.

Роман ни разу не перебил ее, она даже не была уверена, слушает ли он, но выговорившись, почувствовала, что стало легче. Наконец Островский подал голос:

- Ты до сих пор живешь той ситуацией, при общении с матерью в

тебе поднимают голову те же эмоции, и ты их проживаешь вновь, как много лет назад. Но ты уже не та маленькая девочка, ты взрослая красивая самостоятельная женщина, и только тебе решать, как жить и что делать. И лучше это понять раньше, пока ты сама себя не съела изнутри. Но ведь ты не все рассказала? В одном месте ты запнулась, как будто проглотив фразу, а потом перескочила на другое событие.

Ольга молчала, об этом она никому не рассказывала. Это было отвратительно, унижительно и осталось ее далекой детской травмой. Но Роман сам начал:

- Кто-то из собутельников матери тебя?.. – он, кажется, сам не хотел произносить это вслух.

- Нет, – резко ответила Ольга, потом сделала шумный вдох-выдох, будто собираясь с силами, и сказала: – Почти. Мне было тринадцать. Мама пришла с уже вроде постоянным хахалем, они до вечера пили, потом полночи стонали и наконец затихли. У меня была отдельная комната, жаль, что без замка, но стены в панельном доме не отличаются звукоизоляцией, поэтому я всегда все слышала. Едва я уснула, как почувствовала, что сверху на меня навалилось что-то тяжелое, хотела закричать, но он мне зажал рот и зашептал: «Тихо, детка, тихо. Я же знаю, что ты этого тоже хочешь, видел, как ты на меня смотришь. Правильно, лучше я, чем какой-то сопливый пацан из подворотни». Не знаю, что там навывдумывал его пропитанный алкоголем мозг, но он твердо вознамерился меня поиметь. Без понятия, откуда у подростка взялись силы, но кое-как я высвободила одну руку и дотянулась до тяжелого ночника, слава советским изделиям. Огрела его сильно и испугалась, когда он отключился. Всю ночь я просидела под раковиной в ванной, вздрагивая от каждого звука и зная, что при большом желании хлипкая дверь не станет препятствием. Меня потом долго преследовали запах перегара и немытого тела, воспоминания о прикосновениях его грязных лап и возбужденного члена к моему бедру.

Ольгу даже сейчас передернуло от отвращения и брезгливости.

- Ты поэтому такая колючая? – спросил Роман.

- Не знаю, – пожала она плечами.

- Убивал бы таких скотов, – тихо, но жестко сказал Островский и впечатал кулак в стол.

Ольга удивленно посмотрела на него и поняла: а ведь убил бы

действительно. Этот человек был сродни потухшему вулкану – вроде бы потух, но кто его знает...

- Я, наверное, домой поеду.

- Давай мы лучше пойдем спать, – предложил Роман.

- Мы же только что кофе выпили.

- Значит, примем двойную, а хотя лучше тройную дозу снотворного.

О каком снотворном он говорил, даже не стоило спрашивать. И так все понятно.

Они перестали быть друг для друга «белыми пятнами» в сюжете. Зная о прошлом человека, можно понять его настоящего. И взаимопонимание было достигнуто.

Глава 13

Чувствовала ли себя Ольга хоть когда-то счастливой по-настоящему? Вряд ли. Только сейчас, в этот маленький отрезок времени, когда могла заниматься тем, что ей нравится, рядом с мужчиной, который ее понимал. Но время – беспощадный противник, оно увеличивает свой бег в такие моменты, превращая их в воспоминания, в ностальгию.

Когда в сценарии была поставлена последняя точка, она это осознала наиболее полно, и эта точка стала ржавым гвоздем в сердце.

- Я завтра уезжаю, – сказал Роман.

Пока слова не были произнесены, они не воспринимались всерьез, хотя Ольга знала, что этот момент наступит. Ничто не длится вечно. В ответ она только кивнула, понимая, что изначально у их отношений не было будущего. Даже если бы они попытались сохранить их на расстоянии, наматывая периодически сотни километров друг к другу, то сколько бы они так выдержали? Год? Полгода? Ольга бы изводила себя мыслью, где он, с кем он, а при встречах бы терзала себя сомнениями и вопросами, сколько баб он поимел с момента их последней встречи. И не факт, что Роман не думал бы так же.

Он смотрел, как она молча курит, как немного нервными движениями сбрасывает пепел, и понимал, что это будет тяжело. Это расставание дастся им обоим очень тяжело. Но се ля ви.

- Я буду скучать, – добавил Островский.

«Зачем?!» – едва не заорала Ольга. – «Зачем ты мне это говоришь?!»

Лучше бы он промолчал. Эти слова лишь усугубили атмосферу, повисшую между ними. Они вбили еще один гвоздь в сердце, открывая новую кровоточащую рану. Ольга мысленно себя успокаивала тем, что знала все заранее, так что никаких претензий, никаких упреков, но эта иллюзия счастья, созданная помимо воли, крепко обосновалось в голове.

А сейчас у них осталась еще одна ночь. Роман делал все медленно, не оставив без внимания ни один участок ее тела. Ольге это нравилось, но одновременно и было больно от понимания того, что он просто с ней прощается. Как не оттягивай, как не старайся взять у ночи каждую секунду, все равно будет мало. Это как с деньгами – сколько человеку ни дай, будет мало.

Утром казалось, что стрелка часов движется еще быстрее. Когда Ольга открыла глаза, взгляд сразу остановился на собранных вещах Романа. Вот и все!

Скрипнула дверь ванной, шаги на кухню, запах свежесваренного кофе – все эти мелочи стали настолько привычными, почти родными, что утро без них уже не представлялось. Но привыкнуть можно ко всему, и Ольга верила, что снова привыкнет к своему дивану, к тишине квартиры, к одиночеству.

Она почти бесшумно проскользнула в ванную и, стоя под теплыми струями, старалась окончательно принять конец этой главы в своей истории. Но самоубеждение не срабатывало.

«Ничего... Пройдет время, притупятся эмоции, и мы забудем друг о друге».

Ольга замоталась в полотенце и вышла на кухню, нацепив на лицо беззаботную улыбку.

- Доброе утро!

- Доброе, – откликнулся Роман и спросил: – А что под полотенцем?

Рука его скользнула по бедру, вознамерившись проверить наличие нижнего белья.

- Кофе остынет, – заметила Ольга.

- Черт с ним!

Островский потянул за один край, и полотенце упало на пол. Он усадил Ольгу на жалобно скрипнувший стол и устроился между ее ног, обвинивших его бедра. Вряд ли хоть один наркоман испытывал такую эйфорию от дозы, какую Роман испытывал от секса и даже просто от прикосновений к этой женщине. И сейчас он не хотел завязывать, еще есть возможность вырвать у времени несколько мгновений...

Шум вокзала раздражал, не давал погрузиться в воспоминания, сосредоточиться на тех ощущениях, которые он испытал перед выходом. Прощаться он никогда не умел, и Ольга, судя по всему, тоже, поэтому кроме короткого «прощай» они не смогли ничего сказать друг другу. Хотя Островский хотел... Он сам не понимал, что же хотел от нее услышать: признание в любви, просьбу остаться или что-то еще.

Роман уже вызвал такси для себя и для нее, но вдруг ясно и четко понял, что, возможно, больше никогда ее не увидит. Разочарование и бессилие всегда будили в нем спящего дикого зверя, и этот зверь неистово рвался наружу. Почти на выходе он просто впечатал Ольгу в стену, задрал ее руки над головой, удерживая своей ладонью, оставляя синяки на запястьях, избавил свободной рукой от одежды и начал с невероятной одержимостью вколачиваться в ее тело. Он не понимал, стонет она ему в ухо от удовольствия или от боли, но ему это надо было до ломоты во всем теле. Роман оставлял следы зубов на ее щеке, на шее, на губах, на груди, следы рук на бедрах, ягодицах, спине. Своеобразно оставляя на ней метки, хотел заклеить ее своей, чтобы каждый видел, что она принадлежит кому-то другому. Пусть это было эгоистично с его стороны, но ничего с собой поделаться он не мог.

Ольга попросила остановить машину на полпути. Какая-то тупая боль в груди, которая доселе была ей неизвестна, казалось, не может уместиться в маленьком салоне автомобиля.

Сколько силы воли и самообладания понадобилось для этого прощания, сколько усилий, чтобы промолчать. Если бы только он

сказал... А что он мог ей сказать? Что любит? Что не хочет уезжать? Позвать ее с собой? Нет, Ольга помнила, что он четко поставил рамки и сроки их совместного времяпрепровождения.

«Молчи, молчи...» – она повторяла это как мантру, как молитву, когда прощалась с Островским.

Квартира встретила слоем пыли и тишиной. Ольга захлопнула дверь и поняла, что сил больше нет, сползла по стенке на пол и уткнулась лицом в колени. Комок в горле разорвался, вырываясь мокрыми дорожками из глаз. Никогда почти за тридцать лет она не плакала из-за мужчины, но все бывает впервые. И все проходит...

Подкатил новый комок, на этот раз не слезы, а тошнота. Сбросив обувь, Ольга бросилась в туалет, ее как будто выворачивало наизнанку, желудок заходился спазмами, а из глаз продолжали катиться слезы уже от приступа рвоты. Когда он закончился, она продолжала сидеть на холодном кафельном полу, тяжело дыша, пока из транса ее не вывел звонок телефона в кармане.

- Привет, – весело пропела Наташа в трубку. – Уехал твой писака?

- Да, – хрипло ответила Ольга.

- А что с голосом? Только не говори, что ты расстроилась по этому поводу и сейчас льешь слезы?

- Все нормально. Плохо себя чувствую.

- Тогда сейчас приеду и подлечу тебя хорошим вином. Идет? – спросила подруга.

- Хорошо.

- Договорились. Через полчаса буду.

«Ну вот, жизнь возвращается в привычное русло».

Ольга заставила себя подняться, принять душ и даже улыбнуться запотевшему отражению. Никому не стоило видеть ее состояние, она с этим справится сама.

Наташа, казалось, смела в магазине все, что попало под руку, потому что ввалилась в квартиру с двумя огромными пакетами со словами:

- Я подумала, что у тебя в холодильнике мышь повесилась.

- И оказалась права, – подтвердила Ольга.

Вдвоем они ловко орудовали ножами, нарезая нехитрые закуски и вроде бы болтая ни о чем. Наташа долго косилась на уже выступившие синяки на теле, но все-таки не выдержала:

- Твой писака тебя избил что ли? Или так жестко трахал?

- Никто меня не избивал, – рассмеялась Ольга, но от воспоминаний о том, как эти пятна появились на теле, бросило в жар, а живот начало стягивать.

- Ольга, мы были молоды и только, а жизнь такой казалась долгой, неслышно маятник стучал, – затянула Наташа, почти подражая голосу Маркина. Ольга не осталась в долгу и в ответ вполголоса запела:

- Натали утоли мои печали, Натали! Натали я прошёл пустыню грусти полземли! Натали, я вернулся, чтоб сказать тебе прости, Натали, от судьбы и от тебя мне не уйти! Утоли мои печали, Натали!

- Хорошо, что ты сама себе не изменила. Я боялась, что твой писака оставит шрам на сердце, но он оставил только синяки на коже, а они сойдут.

Улыбка сползла с лица Ольги, и возникло ощущение, будто кто-то повернул гвоздь в сердце.

- Фу, – вдруг скривилась она. – Что за отвратительный запах?

Наташа удивленно подняла бровь и ответила:

- Твой любимый болгарский перец, специально для тебя покупала, – и продемонстрировала крупный овощ, разрезанный пополам.

- Ага, – шепнула Ольга, стараясь подавить вновь накатывающий приступ тошноты. Нервы, все нервы и стресс.

Вино было вкусное, разговоры больше не касались Островского, но тарелка с нарезанным перцем вызывала отвращение. Наташа подозрительно посматривала, но молчала.

- Пойдем покурим, – предложила Ольга и поднялась, почувствовав легкое головокружение от выпитого.

- Ты точно в норме?

- Да. Тяжелый был месяц.

«Месяц?» – пронеслось в голове. – «Твою ж... Нет, быть этого не может...»

На балконе стало легче дышать, но мысль о возможных последствиях ее продуктивной работы с Романом не отпускала. Первая затяжка отдалась снова спазмом в желудке, а после второй Ольга почти бегом бросилась опять в туалет, зажимая ладонью рот. Наташа появилась через пару минут следом и наконец высказала вслух вопрос:

- Подруга, а ты часом не беременна?

- Нет, я на противозачаточных таблетках.

- Ну-ну... Но даже таблетки не могут тебе дать стопроцентной гарантии защиты. А если один-два дня забыла принять, то процент действия падает еще ниже. Задержка есть?

Ольга кивнула. Наташа вышла в коридор, вернулась с маленькой прямоугольной картонной коробочкой и протянула подруге.

- Откуда у тебя тест на беременность?

- Да покупала по нужде как-то, но пока дошла до дома, он уже был без надобности. А ты давай это...не тани. Я буду ждать на кухне.

Ждать долго не пришлось. На белой палочке сразу же выступили две яркие полоски. Да, Роман хотел ее заклеить, он это и сделал, пусть не совсем так, как планировал.

В мыслях Ольги сейчас не было ни одного цензурного слова, но материться сейчас нет времени, надо решать эту проблему. Она смыла тест в унитаз, чтобы, не дай бог, Наташа не попросила посмотреть, и, призвав все свое хладнокровие, – не зря она столько времени провела с гением пера, хоть чему-то у него научилась – вернулась на кухню.

- Ну что?

- Ничего, – улыбнулась в ответ Ольга.

- Ну слава богу! – вроде бы с облегчением выдохнула Наташа и добавила: – Я поеду через десять минут, за мной должны приехать.

- Очередной кавалер?

- Можно и так сказать.

Едва захлопнув дверь и оставшись наедине со своей проблемой, Ольга ринулась к ноутбуку и нашла телефон ближайшего медицинского центра. Девушка на другом конце провода была до приторности вежливой.

- Вам надо сдать общий анализ крови, анализ крови RW на сифилис и ВИЧ. Вы успеете их сделать за завтрашний день, тогда я смогу вас записать на послезавтра к врачу.

- Успею, – ответила Ольга. – Записывайте.

Теперь она искала контакты ближайшей лаборатории, где за сутки ей могли бы сделать все необходимые анализы. Еще один звонок, такая же вежливая девушка и запись на утро.

«Надеюсь, дополнительный бонус в виде венерички он мне не оставил».

Опасения оказались напрасными – с анализами все было в порядке. Ольга забрала их уже вечером и ждала следующего дня.

«Пара таблеток, всего-то пара таблеток, и проблема решена».

Роман стоял у открытого окна в своей квартире, глядя на закатывающийся за горизонт огненный шар. Рука непроизвольно потянулась к телефону, но так и не взяла его.

«Зачем?» – одернул он себя. – «Что я ей скажу?»

Поговорку о том, что «клин клином» он помнил хорошо, поэтому вместо заветного номера набрал другой и услышал:

- Рома! Ты где пропал?

- Привет, Леха. Какие планы на завтра?

- Пятница же! Планы стандартные: пить и трахаться, – Леша радостно хохотнул. – Ты с нами?

- Пожалуй, да, – ответил Островский.

- Ого! Что это на тебя нашло?

- Ничего, был тяжелый месяц, хочется отдохнуть.

- Отдых я тебе обеспечу. Завтра еще созвонимся.

В этом был весь Леха – вечно молодой, вечно пьяный. Еще в

студенческие времена, если нужны были выпивка и девочки, то стоило только ему позвонить, и Леша, как фокусник, быстро находил и то, и другое. А сейчас Роману просто необходимо было выбить образ Ольги из головы.

Подташнивало даже от запаха кофе, про сигареты можно было и не упоминать. Поэтому Ольге пришлось отказаться от утренней традиции и заливать в себя чай, причем, без табака. Она старалась не думать ни о чем, не накручивать себя и тем более не коситься в сторону телефона. Сегодня же все закончится, а потом и забудется...

Кто-то настойчиво издевался над дверным звонком, кто-то, до кого Ольге не было дела. Открывать она не планировала, сейчас не до незваных гостей. Через пять минут звонок замолчал, но ожил телефон.

«Открой мне дверь», – гласило смс от Олега.

Ольга знала, что от него так просто не отвяжешься. Тяжело вздохнув, подошла к двери и распахнула ее, сразу же спросив:

- Какого хрена?

- Зачем так грубо? – Олег протиснулся в прихожую. – Надо поговорить.

- Предупреждать о визитах не пробовал?

- Ты ж постоянно дома почти, так что был уверен, что застану тебя, тем более утром. А ты чего такая злая? Красный день календаря или из-за отъезда своего любовника расстроилась?

- Пошел ты! – почти беззлобно бросила Ольга. – Чего надобно? Только быстро, у меня дела.

Олег задержал взгляд на чашке чая и спросил:

- Изменяешь своим привычкам? – и, прищурив один глаз, начал пристально рассматривать Ольгу.

- Что? – вырвалось у нее.

- А ты изменилась. Так вроде и незаметно, но что-то есть. И я как человек, знающий тебя не один год, сразу заметил.

- Олег, мать твою! Что ты хочешь?

- Хочу, чтобы ты вернулась к работе. То, что вы сделали с Островским... Это гениально! Такой талант пропадает...

При упоминании о Роме Ольге показалось, что ей без анестезии вскрыли грудную клетку. Боль была почти физической.

- Давай об этом не сегодня. Я пока подумаю. А теперь давай на выход.

- Тебя подвезти? – спросил Олег, уже стоя в дверях.

Ольга отрицательно покачала головой, он пожал плечами и вышел.

Роман открыл ноутбук, когда еще было темно, и вот уже несколько часов просто таращился в монитор. На творческий кризис свой ступор он не списывал, это отговорка для лентяев. Намеченный план на новую книгу, который был набросан довольно давно, хотелось переписать: сделать героев другими, поменять идею...

Наконец он опустил руки на клавиатуру и начал печатать, создавая другие образы. За окном рассветало, а Роман все что-то правил, менял, дополнял. Точка... Он перечитал написанное и чертыхнулся. Его героиня, чей образ он создал только что, была вылитой Ольгой.

Островский довольно нецензурно выразился, выделил текст и остановил указательный палец над кнопкой «delete». Прочитав еще несколько раз, так и не удалил. Слишком хорошо написано, очень живо, по-настоящему. Но образ образом, а эту женщину ему необходимо было выбросить из головы.

Частные медицинские центры не похожи на муниципальные учреждения, откуда никогда не выветриваются отвратительные запахи, где царит гнетущая атмосфера и до тебя никому нет дела. Ольгу поприветствовала вежливая администратор и уже через пару минут пригласила в кабинет врача.

Здесь платят немалые деньги, поэтому она знала, что не увидит осуждающих взглядов и завуалированных фраз, которые будут намекать на сохранение беременности. Руки немного тряслись, но Ольга списала все на нервы.

Стандартный опрос продлился недолго. Врач, довольно пожилая женщина, пригласила ее на УЗИ, подтвердила беременность сроком в

три с половиной недели и спросила:

- Делаем аборт?

Ольга кивнула. Перед ней на стол легли три таблетки мифепристона. Три маленькие круглые таблетки, которые могут оборвать чью-то зарождающуюся жизнь. Врач поставила стакан воды и сказала:

- Пейте.

Махом закинув все таблетки в рот, Ольга взяла воду и сделала первый глоток...

- Я подъехал, – сообщил Леша по телефону. – Спускайся.

Роман кивнул, как будто тот его видел, и вышел из квартиры. Леха ждал в такси, уже немного был навеселе и радостно сообщил:

- Едем к студенточкам-третьекурсницам. Девочки – огонь!

- Куда?

- У одной родители уехали за границу, оставив дом в полном ее распоряжении.

Через полчаса, предварительно заскочив в магазин, они вышли из машины возле частного дома. Хозяйка встретила их голым пупком и открытым декольте, ее подружки не отставали в соревновании по оголению тела.

Роман пожалел... О чем? О том, что это не то, все не то...

Ненастоящее, ненатуральное, декорированное, наигранное...

Глава 14

Роману стало скучно, как только девушки открыли рот. Разговоры явно не были их сильной стороной, а ртами они лучше работали немного по-другому. Он заливал в себя алкоголь, надеясь на временное забвение, и по большей части молчал. Благо, что с ним был Леша, который говорил за двоих. Изрядно подвыпившие девочки жеманно хихикали, и две из них совершенно не сопротивлялись, когда Лехины руки начали наглаживать плечи и колени. Кажется, он сегодня рассчитывает на веселенькую групповушку.

Третья красотка уже бросала недвусмысленные взгляды в сторону

Романа, который упорно делал вид, что не замечает этого. Он, если начистоту, даже не помнил, как ее зовут. Алиса? Алесья? Что-то в этом роде. Хорошенькая блондиночка с пустыми глазами.

«Если пристроиться сзади, то сойдет... Блядь!!! За кого сойдет?» – Роман настойчиво гнал мысль прочь. Но все равно констатировал: – «Нет, у Ольги волосы на пару тонов темнее. Твою ж мать!!!»

- Дай мне сигарету, – попросил он у Леши. Тот удивленно посмотрел:

- Ты ж вроде бросил?..

Блондинка поднялась и сказала:

- Пошли.

Роман едва не ответил: «Куда тебя послать?», но только поправил:

- Пойдем.

Они вышли на крыльцо, молча закурили. Блондинка зябко поежилась, обхватив себя за плечи, с явным намеком, что ее надо согреть мужским телом. Роман намек проигнорировал. Сигарета после выпитого алкоголя сделала свое дело – приятно закружилась голова, мышцы расслабились. А запах табака вновь напомнил об Ольге. Островский посмотрел на фильтр, где мелкими буквами была надпись с названием марки, и улыбнулся. Она курила такие же.

«Блядь, блядь, блядь...» – повторял он про себя. – «Сколько можно о ней думать?»

Роман понял, что этим блондинистым клином другой клин не выбить. Это наваждение надо перетерпеть, пережить, переждать, а если не поможет, то просто смириться. Он достал телефон и вызвал такси.

- Я могу поехать с тобой, – предложила блондинка заигрывающим голосом.

- Зачем?

Девочка растерялась на мгновение, но через секунду снова вошла в образ роковой соблазнительницы и, проведя пальчиками по плечу Романа, томно сказала:

- Мы можем неплохо провести время.

- Можешь стать на коленки и отсосать мне, пока я жду такси.

Блондинка нахмурила перманентные брови и надула губы, бросив

короткое:

- Хам! – и скрылась за дверью.

Роман пожал плечами. Хам так хам, хотя бы отцепилась. Трахать это милое существо ему не хотелось.

Вышел Леша и, закулив, спросил:

- Кто она?

- Кто?

- Женщина, которую ты хотел выбросить из головы с помощью алкоголя и случайного секса.

- Не понимаю, о чем ты, – раздраженно сказал Островский. Он пытается забыть о ней, а Леха только подливает масла в огонь.

- Пусть будет так. Поедешь?

- Да, развлекайся.

Бороться за жизнь – инстинкт любого живого существа, даже живой клетки. Ольга чувствовала, что проталкивание таблеток в горло вызывает рвотный рефлекс. Она успела проглотить только одну и тут же прижала ладонь к губам. Врач, понявшая все без слов, указала на дверь возле выхода из кабинета.

Рвало Ольгу так, что из глаз даже брызнули слезы и не хватало сил встать с пола. Она тихо пробормотала:

- Хочешь жить?

А потом обхватила руками голову и подумала:

«Я, кажется, чокнулась. Разговариваю с набором клеток».

- Можем сделать вакуум-аспирацию, – предложила врач, когда Ольга вернулась в кабинет.

- Не сейчас.

- Запишитесь на ближайшее время. Затягивать не стоит, потому что потом только вмешательство с кюреткой.

Ольга кивнула и попрощалась. Рассчитавшись с администратором, вышла на улицу и присела на ближайшую скамейку. Просидела она так часа два, просто глядя на асфальт. В голове не было ни одной

мысли, но руки настойчиво крутили телефон, как будто вопреки голосу разума хотели набрать заветный номер. Но позвонила она Олегу:

- Ты где? – спросила, когда он ответил.

- Домой еду.

- Заедь за мной.

Назвала адрес и стала ждать, продолжая рассматривать асфальт. Через минут двадцать подъехал Олег и, едва Ольга села в машину, спросил:

- Что случилось?

- Ничего. Отвези меня домой. Поговорим о работе.

Самойлов едва не перепутал педали от неожиданности.

- Ты согласна? – с недоверием спросил он.

- Согласна, – кивнула Ольга в ответ.

- Охренеть! – только и смог выдать комментарий от радости, смешанной с удивлением.

Работа могла стать спасательным кругом, который вытеснит из головы все мысли об Островском. Спасение утопающего, как говорится. Именно на это Ольга и рассчитывала. Она забудет, переживет, вытеснит, вырвет...

- Кофе угостишь? – спросил Олег, остановившись возле подъезда.

- Идем.

Едва по кухне поплыл еще недавно любимый запах, как Ольга снова бросилась к туалету. «Да сколько-то можно?» – подумала. Она чувствовала себя так, как будто ее тело ей больше не принадлежит, как будто им управляет кто-то другой. И это ощущение ей не нравилось.

Олега на кухне не было, он лежал на диване и кого-то отчитывал по телефону. Ольга присела рядом и нарвалась на вопросительный взгляд.

- Ты беременна? – спокойно спросил он, повесив трубку.

Она кивнула.

- Островский?

Опять кивок.

- Ты ему сказала?

Ольга отрицательно покачала головой.

- Скажешь?

Еще сильнее замотала головой из стороны в сторону.

- Что делать будешь?

Пожала плечами.

- Не надей только глупостей.

Опустила глаза.

- Пойду-ка я нам поесть приготовлю, – сказал Олег, поднимаясь.

Спорить с ним Ольга не стала. Сил не было. Включив телевизор, легла и, кажется, мгновенно уснула.

Самойлов пытался соорудить что-нибудь съедобное из найденных продуктов. Возле плиты он стоял редко, но кое-какие элементарные навыки имелись, так что вряд ли кого-то отравит. Конечно, больше его мысли занимала не готовка, а Ольга. Представить ее матерью Олег мог с трудом, но кто знает...

Он заглянул в комнату, увидел, что она спит, укрыл пледом, выключил телевизор и услышал звонок телефона из коридора. Ольга поморщилась во сне, но не проснулась. Самойлов взял смартфон, чтобы выключить звук, и увидел, что звонит Островский. Выдохнув, провел пальцем по экрану и сказал:

- Слушаю.

- Олег Викторович? – удивление в трубке.

- Да. Здравствуйте, Роман Сергеевич.

- Здравствуйте, мне нужна Ольга.

- Она спит. Перезвоните позже или завтра.

- Спасибо, – теперь в голосе Островского появилась сталь.

- Всего хорошего.

Зачем он ей решил позвонить, Роман и сам не знал. Не знал, что скажет ей, что спросит, как она отреагирует. А тут поднимает трубку ее бывший и заявляет, что Ольга спит.

«Тоже решила клин клином... Только она смогла, а я нет».

В груди поднялась волна ревности. Телефон полетел в стену.

- Спокойно, спокойно... – призывал он себя.

Но следом за телефоном в стену впечатался кулак. Но даже эта физическая боль не заглушила то, что рвало изнутри.

Ольга проснулась от нестерпимого чувства голода. На кухонном столе лежала записка. «Взял запасные ключи, чтобы закрыть квартиру. Ужин на плите, приятного аппетита. Звонил Островский».

Последнее предложение она прочитала несколько раз, прежде чем поняла его смысл. Забыв о еде, взяла лежавший тут же телефон и посмотрела журнал вызовов. Так и есть. Несмотря на позднее время, набрала номер, чувствуя, что сердце колотится где-то в горле, а руки нервно комкают скатерть. Но вместо такого уже родного и спокойного баритона услышала только холодный механический голос, сообщавший о недоступности абонента. Ольга попыталась дозвониться раз пять – и каждый раз слышала одно и то же.

«Ладно, перезвонит... Или я завтра перезвоню».

Сейчас куда важнее было постараться удержать кулинарный шедевр Олега в желудке.

Кто-то настойчиво давил на звонок и барабанил в дверь. Роман за шумом воды в душе не сразу услышал, быстро повязал полотенце вокруг бедер и вышел в прихожую.

- Рома, у меня гениальная идея! – Леха залетел в квартиру с упаковкой пива.

- Похмелиться? – спросил Островский.

- Что? А, нет... Но тоже можно.

- Может, я для начала оденусь, а потом выслушаю идею, рожденную твоим гениальным мозгом.

Леша пошел на кухню, откуда сразу же послышался звук открываемой банки пива, а Роман через пару минут к нему присоединился, гадая, что же сподвигло друга появиться у него после хорошей пьянки и ночного секс-марафона.

- Значит, так, – начал Леха, – ты мне должен дать интервью об экранизации своей книги. Эксклюзив. И дай контакты и режиссера и сценариста, с которыми ты работал.

- Хочешь пробиться в столичный журнал?

- Да! И это мой шанс.

- Я-то не против, но не факт, что Самойлов захочет говорить об экранизации до премьеры, а Ольга... Михайловна вообще работала только над этим проектом и вроде продолжать сценаристскую деятельность не собиралась.

- Но попробовать-то можно!

Роман пожал плечами и спросил:

- И ты поедешь за несколько сот километров ради интервью?

- Зачем? – удивился Леха. – Перешлю вопросы по электронке, попрошу пару фотографий...

- Понимаешь, для хорошего материала этого будет мало. Я бы тоже мог контролировать процесс написания сценария посредством электронной почты. Но лично работать намного эффективнее.

Вспомнив об эффективной работе с Ольгой, Роман почувствовал, что ему снова необходим душ. И на этот раз холодный.

- Может, ты и прав... – задумчиво протянул Леша, открывая вторую банку пенного, а потом спросил: – А она хоть симпатичная?

- Кто?

- Сценарист. Может, скрашу рабочие моменты обществом красивой женщины.

Островский сжал зубы так, что, казалось, они вот-вот начнут крошиться, а в глазах даже потемнело от злости, но не зря он столько тренировался в управлении эмоциями. Быстро взял себя в руки и ответил:

- Обычная, – подумав: «Ни черта она не обычная!»

- Ладно, давай телефон режиссера.

Роман развел руками:

- Я вчера телефон случайно разбил. А там все контакты. Но могу дать адрес его электронной почты.

- Давай, – согласился Леша.

Островский открыл ноутбук, переписал «мыло» и протянул лист для записок другу со словами:

- Держи меня в курсе.

- Так, может, со мной съездишь?

Хоть и тянуло Романа согласиться и, бросив все, поехать... Но что это даст? Еще одну встречу с Ольгой, после которой снова придется поправлять свое эмоциональное состояние.

- Я подумаю.

Утром Ольга первым делом написала Олегу смс: «Спасибо за ужин». Он перезвонил почти сразу и спросил:

- Как дела?

- Нормально.

- По голосу не скажешь, что нормально. Островскому перезванивала?

- Да, недоступен.

Олег понял, что она расстроена, поэтому предложил:

- Давай я приеду.

- Зачем? Няньчиться с бабой, у которой шалют гормоны, или держать волосы, пока я буду обниматься с унитазом?

- Для этого ведь и нужны друзья.

- Если тебе больше не с кем скоротать выходной день, то приезжай.

Ольга хотела, чтобы он приехал, точнее просто не хотела оставаться наедине со своими мыслями и эмоциями, разрывающими голову на части. Она еще несколько раз набирала номер Романа, но все так же безуспешно.

Не покидала мысль, что она вчера упустила ту призрачную

иллюзорную надежду, которая гнездилась в мыслях, но которую Ольга упорно отгоняла. Что он хотел ей сказать? Этот вопрос не давал покоя, заставляя метаться по квартире из угла в угол, потому что на месте сидеть было невозможно. Хотелось что-то сделать, куда-то сорваться, просто выговориться...

Она почти довела себя до грани сумасшествия за то время, пока ехал Олег. Он открыл дверь взятыми вчера запасными ключами в тот момент, когда Ольга запустила в стену кухни кружку с остатками чая.

- Что за шум, а драки нету? – спросил, появившись в дверном проеме, укоризненно покачал головой и стал убирать осколки.

- О чем вы вчера говорили? – спросила Ольга.

Олег пожал плечами:

- Ни о чем. Он хотел поговорить с тобой, я сказал, что ты спишь. И все.

- Твою ж мать!

- Что?

- Он знает, что мы когда-то почти дошли до ЗАГСа, и мог подумать, что опять...

- Трахаемся по старой дружбе?

- Вроде того.

- Оль, послушай, но ведь это бред. Или Островский о тебе настолько низкого мнения, что решил, будто ты сразу из его постели прыгнула в мою?

- Не знаю, не знаю... – покачала она головой. Если бы на его месте была она, то точно бы нарисовала в воображении картины эротического характера. – Он меня трахнул едва ли не на второй день знакомства, так что моим целомудрием он вряд ли впечатлился.

Олег, убрав осколки, разогрел остатки вчерашней еды и спросил:

- Завтракала? Я не успел.

Ольга отрицательно покачала головой. Он поставил перед ней тарелку, протянул вилку и сел напротив, глядя, как она неохотно и без особого аппетита отправляет куски в рот.

- Что делать будешь? Решила? – спросил Олег, отправив тарелки в

мойку и заваривая чай.

- Не знаю. Вчера пыталась сделать медикаментозный аборт, но таблетки надолго во мне не задержались, – тихо ответила Ольга, ожидая шквал осуждения.

- Жизнь твоя, и ты вправе делать с ней все, что захочешь, – после непродолжительной паузы начал Олег. – Но я бы подумал, взвесил все «за» и «против» и не принимал бы скоропалительных решений. Работой я тебя обеспечу, и работать ты сможешь, не выходя из дома без лишней необходимости. Да и возраст... Не в обиду, но ты уже не девочка, и шанса родить потом может не представиться. Островскому можешь не говорить, если не хочешь, но помни, что тебе еще придется, возможно, с ним встретиться.

- Зачем? – Ольга даже вздрогнула от последних слов.

- Пресс-конференции, премьеры, закрытые показы... Конечно, заставлять ни тебя, ни его никто не будет, но это было бы плюсом к карме фильма. Обязательным пунктом присутствие на подобных мероприятиях я добавляю только в контракты актеров.

Она, конечно, знала обо всех пиарских ходах, но как-то не подумала, что придется во всем этом участвовать. Хотела ли она видеть Островского? Хотела. Но не знала, что может им принести эта встреча. Проще похоронить все, что было, иногда орошая могилу чувств слезами, чем проводить реанимационные действия в борьбе за то, что не удалось сохранить.

Одной любви мало. А Ольга уже поняла, что напоролась именно на это чувство, для которого, казалось, она не создана. И если любовь – это так больно, то она и дальше бы не хотела с ней знакомиться. Тем более когда чувство только одностороннее.

Роман два дня почти не отрывался от ноутбука. Писать, писать и еще раз писать, чтобы забыться в рабочем процессе. Но удавалось это слабо, потому что в каждой строчке, в каждом слове он видел созданный им образ и вспоминал о прототипе этого самого образа.

Когда Островский почти довел себя до психоза, на пороге квартиры снова появился Леха и недовольно заворчал:

- Ты когда новый телефон купишь? Пришлось тащиться к тебе.

- Я работал, – отозвался Роман.
 - Такое ощущение, что ты ночами вагоны разгружал, – подняв брови, сказал Леша, рассматривая друга. – Налицо недосып, усталость и перенапряжение.
 - Вдохновение посетило, – махнул рукой Островский и спросил: – А что хотел-то?
 - Связался я с Олегом... Как его там? Забыл.
 - Викторовичем, – подсказал Роман.
 - С ним самым. Он согласился на интервью. Пришлось, конечно, сказать, что ты мой друг, а то бы послал он очередного журналиста далеко и надолго.
 - А Ольга?
 - Олег Викторович с ней поговорит. Так ты поедешь со мной?
 - Не знаю, – выдохнул Роман. – Когда?
 - Через неделю. Потом он уезжает куда-то на съемки и вряд ли скоро появится. Ладно, – Леша посмотрел на часы, – мне еще статью дописывать. Пока, – и выйдя за дверь, добавил: – Телефон купи.
- Островский кивнул и попрощался. Устало потер глаза, подняв очки на голову, и задумался. Ехать или не ехать? Вот в чем вопрос...

Глава 15

Прикосновения... Прикосновения, почти забытые уже, но такие родные. Руки, скользившие по телу, оставляя память, оставляя боль, оставляя удовольствие. Что могло быть лучше, чем чувствовать их, забываться в них, любить, как в последний раз. Это было ярко, по-настоящему, живо. Она чувствовала его тело, запах, слышала голос. Он был в ней, с ней, любил ее. Как никогда. Старый диван скрипел под натиском тел, простынь сминалась так, что ни один уют не разгладил бы ее, стоны, казалось, должны были услышать все жители подъезда. И вдруг все стало отдаляться... Ей нужно было удержать его рядом, вырвать у подсознания еще минуту удовольствия, но нет. Всему настает конец.

Оттого пробуждение было сродни пытке, хотелось вернуться туда, в

свой сон. Быть рядом, чувствовать, любить.

В ухо затекла маленькая соленая капля, стало щекотно, но все ощущения притупляло то, что жгло в груди. Тупая, тягучая боль, которую невозможно было выжечь, вытравить из себя. Память, которая рвала, терзала изнутри, заставляла каменное сердце плакать.

- Оставь меня, – прошептала Ольга в пустоту и темноту ночи.

Она никогда не чувствовала себя одинокой, скорее просто свободной, но теперь одиночество накрывало, становилось болезненным. Люди свободны, пока не потеряют того, кто становится смыслом жизни, родственной душой, а потом только одиночество. Такое острое, невыносимое...

Три часа ночи, первый весенний ливень и щемящая боль в груди. Вот и все, что осталось.

- Теперь я не одна, – шепнула Ольга, впервые приложив руку к животу, и поняла, что этот ребенок ей нужен. Нужен для нее, чтобы не быть одинокой, чтобы убить эту горечь, чтобы... Нет, это эгоизм, чистой воды эгоизм, но ей это надо.

Телефон манил, притягивал взгляд и заставлял чесаться руки. Она не выдержала. Слушала гудки, кусала ногти и наконец услышала:

- Да!

- Привет...

Так много нужно было сказать, но так мало слов срывалось с губ.

- Привет.

Повисло молчание, но и его было достаточно. С ним и молчать было хорошо, просто слушать дыхание, которое забивало собой все щели одиночества, реанимировало душу и создавало иллюзию.

- Как дела? – спросила Ольга.

- Неплохо. У тебя как?

- Нормально. Извини, что поздно...

- Ничего. Не спится?

- Нет.

Опять молчание, опять невысказанные слова жгут язык, но умирают там же, не выйдя наружу.

- Работаешь над новой книгой?

«Дура!!! Что ты спрашиваешь?» – подумала Ольга.

- Да, – выдохнул он в трубку.

- А я возвращаюсь к работе над киносценариями.

- Это хорошо, у тебя отлично получается. Самойлов уговорил?

Ольге показалось или в его невозмутимую интонацию просочился сарказм.

«Да не сплю я с Олегом!» – едва не сказала она, но поняла, что это бы звучало как оправдание. А оправдываться ей было не за что, поэтому отделалась коротким:

- Да, – и добавила: – Пока.

- Пока, – ответил он и отключился.

Ольга сделала только хуже, как будто сорвала образовавшуюся корочку с только начавшей затягиваться раны, и она снова начала кровоточить. Им нечего было друг другу сказать, точнее они не хотели говорить о том, что важно.

Стены квартиры давили, темнота почти физическим грузом опускалась на плечи, хотелось кричать, чтобы все то невысказанное вышло наружу. Ольга снова набрала номер, только на этот раз другой, и через шесть невыносимо длинных гудков услышала сонное:

- Алло! Что случилось?

- Ничего. Можешь приехать?

- Почти четыре утра, Оля.

- Олег, пожалуйста...

- Делай кофе, через полчаса буду.

Роман едва опять не запустил в стену новый телефон. Он не хотел просто слушать ее голос, он хотел ее видеть, чувствовать. Он хотел ее. Он знал, что был немного грубоватым, немногословным, но ничего не мог с собой сделать – это его собственное бессилие перед расстоянием и невозможностью прикоснуться.

«Я поеду», – решил Роман, хоть и так это понимал, знал с самого

начала, что поедет, но признаваться сам себе не хотел. Он не знал, что делать с этим чувством – то ли принять, то ли попытаться вытравить из себя. Но понял одно: так просто это оставить нельзя, а то незавершенность съест его.

- Ну и что мы страдаем в четыре утра? – спросил Олег, заходя в квартиру.

Ольга в ответ только пожала плечами. Нечего было ей сказать, но и сидеть одной, перебирая непрошенные мысли, тоже не хотелось.

- Кофе готов, ничего к нему не предлагаю.

Олег улыбнулся. Помнит, что он до обеда ничего, кроме кофе, в себя закинуть не может.

- Уже не тошнит от запаха?

Отрицательно покачала головой и ответила:

- Как перестала курить и вливать в себя литры арабики, почти нет. Я хочу оставить ребенка, – без перехода выпалила и поняла, что сейчас произнесла вслух эти слова, сделала окончательный выбор.

Олег внимательно на нее смотрел – изучал эту новую женщину, но все еще такую знакомую. И сказал неожиданно даже для себя самого:

- Любви недостаточно.

- Что?

- Ольга Михайловна, вы просто кладезь рационализма, так что посмотри на ситуацию, отпустив эмоции. Ты можешь любить своего Островского...

- Он не мой, – тихо поправила его Ольга, зная, что Олег сейчас озвучит ее мысли, мысли ее здравого смысла.

- Неважно, – махнул рукой Самойлов. – Так вот, можешь его любить до умопомрачения, до бабочек в животе и прочей книжно-романтической хрени, но этого не всегда достаточно. Сексуальная химия и любовь – это хорошо, очень здорово, но хватит ли этого для того, чтобы провести с человеком всю жизнь? Нет. Вы с ним провели месяц в стенах съемной квартиры, трахались и работали, чувствуя себя на одной волне в процессе. Но узнали ли вы друг друга достаточно хорошо? Поняли ли друг друга? Сомневаюсь, иначе бы

ты ему уже рассказала и о чувствах, и о своей беременности. Ты не уверена, что он чувствует то же самое, поэтому молчишь. Несмотря ни на что, вы просто чужие друг другу люди, которые смогли сработаться и которым было хорошо в постели. Вы с ним очень похожи, хоть и выглядите на первый взгляд, как лед и пламя. Но подумай сама, смогла бы ты с ним жить, если даже поговорить не можешь?

Каждое его слово отдавалось в груди тупой болью, но Ольга знала, что он прав. Она сама не раз об этом думала, но продолжала глупо тешить себя иллюзиями.

- Не знаю, Олег. И есть ли смысл говорить о том, что могло бы быть? Может, он действительно был мне нужен для того, чтобы добавить красок в картину мира, и спасибо ему за это.

- Оля, – позвал ее Самойлов, накрыв нервно постукивающую по столу ладонь своей. Она подняла глаза, а он добавил: – Давай поженимся.

Ольга не меньше минуты пыталась переварить его слова, а потом усмехнулась:

- Не надо меня жалеть.

- Даже в мыслях не было. Ты не из тех людей, которых жалеют. Романтики в наших отношениях никогда не было, но нам было удобно вместе. Может, это и есть самое главное. И сейчас ты звонишь мне ночью, чтобы я приехал. Не Наташе, не пилоту – все время забываю, как его зовут, – ты звонишь мне, потому что тебе со мной удобно.

- Олег, мать твою, что ты несешь? Я беременна от другого мужчины, я люблю другого мужчину, а ты меня замуж зовешь. У нас не получилось в первый раз, не получится и сейчас! – Ольга почти сорвалась на крик, не представляя, как его голову вообще могла посетить подобная мысль.

- Может, нам просто надо было повзрослеть и поумнеть. Мы не расстались врагами, мы не потеряли друг друга, оставаясь на связи и незримо рядом. Что бы ты не решила, так и останется.

Ольга обхватила голову руками, надеясь, что все это дурной сон. Олег ей близок, ближе многих людей, ближе родственников, но

такого предложения она не ожидала услышать.

- Ладно, проехали, – сказал он. – Я понимаю, что это чертовски не вовремя и неожиданно. Пока решай свои дела с врачами или что там делают беременные женщины, а в конце недели у нас дела.

- Какие? – спросила Ольга, обрадовавшись, что Олег сменил тему.

- Я договорился с журналистом об интервью.

- А я здесь при чем?

- При том, что его интересует один конкретный фильм, над сценарием которого ты работала. Это друг Островского, поэтому я и согласился.

- Эксклюзив? – спросила Ольга. – И с каких пор ты даешь интервью на таких ранних сроках?

- Потом я уезжаю на съемки в Сибирь, вернусь только через пару месяцев.

После этих слов Ольга почувствовала себя еще более одинокой. Еще один близкий человек уезжает, но Олег хоть точно вернется.

Роман зашел в купе и уставился в окно, ожидая Лешу. Тот зашел в обнимку через минут пять в сопровождении парочки молодых девочек с неизменно ярким макияжем и броским гардеробом. Вот уж кто не меняется ни в каких обстоятельствах и ни при каких условиях!

- Рома, познакомься, – кивнул он в одну сторону, а потом в другую. – Это Лена и Катя. Мы решили, что скрасить путешествие не помешает.

- Леха, блин, – закатил глаза Островский. – Ты подготовил вопросы? Проверил технику? Учел все нюансы?

- С каких пор ты стал таким занудой? – возмутился Леша и сказал девушкам: – Я скоро к вам зайду, – подмигнул, погладив их пятые точки и слегка по ним хлопнув.

- Через несколько часов мы будем на месте... – протянул Роман, предвкушая, что ему принесет эта поездка.

Ольга за неделю успела все – бесконечные очереди в коридорах

поликлиники, бессонные ночи за новым сценарием и самокопание, бесконечное самокопание. В пятницу позвонил Олег и сообщил:

- Приехал журналист. Встретишься с ним?

- Хорошо. А ты?

- Я с ним уже встречался. К тебе у него другие вопросы. Так что он позвонит и договоритесь.

- Хорошо.

Буквально через пару минут раздался новый звонок. Номер незнакомый.

- Да! – ответила.

- Ольга Михайловна... – начал приятный и слегка игривый голос на другом конце провода.

- Можно без отчества, – перебила она.

- Тогда я для вас просто Алексей, журналист, который жаждет с вами пообщаться.

- Когда? Где?

- Желание дамы – закон, – опять игриво ответил он, а Ольга сделала вывод: ловелас.

Назначив встречу, она начала собираться с каким-то странным предчувствием. Как будто что-то должно измениться, окончательно и бесповоротно.

Ольга зашла в маленькое уютное кафе недалеко от дома. В это время здесь было немногочисленно и тихо – разговору ничего не должно помешать. Алексея еще не было, хоть она и понятия не имела, как он выглядит, но поняла это сразу. Заняла столик у окна, откинулась на кожаный диван, заказав чай, и стала ждать.

Через несколько минут возле входа остановилась машина такси, откуда вышел, несомненно, большой любимец женщин всех возрастов. Фигура такая, что можно сниматься в рекламе для фитнес-центров, светлые волосы топорщились ежиком, красивое породистое лицо. Ольга так увлеклась созерцанием блондина, что не сразу обратила внимание, как открылась вторая дверь машины.

- Твою ж мать! – довольно громко выругалась она, испугав проходящую мимо официантку. Где-то под ребрами что-то болезненно сжалось, а сердце стало отбивать аритмичный танец. Руки нервно задрожали, и Ольга поняла, что у нее есть буквально минута, чтобы призвать свое тело слушаться. Вдох-выдох, вроде лучше, мандраж начал идти на спад.

Они зашли в кафе, Роман окинул взглядом помещение и кивком указал своему спутнику в сторону Ольги. Она вроде бы равнодушно, насколько могла это сделать, наблюдала за их приближением.

- Ольга, рад знакомству, – пропел журналист, выдав такую обворожительную улыбку, что любая женщина бы сразу выпрыгнула из одежды, а потом вдобавок приложился к ручке с поцелуем.

«Бабник», – уверилась Ольга и перевела взгляд на Романа.

Он, скрестив руки на груди, с полуулыбкой наблюдал за этой сценой. Их взгляды столкнулись, и Островский сдержанно выдал:

- Рад новой встрече, Ольга Михайловна.

- Взаимно, Роман Сергеевич.

Леша сел на диван напротив Ольги, придвинувшись ближе к окну, будто освобождая место для Романа, но тот, недолго думая, занял место на диване рядом с Ольгой. Его близость заставляла сидеть, как на иголках, мысли путались, и она не знала, как станет давать интервью в таком состоянии.

- С каких пор ты пьешь чай? – спросил Роман, кивнув на чашку.

«С тех пор, как я беременна», – едва не ответила Ольга, но только пожала плечами.

- Извините, я на минуту, – сказала она, поднимаясь, и направилась в сторону туалета.

- А ты молодец! – сказал Леша, когда они с Островским остались наедине и заказали кофе.

- В смысле?

- Да в воздухе просто пахнет сексом, когда вы рядом. Никогда не думал, что ты во время работы будешь иметь не только мозги сценариста, но выбор одобряю – она симпатичная. И понимаю, почему ты согласился со мной поехать. Я бы с ней тоже...

- Хватит! – раздраженно бросил Роман, который ни в Лехином одобрении, ни в его фантазиях не нуждался. Тот в примирительном жесте поднял руки и только хитро улыбнулся.

Ольге бы сейчас не помешал холодный душ, чтобы отрезветь, но пришлось довольствоваться лишь ледяной струей воды в туалете кафе. Ей казалось, что тело просто горит огнем, начинает плавиться в его присутствии, особенно когда он сидит вот так рядом, когда их разделяет всего пара сантиметров. Невыносимая пытка.

- Возьми себя в руки, – сказала Ольга своему отражению в зеркале, хотя больше всего ей бы хотелось оказаться в других руках. – Какого черта он вообще приехал?

Она еще сама не поняла, что сейчас чувствует. Эта встреча была неожиданной, шоковой, но...приятной? Нужной?

Сейчас Ольге необходимо сосредоточиться на интервью, а все остальное потом.

- Может, шампанского? – довольно хлопнул Леша ладонями по столу, когда задал все заранее подготовленные вопросы.

- Нет, спасибо, я не пью, – вежливо отказалась Ольга.

- А мы выпьем, да, Ром? – обратился он к Островскому и, не дожидаясь ответа, сделал заказ.

- Ольга, а как вам вообще работалось с нашим писателем? Он сложный человек, – улыбнулся Леша и добавил: – Это не для интервью, скажем так, личный интерес.

- Нормально, – ответила она.

«Сексуально и плодотворно», – добавила, но не вслух.

- Ты курить бросила? – вдруг вклинился в разговор Роман, заметив, что Ольга ни разу не потянулась к сигарете за почти два часа времени. Она повернула к нему голову и кивнула.

Они смотрели друг на друга, как будто разговаривая лишь глазами, но так не могли сказать все, что хотели. Леша, о существовании которого они, кажется, забыли, напомнил о себе легким покашливанием и глубокомысленно изрек:

- Окончательная разлука между двумя людьми никогда не случается,

если не смирились оба.

- Это кто сказал? – подняла Ольга брови.

- Эльчин Сафарли, – подсказал Роман.

- Да? А я думал, что это очередной ванильный статус из социальных сетей, – удивился Леша. – Вы можете отдыхать, у меня тут еще одна встреча с симпатичной работницей киностудии, так что, Рома, если из моего номера сегодня будут раздаваться стоны и крики, то МЧС можешь не вызывать, – рассмеялся он над собственной шуткой.

- Поехали, – сказал Островский Ольге, сжав ее бедро под столом.

Она вздрогнула от его прикосновения, попрощалась с любвеобильным журналистом и, взяв сумку, направилась к выходу. Роман догнал ее на улице, не совсем нежно взял за руку выше локтя и развернул к себе, пальцами второй руки проведя по лицу.

- Я скучал.

Он, казалось, сам не верил, что дождался того момента, когда ее кожа вновь под его ладонями, когда запах духов можно не просто вспоминать, когда можно провести рукой по волосам, когда губы так близко. Роман чувствовал себя наркоманом, вновь получившим долгожданную дозу. Почти получившим, но предвкушение тоже было приятным.

Глава 16

Олега что-то смущало, что-то в этом интервью ему не нравилось. Он общался со многими журналистами, но тут... И Ольга даже не позвонила, хотя времени прошло предостаточно, не рассказала, как все прошло, а ведь обещала. Телефон ее был вне зоны доступа – Олег списал это на разрядившуюся батарею, но какое-то гнетущее чувство его не оставляло.

В итоге он не выдержал и набрал номер журналиста.

- Алексей, здравствуйте, – попытался перекричать обстановку в трубке. – Это Самойлов. Вы встретились с Ольгой Михайловной?

- Олег Викторович? – пьяным голосом спросил Леша. – Да, мы встретились с ней, но уже давно разошлись.

- Мы? – опять рявкнул Олег, стараясь, чтобы его услышали.

- Ну да, я и Рома.

Судя по звукам, Леша чередовал слова с поцелуями с какой-то барышней, но Олегу было глубоко плевать на личную жизнь журналиста, а вот на Ольгу нет.

- Островский?! – вышел из себя он из себя, сломав в руке карандаш.

- Ну а кто ж еще...

Олег бросил трубку – все, что надо было, он узнал. Странно, что писатель не появился на интервью с ним, даже не заявил о своем присутствии, не поинтересовался, как продвигаются съемки. Не надо даже быть экстрасенсом, чтобы догадаться, с кем сейчас Ольга...

В такси Роман уткнулся ей лицом в шею и поглаживал бедро. Она вроде бы пыталась его оттолкнуть, но безуспешно. Прикипел, прилип, приварился...

Машина остановилась возле небольшой гостиницы, когда Ольга сказала:

- Тебе не кажется, что нам надо поговорить?

- Я могу с тобой говорить обо всем на свете, но только не сейчас. Я так тебя хочу...

У Ольги и самой рядом с ним не оставалось ни одной здоровой мысли, и слова Олега о «кладези рационализма» казались из области нерационального. Она по-прежнему хотела его до безумия, чувствуя даже не физически, а ментально, как он хочет ее.

Лифт, большое зеркало напротив входа в него... Едва они успели зайти, как Роман резко развернул Ольгу, заставив опереться на поручень, явно предназначенный для инвалидов. Он собрал ее волосы, намотав на кулак, заставив тем самым откинуть голову назад, чтобы видеть отражение ее желаний в зеркале. А пальцы его самым бесстыдным образом скользили по телу, жаль, что еще скрытому под одеждой.

В его руках она чувствовала себя безвольной марионеткой, которой ловко управляет опытный кукловод. Что-то внутри громко вопило о том, что это неправильно, так не должно быть, но тело хотело поддаваться ему, отдаваться, сдаться.

Едва они зашли в номер, как Роман, прикусив ее за губу, прижал к стене. Легкая ткань, когда он закинул ее ногу на себя, пошла по шву.

- Расстегни, – попросила Ольга, повернувшись к нему спиной. Он рванул замок вниз, едва не вырвав вовсе, и сказал:

- Не поворачивайся.

Это было сродни их первому сексу, когда он брал ее жадно, неистово, грубо, выпуская всю свою животность, добавляя к ней только каплю человечности. Только в этот раз Ольга не скрывала эмоций, выплескивая их вскриками и стонами.

Роману было мало ее, всегда мало. Он кончил, как подросток, но тут же снова хотел ее. Быстро освободил себя от одежды, потом Ольгу, продолжая с каким-то остервенением сжимать ее тело, как будто видел впервые, и приподнял над полом, заставив обвить свои бедра этими ногами, о которых он мечтал, кажется, вечность.

Четыре шага, отделявшие их от кровати, показались вечностью. Ольга сходила с ума от его прикосновений, от его запаха, от своих чувств. Она запускала руку в эти темно-русые волосы, гладила рукой легкую небритость на щеках, опуская глаза на небольшие жесткие волосы на груди. И понимала, что действительно – все потом. Не сейчас. Когда их тела вновь стали единым целым, когда мира вокруг не существует, а есть только они вдвоем, когда жизнь вновь обрела краски под названием «гений пера», когда ничего нет, кроме их желаний и удовольствий.

Роман смотрел на эти раскиданные в беспорядке волосы на подушке, на небольшую складку между бровей, на эти красивые губы и не понимал, как жил без нее раньше. Но при этом видел, что она изменилась, возможно, он ее изменил.

Сейчас, после первой нахлынувшей эйфории, он вошел аккуратно, наблюдая за ее лицом. Почувствовал, как она выгнулась немного, тяжело выдохнув и приоткрыв губы, ее зрачки расширились, сделав цвет глаз немного другим.

- Я люблю тебя, – сказал Роман то, что вырвалось само, чего он сам не ожидал. Ольга удивилась не меньше, но лишь притянула его к себе, заставив двигаться в ней, дарить ей эти вырванные у судьбы минуты удовольствие, минуты любви...

Не было слов, но их сейчас и не надо было, хватало ощущений.

Хватало этой иллюзии счастья, которая могла разрушиться в любую секунду, хватало понимания того, что всю недосказанность можно высказать.

Да, Олег был прав: они не знают друг друга, они чужие люди, но все можно решить, если есть любовь.

«Любви недостаточно», – прозвучали у Ольги в голове слова, но не смогли задержаться от головокружительного удовольствия.

Роман встал с кровати, явно намереваясь пойти в душ, и тут Ольга его огорошила:

- Я беременна.

Он замер на миг, а потом молча скрылся за дверью, откуда послышался вскоре шум воды. Она не находила себе места, пока ждала его, успела одеться, отбить какую-то известную мелодию костяшками пальцев по столу. Наконец шум воды прекратился, Ольга вся напряглась, ожидая, как Роман отреагирует.

Он вышел, все так же молчал, даже не смотрел на нее. Когда все-таки поднял глаза, то задал вопрос, который разрушил все:

- От кого?

У Ольги вырвался только нервный смешок, но она сама удивилась своему спокойствию и ответила:

- А вот черт его знает! Как ты там однажды мне сказал... – пощелкала пальцами, делая вид, что вспоминает. – Я же трахалась с половиной города.

- Ольга... – Роман протянул к ней руку, но она сделала шаг назад и крикнула:

- Не трогай меня! А вообще – иди в задницу!

Вот и поговорили.

Ольга вылетела из номера, хлопнув дверью, не обращая внимания на то, что ей в спину говорил гений пера, не дожидаясь лифта, сбежала вниз по лестнице и скрылась в ближайшем дворе на случай, если вдруг Островскому взбредет в голову догнать ее. Долго петляла по

улицам, видя, как иллюзия, которой она себя утешала, рушится у нее на глазах. Ольга сама не знала, какой реакции ждала от Романа, но явно не этого вопроса.

Его голос, спокойный, ровный и вроде бы даже равнодушный, до сих пор звенел в ушах. Хотелось оглохнуть, забыть, вырвать эти два слова из головы, но с ними придется жить дальше, проживать их снова и снова. Еще один гвоздь, который оставил Островский в ее сердце.

Ольга ходила по улицам, потеряв счет времени, пока не начал накрапывать мелкий дождь. Она почувствовала прохладу весеннего вечера и обняла себя за плечи, поняв, что продрогла.

«Вот только заболеть не хватало», – подумала, прячась от дождя под козырьком остановки.

Подъехал автобус и призывающе распахнул двери. Ольга посмотрела на номер и улыбнулась. Может, это и есть знак судьбы, может, они были и раньше, только она их не замечала – конечная остановка была прямо возле дома Олега.

- Придурок! – констатировал Роман вслух таким тоном, каким врачи диагностируют смертельные болезни. Он сам не понял, как у него вырвался этот вопрос, но сказанного не вернешь. А ответ Ольги, где каждое слово, пропитанное желчью и злостью, было как удар молотка по голове, заставил пожалеть и о тех словах. Он сам уже забыл о них, но она помнила, всегда помнила – женщины подобное не забывают.

Пока Островский в спешке натягивал штаны и обувь, спускался по лестнице, на ходу застегивая рубашку, ее и след простыл. Он скользил взглядом по улице в попытке заметить знакомую фигуру, но тщетно.

Роман вернулся в номер, звонил и звонил, слыша только запись о недоступности. В итоге вызвал такси и поехал к ней, благо, на память никогда не жаловался и адрес помнил, а номер квартиры узнает.

Когда машина остановилась возле ее дома, уже стемнело, но на счастье возле подъезда сидела компания молодых людей, потягивающих пиво.

- Вы из этого подъезда? – спросил Роман, забыв поздороваться.

- Ну допустим... – протянул один из парней и сделал глоток из стеклянной бутылки.
- Ольга в какой квартире живет?
- Ольга? – переспросил парень и задумчиво почесал затылок. – Ах, Оля...Блондинка с прикольной татушкой на всю руку?
- Да, – нетерпеливо подтвердил Роман.
- В двадцать пятой.

Островский подошел к домофону, набрал номер квартиры и опять не услышал ответа. Набирал снова и снова, пока голос за спиной не произнес:

- Нет человека дома, неужели непонятно?
- Заткнись, – бросил через плечо Роман парню, но сам понимал, что бесполезно. Нет ее дома. И где теперь искать? А в этом городе ему был знаком только один человек, который знал Ольгу.

Она с облегчением выдохнула, увидев свет в окнах Олега. Ольга не была здесь с тех пор, как переехала от него обратно в свою квартиру, но сейчас было чувство, что идет домой.

- Кто? – устало спросил Олег в домофон.
- Я.

Раздался писк открываемой двери, и Ольга вошла внутрь. Она знала, что Олег не станет ни о чем спрашивать, не станет читать ей нотации тоном лектора, поэтому и пришла к нему. Не к подруге, не к матери или к кому-то еще.

- Привет, – сказала Ольга, сбрасывая мокрую обувь.
- Привет. Не ожидал тебя увидеть.

Олег стоял, скрестив руки на груди, и хмурился. Ольга отвыкла от такого домашнего Олега, где не надо соответствовать статусу успешного продюсера и режиссера, и улыбнулась.

- Я такой смешной? – спросил он.
- Нет, просто непривычный, – ответила она, дернув плечами. В мокрой одежде было неприятно.

- Да ты же насквозь промокла и продрогла, – сказал Олег, подходя ближе. – Быстро в душ, а я сделаю кофе... То есть чай.

Он буквально насильно запихнул Ольгу в ванную, выдав полотенце и свой халат. Она сбросила сырые вещи и встала под горячие струи воды, не зная, хочет ли больше согреться или смыть с себя гения пера.

Оля, – позвал из-за двери Олег, заметив, что она там находится слишком долго, – все нормально?

- Да, – ответила, выключив воду. – Сейчас иду.

Теплый халат, горячий чай на столе, тихий звук телевизора – Ольге было уютно здесь, все было как-то по-домашнему. Даже и не скажешь, что это холостяцкая квартира.

- Мне Островский уже два раза звонил, – неожиданно сказал Олег, когда Ольга делала глоток, так что она даже обожгла губу. – Я не поднял.

- Почему ты не сказал, что он приехал с этим журналистом?

- Я сам только недавно узнал, поэтому и удивился, увидев тебя на пороге. Думал, что вы сливаетесь в объятиях, или подаете заявление в ЗАГС, или...

Договорить он не успел, потому что его телефон вновь разразился веселеньким мотивчиком. Олег посмотрел на экран, потом на Ольгу.

- Это он? – шепотом спросила она, как будто боясь, что Роман может услышать. Вместо ответа получила только утвердительный кивок и увидела, как Олег провел пальцем по экрану, отвечая.

Ольга замахала руками, призывая Олега ничего о ней не говорить, а он только понимающе кивнул головой и вроде бы удивленно отозвался в трубку:

- Роман Сергеевич?..

- Олег Викторович, – как бы не пытался Островский скрыть эмоции, она все равно проскальзывали в голосе, что не могло укрыться от Самойлова, – вы не знаете, где я могу найти Ольгу?

- Ольгу? – опять сыграл удивление Олег. – Нет, не знаю. Что-то случилось? Какие-то вопросы по сценарию? – теперь взял он

озадаченный тон.

- Нет, – кажется, даже в трубке слышалось, как Роман скрипнул зубами. – Это личное. Извините, до свидания.

- До свидания, – почти пропел Олег и, повесив трубку, повернулся к Ольге: – Он бы не успокоился, если б я не ответил.

Она, кажется, его даже не слышала, пустым взглядом уставившись в одну точку на стене. Наконец перевела взгляд на Олега и сказала:

- Может, ты гениальный режиссер, но актер из тебя хреновый. Он не поверит, он слишком хорошо знает людей.

- Слушай, Оля, – вышел он из себя, – я не понимаю, чего ты сама хочешь. Давай я сейчас перезвоню ему, скажу, что ты у меня, твой Островский приедет за собой, и вы будете трахаться всю ночь и немножко утром. А завтра он опять свалит в родные края, и ты будешь лить слезы в мою жилетку.

- Он сказал, что любит меня...

- Бля! – рывкнул Олег, поднявшись так, что стул с грохотом упал на пол. – Ты с каких пор стала романтически настроенной дурой? От Наташки своей заразилась или Островский затуманил твой мозг? Вопрос: как? Трахается, как бог секса, в уши льет, как сирены? Я могу сказать любой встречной бабе, что влюбился с первого взгляда, чтобы она раздвинула ноги, но это ровным счетом ничего не значит, могу на пике оргазма ляпнуть «я тебя люблю», пока она будет обалденно работать ртом. Едь к своему писака и разбирайся с ним сама, только разберитесь до того, как возьмете ипотеку и сделаете троих детей...

Олег осекся на полуслове, заметив, что по щекам Ольги катятся прозрачные горошинки слез. Он знал эту женщину почти шесть лет, но ни разу не видел, чтобы она плакала. Для него это было так неожиданно, как если бы вдруг разрыдалась гранитная статуя. Олег присел рядом с ней на корточки и провел подушечкой большого пальца по щеке, вытирая мокрую дорожку.

- Эй, ну ты чего? – спросил тихо. Что делать с плачущими женщинами, он не знал, а с плачущей Ольгой и подавно.

- Ничего, – шмыгнув носом, ответила она и, обняв за шею, уткнулась лицом в его плечо. Олега немного раздражал запах мужской туалетной воды, еще исходивший от ее волос, как будто Островский

незримо присутствовал в его квартире, но он действительно был здесь – в ее голове, в ее сердце...

Роман знал, что Самойлов просто издевался над ним. Волна злости и раздражения накатывала изнутри. Не хотелось верить, что Ольга, только стонавшая под ним, ищет утешение у бывшего. Напридумывать можно много всего, но лучше лично удостовериться. Островский набрал номер Анны и сразу же перешел к делу:

- Мне нужен адрес Самойлова.

- Воу, полегче, – ответила она. – Во-первых, привет. Во-вторых, разве я работаю в справочном бюро? В-третьих, кто такой Самойлов?

- Режиссер, – напомнил Роман.

- Ах, точно...

- Достанешь? Я знаю, что у тебя есть возможности.

- Возможности есть, но не думаю, что это будет быстро. Надо поднимать людей, они будут поднимать других людей... Это только в фильмах тебе по запросу сразу выдадут адрес, а тут схема сложная. Может, попробуешь по-другому?

- Черт! – выругался Островский и пнул ногой бутылку, лежавшую на асфальте, которая, прокатившись с метр, врезалась в тротуар и разбилась с громким звоном.

- Рома! – грозно рявкнула Анна. – Спокойнее! У меня нет желания снова вытаскивать тебя из обезьянников. Что случилось?

- Я идиот, вот что случилось!

- А, ну это я знала давно. Ладно, я немного занята, завтра перезвоню, а ты съезди на киностудию, поговори с кем-нибудь...

- Спасибо! – перебил ее Роман, которого только что посетила гениальная мысль, и отключился.

Он даже не заметил, что с неба уже довольно давно падают холодные капли, застилающие стекла очков, а теперь еще и не позволяющие сенсору реагировать на прикосновение пальцев. Раздражение от этого нарастало еще больше, Островский вытер телефон краем рубашки, влажная ткань только размазала капли по экрану, но позволила нажать кнопку вызова.

- Если у тебя не что-то срочное, то я тебя убью, – прошипел в трубку Леша.

- Твое свидание с работницей киностудии еще не закончилось?

- Мы только собрались переходить к самому интересному. А что, хочешь третьим быть? – опять показал свое сексуально-озабоченное чувство юмора Леха.

- Спроси у нее, знает ли она адрес Самойлова.

- А зачем тебе? Решил с мужчинами поэкспериментировать?

- Леша, мать твою, засунь свои шутки... В общем, спроси!

- Да ладно, не кипятись. Сейчас, – а через секунду Роман услышал его отдаленный голос: – Детка, ты знаешь адрес Самойлова? – женский голос что-то пропел в ответ, потом снова голос Лехи: – Детка, очень надо, а мою благодарность ты скоро увидишь. Записывай, – сказал уже в трубку.

- Спасибо, – поблагодарил его Островский. – С меня бутылка.

- Договорились, – усмехнулся Леша и повесил трубку.

- Что-то я совсем раскисла, – заметила Ольга, вытирая глаза рукавом халата и оставляя на белой ткани черные полосы от растекшейся туши.

- Гормоны или что там еще, – усмехнулся Олег и удивленно посмотрел в сторону коридора, откуда раздалась домофонная трель.

- Ты кого-то ждешь? – спросила Ольга, хотя догадывалась, кто именно сейчас возле подъезда ждет ответа.

- Я нет, а вот ты, кажется, да, – тоже быстро сообразил Олег. – Открывать?

- Глупо прятаться, решим все здесь и сейчас.

Он вышел в коридор и только коротко бросил в трубку:

- Третий этаж.

Роман поднимался по лестнице, но еще не знал, что скажет. Возможно, впервые в жизни словарный запас отказывал ему в помощи. Самойлов стоял, оперевшись о дверной косяк, и с неприязнью смотрел на Островского.

- Олег Викторович, – кивнул Роман. – Где она?

- А вы настойчивы. Оля! – крикнул, повернув голову.

Ольга не чувствовала ничего. Совсем. Может, у каждого человека есть эмоциональный предел, за которым наступает безразличие. А может, в ее сердце стало слишком много гвоздей, и оно потеряло способность чувствовать. Она шла к дверям без пресловутой дрожи в коленках и прочей романтической дури. Увы, хэппи-энда сейчас не получится, и надпись «долго и счастливо» не появится перед титрами.

- Мы поговорим в подъезде, – сказала она Олегу и вышла, прикрыв за собой дверь.

Роман видел припухшие веки и следы размазанной туши и не мог поверить, что заставил ее плакать. Раздражение от осознания того, что она пришла к Олегу, сменилось на чувство вины, и он только смог сказать:

- Извини.

- Извиняю, – пожала плечами Ольга, но так и не поняла, за что он извинился.

Опять повисло молчание. Два взрослых человека не могли подобрать слова, чтобы найти решение. Просто смотрели друг на друга, чувствуя, что их тела магнитом тянет друг к другу, но одним сексом сыт не будешь и даже одной любовью. Они действительно были чужими людьми, несмотря на то, как им хорошо в постели и в работе. А для того, чтобы построить что-то новое, надо говорить, объяснять, понимать.

- Я не знаю, что сказать... – выдохнул Роман.

- Тогда зачем ты пришел?

Ольга видела, что он немного растерян, и это было удивительно. Непробиваемому гению пера, вечно державшему себя в руках, тоже оказались не чужды человеческие слабости.

- Ты нужна мне.

Островский никогда и никому не говорил подобных слов. Он вообще никогда не был в подобных ситуациях, не знал, что сказать обиженной женщине, как ее успокоить.

- Трахать меня и писать сценарии к твоим книгам? – спросила Ольга без тени сарказма и иронии.

- Зачем ты так? – сквозь зубы процедил Роман. – Я пытаюсь извиниться, сказать, что люблю тебя...

- А хватит ли нам нашей любви?

Он не пропустил то, что она сказала «нашей», а не «твоей», и понял, что чувства его взаимны. Всего лишь надо сделать огранку и вставить их в оправу. Они оба не знали, как стоять отношения, что делать с незнакомыми чувствами. Люди, привыкшие быть одинокими и наслаждающиеся своим одиночеством.

Роман сделал шаг к Ольге, обхватил лицо ладонями и ответил:

- Мы справимся.

- Как? Мы живем в разных городах...

- Ты переедешь ко мне, – сказал Роман.

Ольга оттолкнула его и зло бросила:

- Значит, ты за меня уже все решил? А если я не хочу никуда уезжать?

- Не кипятись. Давай мы сейчас поедem в гостиницу и все решим.

- Я даже знаю, каким образом ты станешь меня уговаривать. Нет, не получится. Уехал в первый раз, ничего не сказав, уедешь и сейчас.

- Ребенок... – Роман запнулся.

- Опять хочешь спросить, чей он? – Ольга уже перешла на крик.

Островский молчал. Это было недоверием? Между ними вновь возводилась невидимая стена, и маленькое подобие отношений, которые сейчас пытался выстроить Роман, могло быть разрушено неправильным словом...

Глава 17

- Давай мы не будем выяснять отношения в подъезде твоего бывшего, – наконец сказал Роман. – И почему ты в халате?

- Ты переводишь тему, – усмехнулась Ольга. – Но все, что надо было, я поняла.

Еще один гвоздь прокрутился в сердце, и наступило полное равнодушие и безразличие ко всему происходящему.

- Что?! Что ты поняла?! – вышел из себя Роман и впечатал кулак в стену.

Его раздражала и злила реакция Ольги. Он делал шаг навстречу, а она как будто изо всех сил старалась его оттолкнуть. Островский не произнес вслух слова о ребенке, потому что сам не мог еще до конца осознать этот факт. Он никогда не задумывался о детях, и пока не сказал словосочетание «мой ребенок», беременность Ольги казалась чем-то ненастоящим, эфемерным. Как будто этого и не было вовсе. Им бы сначала друг с другом разобраться, что получалось из рук вон плохо, а потом уже думать о ребенке. Но у судьбы оказались другие планы.

- У меня, конечно, милые соседи, но слушать ваши крики ни у кого терпения не хватит, – приоткрыв дверь, не выдержал Олег и, повернувшись к Ольге, добавил: – А ты вообще почему торчишь в подъезде босиком?

Роман понял, что проигрывал. Проигрывал режиссеру с его заботой, умением найти правильные слова и знал, что пора уходить. Сегодня они к консенсусу не придут. Слишком все на эмоциях, а злость могла сыграть только против Островского – он не один раз уже это проходил.

- Я завтра позвоню, и мы все обсудим. Договорились? – спросил Роман, заглянув Ольге в глаза. Там было пусто – вакуум, из которого, как воздух, выкачали все эмоции.

Она кивнула и молча скрылась за дверью, Самойлов был более любезен и даже соизволил попрощаться. Островский почувствовал, как новая волна чего-то неизвестного поднимается в груди. Ярость? Не похоже. Бессилие? Вряд ли. Это была ревность, с которой Роману раньше не приходилось сталкиваться, на которую он, казалось, не был способен. Хотелось познакомить лицо режиссера со своим кулаком, схватить Ольгу в охапку и увезти. Но она бы не поняла, не простила, снова выпустила свои колючки, поэтому действовать придется по-другому...

Утро началось с телефонного звонка. Роман схватился в надежде за телефон, думая, что это Ольга, но Москва на связи спутала все его

планы на сегодняшний день.

- Роман Сергеевич? – вежливо поинтересовались на том конце провода.

- Да.

- Это из издательства...

Ольга даже не помнила, как вчера уснула. Олег не отпустил ее ночью и в мокрой одежде домой, гостеприимно предложив остаться. Но у нее даже сил не было куда-то ехать, кажется, уснула она, едва дойдя до дивана.

Первый солнечный луч почти летнего яркого солнца пробился сквозь тонкую полоску между шторами, попав Ольге на лицо. Она повернулась на другой бок, чтобы спрятаться от надоедливого света и от неожиданности чуть не упала с дивана. Рядом мирно спал Олег. Под другим одеялом, целомудренно одетый, но рядом.

Ольга поначалу ничего не поняла, но потом вспомнила, что вторая комната в его квартире была отведена только для работы. Кабинет, как он это называл. Откинулась обратно на подушку и улыбнулась, глядя на известного режиссера, так мирно посапывающего. Хотелось провести рукой по чуть взъерошенным светлым волосам, дотронуться до носа, который Олег так мило морщил во сне, но сразу накатила мысль о Романе. Вчера было эмоциональное выгорание, а сегодня стало больно. Боль была почти физической где-то в районе сердца. Но... он же обещал позвонить.

Ни один из голубых глаз со странными вкраплениями орехового цвета на самой границе радужки не открылся, но Олег сказал:

- И что мы палимся?

- Ничего, – ответила Ольга, поднимаясь. – Идем кофе пить. Или чай.

Он позвонил. Позвонил и сказал:

- Мне срочно надо уехать в Москву. Но я вернусь, и мы поговорим.

И потянулись дни в этом томительном ожидании. Олег уехал в Сибирь на съемки, у Наташи завал на работе – тошно. Ольга успела за неделю сделать план сценария нового фильма и отослать Олегу.

Он прислал сообщение: «Это круто».

День за днем, час за часом – они казались такими бесконечными. Хотя каким-то развлечением были походы к врачу, хоть повод выйти из дома.

Но в очередной визит в поликлинику милая женщина в халате, нацепив очки, странно посмотрела на Ольгу.

- Как давно у вас токсокоз прошел? – спросила она.

- Неделя где-то... А в чем дело?

- Мне не нравится ваш ХГЧ... Надо УЗИ сделать. Вас ничего не беспокоит?

- Нет... – неуверенно ответила Ольга. – Так в чем дело?

Врач не могла ничего сказать, строить предположения без должного осмотра, готовить ее к чему-то... Она вышла на несколько минут проверить, а когда вернулась, сказала со вздохом:

- Пойдемте, – и жестом руки пригласила Ольгу выйти.

Она не понимала и не предполагала, что происходит сейчас. Что не так с анализами? Или, может, что не так с ней? Но шла... Молясь, чтобы только с ребенком все было хорошо. Странно, женщина, в которой проснулся материнский инстинкт, которая впервые захотела разделить свою жизнь с кем-то еще.

УЗИ было противным – Ольга никогда не приветствовала это. Нет бы, как в фильмах, поводить по животу. Но в жизни-то все по-другому.

Врач долго смотрела, хмурилась в сторону монитора, надавливала внутри больно и неприятно и сказала наконец:

- Я не слышу сердцебиение.

- А оно на таком маленьком сроке есть? – спросила Ольга.

- У вас развитие плода остановилось на пяти неделях примерно. Хотя бы пульсацию я через доплер должна была услышать. Как не прискорбно, но это замершая беременность.

Мир разлетелся на осколки. Ольга подумала, что жутко хочется смеяться – явный признак истерики. Из оперы о том, что «ничего

нормально сделать не могу»: ни с мужиком разобраться, ни ребенка родить. Но если чему и было поучиться у Романа, так это самообладанию. На автоматизме Ольга оделась и повернулась к врачу:

- Что теперь делать?

Та поправила очки, явно сама растерявшись, ожидая, видимо, другой реакции – истерики, слез, недоверия – и ответила:

- В больницу направление. На чистку.

- Хорошо.

Ольга еще, кажется, сама не понимала до конца, что произошло, но запретила себе плакать. Дома, все дома. Горячий ком стоял в горле, давил на глаза невыплаканными слезами. Хотелось плакать, кричать, топтать ногами, но это не поможет. Это ничего не изменит.

Направление, больничные коридоры, абортарий, металлические инструменты на хирургическом столе – все это было будто нереальным. Как будто смотришь фильм, переживаешь, но радуешься, что все это происходит не с тобой. Но это тоже когда-нибудь закончится. Пройдет. Может, даже забудется, что вряд ли. Такие раны не заживают без швов, но все равно оставляют некрасивый рубец на сердце. А от сердца Ольги уже почти ничего не осталось.

Местная анестезия, просто обкололи, но оставили в сознании. А как же ей хотелось не видеть этого, не чувствовать.

«За что боролась, на то и напоролась», – подумала она, вновь прогнав непрошенные слезы. Сейчас она даже не понимала, как могла вообще думать об аборте, как могла пойти на это и даже почти сделать.

Наверное, эта дилемма, где сразу она хотела избавиться от ребенка, а потом желала его больше всего, стала основой ее грани сумасшествия. Самобичевание, желание наложить на себя руки, плач навзрыд – Ольге действительно казалось, что она сходит с ума.

Она чувствовала все, чувствовала, как внутри копошатся инородные предметы, как из нее вырывают по кускам мертвый плод. Даже если бы действие анестезии сейчас закончилось, вряд ли бы та физическая боль смогла заглушить другую. Ту, которая была глубоко внутри, но всеми силами пыталась вырваться наружу.

Закончилось это быстро, хоть Ольга и не считала время. А много ли работы – пройтись кюреткой внутри, сделать то, что, возможно, этот врач делает каждый день.

- Антибиотики пропейте. Вот рецепт, – участливо сказала медсестра перед тем, как отправить Ольгу домой.

«Не надо меня жалеть!» – хотела она заорать, но только кивнула и взяла бумажку. К черту сейчас все таблетки – выпить, заглушить алкоголем то, что завтра вернется снова, но хотя бы на сегодня.

Ольга набрала номер Наташи:

- Привет. Заехать сегодня сможешь?

- Могу, – как-то неуверенно ответила та.

- Жду, – коротко бросила Ольга, не дав подруге шанса отвертеться.

Низ живота неприятно тянул, чувствовался дискомфорт, но она настойчиво шла к магазину, совершила набег на винно-водочный отдел и только потом домой. Пот градом катился по лицу, бросало в жар, а потом в холод, ноги подкашивались.

- Ничего, вытерпим, – сама себя утешила Ольга.

Прямо на лавке перед подъездом сделала глоток из бутылки и подставила лицо солнцу. Теплый ветер трепал волосы, как будто гладил, успокаивая. Еще глоток. Тепло стало разливаться внутри. Тепло, которое согревало пустой желудок и заволакивало мозг приятной дымкой. После третьего глотка мир стал лучше и позитивнее.

- Эй, ты чего? – услышала Ольга Наташин голос и открыла один глаз.

- Пью, – ответила и протянула бутылку. Подруга ее взяла, повертела в руках, а потом выдала новость, от которой Ольгу накрыл истерический хохот:

- Я беременна, не буду.

Наташа смотрела, как она смеется, но при этом слезы катятся по щекам, как вроде бы в спазмах хватается за низ живота. Впервые она видела Ольгу в таком состоянии и не знала, что делать. Но это еще не все, что придется ей сказать.

Ольга забрала у подружки бутылку и сделала еще несколько больших глотков. Она даже не чувствовала, как крепкий алкоголь обжигает горло. Жгло в груди от потерь, от боли и невозможности повернуть время вспять.

- Поздравляю, – наконец выдавила из себя Ольга. – И кто у нас счастливый папаша?

Наташа замялась, опустил глаза, и сказала тихо:

- Прости меня.

- За что?

- Это Андрей...

- Какой Андрей? – не поняла Ольга, а потом опять рассмеялась от посетившей ее догадки. – Да ладно? И чем этот зануда тебя привлек?

- Он не такой! Он же добрый, заботливый...

- Ага, смотри, чтоб он не задушил тебя своей заботой.

- Оль, – Наташа присела рядом. – Прости... Как-то все само собой получилось. Мы встретились совершенно случайно, разговорились, потом пару раз выпили кофе. Я сопротивлялась чувствам из-за вины перед тобой, но...

- Да брось!

Ольге было действительно все равно, кто, где и с кем спит. Своих проблем с лихвой хватало.

- Ты не злишься? – с надеждой спросила Наташа.

- С какой стати? Любитесь, женитесь, плодитесь на здоровье. Благословляю, – и даже перекрестила подругу в воздухе, хоть и не была набожным человеком, а потом добавила: – Выпьем за любовь! – и снова сделала несколько глотков.

Ольга была рада за Наташу и даже за Андрея. Может, у них все и получится. Только у самой ничего не получалось.

Роман устал за это время в Москве так, как будто разгружал по ночам вагоны. Он был бы счастлив, если б его оставили в покое за рабочим столом, но издательство лучше знает, что хорошо писать – еще не

залог успеха. Реклама – двигатель торговли. Бесконечные встречи, автограф-сессии, презентации – кто думает, что это легко, пусть сам попробует.

Жутко злило то, что Ольга не желала отвечать на звонки и смс. Он каждый вечер набирал номер, слушал длинные гудки, потом отправлял сообщения в пустоту. Наконец сегодня, почти не надеясь на результат, он услышал в трубке:

- Роман Сергеевич, чем обязана?

Островский нахмурился, услышав, что у нее заплетается язык.

- Ты пьяная что ли?

- Ага, – подтвердила Ольга его догадку.

«Что-то случилось», – пронеслось у Романа в голове. Не могла же беременная женщина напиться на пустом месте.

- Что случилось?

- А ничего не случилось. Вы свободны, Роман Сергеевич, ничего нас больше не связывает. Ребенка не будет, а чувства... В задницу чувства, без них проще жить. Да и кому они нужны в этом несправедливом жестоком мире? Кстати, я же не ответила на вопрос. Он был твоим.

- Я приеду через пару дней.

- Зачем? – удивилась Ольга. – Представь, мне трахаться нельзя, вот незадача-то, да? А больше мы же ничего делать не можем нормально, даже поговорить.

- Что ты несешь?! – Роман начал закипать, хоть и понимал, что все это говорит алкоголь.

- Правду жизни...

- Я понимаю, что тебе сейчас больно, ты расстроена...

- Ой, давай только без сеанса психотерапии, – перебила Ольга и бросила трубку.

Перезванивать бесполезно, он знал это. Но понимал и то, что к разговору с ней надо подготовиться. Слишком высока цена за каждое неправильное слово.

Ольга отбросила телефон и откинулась на подушку. Потолок вращался, в голове неприятно шумело, но спать совершенно не хотелось. Не стоило отвечать на звонок, не стоило снова вскрывать нарыв, чтобы снова терпеть боль по ночам, видеть его в своих снах.

Патологическое болезненное чувство – именно так Ольга охарактеризовала свою любовь к Островскому. И в который раз уверилась, что все фильмы и книги о любви – полная чушь. Это чувство ее убивало, рвало на части, делало слабой. А разве так должно быть?

Потерянная, разбитая, она не хотела сейчас встречаться с Романом. Сначала каждому из них стоит разобраться с собой, а потом уже друг с другом.

Рука потянулась к телефону, Ольга попыталась сфокусировать взгляд на засветившемся экране и набрала номер.

- В следующий раз помни, что у нас разница во времени. Когда у тебя вечер, у меня уже ночь, – абсолютно не сонным голосом вместо приветствия сказал Олег.

- Буду знать. Так чего не спишь? Горячие сибирские женщины не дают?

- Дают или не дают, я еще не проверял, – усмехнулся он в трубку. – Только со съемок, тяжелый день сегодня. А что у тебя с голосом?

- А я пьяна... – Ольга долго рассказывала ему обо всем случившемся за последнее время, а в конце добавила: – Знаешь, я никогда не была в Сибири.

Олег шумно вздохнул и спросил:

- Сбежать пытаешься? От себя или Островского?

- О боже, двух психотерапевтов за один вечер я не выдержу, – простонала Ольга.

- Ладно, прилетай и зализывай свои раны. Ты любила раньше бывать на съемочных площадках.

- Ты настоящий друг, – Ольга даже звонко поцеловала экран телефона.

- Ага, – согласился Олег. – Пока.

- До скорой встречи.

Может, он прав в том, что она хочет сбежать. Путешествия – лучшее лекарство от душевных ран. И в Сибири Роман ее точно не найдет. Сейчас Ольга соберет себя из осколков, если там еще можно что-то склеить, а потом решит, что делать дальше. Любви недостаточно, но она может стать фундаментом для начала нормальных отношений, а не просто секса.

Будущее можно планировать сколько угодно, но никогда не знаешь, какую злую шутку может сыграть судьба, у которой часто на людей совсем другие планы.

Глава 18

Толик приветливо махнул рукой, заметив Ольгу, и забрал у нее из рук чемодан. Она знала его столько же, сколько и Олега. Неизменный помощник режиссера, без которого не проходил ни один съемочный процесс вот уже лет десять. Хоть Олег и сам всегда руководил съемкой, совмещая в себе должности режиссера-постановщика, помощника режиссера по сценарию, режиссера по работе с актерами, а потом и режиссера монтажа, но на некоторые моменты, вроде составления графика актеров, вызовов их и других участников съемок на площадку, решения мелких проблем, просто не хватало времени. Поэтому постоянно находящийся рядом Толик и занимался организационными вопросами, оставляя Олегу время сосредоточить внимание на творческих аспектах создания киноленты.

- Как дела? – спросила Ольга, когда они сели в машину.

Толик только закатил глаза и прижал руку к груди.

- Олег скоро кого-нибудь убьет там. Уже жалеет, что подписался на эту авантюру, но уж очень просил знакомый продюсер заняться этой картиной. А ты снова в строй? – без перехода спросил он.

Ольга отрицательно покачала головой:

- Нет, я отдохнуть.

Помощник Олега, пока машина стояла на светофоре, повернулся к ней и, подняв одну бровь, сказал:

- Отдохнуть в моем понимании – это поваляться на пляже с холодным мохито где-нибудь на Бали, а не тащиться в сибирский город. Вы что ли опять с Олегом сошлись?

Ольга даже поперхнулась от неожиданности.

- Толя, ты бы своей личной жизнью больше интересовался. А на Бали я еще не заработала, так что приходится довольствоваться Сибирью.

- Ой, – с сарказмом начал он. – Я видел сценарий, который ты написала с этим писателем... Как его там?

- Роман Островский, – тихо ответила она, отвернувшись к окну. Даже здесь он ее преследует.

- Точно! – Толик вроде бы не заметил ее реакции на имя. – Тебе же неплохо заплатили. А мужик, кстати, неплохо пишет, я даже прочитал его книгу. Как он тебе?

- Нормальный, – уже сквозь зубы ответила Ольга. Вот об Островском ей сейчас точно не нужны были разговоры. Так что надо срочно переводить тему. – А что вы снимаете?

О съемках Толик мог говорить вечно и сейчас пустился в долгие объяснения, рассказывал веселые истории со съемочной площадки, да так эмоционально и смешно, что Ольга через десять минут уже улыбалась, а через двадцать даже расхохоталась над очередной шуткой.

Они остановились перед девятиэтажным панельным домом, и Ольга спросила:

- Служебная квартира?

- Да, – подтвердил Толик. – Здесь живем мы с Олегом, остальная бригада из местных, так что разъезжаются по родным пенатам после съемок, актеры и еще кое-кто из группы в предоставленных трейлерах. Ну ты и сама все это знаешь.

Ольга кивнула, все как обычно. Раньше она, как сценарист, часто присутствовала на съемочных площадках, правда еще ни разу так далеко от родного города не выбиралась.

Толик занес чемодан наверх и спросил:

- Поедешь со мной или отдохнешь?

- Поеду, только подожди немного.

- Ладно, кофе пока выпью.

- И мне сделай! – крикнула Ольга уже из ванной.

Двухкомнатная квартира, где каждая комната похожа на недорогой

двухместный гостиничный номер. Кровати, тумбочки возле них – все, что здесь было. В ванной и на кухне тоже минимализм. Ольга быстро приняла душ, переоделась, сделала несколько глотков уже немного остывшего кофе и готова была ехать.

- Где сейчас снимаете? – спросила у Толика, когда они выехали за черту города.

- Старый химзавод, едва получили разрешение, хоть он и закрыт уже давно. Там только несколько сцен, потом в павильон переезжаем. Там была такая история...

И Толик начал рассказывать очередную байку о веселых буднях на съемочной площадке, едва успев закончить, когда припарковал машину возле бетонного забора.

Ольга уже забыла, какой это ритм. Каждый съемочный цех занимался своей работой – гримеры колдовали над актерами, звукооператоры проводили звуковые пробы, оператор строил схему расположения камеры, техники проверяли аппаратуру, художник-постановщик совершенствовал декорации. Ольгу всегда удивляла эта оборотная сторона кинематографа, где зачастую актеры в жизни испытывали друг к другу неприязнь, а какая-нибудь романтическая барышня потом льет крокодильи слезы, глядя, какую любовь они изображают перед камерой; где мелкие травмы были обычным делом, а иногда доходило и до серьезных увечий; где часто все члены съемочной группы мерзли или изнывали от жары почти круглые сутки. Ольга с уважением относилась к кинематографу как к виду искусства, ставшего сейчас самым популярным в мире, но кино – это иллюзия. Сейчас ей вспомнилось, как однажды она присутствовала при съемке эротической сцены на пляже возле озера. Ох, как это великолепно смотрелось на экране – обнаженные тела, переплетающиеся в страсти на песке. А на деле актеров намазали подсолнечным маслом, чтобы их кожа эффектнее смотрелась в кадре, песок забивался им во все мыслимые и немыслимые места, а несчастная девушка, изображавшая любовь, потом полдня распутывала волосы и жаловалась, что у партнера воняло изо рта.

- Ты чему улыбаешься? – услышала Ольга голос за спиной и обернулась. Олег тут же сгреб ее в охапку и поцеловал в висок.

- Вспомнила, как мы снимали секс на пляже, – ответила она.

- О да! – тоже улыбнулся Олег. – Я лучше буду пить «Секс на

пляже», хоть и терпеть не могу эту сладкое пойло, чем еще раз подпишусь на подобную съемку. Да черт возьми, что вы творите?! Я же определил последовательность съемочных эпизодов! – заорал он куда-то в сторону. – А ты чего опять смеешься? – повернулся к Ольге.

- Помнишь, как ты на меня наорал из-за сценария, когда мы познакомились?

- Да, а ты меня обозвала инквизитором в режиссерском кресле, который не ценит чужой труд...

- А ты меня стервозной блондинкой, возомнившей себя звездой Голливуда.

Олег вдруг стал серьезнее, посмотрев куда-то в сторону, погрузившись в воспоминания, и сказал:

- Наверное, я сразу тогда и влюбился – глаза полыхают огнем, носик презрительно морщится, волосы треплет ветер, а руки вот-вот готовы вцепиться мне в лицо. Но ладно, – снова улыбнулся он, – мы потом быстро нашли общий язык и работали, как слаженный механизм.

Они оба почувствовали легкую неловкость ситуации, и Ольга быстро перевела тему:

- Покажи мне сценарий эпизодов, которые вы здесь снимаете.

На лице Олега появилось страдальческое выражение, и он едва ли не простонал:

- Сколько я с ним настрадался. Эта тупая овца, которая его писала, даже не понимает, что такое режиссерский сценарий и монтажный план, визжала, что мы должны все в четкой последовательности и слово в слово снимать так, как она написала. А она написала скорее как книгу, не разделив на листы с описаниями, едва-едва обозначив сцены. Я почти неделю «причесывал» сценарий, матеря ее. Но идея мне понравилась, неудивительно, что его пропустили, но до ума пришлось довести все-таки. Вот ты делаешь это профессионально, почти готовый режиссерский сценарий.

- Комплиментчик! – Ольга шутливо толкнула Олега кулаком в плечо. – Есть сценаристы и лучше меня.

- Да? – с наигранным удивлением поднял тот брови. – Потом

расскажешь, где они водятся.

Они успели подойти к режиссерскому креслу, на котором лежали распечатанные листы со сценарием. Олег протянул их Ольге, на которую уже напал ажиотаж от атмосферы, царившей на площадке. Подобные мероприятия – снующие туда-сюда люди, постоянно что-то выкрикивающие, создание чего-то нового, постоянная ругань или смех – это все настолько эмоционально, что можно забыть обо всем.

Ольга быстро пробежала глазами по строчкам, погружаясь в вымышленный мир, и протянула руку, сгибая пальцы в призывающем жесте. Олег понял ее сразу и подал карандаш.

- Вот здесь, – сказала она, делая пометки. – И вот здесь я бы сделала крупный план и добавила пару слов в диалог, чтобы зритель мог лучше прочувствовать драматичность момента.

Олег с довольной улыбкой смотрел на нее и вроде бы узнавал черты той женщины, которой она была до встречи с Островским, но и в то же время понимал, что едва Ольга выйдет со съемочной площадки, как груз всех событий снова придавит ее и погасит едва появившийся огонек во взгляде.

- И что ты на меня так загадочно смотришь? – спросила она.

- Я уже и забыл, как увлеченно и страстно ты можешь работать.

Ольга вздрогнула от этих слов, а в ушах зазвучал другой голос, говоривший когда-то точно так. Казалось, это было так давно, в прошлой жизни, а ведь на самом деле прошло не так много времени.

- В чем дело? – Олег тронул ее за плечо, заметив быструю перемену.

Она тряхнула головой, будто освобождая ее от чего-то.

- Все нормально! – ответила почти по слогам, скорее стараясь убедить себя в этом.

- Эй, товарищ режиссер-постановщик!!! – заорал Толик, появившись рядом, как джинн из бутылки. – Мы сегодня начнем снимать? – И сразу же вновь скрылся в неизвестном направлении.

- Мне иногда становится не совсем понятно, кто здесь главный, – вздохнул Олег.

Кадр за кадром, дубль за дублем, эпизод за эпизодом... Время на съемочной площадке идет совершенно по-другому, чем за ее

пределами. Ольга не успела оглянуться, а уже вечер. Но никто не собирался домой, не стонал из-за ненормированного рабочего дня, кажется, никто даже не ощущал усталости. Олег явно вознамерился снять все сцены и уже завтра переехать в кинопавильон.

- Уже поздно, – сказала он Ольге во время перерыва. – Толик может тебя домой отвезти.

Она отрицательно покачала головой и ответила:

- Я не устала.

- Ты же знаешь, как коварны съемки. Постоянный адреналин, никакой усталости, но стоит отойти на несколько метров и чувствуешь, что просто валишься с ног. Хотя помнишь, – Олег наклонился к ее уху, – что мы творили на площадках, когда все расходились? Особенно операторскую тележку я до сих пор помню.

Ольга усмехнулась, даже немного покраснев:

- Или как мы сломали декорации, что на следующий день художник-постановщик хватался за сердце и пил валерьянку, проклиная вандалов, испортивших его творение?

Олег рассмеялся и продолжил вспоминать:

- А как на съемках исторического фильма мы решили примерить одежду, а потом до утра зашивали платье, чтобы художник по костюмам ничего не заметила?

- Или, решив добавить пикантности моменту, влезли в аппаратуру специалиста по спецэффектам? – сказала Ольга и добавила с небольшой грустью: – Как молоды мы были...

- Не кисни, подруга! Можно быть молодым и в шестьдесят, если ты молод душой. Идем смотреть, что мы сегодня наснимали.

Мастерство не пропьешь. Ольга часто замечала в фильмах небольшие так называемые «ляпы», но сейчас, несколько раз просмотрев запись, не нашла, к чему бы можно было придраться. Олег знал и любил свое дело, и это было видно в каждом кадре.

- Отлично, – прокомментировала она после пятого просмотра.

- Согласен, – подтвердил Толик.

- Последний эпизод – и мы можем сворачиваться, – скомандовал Олег.

Свернуться получилось только к часу ночи. Ольга, сев в машину, поняла, как непривычно гудят ноги, а усталость вот-вот придавит к сидению. Не было желания даже выходить возле дома и добираться до кровати, если можно остаться здесь и спать.

- Жрать-то как хочется, – печально сказал Толик, проезжая мимо уже закрытого ресторана.

- Заедем в круглосуточный магазин? – предложил Олег.

Ходить по магазинам у Ольги сил уже не было, и она осталась в машине, вроде бы даже задремав, пока ее не вырвал из почти накатившего сна телефонный звонок. Говорить сил тоже не было, она сбросила вызов и тут же получила смс.

«Я завтра приеду».

« Не надо. Я в Сибири», – набрала она ответ и отправила.

Опять звонок.

«Что ж ты такой настырный, Роман Сергеевич», – подумала Ольга и ответила, сразу же почувствовав едва скрываемое раздражение в его голосе.

- И какого черта тебя понесло в Сибирь?

- Слушай, не дури голову. Я устала.

- Когда ты вернешься?

- Когда-нибудь вернусь.

- Твою мать, – уже рявкнул в трубку Островский. – Ты издеваешься надо мной?

- Нет, – спокойно ответила Ольга. – Давай мы пока разберемся в себе, а потом поговорим. Мне нужен тайм-аут, нужно собраться...

- И Самойлов тебе в этом, как я могу предположить, неплохо помогает?

- Пока, – проигнорировала его сарказм Ольга и повесила трубку.

Кажется, они с Романом сейчас поменялись местами – его вспыльчивость и ее спокойствие.

После разговора усталость никуда не пропала, но сон как рукой

сняло, потому что в голову опять полезли мысли, от которых Ольга и пыталась сбежать.

Кем они были друг другу? Случайные любовники, охваченные страстью, испепеляющей сердца и оставляющей после себя пустоту? Ментальные любовники, заполнившие собой нишу, которая до этого пустовала? Или все же это то, что люди называют любовью? Ольга пока не знала, к какому варианту отнести свои отношения с Романом... Об этом думать было еще слишком больно, с этим она разберется позже.

- Ты что ли спишь с открытыми глазами? – спросил Олег и щелкнул пальцами перед ее лицом, перегнувшись между передними сидениями.

Ольга опять настолько ушла в свои мысли, что даже не заметила, как они с Толиком вернулись в машину.

- Задумалась.

- Я надеюсь, о сюжете нового сценария. Кстати, у меня для тебя подарок.

Олег нагнулся и начать шуршать пакетом, стоявшим под ногами. Наконец нашел то, что хотел, и протянул Ольге... лимон. Она с недоумением посмотрела сначала на фрукт, потом на улыбающегося Олега и спросила:

- Это что?

- Лимон, – ответил он, как будто и без того не было очевидно, а потом добавил, усмехнувшись: – С годовщиной.

Ольга нахмурилась и на автомате взяла желтый цитрус в руки. Какая к черту годовщина? Даты крутились в голове, но не те. Первая встреча? Первый секс? Первая ссора? Дата несостоявшейся свадьбы? И при чем тут лимон? В голову ничего не приходило. Она опять посмотрела на Олега, но тот только хитро улыбался. Он всегда отличался феноменальной памятью на даты, а вот Ольга этим похвастаться не могла.

- Мне потом эти фрукты неделю снились, – получила она подсказку и рассмеялась, беззлобно констатируя:

- Придурок.

Олег рассмеялся следом, а до этого молчавший Толик не выдержал:

- Так что там за история?
- Я расскажу? – спросила Ольга.
- Только без пикантных подробностей.

Толик, обожавший истории, наострил уши.

- Я думаю, ты помнишь, как мы снимали фильм, где героиня получила в наследство дом с небольшим лимонным садом на Черноморском побережье? – начала Ольга. – Так вот несколько десятков ящиков с бутафорскими цитрусами мирно покоились в углу съемочной площадки, когда мы с Олегом решили там остаться, чтобы хм... – попыталась она найти подходящее определение. – Поработать над сценарием. И случайно развернули пирамиду. Хотя искусственных фруктов и было только сверху для вида в каждом ящике, но мы все равно потом ползали до утра по павильону, собирая их. И как назло, вся площадка была забита аппаратурой, какими-то декоративными штуками, в общем, пришлось попотеть.

- И на утро вливать в себя литры кофе, – добавил Олег.

Они уже успели выйти на улицу, когда Толик, припарковав машину, сказал задумчиво:

- Я думаю, что история гораздо интереснее...

Он пошел вперед, а Олег, наклонившись к уху Ольги, едва сдерживая смех, добавил:

- История гораздо интереснее. Это было наше первое осквернение съемочной площадки, и это был самый лучший секс в моей жизни.

Она шикнула на него, боясь, что Толик услышит разговор, но тоже улыбнулась, вспомнив это. Даже вдруг появилось желание сделать тот жест, который понимали только они двое. Ольга на ходу положила ему руки на затылок и ногтями почесала чуть отросшие там волосы. Это не было жестом соблазнения или чего-то подобного – они оба это понимали – но Олег в ответ тоже ненавязчиво и быстро, помня то самое место, с едва заметным прикосновением, на грани дуновения ветра, прошелся пальцами по животу.

В этих жестах не было ничего сексуального, похотливого, эротического. Скорее это были жесты людей, который действительно знают друг друга. В лифте Ольга вдыхала аромат его парфюма, и вдруг захотелось прильнуть к широкой груди и спрятаться там.

«Слабеешь, женщина!» – подумала она.

Глава 19

Пальцы с невероятной скоростью летали по клавиатуре. Писать, писать, писать, читать, редактировать, править. Роман рад был вернуться за рабочий стол, но мысли об Ольге и несостоявшемся отцовстве все равно вертелись на задворках сознания. В работе он сейчас искал не удовольствие, а отдушину. Если бы он знал, в каком из многочисленных городов Сибири она находится, то рванул бы туда.

Роман усмехнулся, подумав об этом. Если бы кто-то еще несколько месяцев назад сказал, что ради женщины он готов исколесить полстраны, то получил бы в ответ лишь ироничную улыбку. А сейчас... Что-то изменилось.

Телефон отвлек от уже начавших расплываться букв на клавиатуре. Он надеялся, ждал, что это Ольга, но нет.

- Да, Аня, – ответил Роман, откинувшись на спинку стула.

- Может, ты мне дверь откроешь?

- Очень двусмысленно слышать подобные слова от собственной жены.

Он поднялся и подошел к входной двери. Вечно занятая Анна редко находила время для посещений и с юридической дотошностью планировала все свои визиты. Сейчас она стояла на пороге с собранным на макушке хвостом, без косметики, в спортивном костюме и кроссовках.

- И это высококлассный юрист? – спросил Роман, подняв брови.

- Отвали, – махнула она рукой, проходя в квартиру. – Хреново выглядишь, Островский.

Анна отдала ему пакет, сбросила обувь, по-хозяйски прошла на кухню и открыла холодильник.

- И что ты там хочешь найти?

- Рома, ты святым духом питаешься? Хорошо, что я взяла закуску. Давай пакет.

- Я только из Москвы вернулся.

Островский сел на табуретку, наблюдая, как Анна выкладывает на стол нарезку, моет овощи и фрукты, жарит мясо, ворча про то, что «хоть сковорода у этого балбеса есть». Последними из пакета появились бутылка виски и папка с бумагами. Анна открыла ее и протянула Роману сложенный надвое лист с гербом страны и надписью «Свидетельство о разводе».

- Поздравляю, Островский, ты теперь свободный человек.

Он развернул свидетельство и увидел их с Анной фамилии и вчерашнюю дату.

- Как ты это без меня сделала?

Уже бывшая жена фыркнула и вроде бы обиженно сказала:

- Я юрист в конце концов, имею связи и деньги, чтобы оформить эту бюрократическую канитель за один день. Мы бы могли пойти обычным путем, но я решила сэкономить время. Или ты не хотел разводиться? – иронично добавила, округлив глаза.

Если честно, то Роман вспоминал о том, что женат, только когда заглядывал в паспорт или встречался с Анной. Ни ему, ни ей этот штамп никогда не мешал и ни к чему не обязывал, поэтому сейчас показалось немного странным, что Анна вдруг решила оформить развод.

- Я уезжаю, – словно предугадав вопрос, пояснила она. – В Питер.

- Надолго?

Анна развела руками:

- Возможно, навсегда. Хорошая высокооплачиваемая работа с перспективой для дальнейшего карьерного роста и много симпатичных девушек. Что может быть лучше? – подмигнула она Островскому. – Ладно, давай выпьем, а ты мне расскажешь, что у тебя случилось...

- Как хорошо, что теперь у нас есть женщина, – радостно заявил Толик, складывая продукты в холодильник. – Может, хоть нормальной еды попробуем.

- Толя, – ответила ему Ольга, – я могу стать к плите только с целью отправить кого-нибудь в больницу. Хреновый из меня кулинар.

- Ну вот... – опечалился помощник режиссера. – Олег, как ты с ней жил, если она даже готовить не умеет?

- Хм, – задумался тот над ответом, почесав висок. – У нее масса других талантов, ради которых я готов был питаться полуфабрикатами и бутербродами.

- А еще я талантливо ставлю чайник, – сказала Ольга, щелкнув кнопкой.

Она чувствовала себя легко, насколько это было возможно в свете всех последних событий. Сейчас казалось, что она вернулась в то время, когда работала над сценариями: съемки, поездки, байки Толика – Ольга уже забыла об этом или старалась забыть, потому что сейчас поняла, как ей не хватало этого. И никак не могла вспомнить, почему она все-таки бросила то, что так любила и умела хорошо делать.

- О чем задумалась? – спросил Олег, разливая кипяток по чашкам, заметив ностальгический взгляд и полуулыбку на ее лице.

- Я скучала, – ответила Ольга, вздохнув, и рассмеялась, услышав за тонкими панельными стенами, как Толик в душе насвистывает какую-то мелодию. – Что-то никогда не меняется, – показала пальцем в сторону ванной.

- У человека ни слуха, ни голоса, но он упорно пытается покорить музыкальную индустрию. Не завидую его соседям, – улыбнулся Олег и спросил уже тише, присев напротив за стол: – Как ты?

Ольга пожала плечами, не торопясь с ответом.

- Знаешь, – наконец собралась она с мыслями, – я еще не поняла. Столько всего навалилось, что разобраться будет непросто, но я постараюсь. А пока... – махнула рукой. – Просто зашиваю все душевные раны, но путь реабилитации будет непрост, а шрамы останутся навсегда. Но шрамы есть у всех, и жить они особо не мешают.

- Как метафорично, – заметил Олег, взяв ее руку, лежавшую на столе, в свою ладонь и проведя большим пальцем по запястью. – Сейчас попробую сказать в том же ключе. Шрамы шрамами, но есть и хронические болезни, которые иногда обостряются. И чтобы этого не случилось, надо постоянно принимать таблетки или вести определенный образ жизни.

- Ну ты и завуалировал! – Ольга поняла, о чем он говорит, и задумалась. Если потеря ребенка останется шрамом – изменить-то уже ничего нельзя, нельзя вернуть – то непонятное чувство к Островскому действительно сродни болезни, которая обостряется в периоды его непосредственной близости и лекарство от которой найти будет сложно. И стоит ли искать?

- Островский, ты же вроде умный мужик, но иногда такой дурак! – не выдержала Анна, когда Роман ей все рассказал. – Потеряешь ты ее, если уже не потерял. Даже самой сильной женщине нужна поддержка в таких ситуациях. А ты что? Я приеду, и мы поговорим, тьфу, – саркастично повторила его слова. – Неудивительно, что она смоталась на другой конец страны к мужику, который ее понимает и всегда поддерживает. И возможно, что они вернутся уже оттуда с обручальными кольцами на пальцах. Придурок ты, ой какой придурок, – покачала она головой.

Роман по мере ее монолога все больше хмурился, понимая, что Анна права, может, отчасти, может, и полностью.

- Вряд ли она будет искать утешение в чужой постели. Да и не любит она Самойлова, – произнес, скорее утешая себя.

- Рома! – Анна пощелкала пальцами перед его носом. – Ты сам-то в это веришь? Любит она его, и он ее тоже. Он знает ее намного лучше, чем ты, они сохранили дружбу после расставания, они знакомы чертову кучу лет. Она искала утешение после ссоры с тобой где? Правильно, у Самойлова, хотя я уверена, что женщины в подобных ситуациях обращаются к подругам, а не к почти бывшим мужьям. Там другая любовь, не такая, как у вас – со страстью и интеллектуальным удовлетворением друг друга – но она есть, и она всегда будет. И иногда такая дружеская или человеческая любовь имеет гораздо больший вес, чем качественный секс и сногшибательная страсть. Так что думай, Рома, думай, что ты станешь делать, чтобы вернуть свою Ольгу, пока режиссер не пристроился у нее между ног, – закончила Анна свою пламенную речь, грохнув стакан о столешницу, и добавила, заметив полный злости взгляд Островского: – На меня не стоит злиться, только на себя.

Ольга уснула, едва донеся голову до подушки, а, казалось, уже через пять минут услышала крик Толика:

- Дети мои, подъем, пора создавать очередной киношедевр!

- И все-таки кто на кого работает? – услышала Ольга сонный голос Олега за дверью.

- Вы пока собирайтесь, а я съезжу в павильон, чтобы проконтролировать подготовку к съемкам. Через час-полтора вернусь. Позвонить перед тем, как заходить в квартиру?

- Не умничай, Толя.

Ольга улыбнулась, но даже не подумала выйти со словами «что ты себе позволяешь?». Он всегда был таким, и она понимала, что его слова связаны с прошлым. Пару раз Толик, не вовремя появлявшийся, чуть не застучал ситуации, достойные качественного порнофильма. Потом Олег намекнул, что не худо бы звонить перед приходом. Ольга сама понимала, как ее приезд может выглядеть со стороны, поэтому только и улыбалась, даже не представляя, как Толик мог такое представить.

- Спишь еще? – спросил Олег, заходя в комнату, когда его помощник покинул квартиру.

- Можно подумать, не видишь! – ответила Ольга и прикрыла ладонью глаза, спросив: – Соблазнить собираешься?

Она сама не поняла, к чему был этот вопрос, учитывая, что она сама еще пару месяцев назад ходила перед Олегом нагишом, ничуть не стесняясь. А он стоял всего-то в боксерах, но Ольга все равно почувствовала некоторое смущение. Она, немного раздвинув пальцы, рассматривала его так, будто видела впервые, хотя это тело было ей знакомо до каждого миллиметра.

- И что ты там новое хочешь увидеть? – не выдержал Олег. – И с каких пор мы стали такие стеснительные?

Ольга убрала ладонь от лица и ответила с вызовом:

- А вдруг что-то изменилось?

Это прозвучало подобием флирта, и она сама поняла, что взяла не тот тон, увидев, как изменился взгляд Олега. Он сделал два шага и присел на край кровати, подняв брови.

- Не доводи меня до статьи об изнасиловании, – сказал тихо.

Ольга натянула одеяло почти до подбородка, но что-то неуловимо сексуальное продолжало витать в воздухе. Она понимала, что он взрослый мужчина со своими потребностями, знала, что их сексуальные отношения после расставания были ни к чему не обязывающими, но сейчас начала смущаться.

- Извини.

- Оля, за что? За то, что я тебя когда-то не удержал? За то, что ты влюбилась в неподходящего человека? Перед кем ты сейчас извиняешься?

Если бы не его слова сейчас, то Ольга бы решила, что все, произошедшее с ней, – лишь дурной сон, и она вернулась на пять лет назад, туда, где было легко и просто. Но и эти слова были нужны, потому что она поняла: он любил ее, тогда любил и никогда не переставал.

Люди не в ответе за чужие чувства, это проклятие каждого. Не человек выбирает любовь, а любовь выбирает человека, но почему-то Ольга сейчас почувствовала себя виноватой, нашла руку Олега и сжала, дав ему этим волю к действиям.

Он наклонился чуть над ней, поставив вторую руку с другой стороны кровати, что почти позволило Олегу нависнуть сверху. Две его руки по бокам, такая знакомая грудь с мелкими завитками волос и слегка прерывистое дыхание, которое было оглушительным в повисшей тишине – все это было так знакомо, но Ольга поняла, что даже перестала дышать.

«Он этого не сделает!» – подумала она.

Олег наклонил голову слишком близко, его взгляд говорил слишком о многом, но, кажется, в последний момент он взял себя в руки, поцеловал Ольгу в щеку и сказал:

- Идем пить кофе.

Она выдохнула вроде бы с облегчением, когда осталась в комнате одна, но... Это «но» не давало покоя.

Роман за ночь так и не нашел ответа на вопрос: «Что делать дальше?»

Он не знал, что себе напридумывает Ольга и к какому решению придет, но боялся, что с каждым днем она все больше отдаляется, причем, вовсе не географически. Роман впервые оказался в подобной ситуации и не представлял, что делают мужчины, когда женщине надо взять тайм-аут. И сейчас думал – то ли ждать, то ли действовать. Она не из тех, кто позволит принимать за нее решения, но сидеть и изводить себя мыслями для Романа тоже было невыносимо.

Выход нашелся как-то сам по себе, и Островский даже обозвал себя дураком. Нельзя что ли раньше было догадаться? Он взял в руки телефон и набрал номер, представив, как сейчас Самойлов будет скрипеть зубами.

- Олег Викторович, – сказал Роман, услышав короткое «да», – здравствуйте.

- Здравствуйте.

- Я тут подумал, что как автор сюжета, послужившего прототипом сценария, должен присутствовать на съемках, – перешел он сразу к делу.

- Роман Сергеевич, – после непродолжительной паузы начал Олег, – съемки начнутся только через месяц и продлятся неизвестно сколько, не хотелось бы отвлекать вас от основной работы.

- Ну что вы! Я как раз через месяц планирую отправить новую книгу в издательство и буду полностью в вашем распоряжении. Надеюсь, в группу сценаристов войдут все, кто работал над сценарием.

- Я сообщу о времени и месте начала съемок, – ответил Олег и повесил трубку.

Роман улыбнулся, откинувшись на спинку стула. Он никогда не отказывался от своей цели, и сейчас никакой режиссер ему не помешает.

Ольга вышла из ванной, когда Олег задумчиво крутил телефон в руках, уставившись в окно.

- Что-то случилось? – спросила, увидев признаки раздражения на его лице.

- Островский случился... – протянул он. – Черт! – рывкнул через минуту. – Еще на съемочной площадке мне его хватало! Может, ты с

ним разберешься до начала съемок, чтобы он не крутился у меня под ногами? Явно его желание вызвано не простым любопытством, а стремлением снова затащить тебя в постель. Настойчивым, однако, писатель оказался, – усмехнулся и повернулся к Ольге.

Между ее бровей пролегли две параллельные складки, а в глаза снова потухли, но при этом в висках стучала злость. Она не так много просила – всего лишь время, но он все делает по-своему. Сейчас Ольга сомневалась в тех чувствах, о которых Роман ей говорил. Возможно, это не любовь, а задетое самолюбие, восстановить которое можно, лишь получив желаемое. Любыми способами, не оставив ей право выбора.

- Сволочь, – тихо сказала Ольга. – Я с ним поговорю.

- Не надо пока. Никогда не принимай решения, руководствуясь только лишь эмоциями. До начала съемок еще далеко, и недели три мы проведем здесь. Время есть, главное – правильно им распорядиться, – попытался Олег остудить ее пыл, уже жалея, что рассказал об этом звонке. Он не хотел видеть Ольгу такой разбитой, несчастной и готов был сделать что угодно, чтобы вернуть ее прежнюю, живую.

- Раз, два, три, четыре, пять – я захожу! – заорал Толик, входя в квартиру. – Кто не оделся, я не виноват! А что с вашими лицами? – удивленно добавил, появившись на кухне.

Ольга махнула рукой, а Олег ответил:

- Все нормально, – и сменил тему: – Что там с павильоном?

Глава 20

Помогает ли смена обстановки в лечении от отчаянной любви и боли потери? Не всегда. Сколько не меняй места, имидж, работу, не переставляй мебель в квартире, не топи горе в алкоголе, не поможет. Ольга с утра до ночи проводила время на съемочной площадке, погружалась в рабочий процесс, в иллюзию чужой истории, но собственные проблемы никуда не пропали и могут вылиться потом еще с большей экспрессией.

Поэтому в редкие свободные минуты она постоянно думала, стараясь откинуть все обиды и эмоции, но картина совместной... чего? жизни с Островским? нерегулярного секса? любви на расстоянии? Так вот ни одна из подобных картин никак не укладывалась в сценарий

жизни, никак не могла нарисоваться в воображении, с коим у Ольги проблем никогда не было. Мысли все равно приносили тупую боль в груди, как будто вновь кто-то поворачивал все гвозди в сердце.

Когда Олег видел, что она уходит слишком глубоко в себя и заново переживает все события, а не ищет решение проблемы, то вырывал ее у нее же. Постоянно задавал вопросы о снятых эпизодах, спрашивал советы по сценарию, интересовался ее мнением по таким вопросам, в которых он сам, конечно, разбирался намного лучше. Олег знал ее слишком хорошо и понимал, что строить из себя психолога бесполезно – это или еще больше замкнет ее, или разозлит.

Ольга потеряла счет времени, но замечала, что дни проносятся слишком быстро. Телефон отключила – никого не было желания слышать. Сообщением предупредила Наташу и мать, что уехала на съемки в Сибирь и будет находится вне зоны доступа, а Островский... Разберется с ним позже, если в этом еще будет необходимость.

- Все! – радостно хлопнул в ладони Толик, когда последний дубль был отснят.

- Еще монтаж впереди, – удивилась Ольга и посмотрела на Олега.

Тот отрицательно покачал головой:

- Здесь я только режиссер-постановщик, а режиссера по монтажу нашли другого. Я сразу предупредил, что мне не хватит на это времени, пора заняться другим фильмом. Как раз соответствует время года для того, чтобы снимать на улице, а то начнешь позже – и все, – развел он руками. – Год потом ждать что ли, чтобы отснять нужные дубли?

- О! – воскликнул Толик и в ажиотаже потер руки. – По книге этого писаки... Черт, все время забываю, как его там, но это неважно. Давно мечтал добраться до этих съемок.

- А время на кастинг, подготовку? – спросила Ольга.

- Я этим занимался до поездки сюда, – ответил Олег. – Осталось проверить, как выполнили мои указания, и мы можем приступать. Завтра у меня еще встреча с Игорем, это продюсер, который просил заняться этим фильмом, – пояснил он. – И мы можем уезжать.

В такие моменты становится немного грустно – люди, которые неделями и месяцами проводят почти целые сутки вместе, работают

слаженно над одним делом, а потом навсегда расстанутся. Сейчас Ольга смотрела на костюмера, которая очень тепло просталась с помощником оператора, и понимала, что у их короткой интрижки вряд ли будет будущее. А в чем их с Островским отличие от этих двоих?

- Оля! Оля! – звал ее Олег, увидев, что она снова отключилась от происходящего вокруг.

- Что? – повернулась к нему. – Наблюдаю за прощанием двух влюбленных.

- Знаешь, сколько таких прощаний я видел на съемочной площадке, странно, что ты раньше их не замечала. Я второй раз работаю с этим помощником оператора, в первую нашу встречу он трахал гримершу, хотя уже давно и счастливо женат. Во время съемок предыдущего фильма к нам из Москвы приезжала симпатичная консультант по историческим событиям, и Толик весьма продуктивно провел с ней время. Тот фильм, где был снят тобой не так давно упомянутый секс на пляже, тоже не обошел стороной членов съемочной группы, там актриса завела интрижку с инженером звукозаписи.

Ольга, немного шокированная, смотрела на Олега, округлив глаза, а он продолжал:

- Это нормально. Новые люди, новые впечатление – как будто проживаешь маленькую жизнь, в которой должно найтись время и для любви. Или хотя бы ее подобия.

- Ты тоже так делал?

- Ну... У меня на съемках работы много, так что я не отвлекаюсь на подобные мероприятия и никогда не стал бы гадить в режиссерском кресле. Хм... – задумчиво потер Олег подбородок. – Хотя было одно исключение, но на постоянной основе.

Покачав с усмешкой головой, Ольга вышла из павильона и вдохнула прогретый за день летний воздух. Почти месяц проводя здесь, она так и не выбиралась почти никуда, кроме мест съемок, хоть Олег и предлагал ей прогуляться, а не торчать сутками в духоте павильона и на выездных съемках, но она боялась надолго оставаться сама с собой. И вдруг возникло острое желание почувствовать себя вновь беззаботной, безбашенной и молодой.

Олег вышел следом за ней и закурил, Ольга ловко выудила из его

пальцев сигарету и затянулась, после первой же затяжки почувствовав легкое, но такое приятное головокружение. Она уже и забыла, когда курила в последний раз.

- Давай прогуляемся, если у тебя нет планов, – предложила Олегу.

Он, долго не раздумывая, ответил:

- С удовольствием. Толик тут и без меня все закончит. Честно говоря, он и сам бы мог снять этот фильм, ему давно пора в режиссерское кресло. Куда двинем?

- На природу, – без раздумий сказала Ольга, посмотрев на чистое небо. – В съемочной группе же есть местные? – Олег кивнул. – Спроси, куда можно поехать.

Через десять минут они уже садились в машину. Толик дружелюбно предложил отвезти их на место, а потом забрать, когда они «насладятся прогулкой», при этом сделав пальцами кавычки в понятном всем жесте.

- Стой! – сказала Ольга, увидев продуктовый магазин. Если уж и почувствовать себя снова молодой, то только с портвейном. Почему-то она была уверена, что и Олег в студенческие годы увлекался этим же дешевым алкоголем, пусть и был на лет пять старше ее. Заметив, что он собирается выходить следом за ней, добавила: – Жди здесь.

- Пивка мне захвати, – крикнул Толик в открытое окно.

Ольга повернулась, сделала реверанс со словами:

- Как скажете, месье, – и подмигнула.

- Мне показалось, что она изменилась, была все это время какая-то излишне серьезная, а вот и нет – все такая же без царя в голове, – повернулся Толик к Олегу.

Тот пожал плечами, но понял: она вернулась, может, только на сегодня, только сейчас, но стала собой.

Кто-то говорит, что время лечит, но Роман в лечении не нуждался, скорее ему надо было просто остыть и причесать разбушевавшиеся эмоции. И у него это получилось, хоть первую неделю и жутко раздражало то, что Ольга опять его игнорирует, отключив телефон.

Он начал уже писать эпилог, хоть и не желал расставаться с этой

книгой и ее героями. В работе Островский был педантом и всегда правильно умел распределять время, чтобы потом не нестись, как говорят, «галопом по европам». Через пару дней он готов был отправить книгу в издательство и уже с нетерпением ждал звонка от Самойлова с информацией о начале съемок.

Сейчас он вновь был спокоен и думал головой, а не сердцем или членом. Он был готов поговорить с Ольгой, он все осознал и решил для себя, надеясь, что она сделала то же самое...

Толик высадил своих пассажиров недалеко от города и, сделав им ручкой на прощание, развернулся в обратную сторону.

Ольга вдохнула свежий воздух, свободный от городских примесей, и, кажется, уже опьянела. Сколько лет она не выбиралась на природу? Давно, очень давно.

Это была лесопарковая зона, но выглядела так, как будто цивилизации нет на сотни километров вокруг. Странно, что здесь никто сейчас не отдыхал – погода располагала, но, видимо, в рабочий день горожане ограничивались прогулками в парках, а не выездами за город.

- Вроде чуть дальше должна быть небольшая река или что-то в этом роде, – указал Олег за поворот. – Если я правильно понял объяснения рабочего.

- Давай проверим, – сказала Ольга и добавила, достав из сумки бутылку портвейна: – Открой.

- Чем? У тебя в сумочке и штопор, может, завалился?

Она развела руками:

- Штопора нет, будем импровизировать, – подняла вверх указательный палец и осмотрелась по сторонам. Нашла небольшую ветку, сломала ее и протянула Олегу со словами: – Думаю, должна протолкнуть пробку внутрь.

Через минуту Олег с радостным удивлением, будто получил только что Оскара за лучшую режиссерскую работу, воскликнул:

- Получилось! Можно идти.

Он подставил Ольге локоть, который она обвила ладонью, и они

двинулись по небольшой тропинке. Пройдя около километра, Ольга поняла, что проделали они весь этот путь в полном молчании. Но оно не напрягало, оно умиротворяло, освобождало мысли. Здесь не было недосказанности, невозможности найти правильные слова, как было с Островским. Каждый думал о своем, но это не отдаляло их друг от друга.

Еще через полкилометра блеснула водная гладь, подернутая легкой зеленцой водорослей.

- Боже, как красиво, – прошептала Ольга, глядя, как начинающее закатываться за горизонт солнце отражается в воде.

Она сбросила обувь и прошла вдоль берега в поисках лучшего места для спуска в воду. Зашла по колено в стоячую воду – это была не река, а небольшая затока, образовавшаяся от нее – и позвала Олега взмахом руки к ней присоединиться. Он поставил уже пустую бутылку на землю и посмотрел на нее с такой улыбкой, с какой родители наблюдают за первыми шагами своего чада, с умилением, теплотой. Потом закатал брюки, разулся и присоединился к ней.

Холодный ил создавал контраст с прогретой за день водой, было приятно и расслабляюще, как будто принимаешь контрастный душ после тяжелого дня. И снова ни слова, только игривые брызги в сторону друг друга. На берег они вышли, когда уже почти стемнело, и Ольга достала из сумки вторую бутылку портвейна.

- Вместительные дамские сумочки, – усмехнулся Олег, оглянувшись в поисках очередной ветки.

Ольга только улыбнулась в ответ и присела на траву прямо в светлых шортах, жуя сорванную травинку. Ей было хорошо, свободно.

- Я только так и не понял, почему мы все-таки расстались, если продолжали все равно спать вместе? – спросил Олег, присев рядом и пытаясь найденной веткой протолкнуть пробку в бутылку, удерживая ее между ног. Он давно несколько лет хотел задать этот вопрос и наконец решился.

- А вот, наверное, так надо было. И вообще, зачем ворошить прошлое? – весело отозвалась Ольга.

Градусы алкоголя уже гуляли в организме, а жизнь сейчас казалась невероятно прекрасной, несмотря на то, что начали донимать комары. В тишине раздался едва слышный хлопок, а потом Олег сказал:

- Черт! – и начал рукой отряхивать капли с брюк.

- Подожди.

Ольга начала рыться в сумке, нашла пачку влажных салфеток и, достав одну, протянула руку к его бедру. Едва она дотронулась, как Олег перехватил ее запястье, возможно, даже слишком сильно.

- Во-первых, это не поможет, а во-вторых, я все-таки не железный.

- Может, тогда надо было провести этот вечер в другой компании? – Ольга попыталась все перевести в шутку, потому что поймала его слишком откровенный взгляд и сразу же отвела свой.

- Как хочу, так и провожу, – едва слышно ответил он.

Этот момент был слишком интимным: берег водоема, еще теплая земля, на которой они сидели, алкоголь, его рука за ее запястье, тон, которым была произнесена последняя фраза, и двое бывших любовников.

- Олег, отпусти, – уже серьезно попросила Ольга. Некоторые вещи женщины чувствуют интуитивно, и сейчас она поняла, чем может закончиться этот вечер, если они сейчас же не уйдут отсюда. Но трахаться с бывшим – это не лекарство. Сейчас это только могло испортить их дружеские отношения.

Олег свободной рукой отставил в сторону открытую бутылку, второй продолжая сжимать её запястье, и сказал тихо, но тоже вполне серьезно:

- Можешь меня ненавидеть за то, что я собираюсь сделать, но я это сделаю.

- Олег... – предостерегающе начала Ольга, но договорить не успела.

Он резко опрокинул её на траву, придавив своим телом сверху и поцеловал. Поцеловал достаточно грубо, даже ненасытно. В этом поцелуе была такая жажда, как у человека, который провёл целый день в пустыне без воды. Олег чувствовал, как в висках стучит от

пьянящих ощущений, будто он алкоголик в завязке, выпивший после нескольких лет воздержания стакан вина.

Ольга, кажется, от неожиданности даже забыла, что надо сопротивляться. Его ладонь все так же сжимала её руку, будто он боялся прервать этот тактильный контакт, с которого все и началось. Губы накрыли её рот, язык скользнул между рядами зубов и начал движения. Она чувствовала его сердцебиение через тонкую ткань их футболок, чувствовала тепло, даже жар от мужского тела, который дарил ощущение защищенности и нужности. Ольга понимала, что не может... Да, она любила Олега очень глубоко, но очень по-человечески, да, она раньше спала с ним и после расставания, но сейчас было что-то иное, неуловимо интимное и далеко не чисто физиологическое.

Олег наконец отпустил её запястье, и руки скользнули под футболку. Ольга пришла в себя и надавила ладонями на его плечи, заставляя отодвинуться.

- Остановись... – прошептала она ему прямо в губы, поняв, что тело начинает предавать её.

- Не могу, – точно так же в губы простонал Олег и с ещё большим энтузиазмом снова начал её целовать. Возможно, он сейчас совершал крупнейшую ошибку, последствием которой станет окончательная потеря этой женщины, но остановиться уже не в его силах. Только сейчас он понял, как скучал по ней. Не один год Олег думал, что тогда они поступили правильно, расставшись, он прокручивал постоянно эту мысль в голове и сам поверил в это. Но сейчас вдруг осознал: нет, она нужна ему, всегда была нужна. И не только в качестве друга. Вопрос в другом: нужен ли он ей в другом качестве?

Ольга неуверенно ответила на поцелуй, скорее на автомате, чем от большого желания. Но с физиологией не поспоришь, и через секунду её рука уже легла Олегу на затылок, что дало ему зелёный свет на дальнейшие действия.

Он аккуратно, будто боясь спугнуть Ольгу, коленом раздвинул ей ноги. Тонкая ткань брюк не скрывала того, что Олег намерен дойти до конца. Когда его рука скользнула в шорты, Ольга вздрогнула и инстинктивно сжалась, случайно прикусив его нижнюю губу.

Олег видел, что она изменилась, но такую, новую, он хотел её ещё больше. Пусть эти изменения прошли для Ольги достаточно болезненно, но сейчас она стала более женственной, более мягкой, что ли. И Олег не просто хотел получить её тело, он хотел защищать её, оберегать и никуда не отпускать.

Олег помнил её до мелочей, но как будто узнавал заново, стараясь не пропустить ни сантиметра кожи. Губы у обоих уже опухли, почти онемели, но он не мог прервать поцелуй, боясь, что это станет началом конца. Он вообще немного не понимал, что надо делать, чтобы не разрушить эту хрупкость.

Ольга не знала, как далеко могла зайти, но напору Олега сложно было сопротивляться. Да, она могла прекратить все одним движением или словом – он бы понял, он всегда её понимал и поддерживал. Это было немного дико: снова чувствовать его губы, прикосновения, очень нежные, но непривычно властные. Удивительный контраст! Как будто перед ней был уже не тот Олег, которого она когда-то знала, а совершенно другой человек. Время и обстоятельства меняют людей – изменило и их, как бы они не пытались быть прежними.

Рука Олега, остановившаяся на время под шортами, возможно, чересчур аккуратно продолжила движения. Ольга опять дернулась, почувствовав его пальцы и вспомнив, как это жёстко, но приятно делал Роман. Опять он! Опять его тень маячит где-то рядом, опять его лицо стоит перед глазами, стоит их только закрыть. Наваждение какое-то!

Она понимала, что Олег мог бы делать так же, чувствовала, как он её

хочет, но сам боится. Его руки как будто спрашивали разрешения и, не находя сопротивления, продолжали исследование.

Пальцы Олега скользнули внутрь, и он задышал ещё чаще, почувствовав, как её тело среагировало на его прикосновения. Он извлек руку из шорт и, расстегнув пуговицу, потянул их вниз. Быстро справился со своими брюками, только немного спустив их.

Наконец оторвавшись от губ Ольги, Олег посмотрел на её лицо, увидел закрытые глаза, провёл рукой по щеке и тихо позвал:

- Оля...

Она только выдохнула, приоткрыла опухшие губы, так и не открыв глаза, и сказала:

- Мы сходим с ума.

Да, именно сейчас Олег и собирался сойти с ума. Он все так же аккуратно согнул её ноги в коленях, упершись членом, но ещё не войдя, скользнул руками по бедрам и максимально медленно сделал то, что давно хотел.

Ольга почувствовала его в себе слишком остро. Он всегда хорошо трахался, но сейчас как будто старался ещё больше, чтобы подарить ей удовольствие. Пара толчков – и его пальцы присоединились, поглаживая клитор так, что Ольга не смогла сдержать стон.

Олег уже не мог нежно и аккуратно, он с каждым толчком увеличивал темп, готовясь к разрядке, но и в то же время не хотел, чтобы это заканчивалось. Настолько приятно было чувствовать себя в ней, чувствовать, как она понемногу начинает подаваться ему навстречу, понимать, что ей тоже хорошо.

Олег сжал её бедра, заставив немного приподнять их, и опустился опять на неё всем телом, остановив движения.

- Олег! – едва ли не крикнула Ольга, поняв, что он забыл о том, что надо бы предохраняться.

Он только поцеловал её в шею, провёл языком к уху и снова накрыл губы в поцелуе.

- Извини, – действительно с сожалением сказал, когда способность мыслить уже вернулась к нему. – Я не скажу, что не хотел, чтобы так все получилось. Я хотел. Я не скажу, что жалею, потому что не жалею. Но если я что-то сделал не так, то извини.

Он продолжал придавливать её тело к земле, она все так же его чувствовала, но с нервным смешком, прикрыв лицо рукой, ответила:

- Мы наделали глупостей.

- Оля, мы делали такие глупости постоянно, со вкусом, в разных позах и местах.

Ольга только покачала головой. Да, делали, но сейчас все было по-другому, что Олег тоже не мог не заметить. Он поднялся, застегнул брюки и подал Ольге руку, помогая встать.

- Звони Толику, – попросила она, одевшись.

Олег молча достал телефон, свет от дисплея которого осветил его нахмуренное лицо, набрал номер своего помощника, коротко бросил:

- Приезжай, – выслушал ответ Толика, потом повернулся к Ольге: – Сейчас выезжает.

Она уже нашла открытую бутылку, сделала несколько глотков и

передала ее Олегу со словами:

- Дай сигарету.

Они закурили, вновь присев на траву. В тишине слышался только легкий треск от затяжек, плеск мелкой рыбы в воде и звон комаров над головой.

- Скажи уже что-нибудь, – не выдержал Олег первым.

- Что ты хочешь услышать? Не поверишь, но ни одной разумной мысли в моей голове сейчас нет. Может, просто забыть о том, что сегодня произошло, и снова попробовать быть друзьями? Или что?.. Я не знаю! – Ольга обхватила голову руками. – Я пыталась разобраться в себе, а запуталась еще больше.

- Послушай... – Олег тронул ее за плечо. – Еще раз извини, это я идиот, не смог сдержаться.

- Оба хороши! Скажи мне только, ты все это время был рядом, поддерживал меня только ради того, чтобы трахнуть и самоутвердиться?

- Оля, Оля... – с нескрываемым сожалением вздохнул он. – Ты сейчас пытаешься оправдать себя или выставить меня полным козлом? Я все это время был рядом, потому что мне не плевать на то, что с тобой происходит, не плевать на тебя. Но ты была так увлечена своим болезненным чувством к Островскому, что не замечала ничего вокруг.

- Почему ты просто не сказал, что... – она не могла произнести это слово, как будто оно могло разрушить окончательно то, что уже начало трещать по швам.

- Я не был уверен, что ты меня услышишь, да и сам только недавно принял сей факт, который пытался отрицать. Ладно, идем к дороге, а то Толик не из самых терпеливых людей и может поднять сигналкой всей окрестных ворон.

Олег поднялся и снова подал руку Ольге. Она вроде бы неуверенно подала свою, почувствовав, как он довольно резко потянул ее вверх, так, что Ольга не смогла удержать равновесие и уткнулась носом в его грудь. Олег провел рукой по ее волосам и поцеловал в макушку. Так совсем невесомо и вроде бы с извинением. Потом просто взял ее за руку, и они снова в полном молчании проделали обратный путь.

Толик стоял, оперевшись на капот машины, и смотрел в ночное небо. Услышав шаги, повернул голову, открыл было рот, чтобы что-то сказать, но в последний момент передумал.

- Все свернул на съемочной площадке? – спросил Олег, когда они сели в машину.

- Да, – ответил Толик и начал в привычной развернутой манере рассказывать обо всех моментах окончания съемочного процесса. – Так что все нормально, – закончил он свою речь и спросил весело: – А вы, судя по запаху, повисшему в машине, неплохо слились с природой?

«Да уж, с природой...» – подумала Ольга, глядя в окно.

- Вы как хотите, – продолжил Толик, – а я намереваюсь отметить создание очередного шедевра от Олега Самойлова и его скромного помощника и предлагаю вам присоединиться.

Он вроде бы даже не спрашивал, а констатировал факт.

- У меня утром встреча с продюсером, – предостерегающе сказал Олег, подняв вверх указательный палец. – Так что только по чуть-чуть.

Пока довольный Толик пошел опустошать полки винно-водочного отдела, Ольга оторвалась от созерцания красоты сибирского города и спросила:

- Олег, когда начнутся съемки?

Он не нуждался в уточнении, о каких именно съемках она сейчас говорит. Вновь на горизонте замаячила тень Островского, но Олег понимал, что ей надо поставить точку или решить, как дальше будут развиваться отношения с гением пера.

- В начале июля, наверное. В зависимости от того, как без меня там идут приготовления. Художник-постановщик со своими декораторами постоянно высылали мне фото, но я привык все видеть и контролировать воочию.

- А ты...ему уже сообщил?

- Нет, – ответил Олег после непродолжительной паузы, не поворачиваясь к Ольге.

И этим «нет» он пресек все дальнейшие вопросы, дав понять, что

разговор его не интересует.

Глава 21

Только оказавшись под теплыми струями воды, Ольга поняла, что у нее саднит поясницу. Дотронулась рукой и поморщилась от боли. Вот тебе и романтика с сексом на природе! Сделала воду холоднее, чтобы остудить начавшие гореть ссадины от мелких веточек и камней, и вслух выматерилась.

Все запуталось еще больше, да так, что впору действительно почувствовать себя героиней романтической мелодрамы, но сценарий жизни за нее никто не напишет и не сделает «долго и счастливо», так что все придется разгребать самостоятельно.

Прохладная вода остудила не только спину, но и голову, почти выветрив остатки алкоголя, и накрыла самая настоящая неловкость и немного стыд, хоть Ольга и не понимала, почему. Раньше ей удавалось общаться с Олегом в дружеской манере, едва поднявшись с постели или даже не поднимаясь. А сейчас... То ли ей было неловко из-за своих чувств к Роману, то ли из-за чувств Олега к ней. Все сложно.

Ольга забросила вещи в стиральную машину, сомневаясь, что они отстираются от зеленых пятен, оставленных травой, оделась и вышла на кухню. Толик стоял у плиты, жестикулируя руками с приборами и рассказывая очередную историю, на этот раз из своего отпуска. Олег сидел за столом, орудуя ножом, и поднял на Ольгу взгляд, улыбнувшись. Она вроде бы тоже попыталась ответить на его улыбку, но вышло как-то слишком кисло.

- О, мадам! – радостно крикнул Толик. – Все в сборе, можно пить!

Достал из холодильника бутылку, разлил по стаканам коньяк и сказал тост:

- Хочу выпить за удачное завершение съемок и за то, что мы снова вместе! Так что, Оля, больше не бросай нас и возвращайся к работе, для которой была рождена.

Ольга понимала, что «ничего такого» он не имел в виду, но в свете сегодняшних событий прозвучало немного двусмысленно. Как будто надо было вернуться не только к киносценариям, но и к Олегу. Она снова выругалась, правда, только мысленно. Ищет то, чего на самом

деле нет.

- Меньше пафоса, дорогой, – в шутку ответила она, стараясь при этом не смотреть в сторону Олега.

Толик только подмигнул и залпом опрокинул в себя алкоголь, сразу же начав рассказывать новую байку. Иногда Ольге казалось, что он выдумывает эти истории, но сейчас они были как нельзя кстати. Вот только через час, почти в одиночку уговорив целую бутылку, Толик уже немного заплетающимся языком сказал:

- Ребятки, я спать...

Ольга собрала посуду и начала мыть, надеясь, что Олег отправится следом за Толиком, храп которого уже слышался из-за стенки, но он продолжал сидеть, изредка делая маленькие глотки из стакана.

- Ты собираешься дырки в тарелках протереть или не хочешь лицезреть мою физиономию?

Ольга выключила воду и медленно повернулась, вытирая руки.

- Олег, не начинай... Пойдем-ка лучше спать.

- Вместе? – невинно поинтересовался он, поднимаясь и направляясь к ней. – Оля, – буквально выдохнул, подойдя вплотную, и провел рукой по ее лицу. – Почему я отпустил тебя тогда? Или мы действительно были не готовы?

Ольга смотрела на него и не знала, что сказать, что ответить. Потому что в тот момент она посчитала, что так будет лучше для них обоих? Что испугалась потерять свою свободу и раствориться в быте?

- Олег, это уже не имеет значения, – тихо ответила и попросила: – Мы несколько лет избегали этой темы, давай и сейчас не станем ее поднимать.

- Значит, все остается по-прежнему для тебя, и то, что случилось сегодня, не имеет никакого значения, так?

- Пожалуйста...

О чем она хотела его сейчас попросить? Олег не дал сказать – обхватив ее затылок рукой, притянул к себе и поцеловал. И пусть его жест оказался немного грубым, губы демонстрировали нежность и ласку. Ольга начала отвечать на его поцелуй, осознавая, что каждое движение запутывает их, как мух в паутину, но все равно это было

чертовски приятно.

- Олег... – отстранилась она первой. – Ты для меня очень много значишь...

- Но ты меня не любишь? – закончил он. – Так?

- Я люблю тебя, но... – снова запнулась Ольга. Как объяснить, что любит она его как друга, как человека.

- Островского ты любишь больше.

Она отрицательно замотала головой, пытаясь найти нужные слова.

- Скорее по-другому. Может, это было просто страстью, которая гораздо сильнее любви, но недолговечнее, а может, и то самое прекрасное чувство. Кто его знает...

- Если уж ты не знаешь, то я и подавно. Но неужели ты сегодня не хотела меня так же, как и я тебя? Неужели сейчас не хочешь?

Олег провел рукой по топорщившимся соскам, как будто намекая, что все видит, все чувствует. Ее тело непроизвольно выгнулось от прикосновения, и Ольга вдруг приняла ту мысль, что хочет его, но... не может. Она не давала Роману никаких обещаний, он ей тоже, да у них даже отношений толковых не было. Так, служебный роман, о большом количестве которых сегодня на съемочной площадке рассказывал Олег. Но все равно возникало ощущение неправильности происходящего, как будто она замужняя женщина, которая вот-вот собирается изменить мужу с любовником.

Олег снова легонько коснулся губ, ища ответа на свой вопрос, а Ольга подумала, что Островский никогда не спрашивал, он просто брал, настойчиво, безапелляционно, без возможности отказать. С ним Ольга забыла, что такое нежность, а сейчас Олег как будто пытался напомнить.

Но все равно, как бы дико это не было, она любила их обоих. Женщина, которая избегала любви, не верила в нее, теперь вдруг осознала, что любит одновременно двоих. Любит по-разному, но ведь любит. И Олега, наверное, любила всегда, только понять это помогла именно встреча с Романом.

В полной тишине кухни только было слышно, как о стекло окна бьется потерявшаяся муха. Они продолжали смотреть друг на друга,

но, кажется, даже не дышали. Рука Олега лежала на бедре под платьем, но он не торопился, не настаивал.

Второй рукой он аккуратно подцепил бретельку и потянул вниз по плечу, освобождая одну грудь. Обвел пальцами ареолу и начал поглаживать сосок. Ольга прикрыла глаза, тяжело выдохнула и собралась его оттолкнуть, пока все опять не зашло слишком далеко, но тут же почувствовала его губы на груди, его дыхание и тихонько ойкнула. Олег провел языком по ложбинке и, накрыв ртом грудь, легонько прикусил.

Ольга запустила руку ему в волосы, прижимая к себе, но при этом прошептала:

- Не надо...

Олег провел языком обратно к шее и сказал ей в ухо:

- Определись уже скорее, а то твое тело говорит об одном, а губы о другом...

- Это все алкоголь, – констатировала Ольга, как будто оправдывая свои действия.

- Значит, алкоголь? – переспросил Олег и сделал шаг назад. – Алкоголь сегодня трахался со мной? Алкоголь сейчас хочет меня?

- Ты утрируешь...

Он только махнул рукой и вышел из кухни. Ольга услышала, как хлопнула дверь ванной, потом шум воды, выдохнула и поняла, что на глаза наворачиваются слезы. Она знала – так и будет. Они сегодня только все испортили.

«Сама виновата», – решила Ольга и начала складывать посуду в шкафчик, затем усердно натирать стол, раковину и все, что попадалось под руку. Спать не хотелось совершенно, а физический труд облагораживает человека.

Олег снова появился на кухне в одном полотенце на бедрах и спросил:

- Почему не спишь? – взял сигареты со стола, открыл окно и закурил.

Ответом ему было лишь мимолетное пожимание плечами. Ольга отвернулась к кухонным шкафам и усердно начала их оттирать от невидимой грязи.

- Сколько тебя помню, – опять заговорил Олег, – ты всегда что-то начинала натирать или мыть, когда злилась или нервничала.

- Успокаивает, – коротко ответила она, не поворачиваясь.

- А на кого ты злишься или почему нервничаешь?

Ольга отбросила тряпку и тоже закурила, глядя в окно на спящий город. Статус: все сложно. Она запуталась окончательно. Роман уже казался чем-то далеким, чужим и невозвратимым, а Олег... Кажется, теперь он перестал быть фанатом свободных отношений. Что дальше? Этот вопрос не давал Ольге покоя.

- Олег, – повернулась она к нему, – что теперь станет с нашей дружбой?

Он выбросил окурок в окно, взял ее за подбородок и, заглянув в глаза, ответил:

- Я всегда буду твоим другом, независимо от того, что произошло или произойдет. Только помни об этом и не накручивай себя.

Окурок Ольги тоже полетел в окно, и она прильнула к голому мужскому торсу со словами:

- Спасибо, это так важно для меня.

Неловкое движение – и полотенце полетело на пол. Неловкий момент. Ольга непроизвольно опустила взгляд вниз и отвернулась, услышав за спиной смешок.

- Что ты там не видела? – спросил Олег.

Она повернулась обратно и с вызовом ответила:

- А вдруг что-то новое появилось? – заметив, что он так и не удосужился поднять полотенце с пола, поэтому добавила: – Может, все-таки оденешься?

- А может, лучше ты разденешься? – невинно поинтересовался, нисколько не стесняясь своей наготы.

Ольга прищурилась, сделав губы трубочкой, провела рукой по голой груди, остановив пальцы возле пупка, и спросила:

- И что тогда?

Олег рассмеялся, очень довольный и искренне.

- Наконец-то, ну наконец-то же... – повторял он сквозь смех. –

Вернулась эта язва. С возвращением, Оля. Ты снова стала собой, надеюсь, что я помог.

Ольга, кажется, не сразу поняла, о чем это он, но через минуту и сама начала улыбаться.

- Ну что ж вы, Олег Викторович, щеголяете своим шикарным телом перед дамой? Не боитесь изнасилования?

- Я на него даже надеюсь.

Он притянул Ольгу за талию к себе и, развернув, усадил на стол, поставив обе руки по бокам. Он заметил, что ее взгляд перестал быть затравленным, смущенным, потерянным. Она смотрела на него с вызовом, с игривой улыбкой, а руки все так же лежали на его теле.

- Олег... – хотела что-то сказать Ольга, но он приложил указательный палец к ее губам, прошептав:

- Тсссс... – и добавил через секунду: – Сегодня мы уже сделали все, так что повтор не считается. А завтра мы снова станем друзьями, коллегами или кем еще, но сегодня ты от меня никуда не денешься. Ты хоть представляешь, как меня заводит возвращение той Оли, которую я знал, которая умеет быть страстной и властной. Нет, – заметив ее недоверчивый изгиб бровей, – ты мне любая нравишься, и даже сегодня я как будто узнал твою другую сторону, пусть и немного сломленную и разбитую. Это было сродни новому опыту, так что теперь я, пожалуй, единственный человек в мире, который знает тебя, как никто другой.

Олег резко подхватил ее под колени, так, что Ольга, потеряв равновесие, легла спиной на стол, а ее ноги оказались на мужских плечах. Она, опершись на локти, немного привстала, даже забыв, что твердая поверхность возвращает боль в старые ссадины на пояснице. Губы Олега начали проделывать дорожку от самой ступни, поднимаясь все выше и выше, остановились на середине бедра.

- У меня болит спина, – сказала Ольга, когда расстояние позволило снова запустить ей руку в мягкие русые волосы.

- Я могу тебя сейчас поставить раком, но хочу видеть твое лицо... – Олег потянул ее на себя и взял за руку, поведя за собой в комнату.

Свет фонаря в окно и луны давал им видеть лица друг друга и тела. Ольга видела его член, вот-вот готовый приступить к действиям. Олег начал поднимать платье вверх, все так же аккуратно и нежно.

Это не было тем безумием, что они творили с Островским. Это было проявлением не страсти, но любви, такой трепетной и хрупкой.

Олег подтолкнул Ольгу к кровати, избавив от одежды. Она села на холодную простынь и снова почувствовала его губы на внутренней стороне одного бедра, а руки – на другом.

- Так не больно? – спросил он, стоя на коленях между ее ног.

- Нет...

Его язык переместился внутрь, его руки гладили ноги, и Ольга откинулась назад, принимая эти прикосновения. Роман... опять эти сравнения. Она помнила те пальцы, тот язык, даривший невероятное, но и сейчас ей было хорошо, хоть и по-другому хорошо. Как Островский не давал ей воли, так теперь она могла действовать в угоду себе.

Ольга потянула Олега к себе на кровать, и он накрыл ее тело своим. Возбуждение прокатилось по телу волной.

Она опять провела рукой по его груди, но сейчас остановилась рукой прямо на уже готовом члене. Олег выдохнул, очень шумно и страстно:

- Что ты собралась делать?

Ольга не ответила, она смотрела на тот орган, который хотел ее, и поняла, что сделает это. Только сейчас ей этого захотелось по-настоящему. Она легонько коснулась губами головки – Олег застонал, двинув бедрами вперед, и запустил руку в светлые волосы. Ее рот ласкал и возбуждал еще больше. Она впервые сделала это с ним. Может, что-то действительно изменилось.

Олег немного потянул ее вверх, а женские губы продолжали целовать живот и грудь. Ольга языком проводила по каждому сантиметру тела, до сих пор чувствуя солоноватый привкус во рту.

- Оля, – едва смог выдохнуть Олег и перевернул ее на спину, развел ноги и резко вошел, остановился, поглаживая грудь. Она сделала движение, показывающее, что надо продолжать, и он продолжил.

Этой ночью слышались стоны, прерывистое дыхание и хлопки тел друг о друга. Олег входил в нее то нежно, то жестче перед самым концом, а она цеплялась ногтями за плечи, понимая, что ей хорошо. Но... какие бы не были ощутимые остро эти оргазмы, с Островским

было острее. Животнее. Яростнее.

- Я так скучал по нашим секс-драйвам, – прошептал Олег Ольге в затылок уже под утро.

Она лежала на боку, готовясь уснуть, и почувствовала, как он принял такую же позу. Рука обняла за грудь, и мужское тело прильнуло опять слишком близко. Он снова был готов – Ольга это почувствовала.

- Опять? – едва ли не выкрикнула она.

- Каждый день, каждый час, если ты захочешь... – Олег поцеловал ее в шею и закинул одну ногу сверху на нее.

Ольга хотела повернуться, но он остановил ее, оставив лежать на боку к нему спиной. Он немного приподнял одну ее ногу, и снова эрегированный член нашел свое пристанище. Олег видел уже в свете восходящего солнца, как она цепляется руками за подушку, чувствовал, как упирается бедрами.

А как было прекрасно кончать в нее, чувствуя, как пульсируют их органы друг в друге, как ее грудь вздымается от сбившегося дыхания, как живот подрагивает от его прикосновений. Но одна мысль так и не давала покоя Олегу: насколько ей было хорошо с Островским, что она перестала быть собой? Но Романа сейчас здесь не было, были только они...

Ольга уснула ненадолго, еще даже Толик храпел за стеной, и повернулась лицом к спящему Олегу. Он слегка поморщился и открыл глаза, улыбнулся, поймав взгляд Ольги, и сказал:

- Доброе утро.

- Доброе! – отозвалась она, проведя пальцами по его лицу, которые он поймал и поцеловал, приблизив к своим губам. – Тебе уже пора ехать на встречу с продюсером?

- Еще рано, – ответил Олег и перекатился на Ольгу, устроившись между ее ног. – Мы еще разок успеем надеть глупостей, а потом будем заниматься самобичеванием, если надо.

Уже при свете это было по-другому... Он видел каждую эмоцию на ее лице, и это ему нравилось. Наблюдать за ней, за ее удовольствием, а ей действительно было хорошо. Опять. Снова. С ним.

Олег уехал, а Ольга снова провалилась в сон. Разбудил ее стук в дверь и голос Толика:

- Можно?

- Заходи, – крикнула в ответ.

Голова помощника Олега показалась в дверном проеме:

- Обед уже, а ты все спишь и спишь. Все нормально?

- Толечка, какая забота, – усмехнулась Ольга. – Все хорошо.

- Вот и отлично! – обрадовался он. – Я в магазин, терпел, терпел, а башка все равно раскалывается, надобно пивком холодненьким полечиться.

Он закрыл дверь, и тут Ольга, чертыхнувшись, подорвалась с кровати, быстро оделась и еще успела застать Толика прямо на пороге.

- Можешь зайти в аптеку? – спросила у него.

- Конечно, но здесь ей аптечка, на кухне в нижнем шкафчике.

- Вряд ли там будет то, что мне надо.

Она записала название препарата, всучила Толику деньги и закрыла за ним дверь. Возможные последствия бурной ночи лучше предотвратить, чем потом разгребать, так что две таблетки «Постинора» будут как раз кстати.

Приняв душ, Ольга заварила кофе, и впервые за несколько недель включила телефон. Сразу же полетели смс о звонках, которые не дошли до адресата, среди которых часто повторялся и номер Островского. Пару раз звонила Наташа, мать и несколько знакомых.

«Перезвоню всем завтра, когда вернусь домой», – решила Ольга и снова выключила телефон.

Она ополоснула чашку и, закулив, услышала звук открываемой двери в коридоре.

- Толик, таблетки нашел? – крикнула, не поворачиваясь.

- Какие таблетки? – спросил Олег, заходя в кухню.

- Ой, привет, – сказала Ольга. – Я думала, Толик вернулся. Попросила его купить кое-что...

- Что случилось? Что болит? – беспокоился он.

- Успокойся, – улыбнулась она в ответ. – Маленькие меры предосторожности, чтобы потом не разгребать последствия сегодняшней ночи.

Олег сразу непонимающе нахмурился, потом складки на лбу разгладились, и он протянул:

- А, вот оно что... – вроде собирался еще что-то добавить, но промолчал и начал заваривать себе кофе.

- Мне тоже еще сделай, – попросила Ольга.

Снова хлопнула входная дверь, и, гремя бутылками в пакете, Толик со страданием на лице проворчал, присев на табуретку:

- Я обошел три аптеки.

- Спасибо, дорогой!

Ольга достала из холодильника бутылку воды, извлекла таблетку из блистера и едва не подавилась ею, натолкнувшись на взгляд Олега.

- Что? – спросила у него, вытирая тыльной стороной ладони капли с подбородка.

- Как ты вовремя об этом подумала, – ответил он. – Где же твой рационализм был пару месяцев назад?

Она молчала, только грудь вздымалась от накатывающего раздражения.

- Что-то я вообще ничего не понял, – нарушил молчание Толик и с хлопком открыл бутылку пива. – Но это, кажется, меня и не касается. Пойду какой качественный фильм посмотрю, – и скрылся в комнате.

- Извини, – сказал Олег, поставив на стол две чашки, и улыбнулся.

Ольга в ответ кивнула и сделала глоток кофе. Нет, она несколько не обиделась, хотя и можно было, но и Олега тоже могла понять, взглянув на ситуацию его глазами. Надо было вообще промолчать про таблетки.

- Оля, – позвал он ее. – Какие планы на сегодня?

Она вопросительно на него посмотрела и пожала плечами, спросив в ответ:

- А в чем дело? Есть какие-то предложения?

Олег поставил чашки в мойку и сказал:

- Одевайся, устроим экскурс по городу, а то, кроме съемочной площадки, ничего и не успели посмотреть.

Ольга задумалась. Вчерашняя прогулка закончилась не совсем так, как она ожидала, но сейчас он вроде бы предлагает пройтись по многолюдному городу, так что вряд ли это можно расценивать как попытку снова ее трахнуть.

- Окей, – согласилась Ольга и пошла переодеваться.

Через десять минут она была уже готова к променаду, и Олег крикнул Толику:

- Мы ушли!

Солнце нещадно палило, асфальт, казалось, плавился под ногами, и даже тень деревьев не спасала.

- Не вовремя мы вышли, надо было дождаться вечера, – заметила Ольга, собирая волосы в высокий хвост, потому что затылок моментом стал мокрым.

Они вышли на широкую улицу, и Олег указал рукой на кафе через дорогу.

- Пообедаем?

- Или позавтракаем. Идем.

С кондиционерами в помещении как будто стало легче дышать. Они заняли место возле окна и уставились в меню.

- Даже есть не хочется на такой жаре, – сказала Ольга, остановив выбор на легком овощном салате.

- У меня сегодняшняя ночь забрала много сил, так что я не отказался бы от куска стейка с хорошим гарниром.

- Олег...

Подошедшая официантка не дала Ольге закончить мысль, с улыбкой приняла заказ и удалилась.

- Так что ты там хотела сказать?

- Олег, насчет вчерашнего...

- Только вчерашнего? – перебил он. – Сегодняшнее не в счет?

- Прекрати ерничать!

- Это ты прекрати, Оля, – сказал уже серьезнее. – Раздуваешь проблему на пустом месте, а вроде бы вчера все было нормально. То, что ты сейчас собиралась мне сказать, обычно говорят мужчины. Это была ошибка, это ничего не значит, просто секс, бла-бла-бла. Мы же взрослые люди, так давай не будем себя вести, как подростки с нестабильным гормональным фоном. Я тебе желаю только лучшего, но того лучшего, что ты сама считаешь нужным – со мной, с Островским или в гордом одиночестве с залетными любовниками. Не знаю, с кем ты будешь счастлива. Но извини, еще несколько лет я не стану ждать, пока ты будешь разбираться в себе. Я не выдвигаю тебе никаких условий, но, кажется, тебе пора перестать держать себя и людей вокруг в подвешенном состоянии.

- Мне иногда кажется, что тебе стоило стать психологом, а не режиссером, – тоже серьезно заметила Ольга, а потом вздохнула: – Наверное, я стала слишком много думать об отношениях, а это, оказывается, довольно вредно. Всегда боялась относиться к мужикам так, как Наташка.

- Если бы мы с тобой снова оказались в одной постели год назад или полгода, то ты бы отнеслась к этому по-другому, а не сидела бы, как сейчас, пытаюсь подобрать нужные слова.

- И что, по-твоему, сейчас изменилось? – спросила Ольга, откинувшись на спинку стула.

Олег едва заметно усмехнулся, сложил руки замком на столе и ответил таким тоном, как будто доносил уже всем давно известную истину:

- Потому что мы оба знаем, что это был не просто секс двух бывших любовников. Но ты же придумала себе любовь к какому-то писаке, так что в упор не желаешь видеть очевидных вещей.

- Точно психолог, – заключила Ольга.

- Ага, – подтвердил он. – А вы с Островским полные психи. Может, вам вместе сходить на семейную терапию, а то эта катавасия будет продолжаться бесконечно.

Подошла официантка с заказом, поэтому Ольга только одними губами прошептала в сторону Олега:

- Придурок.

Он в ответ обворожительно улыбнулся и с аппетитом начал уплетать стейк. Видимо, ночь действительно забрала у него очень много сил. Ольга ковыряла вилкой в салате, с неохотой отправляя в рот кусочки овощей.

- Я тебе испортил аппетит? – спросил Олег, отвлекшись от еды.

- Отвали, а? – беззлобно попросила она.

- Главное, что не жизнь, – с видом Канта изрек он и снова переключился на кусок говядины.

- Философ хренов, – не выдержала Ольга и запустила куском огурца в Олега, угодив тому прямо в лоб, так что он недоуменно застыл с вилкой у рта. Выражение его лица в этот момент было бесценно, и, как бы Ольга не пыталась сдерживаться, все-таки в голос расхохоталась.

Олег взял салфетку, вытер лоб и жестом фокусника забросил кусок картофеля по-деревенски ей в декольте. Ольга посмотрела на свою грудь, выудила оттуда промасленный кусок и бросила обратно, на этот раз промахнувшись. Многострадальный картофель впечатался в плечо сидевшего позади Олега мужчины, который вроде бы не обратил на летающие овощи внимания, и упал на пол.

- Ой, – сказала она, прикрыв рот ладонью, но глаза откровенно смеялись.

Олег сидел, опустив голову на руку, и только плечи подрагивали от беззвучного смеха.

- Оля, – наконец сказал он, – ложбинку помочь вытереть? – и хитро прищурился.

- Языком? – спросила она, театрально округлив глаза.

- Не провоцируй, я же могу, а потом нас выпрут отсюда за неподобающее поведение и сдадут в обезьянник за хулиганство. Вон уже официантка странно косится в нашу сторону, – кивнул Олег в сторону, – так что пора сваливать.

Он, достав из кармана несколько купюр, бросил их на стол и сказал:

- Городской общепит мы уже посмотрели, пора дальше.

Ольга поднялась следом за ним и спросила:

- У нас культурная программа или развлекательная?

Уже на улице Олег, закулив, ответил:

- Желание дамы – закон. Куда хочешь сходить?

Она осмотрелась по сторонам. Жара еще не думала спадать, и на улице до сих пор невозможно было долго находиться. Внезапно взгляд Ольги зацепился за какую-то афишу, и она, сама не понимая, что на нее нашло, сказала:

- Идем в кино!

- Куда? – Олег едва от неожиданности не проглотил сигарету.

В начале их отношений он пару раз предлагал ей совместные походы в кинотеатр, вроде как в привычное и стереотипное место для всех влюбленных пар, но Ольга только отмахивалась, обосновывая отсутствие интереса тем, что с фильмами они работают каждый день, а еще и проводить с ними отдых – это перебор. Олег понимал, о чем она говорит. Сам он, когда смотрел художественные фильмы, наметанным взглядом оценивал работу режиссера, оператора, художника, осветителя и прочих, чей профессионализм был виден на экране.

- В кино, – повторила Ольга. – Только надо узнать, где ближайший кинотеатр.

Смартфон Олега заботливо дал знать о местонахождении и времени сеансов. До пятичасового, который обещал щекочущий нервы триллер, оставалось еще полчаса, а идти тут всего ничего.

- Прощу, – сказал Олег, подставив локоть, а Ольга подхватила его под руку.

В зале кинотеатра было немногочленно и прохладно. Билеты оказались на последний ряд, на что Ольга отреагировала изогнутой бровью и недоверчиво поджатыми губами. Олег в ответ только снова обворожительно улыбнулся.

Сам фильм оказался из разряда третьесортной голливудской мути, и они не столько его смотрели, сколько смеялись над многочисленными «ляпами» и пробелами в сюжетной линии. А комментарии Олега по этому поводу доводили Ольгу почти до слез.

- Хватит, – как можно тише попросила она. – Я, кажется, смехом себе пресс накачала, – но не смогла не рассмеяться от очередной реплики

о том «что это снимали какие-то наркоманы или шизофреники». – Черт возьми, нас скоро выгонят отсюда, – уже в голос сказала она, чем вызвала недовольные взгляды нескольких зрителей неподалеку.

- Знаешь, я даже не расстроюсь, – тоже засмеялся Олег.

Из зала они выходили, все так же смеясь. Ольга присела на ближайшую скамейку и сказала:

- Все-таки я зря не ходила в кино. Это смешно.

- Подожди меня пару минут здесь.

Олег устремился куда-то через дорогу, где находились цветочный, продуктовый и ювелирный магазин.

«Надеюсь, он за продуктами к ужину», – подумала Ольга и поняла, что сегодняшний день удался на славу. И надеялась, что Олег его не испортит.

Он появился только через минут пятнадцать с самым нелепым букетом в мире. Может, не только укуренные люди создают фильмы, но и формируют букеты. Ольга в цветах разбиралась, как свинья в апельсинах, могла, конечно, отличить гвоздику от розы, но на этом ее знания во флористике заканчивались.

Олег протянул ей букет и сказал:

- Специально для тебя собирал с помощью всезнающего интернета.

- В смысле? – не поняла Ольга.

- Смотри, – начал объяснять он. – Девять цветов символизируют дружбу. Белая гвоздика, – показал он на знакомый ей цветок, – это пожелание удачи, герберы обычно вручают коллегам, – провел он пальцами по цветку, похожему на большую розовую ромашку, – в качестве комплимента и выражения симпатии. Калла показывает, что я преклоняюсь перед твоей красотой.

Олег дотронулся до цветка, выглядевшего, как пластиковый, и замолчал. Ольге было интересно, он это видел, но и видел борьбу эмоций на ее лице. Она не знала, как это принимать, а сегодняшний день он не хотел испортить.

- Ну... – протянула она, продолжая смотреть на цветы.

- Желтая лилия, – показал он на самый яркий цвет в букете. – Это символ неординарности, и я желаю, чтобы твоя неординарность,

придающая тебе ту изюминку, отличающую от других женщин, никогда не покидала тебя. Кремовая роза, чтобы ты всегда была в гармонии с собой и окружающими, красная хризантема, чтобы ты была успешна...

- Олег, – перебила его Ольга, взяв за руку, указывающую на цветы, и подняла глаза – Спасибо...

Он в ответ улыбнулся и продолжил:

- Ирис говорит тебе, что я очень ценю нашу дружбу, а крокус означает твое возрождение, свежесть чувств и хочет сказать, что я тебя благодарю за незабываемые моменты.

- А вот этот? – спросила Ольга про красивый белый цветок, когда Олег замолчал.

- Он говорит о том, что ты единственная и неповторимая, так что цени себя. А теперь идем, нам вставать в четыре утра.

Глава 22

- Помочь с вещами? – спросил Олег, остановив машину напротив Ольгиного подъезда.

Она отрицательно покачала головой и, повернувшись к нему, сказала:

- Спасибо.

- За что? – вроде бы удивился он.

- За все: за поддержку, за отдых, за возвращение к съемкам, за то, что подвез, в конце концов.

- Звучит так, будто ты со мной прощаешься, – криво усмехнулся Олег и вышел из машины, чтобы достать чемодан.

- Олег... – начала Ольга, тоже выйдя на улицу.

- Не надо, – пересек он ее попытку что-то сказать. – Пока, – махнул рукой и, не дождавшись ответа, уехал.

Ольга списала его плохое настроение на усталость после перелета, недосып и еще массу не зависящих от нее факторов. Со вздохом взялась за ручку чемодана и покатила его к двери подъезда.

В квартире было чисто: ни слоя пыли на мебели, ни спертого воздуха, даже окна вымыты. Запасные ключи были только у одного человека,

поэтому Ольга удрученно покачала головой и включила телефон, чтобы поблагодарить подругу за такую заботу о ее жилище.

- Ты вернулась? – спросила Наташа вместо приветствия.

- Да. А ты бы лучше отдыхала, а не драила мою квартиру. Спасибо.

- Ой, ничего со мной не станет. Физический труд еще никому не вредил. Ой, у тебя же холодильник пустой. Приезжай ко мне, поговорим, я тебя покормлю.

Ольга улыбнулась:

- У кого-то, кажется, начинает просыпаться материнский инстинкт. Нет, Наташ, схожу в душ и спать.

- Голодная?

- Да не голодная я. На крайний случай всегда есть круглосуточная доставка еды.

- Как хоть съездила полюбоваться сибирскими красотами? – сменила тему Наташа.

- Сибирских красот я почти не видела, потому что почти все время торчала с Олегом на съемочной площадке. Вот там мне понравилось.

- Ага, – загадочно сказала подруга, растягивая гласные. – Звони завтра, может, встретимся.

- Хорошо, – ответила Ольга и сбросила вызов.

В пустой квартире было непривычно. Как быстро человек привыкает к обществу – и сейчас не хватало веселых историй Толика, дележки ванной по утрам, голосов в квартире и даже совместных посиделок за кофе с Олегом.

«Ничего, снова привыкну к одиночеству», – подумала Ольга.

Возможно, впервые она назвала то, что раньше считала свободой и независимостью, одиночеством. Чтобы разрушить звенящую тишину, включила телевизор, даже не заметив, какой канал включила, и застыла перед экраном. Сердце пропустило несколько оглушительно громких ударов, а ладони стали мокрыми. Почему именно сейчас и этот канал? Знак судьбы? Ольга в них не верила, считая, что судьбу люди творят сами.

Симпатичная ведущая четко поставленным голосом сообщила, что

сегодня у них в гостях автор бестселлера, книги, побившей рекорды продаж, Роман Сергеевич Островский. Камера переместилась, крупным планом взяв лицо гения пера. Он в присущей ему манере держался спокойно, ровно и немного как будто снисходительно. Ольга знала, что раньше ему вряд ли приходилось светиться на экране, вспомнив, как еще до знакомства пыталась найти упоминания о нем во всемирной паутине. Но он выглядел настолько уверенным в себе, будто каждый день приходит на телепередачи.

- Роман Сергеевич, – заигрывающе начала ведущая. – Расскажите нам, что подвигло вас на написание этой книги, как она писалась...

Стандартные вопросы, но нестандартные ответы. Островский четко, но не шаблонно отвечал, а Ольга не могла отвести взгляд от экрана. Она помнила, оказывается, все: его мимику, каждую едва заметную морщинку, движения рук, выражение глаз – и это сейчас было пыткой. Он был таким далеким, но таким родным.

И вдруг Ольга вспомнила Олега – тот тоже был родным и сейчас казался не таким далеким. Но при виде него сердце не скакало в бешеном ритме, а тело не покрывалось испариной, как при лихорадке. А вот Островский даже сквозь расстояние и экран гипнотизировал.

- К черту! – вслух сказала Ольга и выключила телевизор.

Снова стало тихо, и эта тишина давила, только мысли в голове прыгали, как бешеные блохи. Душ и сон не принесли желаемого облегчения – Ольга уснула буквально на пару часов, но потом проснулась, как будто от толчка, и еще полчаса снова пыталась отбыть в объятия Морфея. Поняв, что ничего не получится, включила ноутбук и продолжила работу над уже начатым сценарием.

Время до рассвета пролетело незаметно, работа, если ее можно было так назвать, приносила удовольствие, расслабляла и прогоняла ненужные мысли из головы. Свеженаписанное она, несмотря на время, отправила Олегу, который почти сразу перезвонил:

- Ты целую ночь писала что ли? – спросил он сонным голосом и, судя по звуку, включил чайник.

- Почти, – ответила Ольга, тоже подумав о чашке кофе, и прошла на кухню.

- Мне понравилось, хоть ты меня и разбудила, – сказал Олег и

щелкнул зажигалкой, что тоже нельзя было не услышать.

- Извини, захотелось поделиться.

- Ничего, скоро поеду посмотреть подготовку площадки, и вряд ли мне удастся много поспать на этой неделе. Пора начинать съемки.

- С тобой можно? – аккуратно спросила Ольга.

- А почему нет? – Олег назвал адрес и время, добавив: – А я пока напишу Островскому, обещал же. Правда, надеюсь, что он передумал приезжать на съемки. Пару раз были со мной писатели на площадке, и я тебе скажу, что это невыносимо.

Тоненький, но противный звон раздавался над самым ухом, и сколько Роман не пытался отмахнуться от назойливого насекомого сквозь сон, комар оказался настойчивее. Островский открыл глаза и сказал вслух:

- Вот падла!

Комар как будто выполнил свою миссию и затих, но на смену ему раздался писк телефона, сообщив о входящей смс.

Роман потер ладонями лицо, надел очки и прочитал:

«Уважаемый Роман Сергеевич, сообщаю, что съемки начнутся через неделю. Буду рад Вас видеть на площадке. С уважением Олег Самойлов». Следом прилетело сообщение с адресом.

Островский два раза перечитал – вроде бы все официально и по делу, но почему-то казалось, что от каждого слова сквозит сарказмом и антипатией. И это ему не понравилось. Понятно, что повода для позитивных чувств у Самойлова не было, но и такого негатива Роман не ожидал.

И вдруг догадка ворвалась в окончательно проснувшуюся голову:

«Да ведь это ревность!»

Чертыхнувшись, Островский отбросил телефон. Может, он себя просто накрутил, благо, что писательское воображение хорошо работает, но мысль о том, что поездка Ольги в Сибирь обернулась воссоединением с Олегом, крепко засела в голове.

Ольга была в восторге от того, как поработали декораторы над съемочной площадкой. Именно так она все и представляла, когда они с Островским писали сценарий.

- Ты сообщил ему? – спросила у Олега. Тот не нуждался в пояснении, поэтому сразу сказал:

- Отправил смс утром, но он не удостоил меня ответом. Надеюсь, что передумал приезжать.

Ольга никак не прокомментировала его слова. Может, и передумал. Она не знала, как жизнь Романа могла измениться за то время, что они не виделись.

- Поехали куда-нибудь на обед, – предложил Олег, посмотрев на время. – А то я скоро свалюсь в голодный обморок.

- Я хотела встретиться с Наташей.

- Ее бросил очередной любовник, и понадобилась жилетка? – со смешком спросил он.

- Кажется, сейчас все наоборот: ей надо поделиться радостью от предстоящего материнства и захватившего ее всепоглощающего прекрасного чувства.

- Ни хрена ж себе, – присвистнул Олег. – Я уже даже перестал верить, что она кого-нибудь сможет завести в ЗАГС. И кто этот счастливчик или несчастный?

- Олег... – укоризненно протянула Ольга. – Это Андрей.

- Андрей? – переспросил он и вдруг рассмеялся: – Пилот твой, что ли? Ты его по наследству Наташке передала, когда он тебе надоел? Хорошо, что со мной так не случилось, а то еще, не дай бог, меня бы попыталась женить на себе.

- Ты перегибаешь, – тихо сказала Ольга.

- Извини, – поднял Олег руки в жесте «сдаюсь». – Но это очень комичная ситуация. Не хочешь перенести ее в новый сценарий? Ладно, давай подвезу тебя.

Ольга позвонила подруге и договорилась встретиться в кафе возле Наташиного места работы. У той как раз намечался обеденный перерыв, который она с радостью согласилась провести с Ольгой.

Через двадцать минут Олег остановил машину у открытой террасы

кафе, где за одним из столиков уже сидела Наташа.

- Передавай подруге привет.

- Хорошо, – ответила Ольга и, попрощавшись, вышла из машины.

- Это же был Олег? – с интересом спросила Наташа, даже забыв поздороваться, так ее распирало любопытство.

- Он самый, передавал тебе привет.

- О, как! – Наташа хитро прищурилась, но натолкнувшись на взгляд Ольги, убрала лукавую улыбку и добавила: – Я взяла смелость сделать заказ и на тебя, чтобы сэкономить время. Надеюсь, твои вкусы не изменились?

- Спасибо. Рассказывай, как дела.

Это и был тот вопрос, которого ждала Наташа, начав без умолку тарыхтеть о том, как она счастлива. Даже принесенный заказ не остановил ее, и она продолжала выдавать едва различимые слова с набитым ртом. Ольга слушала ее и улыбалась – такая она нравилась больше, чем вечно ноющая о своей неземной любви к очередному мужику.

- Кстати, – подняла Наташа вверх указательный палец и полезла в сумочку, – у меня для тебя кое-что есть.

Она положила на стол нечто, похожее на открытку.

- Приглашение на свадьбу, – вслух прочитала Ольга и добавила: – Поздравляю.

- Спасибо. Свадьба через месяц, и если ты согласишься стать свидетельницей, то я буду счастлива.

- И прям все так традиционно будет с этими примочками вроде выкупа, голубей у дверей ЗАГСа, тамады с идиотскими конкурсами и так далее? – Ольга поняла, что страдальческое выражение отчетливо проступило на ее лице.

- Ну, Оль, так же положено... – развела руками Наташа. – Ну все-все, не буду тебя заставлять, попрошу кого-нибудь из коллег, а то, если моя свидетельница на свадьбе с таким лицом сидеть будет, я себя не прощу.

Ольга действительно не любила весь этот пафос и не понимала, зачем вкладывать сумасшедшие деньги в мероприятие на один день. Да,

день значимый, но ведь не антураж делает его таковым. Когда они с Олегом готовились к свадьбе, Ольга настаивала на росписи без многокилограммового платья, вычурной прически, банкета на человек сто и крикливого тамады. Сейчас она не хотела обижать Наташу, но лучше будет просто гостем. Да еще и быть свидетельницей на свадьбе бывшего – это точно комично, прав был Олег.

- Наташ, не обижайся.

- Да ладно, – махнула та рукой. – Мне пора бежать на работу. Созвонимся.

- Беги, я рассчитаюсь.

Подруга послала воздушный поцелуй и почти бегом направилась к соседнему зданию.

Несколько следующих дней Ольга работала над сценарием, почти не выходя из дома. Отсылала Олегу готовые сцены и получала в ответ короткие сообщения: «Отлично!», «Здорово!», «Молодец!» и тому подобные. Наконец он перестал использовать односложные предложения и написал: «Завтра начинаются съемки. Заеду за тобой в десять».

Ольга не знала, ответил ли ему что-нибудь Роман, приедет ли, но быть причастной к созданию этой киноленты ей очень хотелось.

Звонок в дверь оторвал от написания очередной сцены.

«Скорее всего, кто-то из соседей», – подумала Ольга, потому что звонка в домофон до этого не было.

Она распахнула дверь и даже онемела от удивления, сделав два шага назад. Незванный гость переступил через порог и сказал:

- Привет.

- Какого черта? – вырвалось у Ольги.

- Я боялся, что мои звонки ты снова начнешь игнорировать.

Ольга на секунду прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. Сердце бешено колотилось где-то в горле, а руки предательски задрожали.

Она не ожидала, совсем не ожидала его увидеть на пороге своей квартиры. Что сейчас говорить? Что делать?

- Неожиданно...

- И это все, что ты можешь сказать?

Да, весь словарный запас моментально куда-то исчез, и сейчас Ольга не могла составить ни одного осмысленного предложения. Они продолжали стоять в коридоре и смотреть друг на друга. Роман боролся с желанием подойти к ней ближе, дотронуться до лица, запустить руку в волосы, поцеловать слегка подрагивающие губы. Так, стоп! Подобные мысли тут же отозвались ниже пояса, а он собирался оставаться спокойным и поговорить с ней, прежде чем тащить в постель, если это вообще случится. Но мозг с телом жили разными жизнями.

- Мы так и будем стоять? – спросил Роман.

Ольга вздрогнула от звука его голоса и попыталась взять себя в руки, а то это совсем не дело.

- А что ты предлагаешь? Лечь? – вздернула она подбородок.

Взгляд его изменился, и Островский сделал еще один шаг к ней. Слишком близко, слишком трудно сопротивляться законам физики или физиологии. На каком-то животном уровне срабатывал закон притяжения их тел, хотелось срывать одежду как единственную преграду и чувствовать друг друга.

«Рома, держи себя в руках», – подумал он.

«Оля, держи себя в руках», – призвала она сама себя.

- Я предлагаю для начала выпить кофе, который ты вроде бы как гостеприимно должна была мне предложить.

Какая сдержанность! Какое хладнокровие! Какое спокойствие! Какая эмоциональная латентность! Ольга поняла: вернулся тот гений пера, которым был при первой их встрече.

- Кофе так кофе, – пожала она плечами вроде бы безразлично, решив, что тактику Романа стоит перенять. Эмоции уже один раз подвели, повторения не хотелось.

Островский устроился на табуретке и, подперев кулаком подбородок, разглядывал ее спину, пока Ольга ставила чайник, насыпала кофе в

кружки и, чертыхаясь, смотрела в пустую сахарницу. Наконец повернулась к нему и сказала:

- Черный, без сахара.

- Хорошо, – улыбнулся Роман, продолжая рассматривать ее.

- Может, ты прекратишь на меня так пялиться? – Ольга чувствовала себя не в своей тарелке от такого пристального взгляда, хоть и старалась не подавать вида.

- Как так?

- Ну... так. Твою же! – не выдержала она. – Вот как у тебя получается одним вопросом поставить в тупик, учитывая, что ты прекрасно понял, что я имела в виду?

Ольга не была сильна в игре «покажи, насколько ты эмоциональный инвалид», у Романа получалось гораздо лучше. Он невозмутимо продолжал сидеть с легкой полуулыбкой, что раздражало Ольгу до зубовного скрежета. Она повернулась к закипевшему чайнику, налила воду в две чашки и довольно резко поставила одну на стол перед Романом, расплескав примерно четверть. Снова чертыхнулась, схватила бумажные полотенца, неровно оторвав от рулона несколько штук, и бросила на стол, где они тут же начали впитывать пролитый кофе.

Ольга начинала злиться, но сама не могла определиться – на кофейное пятно на столе, на то, что не может себя нормально вести в его присутствии, или на Романа, который приехал без предупреждения, опять не оставив ей права выбора на встречу с ним.

- Как Сибирь? – спросил Островский.

Спросил вроде бы обыденно, как будто из вежливости, но Ольга непроизвольно дернула щекой. Как говорится, на воре шапка горит, поэтому в вопросе почудился какой-то подвох.

- Нормально, – вроде бы с сомнением протянула Ольга.

Роман видел, как на ее лице удивление от вопроса сменилось недоумением, а потом... Да, сейчас он пожалел, что так хорошо научился различать человеческие эмоции, потому что это было чувство вины. Спокойствие, только спокойствие...

- Ты почему сейчас почувствовала себя в чем-то виноватой? Потому что уехала или потому что трахалась со своим режиссером? – Роман

старался говорить ровно, но услышал в своем голосе неприкрытые нотки ревности.

Ольга не отвечала, только красные пятна начали покрывать лицо и шею. Островский усмехнулся с легкой горечью, поняв, что попал в точку со вторым вариантом. Если бы он был безосновательным, то Ольга бы в привычной для нее манере возмутилась и обозвала Романа каким-нибудь очень неприличным словом. А сейчас просто молчит, уставившись в пол.

- Ты из писателей подался в экстрасенсы? – ушла Ольга от ответа, так и продолжая смотреть куда угодно, но только не на него.

- А ведь Анна меня предупреждала, – снова с усмешкой сказал Роман и, поднявшись, подошел к окну. Смотрел на спешивших куда-то людей на улице, запустив руки, уже сжимавшиеся в кулаки, в карманы брюк и перекатываясь с пяток на носки. – Знаешь, может, я и сам виноват. Не стоило мне тогда уезжать в Москву, оставлять тебя наедине с проблемами, но я никогда не бывал раньше в подобных ситуациях, поэтому не знал, как поступить правильно. А потом уехала ты, просто сбежала, не дав объясниться. И конечно, милый Олег Викторович, такой заботливый и привычный, стал твоей опорой. Но ты хоть на минуту подумала, что просто мне не дала этой возможности? Если бы ты соизволила не отключать телефон, то я бы приехал хоть на Камчатку. Нет же, посиди ты, Рома, месяцок, подумай, а меня пока бывший успокоит. Так? А режиссер молодец, не растерялся. Что, дорогая, – повернулся он к Ольге, – старая любовь не ржавеет?

- Я уехала, потому что мне надо было прийти в себя, решить, что делать дальше, – тихо ответила она, но прозвучало это как оправдание. – А Олег... – Ольга шумно выдохнула и покачала головой. – Так случайно получилось.

- Интересно, – Роман уже не скрывал своего сарказма, – а он знает, что это «получилось случайно»? – передразнил он. – Вдруг у него на тебя уже далеко идущие планы?

- Так, – повышая голос и тоже поднимаясь, сказала Ольга, – я не собираюсь продолжать разговор в таком тоне и выслушивать твои осуждения. Мы давали друг другу клятвы верности? Нет. Мы были парой? Нет. Ты сразу дал понять, что нас связывает только секс без обязательств. Так что не надо сейчас строить из себя обиженную

невинность. Сам, наверное, тоже не соблюдал целибат?

Роман рассмеялся, и Ольга осеклась на полуслове, вопросительно на него посмотрев.

- Лучшая защита – нападение, да? – спросил он, аккуратно подходя к Ольге, как хищник к жертве, и уже другим тоном спрашивая: – Ты такими мыслями себя утешала, когда ложилась с ним в постель? Или он их лил тебе в уши, когда решил, что неплохо бы снова трахнуть тебя?

Шаг, второй назад – и Ольга спиной ощутила холодную стену, а Роман уже был рядом, поставив руки по обе стороны от ее лица. Снова слишком близко. Тела начало покалывать от непреодолимого желания прикосновений, дыхание сбилось, а кровь, казалось, превратилась в кипяток.

Глава 23

- Что ты делаешь? – немного сбившись, спросила Ольга. Нет! Нет! Нет!

Черт возьми, это уже становилось ненормальным, аномалией человеческих отношений – постоянное животное желание трахаться, как бешеные кролики, стоит только оказаться друг у друга в поле зрения.

- А на что это похоже? – вопросом на вопрос ответил Роман, все ближе и ближе наклоняясь к ее лицу.

- Ты же не собираешься... – предостерегающе начала Ольга, хоть и хотела снова почувствовать его руки, губы, да и против остальных частей тела не возражала, но все это казалось каким-то неправильным, что ли.

Сексом делу не поможешь и всего не исправишь, все равно придется когда-нибудь выбраться из койки и начать говорить, а это у них пока получалось не очень. Нет, безусловно, обсудить новую популярную книгу или даже поговорить о вымерших мамонтах они могли, а вот на теме собственных отношений всегда что-то шло не так.

- Собираюсь, – вроде как само собой разумеющийся факт подтвердил Островский.

- Подожди...

- Тебе не кажется, что ждал я и так слишком долго.

Он говорил так, как будто придавливал ее к стене еще больше с каждым словом, и снова не оставлял выбора, не давал права на решения. Роман заметил, как в глазах Ольги зажегся бунтарский огонек, и это возбуждало еще больше. Как тогда, когда они только познакомились и от нее за километр чувствовалась эта строптивость, взбалмошность, страстность, пылкость. Сейчас она, кажется, собиралась сказать какую-то колкость, но Роман не дал это сделать. Просто сгреб ее в охапку и поцеловал, настойчиво, грубо, без права капитулировать, удерживая одной рукой за талию, а второй за голову.

Безумие... Безумие охватывало их с каждой секундой все больше, заполняя собой пространство кухни и прижавшиеся друг к другу тела. Способность думать и действовать вопреки инстинктам исчезла, оставив только нечто, напоминавшее нимфоманию.

Почти на ощупь, не отрываясь друг от друга и на ходу сбрасывая одежду, они двигались в комнату.

- Господин писатель, – простонала Ольга ему в губы, когда он навалился на нее всем телом, придавливая к дивану, – что вы со мной делаете?

- То же, что и вы со мной, госпожа сценарист, – ответил Роман, опуская одну руку вниз.

Ольга почувствовала его пальцы, они были такими, какими она и помнила, жесткими, грубыми, но это ей и нравилось. Все та же боль на грани удовольствия, как в первый раз с ним. Этот человек был набором контрастов во всем.

«Может, я все-таки мазохистка, если нежность меня не пробирает», – подумала Ольга, некстати вспомнив про Олега.

Роману всегда нравилось это – стоило только провести рукой по ее телу, поцеловать, и, черт возьми, даже никакой дополнительной смазки не требовалось. Сейчас он не рассчитал силу и довольно резко рванул тонкую кружевную ткань, которая тут же разошлась под нетерпеливыми пальцами, оставляя на коже левого бедра красную полосу. Ольга едва поморщилась от секундной боли, прикрыв глаза.

Островский вошел довольно резко и остановился, надавив руками на ее плечи.

- Открой глаза, – жестко, даже со злостью попросил он.

Она посмотрела на него и нахмурилась. Таким его видела впервые. Роман снял очки и отбросил куда-то в сторону, вроде бы даже не волнуясь, разобьются ли они.

- В чем дело? – спросила Ольга в попытке привстать на локтях, но железная хватка только усилилась.

- Смотри на меня и не смей думать о своем режиссере сейчас.

Роман сделал один толчок, второй – она попыталась высвободиться из его хватки, но только сама себе этими попытками оставляла синяки на теле. Положив одну руку поперек ее груди, Островский наклонился прямо к раскрасневшемуся лицу, обхватив второй ладонью шею, и провел языком по губам.

Он чувствовал ногти в коже плеч, но это было несравнимо с тем, какая боль его рвала внутри. Он понимал, что все, что случилось с Ольгой, не только ее вина, но все равно наружу вырывался неандерталец, который защищал свое. Знал, что ей больно, но разве ему нет?

Для Романа все закончилось слишком быстро, а какое-то непонятное жжение в груди так и осталось, и, наверное, именно оно сыграло с ним злую шутку. Опять. Не учился на своих ошибках.

- В итоге я так и не понял, что ты решила? Кто же в итоге лучше трахается? Я или твой режиссер?

Ольга как будто протрезвела и холодным, спокойным и почти равнодушным тоном, которым она заразилась у Романа, сказала:

- Островский, пошел вон!

Он только усмехнулся, никогда, на своей памяти, не просил повторять два раза, но сейчас переспросил:

- Что?

- Ты меня слышал, – спокойно отозвалась Ольга, пытаясь сбросить с себя его неподъемное расслабленное тело.

Роман посмотрел на нее так, что паралич сковал все тело. Он понимал, что перегнул, что она не станет в нежно-романтическом припадке падать к нему на плечо и кричать: «Ты лучше всех!»

Сам все сломал и проиграл. Но овертайм у него все еще есть. На

время съемок, на время, которое они должны провести вместе, но не факт... Поэтому вырвалось:

- Ты завтра на съемки едешь?

Ольга, ладонями закрыв лицо, нервно рассмеялась, но опять сказала:

- Пошел вон!

Роман молча поднялся, нашел очки и пошел, как по хлебным крошкам, по дорожке из одежды. Ольга открыла шкаф, достала халат и, накинув его на плечи, вышла на балкон. Предательские слезы жгли глаза, слезы обиды и злости, но сейчас не время плакать. Она надеялась, что Островский уйдет, но через пару минут услышала звук открываемой за спиной балконной двери и напряглась. Ольга затылком чувствовала, как он сверлит ее взглядом, но молчание никто не нарушал. Она не выдержала первой и повернулась к нему. Каменное лицо, сложенные на груди руки, тяжелый взгляд – все это выглядело так, как будто Ольге сейчас надо было за что-то оправдываться перед ним.

- Что-то еще? – спросила она. – Секс? Отсос? Подрочить?

- Блядь, что за женщина? – задал Роман риторический вопрос и, довольно жестко схватив ее за запястье, потянул обратно в квартиру со словами: – Может, не стоит выяснять отношения на балконе на потеху соседям?

- Я сказала, чтобы ты выметался из моей квартиры.

Как совсем недавно возбуждение накрывало их с головой, так теперь злость выметала остатки здравого смысла. Роман давно научился держать под контролем свои негативные качества, но он не знал, что делать с ревностью. Это было для него в новинку, а оказалось, что это чувство равносильно злости и вызывает неконтролируемые приступы агрессии, сопровождаемые болью.

Он продолжал удерживать ее руку, пока Ольга не сказала:

- Отпусти, мне больно!

Островский мгновенно разжал ладонь, а она потерла кожу, на которой отчетливо был виден след пальцев.

- Извини.

- Извинила, – ответила Ольга. – Это все? Тогда можешь проваливать.

- Тебе не кажется, что ты сейчас опять просто пытаешься сбежать, потому что сама не знаешь, чего хочешь и как тебе поступить, – тихо сказал Роман. – Но знай, что я не твой режиссер и не стану несколько лет наворачивать вокруг тебя круги, ожидая, когда ты снова окажешься в моей постели. Да мы бы и никогда не смогли строить из себя друзей, потому что друг для друга как афродизиаки. Если я ухожу, то не возвращаюсь. Извини еще раз, я сегодня был грубым. До завтра!

Ольга слушала его тихую речь, понимая, как нелегко Роману дается каждое слово, как он умело прячет злость. Каждое слово отдавалось ей ударом в грудь, в которой все еще кипела обида.

Она даже не заметила, как он ушел, только хлопок двери привел в чувство. Ольга бы вроде сделала шаг следом, но остановилась и просто сползла на пол с мыслью, что надо бы сходить разбить пару тарелок. А вдруг легче станет? Но сил не было.

Что надо было им сделать? Наорать друг на друга, высказать все накопившиеся обиды? Нет, они продолжали молчать, зная цену каждого лишнего слова, которое могло вырваться в порыве злости. Но знали ли, каковой может стать цена их молчания?

Ольга действительно не знала, что делать. Выбор... Правильный и неправильный? Или просто выбор? Каждый поступок – это выбор, который человек делает ежедневно. Что для одного правильно, для другого – нет. Сейчас Роман положил этот груз на ее плечи, и Ольга почувствовала себя маленькой растерянной девочкой. И одинокой, до боли одинокой.

Первая мысль, посетившая раскалывающуюся голову, – напиться. Не поможет. Вторая – поговорить с кем-нибудь. А с кем? С Романом говорить не получается, у Наташи своих дел хватает, зачем еще перекладывать на плечи беременной подруги свои проблемы. Олег... Нет, у него уже, кажется, началась аллергия на имя писателя, да и после всего плакаться снова ему в жилетку было бы неуместно.

Ольга наконец дала волю слезам. Они просто катились по щекам, не сопровождаемые ни всхлипами, ни громкими рыданиями. Драма человеческих отношений, для которых Ольга чувствовала себя непригодной, во всем ее проявлении. Можно ли что-то построить на болоте, где каждый вложенный в фундамент кирпич тонет в вязкой жиже.

Может, не стоило уходить?

Этот вопрос все крутился и крутился у Романа в голове. Он даже поднялся на одну ступеньку назад, но застыл на месте на несколько секунд, а потом продолжил свой путь вниз.

Что он делал неправильно?

Все.

Не умел он строить отношения. У всех как-то легко получается, не без заморочек, конечно, но и не так. Как там говорила Анна: умный, но дурак. Или что-то в этом роде.

Не стоило сегодня так поступать с ней, но от ревности снесло крышу. И ревность вперемешку со страстью дали совершенно идиотский результат, не тот, на который Роман рассчитывал.

И сейчас надо подумать, как бы не набить завтра режиссеру рожу. Этого Ольга ему точно не простит...

«Красотка!» – иронично подумала Ольга, посмотрев в зеркало утром.

Веки опухли от слез, руки и шею покрывали синяки, оставленные то ли страстью, то ли обидой Островского. А ведь градусник уже с утра показывал больше двадцати градусов!

Она сполоснула лицо холодной водой, заварила чай, чтобы сделать примочки на глаза, и начала критически осматривать свой гардероб в поисках одежды, которая смогла бы скрыть темные пятна. Скрыть шею сможет только платок, потому что ничего под горло в ее арсенале не было, не любила Ольга подобные фасоны. Тонкая светлая кофточка с длинным рукавом полетела на диван, следом за ней – тонкий шарф-косынка и джинсовые шорты. На ногах тоже были синяки, но не такие заметные и на внутренней стороне бедра, так что, может, никто и не обратит внимания.

Телефонный звонок раздался, когда Ольга лежала с ватными дисками, пропитанными крепким чаем, на глазах. Нащупав мобильник, она ответила, не посмотрев на экран:

- Да!

- Я внизу, – сказал Олег.

- Так сейчас же девять, а не десять, – удивилась Ольга.

- Кофе угостишь? Разговор есть.

- Заходи, – вздохнула она в ответ.

Один вчера уже зашел на разговор – ничего хорошего не вышло. Но с Олегом рядом она хоть может думать о чем-то, кроме секса. Пока он поднимался, Ольга успела поставить чайник и быстро натянуть подготовленную одежду.

- Замерзнуть боишься? – спросил он, устроившись на той же табуретке, где вчера сидел Островский.

Ольга проигнорировала вопрос, а Олег тем временем продолжил:

- Что-то писака молчит, точно передумал приезжать. Хотя это и к лучшему...

- Он приехал, – сказала Ольга и, не желая продолжать тему, спросила: – О чем поговорить-то хотел?

Олег пару минут с интересом ее рассматривал, а потом ловким движением потянул вниз платок, обнажая следы на шее. Ольга схватила его за руку и почти прошипела:

- Убери...

- Это он тебя так разукрасил? – спросил Олег, вернув руку на стол, и саркастично добавил: – А где цветы, кольцо и выражение лица счастливой женщины? Что? – вроде бы удивился, увидев, что Ольга уже готова выплеснуть кофе прямо ему на голову.

- Ты пришел поерничать? – повысила она голос.

- Ой, только не кричи, – поморщился Олег, но опять не удержался от язвительности: – Он увлекается садомазо?

- Пошел вон!

Ольга сама поморщилась от ощущения дежавю. Кажется, эта фраза становится ее фишкой. Наташа бы сказала, удрученно покачав головой: «Вот дура! Кто ж мужиками в наше время разбрасывается...»

- Да расслабься ты, – спокойно отреагировал Олег и, сделав из чашки глоток, добавил: – Я уезжаю. Сразу после того, как закончим с этим фильмом.

- Окей, – пожала Ольга плечами, не понимая, почему он это ей говорит. – Очередные съемки?

- Нет, – покачал он головой и улыбнулся. – Пора расширяться. Здесь останется Толик за главного, ему уже давно пора из помощников в кого-то более высокого чина переквалифицироваться, а я поеду покорять Москву своим талантом. Так что через пару месяцев будем прощаться, если только...

- Что? – спросила Ольга, когда он замолчал.

- Поехали со мной. Хорошими сценаристами не разбрасываются.

- Но... – запнулась она. – Сценарии я могу писать хоть в Африке и приезжать только непосредственно на съемки.

- Не хочешь так далеко от Островского уезжать? – опять не выдержал Олег.

- Хватит. О нем. Говорить, – четко чеканя каждое слово, ответила Ольга.

- Оля, Оля... – грустный тон и покачивание головой. – Неужели ты сама не видишь, что вы просто душите друг друга своими... болезненными, – подобрал он нужное слово, – чувствами? И сколько ты так выдержишь, пока снова не сломаешься?

- Олег, отвали, а? – как-то уж очень печально отозвалась она.

- Ладно, – согласился он. – Но насчет Москвы ты подумай. Время еще есть. Поехали, – сказал, поднимаясь. – Без меня-то не начнут, но опаздывать не комильфо.

Ольга кивнула и, поставив чашки в раковину, вышла следом за Олегом в коридор. Они больше не сказали ни слова, пока выходили из квартиры, спускались вниз и садились в машину. Олег включил кондиционер и спросил:

- Нормально?

- Да, спасибо.

С удовольствием бы Ольга поехала на площадку в купальнике, но приходится довольствоваться тем, что есть. Странный вид: шорты, кофточка и платок на шее. Но вид рук и шеи вызвал бы еще больше недоуменных взглядов.

- Олег, – повернулась к нему Ольга, когда они уже почти подъехали, – он знает.

- Ты ему сказала? – спросил, даже не выясняя, кто и что знает.

- Сам догадался, ведь сложить дважды два не так трудно. Послушай, пожалуйста, – она положила ладонь на его руку и попросила: – Он хоть и выглядит хладнокровным и сдержанным, но может выкинуть что угодно. Сейчас он зол на всех: на тебя, на меня, на себя.

- Давай я больше не буду слушать, какие тараканы в голове у твоего Островского, а ты просто скажешь, что от меня хочешь, – не отрывая взгляда от дороги, прервал ее Олег.

- Никак не провоцируй его.

- Без проблем, – усмешка получилась довольно злорадной. – Если вы, конечно, не станете трахаться на съемочной площадке.

Ольга опешила, такого ответа она не ожидала и не понимала, какого черта Олег так себя ведет. Мысль о том, что он просто ревнует, ни на секунду даже не посетила ее голову. Он обещал остаться другом, он и пытался им быть, но она не знала, как нелегко это давалось.

- Олег, в чем дело?

Он резко крутанул руль вправо, останавливаясь на обочине, и наконец повернулся к ней:

- Оля, что ты хочешь? Чтобы я твоего любовничка не трогал? Да нахрен он мне сдался? Чтобы делал вид, что между нами все осталось по-прежнему? Я пытался. Но извини, на вашей свадьбе говорить громкие тосты и выплясывать ламбаду я не намерен. А теперь давай включаться в рабочий процесс и не думать о личном, договорились?

Она довела его до точки кипения, слушала и не понимала.

- Не стоило нам трахаться... – только и выдавила из себя.

- Трахаться? – с усмешкой переспросил Олег. – Нет, трахалась ты вчера со своим писателем, судя по следам на твоём теле. А с тобой мы занимались любовью, ну или сексом, но точно не трахались. Не думал, что ты когда-то наденешь розовые очки, но сейчас их пора снять. Я не собираюсь бить ему рожу, если ты об этом. Мы же не пещерные люди все-таки, но лучше бы ему держаться подальше и не лезть в ту работу, которая моя. Правильно? Я же не учу его писать.

- Поехали, а то опоздаем, – теперь Ольга отвернулась от него. – Я постараюсь... сдержать его.

- Интересно, каким образом? – уже без усмешки ответил Олег и завел мотор.

Ольга еще не знала, как станет терпеть эту пытку, находясь с ними несколько месяцев на одной съемочной площадке. Интересно, а в договоре было прописано то, что она должна? Юристы Олега явно предусмотрели этот пункт или что-то подобное.

Никогда еще Ольга не чувствовала себя так отвратительно и не предполагала, что такое когда-нибудь случится. Это больше в Наташином стиле. Но теперь подруга вроде как счастлива, а Ольга оказалась, возможно, перед самой большой дилеммой в жизни. Всегда же знала, что правильно и как, но сейчас вдруг осознала, что в жизни этой правильности нет.

Что правильно? Школа, потом высшее образование и карьера? Или сразу после школы выйти замуж, родить нескольких детей и забыть о работе при условии, что муж станет опорой? Кому что... У всех свои приоритеты и свои цели. Но если этот муж бросит тебя на пороге сорокалетия, оставив с алиментами и полной неподготовленностью к жизни – что тогда делать? Без образования, без перспектив? Где найти золотую середину?

Ольга помнила, как на дне встрече школьных выпускников многие одноклассницы, слегка перебрав, плакались, что живут с мужьями-тиранами и изменщиками только ради денег. Нет, их избранники не были миллионерами, но в одиночку несчастные девушки с одним-двумя-тремя детьми бы не справились. Тогда-то Ольга и поняла, что не стоит ни на кого надеяться, только на себя.

- Мы приехали, – вывел Олег ее из раздумий и улыбнулся, так мило, что не улыбнуться в ответ было невозможно.

Ольга вышла из машины и тут же увидела Толика, который, бросив недокуренную сигарету, поспешил им навстречу.

- Привет, – поздоровался он и даже расцеловал Ольгу в обе щеки, а потом подлетел к Олегу и завопил: – У нас тут пара проблем! – потащив его к павильону.

- И кто тебя сейчас так страстно облобызал? – услышала она над самым ухом знакомый голос и резко обернулась.

Роман стоял, облокотившись на машину и даже не боясь испачкать свою белую футболку. Его лицо опять выражало... ничего.

- Привет, – сказала Ольга.

- Бывший утешил вчера? Ночевал тоже у тебя?

Она подошла к нему близко, ткнув пальцем в грудь, и собрав остатки здравомыслия в кулак, сказала:

- Прекрати! Мы приехали сюда работать, а не выяснять отношения, так что, будь добр, сосредоточься на этом и не выкидывай номера.

Роман смотрел неотрывно на ее палец, который дотрагивался до него, уже мысленно развернул Ольгу к машине и, стянув эти короткие шорты, поймел. Стоп!

- А если мы сейчас где-нибудь уединимся? – спросил Островский, наклонившись к ее уху.

Да! Да! Да!

Это кричали инстинкты и желание. Они пульсировали в теле и голове, заставив просто обмякнуть в его руках. Почему? Почему он делал ее слабой? Слабости Ольга все-таки не признавала.

Зависимость... Как морфий для умирающего от боли пациента, так ей нужен был Роман.

Нет! Терпеть!

- Мы работаем, – повторила Ольга.

- Извините, что прерываю...

Она чертыхнулась и, сделав шаг назад от Островского, повернулась к Олегу, который появился, как черт из табакерки.

- ...Я забыл, кажется, закрыть машину, – продолжил Олег.

Он щелкнул брелком сигнализации и улыбнулся так, как, наверное, это делают маньяки. Улыбка вроде была доброжелательной и приветливой, но... Но... Что-то в ней было убийственное, негативное, и Роман не мог этого не заметить.

- Олег Викторович, – радостно, но с показушной наигранностью пропел Островский.

- Роман Сергеевич, – кивок в ответ и убийственный взгляд.

Они не подали друг другу руки, даже не пытались скрыть свою

неприязнь, и Ольга это заметила.

Заметила и поняла – эти съемки будут тяжелыми.

Глава 24

Казалось, что было слышно только Толика, когда они вошли в павильон. Он кричал, жестикулировал, командовал...

Роман с интересом осмотрелся – бывать на съемках ему никогда не приходилось, и сейчас даже желание уединиться где-нибудь с Ольгой отступило на второй план. Сразу появилась идея описать в новой книге этот процесс, даже сюжетные линии уже начали выстраиваться в голове. Только надо узнать название всех профессий и атрибутов, необходимых для съемочного процесса.

- Как это называется? – спросил Островский у Ольги и указал на огромный осветительный прибор.

Она задумалась и через минуту ответила:

- Вроде бы прибор студийного освещения, а вот уже насадки на него называют какими-то американизированными словами.

- А зачем насадки?

- Для мягкого рассеивания света, чтобы не было бликов, для бестеневой съемки и чего-то там еще. Если интересно, то об этом лучше спросить у Олега, Толика или кого-то из группы осветителей.

- Что у меня спросить? – подлетел к ним вышеупомянутый Толик и доброжелательно улыбнулся Островскому.

- Названия насадок на осветительные приборы, – ответила Ольга.

- Вы Роман Сергеевич? – спросил помощник Олега и, дождавшись утвердительного кивка в ответ, протянул руку. – Я Анатолий, – представился он.

Островский пожал Толику руку и сдержанно ответил:

- Очень приятно.

- Читал вашу книгу. Достойно, очень достойно. Обязательно попрошу у вас автограф. Как-нибудь за чашкой кофе или чего покрепче расскажу вам об осветительных приборах и других интересных съемочных вещах, а вы мне ответите на пару вопросов о своей книге.

Роман улыбнулся и кивнул.

- Толя! – рявкнул Олег, подходя к ним. – Иди работать, а дифирамбы литературным гениям будешь петь в свободное время.

- Что это с ним? – удивленно шепнул помощник Ольге, а та только пожала плечами в ответ. – Может, ему бабу найти? Ладно, побежал я, нечего гневить начальство.

Толик быстро смылся, а Роман холодно улыбнулся подошедшему Олегу и поинтересовался не без сарказма:

- Что же вы, Олег Викторович, так с подчиненными? Настоящий диктатор. Вы и по жизни так? Тогда понятно, почему Ольга с вами не дошла до ЗАГСа.

Островский, кажется, даже услышал, как у режиссера скрипнули зубы, но тот быстро взял себя в руки и почти елеиным голосом ответил:

- А вы, Роман Сергеевич, тоже не белый и пушистый, раз Ольга от вас смылась за несколько тысяч километров в Сибирь. Чем же вы ее так допекли?

- Стоп! – крикнула Ольга. – Обмен любезностями окончен. Посоревновались в игре «У кого язык острее и яда больше», теперь можете еще сходить в туалет с линейкой и разойтись по разным углам. Два придурка! Взрослые мужики, а ведете себя, как дети малые. Может, вам в спортзал сходить, «грушу» поколотить, чтобы пар выпустить?

- Я предпочитаю по-другому пар выпускать, – игриво улыбнулся Ольге Роман, а Олег хмыкнул:

- Да уж... После вашего выпуска пара все женщины в синяках ходят?

- Да заткнетесь вы уже наконец?! А, пофиг, – махнула Ольга рукой, – хоть поубивайте здесь друг друга. Только без меня.

Она развернулась и направилась к выходу.

Порыв смыться отсюда и не наблюдать за перепалками этих двоих был сильным, очень сильным. Но что они тут натворят, пока ее не будет? Вряд ли устроят мордобой, все-таки цивилизованные люди, но

кто знает... Тем более Ольга сама была виновата.

«Нефиг было трахаться с обоими», – подумала она.

Заметив стоявшего неподалеку в тени Толика, подошла к нему и попросила сигарету.

- Что с Олегом, не знаешь? – спросил задумчиво.

- Кажется, ему не нравится присутствие писателей на съемочных площадках, – ответила Ольга, понимая, что истинная причина далеко не в этом, но Толику знать об этом необязательно.

- Легок на помине, – кивнул тот в сторону выхода из павильона.

Олег вышел, посмотрел по сторонам и, увидев Ольгу с Толиком, уверенным шагом направился в их сторону. Не надо быть экстрасенсом или бихевиористом, чтобы понять, как он зол. Нет, он даже был в ярости.

- Здесь сегодня я один собираюсь работать?! – спросил у попавшего так некстати под руку помощника.

- Все готово, – спокойно ответил Толик, понимая, что босс сегодня просто не в духе.

- Иди и проверь еще раз! Я не намерен растягивать ЭТИ съемки хоть на один незапланированный день! – Олег явно намеревался просто сплавить помощника, чтобы высказать Ольге все по поводу язвительности Островского.

- Ладно... – отозвался Толик и, выбросив окурок, пробурчал себе под нос: – Уволюсь нахрен...

- Олег, я предупреждала... – начала Ольга, когда они остались вдвоем.

- Сейчас бы сказать матом, но я даже подходящих слов не знаю, все слишком мягкие. Не знаю, каким образом, но усмири этого писаку, иначе я за себя ручаюсь... Было бы вообще идеально, если бы он больше здесь не появлялся. Можешь сутками его трахать, позволять ему осуществлять самые извращенные фантазии и периодически отсасывать...

Договорить Олег не успел, потому что ему прилетела звонкая пощечина, а следом еще одна. Он даже не пошевелился.

Справедливо. И вдруг злость исчезла, просто сдулась, как воздушный

шарик, когда он посмотрел на Ольгу. Она смотрела не со злостью, только с болью и немым упреком, и Олег понял, что перегнул. И последняя фраза была лишней. Но это говорил не он, а злость и ревность.

- Извини, но меня просто достал твой писака. Помню, о чем ты просила, но и терпеть его сарказм я не намерен. А страдаешь от наших перепалок ты... – Олег легонько дотронулся до ее лица и улыбнулся.

Он не хотел, чтобы она находилась меж двух огней, понимал, что ей тоже непросто. Ольга отвела взгляд куда-то за плечо Олега и чертыхнулась, сделав шаг назад, так, чтобы его пальцы больше касались ее. Она увидела Романа, который, подняв брови, их рассматривал. И пусть смотрел с улыбкой, но взгляд его не сулил ничего хорошего.

Олег повернул голову, тоже заметил Островского и усмехнулся. Он опять не узнавал Ольгу. Где та женщина, которая могла одной фразой поставить всех на место? Сейчас она боится реакции писателя на это вроде бы невинное прикосновение. Олег не понимал, что с ней сделал Роман, как не понимал, почему... Почему он? Что она в нем нашла?

Но знал одно – сейчас он точно не упустит ее, не позволит ей снова ускользнуть.

- Я думал, костюмерша его дольше подержит, – сказал Олег.

- То есть? – не поняла Ольга.

- Да он уже хотел рвануть за тобой следом, но наткнулся на преданную фанатку в лице нашего костюмера. Послать ее, видимо, воспитание не позволило, да и она такими влюбленными глазами на него смотрела и едва ли преклонялась перед его талантом, что пришлось Островскому выслушивать очередную порцию хвалебных речей в свой адрес, наверное, втайне желая провалиться костюмерше сквозь землю. Смотри, – со смешком и не без иронии заметил Олег, – уведут твоего писаку.

Ольга проигнорировала последнюю фразу, только мысленно отметила, что таких, как Островский, не уводят, такие решают все сами и уходят.

- Ладно, давай работать, – уже устало сказал Олег, хоть съемки еще и

не начались.

Обмен любезностями на сегодня, кажется, закончился, и Ольга даже начала получать удовольствие от процесса, но помнила, что это только первый день. И возможно, разводить двух петухов по углам придется еще не раз.

- Все, – выдохнул Олег ближе к полуночи. – Завтра в то же время.

Ольга сделала последний глоток уже остывшего кофе, наблюдая, как гримеры убирают баночки и тюбики в бьюти-кейсы, костюмеры застегивают чехлы для одежды, работники звукоцеха снимают микрофоны...

- Поехали, – услышала Ольга над ухом и повернулась к Роману.

- Куда?

- К тебе, ко мне... Без разницы.

- Зачем?

- Ты издеваешься? – повысил голос Островский.

- Нет, я не издеваюсь. Просто устала и хочу спать. А у тебя все мысли, кажется, ниже пояса. Ты хоть день можешь не думать о сексе?

- Рядом с тобой не могу, – игриво улыбнулся Роман, приобняв Ольгу за талию. – И еще скажи, что ты меня не хочешь, – шепнул, обдав дыханием щеку.

Тело Ольгу снова начало предавать, едва он до нее дотронулся. Еще бы минута, и, наплевав на все законы приличия, до дома они не дотянули. К счастью, подошедший Олег отвлек их.

- У вас такие лица, что можно взять камеру и снимать порнушку, – едко заметил он.

- Завидуете, Олег Викторович, что она на вас никогда так не смотрела? – в тон ему спросил Роман.

- О боги! – не выдержала Ольга. – Мне теперь каждый день придется это слушать? У вас еще остались силы на пререкания?

- У меня на многое силы остались, – ответил Роман таким тоном, что даже неискушенная девственница поняла бы, что он имеет в виду.

- Роман Сергеевич, хотите, подвезу вас к точке, где можно снять

проституток? – дружелюбно предложил Олег.

- О, а вы, наверное, прибегаете часто к их услугам, если владеете подобной информацией?

- Какие же вы придурки... – выдохнула Ольга, поняв, что, пока эти двое не наиграются в словесный пинг-понг, слышать ее не будут.

- Просто мне кажется, – повернулся Роман к ней, – что Олег Викторович ревнует.

- А вы, Роман Сергеевич, просто в сарказме упражняетесь, да?

Не ожидая ответа, Олег развернулся, бросив Ольге:

- Жду возле машины.

Островский усмехнулся, но кулаки непроизвольно сжались. Он бы с радостью записал режиссера на прием к стоматологу при помощи пары ударов в челюсть, но не стоит уподобляться неандертальцам.

- Роман Сергеевич, – расплылась в восторженной улыбке костюмерша, не видя вокруг никого, кроме Островского. – А вам в какой район? Может, нам по дороге?

- Если и нет, то я уже вызвал такси и с удовольствием подвезу вас, – обворожительно улыбнулся тот в ответ.

Девушка даже покраснела, скромно потупив глазки, полные обожания, а Ольга усмехнулась. Он что сейчас пытается сделать, ревность вызвать? Вряд ли получится, хоть в груди и неприятно кольнуло.

- Все начинающие актрисы мечтают переспать с режиссером, а фанатки со своим кумиром, – тихо сказала она, но Роман все равно услышал и вопросительно изогнул бровь.

Ольга только сделала большим и указательным пальцем знак «окей» в ответ и почти пропела:

- Приятного вечера!

- Завтра заеду в то же время, – сказал Олег, припарковавшись во дворе.

- Ты каждый день собрался мотаться за мной? Может, не стоит? – повернулась к нему Ольга.

- Мне не трудно, – пожал он плечами.

- Спасибо, – улыбнулась она. – Пока.

Олег кивнул на прощание, подождал, пока в ее окне появится свет, и поехал домой.

Ольга устала, наверное, не столько от съемок, сколько от эмоционального напряжения. Разнимать этих двоих каждый день никаких сил не хватит. А вдруг скоро от словесных перепалок они перейдут к мордобою? Представив себе эту ситуацию, Ольга истерически рассмеялась.

- Идиотизм какой-то! – сказала сама себе.

Жизнь снова начала отдавать дешевой мелодрамой с любовным треугольником и другими банальностями жанра. Да вот только дело в том, что в фильмах выбор определяется легко, потому что кто-то обязательно оказывается отрицательным персонажем. В жизни же все неидеально, все со своими слабостями, ошибками и тараканами в голове.

Приняв душ, Ольга попыталась уснуть, но стоило только закрыть глаза, как воображение подсовывало яркие картинки, где Островский находился в объятиях костюмерши. И она не выдержала. Взяла телефон и быстро набрала текст:

«Поклонница скрасила вечер или до сих пор скрашивает? Надеюсь, не отвлекаю от процесса».

Потекли минуты. Одна, две, пять... Ольга гипнотизировала экран телефона, как будто это могло помочь быстрее дожидаться ответа. Восемь минут... И раздался долгожданный сигнал. Так ждала ответ, а теперь поняла, что боится прочитать его. В сообщении было всего одно слово:

«Ревнуешь?»

«Вот еще!»

И тишина...

Если Роман своим молчанием решил испытать ее терпение на прочность, то у него это получилось. До рассвета Ольга почти не сомкнула глаз, только иногда проваливалась в легкую дремоту, сопровождаемую яркими бестолковыми снами. Поэтому утро принесло только раздражение и помятый вид.

Все валилось из рук после бессонной ночи: пролитый кофе, ожог от утюга, новый синяк на колене на выходе из душа и тушь в глазах, вызвавшая слезы. К приезду Олега Ольга уже была накалена до предела, не зная, как выдержит сегодняшний день.

- Что-то ты неважно выглядишь, – заметил он, нахмурившись.

Ответом ему послужил вялый взмах рукой, и Ольга откинула голову на сидение, прикрыв глаза.

- Интересно... – тихо протянул Олег. – Он только два дня в городе, а ты уже выглядишь так, будто по ночам вагоны разгружаешь. Что же будет к концу съемок? Станешь напоминать привидение?

Она слышала каждое слово, но отвечать не стала. Может, так и есть? Если людям хорошо в постели, еще значит, что им будет так же хорошо вне ее. Но редкие проблески голоса разума блекли перед зовом тела, когда они с Романом находились рядом. Как же Ольге надоели эти постоянные мысли! Мысли, мысли, мысли, одни мысли, а решение так и не приходит.

- Приехали, – сказал Олег, легонько тронув ее за плечо, отчего Ольга вздрогнула и попыталась сфокусировать на нем сонный взгляд. – Тебе нужна доза двойного эспresso.

- Я утром выпила столько кофе, что меня уже тошнит.

Роман опаздывал. На пороге его застал звонок из издательства, и начались рабочие моменты: утверждение окончательного названия книги, макеты обложек, расписание презентаций... Наконец, к обеду ему удалось доехать до съемочной площадки. Костюмерша заметила его и приветливо помахала рукой, на что Роман только сдержанно улыбнулся и кивнул, продолжив искать глазами Ольгу.

Но ни ее, ни режиссера нигде не было видно. Островский опять непроизвольно сжал кулаки и тут заметил Толика.

- Здравствуйте, – перехватив его, сказал Роман и спросил: – Где Ольга?

- Они с Олегом уехали на обед, – улыбнулся помощник и выразительно посмотрел на часы. – Уже должны вернуться. Хотя я сомневаюсь, что Оля вернется, она сегодня выглядит так, что в гроб краше кладут.

- Что случилось?

Толик пожал плечами:

- Может, не выспалась, может, заболела, может, еще что... А нет, вернулась, – кивнул он в сторону входа.

Роман перевел взгляд следом и понял, о чем говорил помощник Олега. Она была бледная, почти сливалась с цветом волос, только синяки под немного стеклянными глазами выделялись, и две складки пролегли между бровей. Островский подошел к ней и, игнорируя появившегося рядом Олега, спросил:

- Что с тобой? Заболела?

«Только если тобой», – едва не ляпнула в ответ Ольга.

- Все нормально.

- Роман Сергеевич, а что это вы сегодня опоздали? – в привычном для себя тоне, которым он разговаривал исключительно с Островским, спросил Олег. – Решили все-таки вчера воспользоваться услугами доступных девушек?

- Олег Викторович, знаете, я брезгую спать с такими девушками. Утром пришлось решать неотложные дела с издательством.

Ольга уже привычно махнула на них рукой и, отойдя, чтобы их не слушать, села на свободный стул, который гримеры использовали, когда наносили актерам макияж и грим со специальным эффектом.

- Может, домой все-таки поедешь? – спросил Роман, материализовавшись через пару минут рядом с ней.

- Вы с Олегом уже закончили обмен любезностями? Что-то быстро, – и подняв на него глаза, добавила: – Просто не выспалась.

- А может, все-таки врачу покажешься, а то сильно болезненный вид у тебя. Ты, часом, от своего режиссера не залетела?

Ольга только покачала головой:

- Ты ведь всегда раньше думал, прежде чем ляпнуть какую-нибудь глупость. Что теперь изменилось? Сдерживаешь себя, не вымещая свою агрессию кулаками, так решил вымещать ее словами? Знаешь, а ведь они иногда бьют намного больше.

Роман слушал ее, поджав губы и прищулив глаза. На языке вертелся ответ, но Островский не произнес его вслух, боясь натолкнуться на стену обиды, непонимания, молчания, злости. Ему вдруг вспомнился Гибралтарский пролив... Ох уж эти творческие метафоры! Там ему однажды собственными глазами удалось увидеть границу соприкосновения Атлантического океана и Средиземного моря. И если присмотреться, то можно увидеть, как более темная вода, очерченная по неровной кайме белой пеной, пытается пробиться к более светлой, но смешаться им не надо из-за разной плотности и уровня соли. Граница была едва заметной, но она была.

Сейчас они с Ольгой напоминали именно соприкосновение этих вод, хотя раньше были водой и перманганатом калия, при совместимости смешивавшихся, давая совершенно новый раствор. А может, и тогда были неустойчивым оксидом марганца, готовым вот-вот взорваться, если не добавить в марганцовку достаточно холодную серную кислоту.

- Ты все изменила, – вдруг сказал Роман и мысленно чертыхнулся потому, что понял, что опять сказал что-то не то.

Он вроде бы и обижался и на нее, попытавшись этими словами перенести весь груз ответственности на Ольгу, но понимал, что во всем, что с ними случилось, виноваты оба. И в том, что промолчали, когда расставались впервые. И в том, что не смогли нормально говорить при следующей встрече. И даже в том, что она оказалась в постели с Олегом, тоже виноваты оба.

- Да, хорошо... Пусть во всем буду виновата я, – спокойно отозвалась Ольга и, заметив, что Роман хочет что-то сказать, прервала его: – Хватит. Тебе не кажется, что мы устаем друг от друга? Будто вампиры сосем друг у друга силы и энергию?

Она была точно уверена, что не залетела, но сейчас слова Островского ее даже не зацепили за живое, не вызвали раздражения. Вообще ничего не было.

- Извини, – сказал Роман. – Я просто...

Договорить он не успел, потому что летающий метеором по площадке Толик, который даже не мог представить, что люди решают в рабочей обстановке личные вопросы, оказался рядом с возгласом:

- Оля! Тебя Олег хочет!

Роман едва не расхохотался. Он понимал, что слова помощника режиссера не несли никакого сексуального подтекста и, возможно, только для него прозвучали двусмысленно. Но Ольга как будто поняла, о чем он думает, и, поднявшись со стула, предупреждающе ткнула пальцем в грудь:

- Не смей сейчас язвить.

- Я вообще молчу, – поднял руки Островский.

- Может, ты и мастер маскировки эмоций, но сейчас у тебя все на лице написано.

Наверное, Роману не хватало его прежней сдержанности. Он и сам это понимал, как понимал и то, что эмоции не всегда работают на руку и имеют подчас разрушительную силу. И сейчас все как раз рушилось, а не строилось.

Ольга видела, как за секунду изменился его взгляд, с лица слетела ироничная улыбка, а потом он даже другим, безэмоциональным, голосом спросил:

- Ты когда-нибудь болела ангиной? – Ольга нахмурилась, а Роман продолжил: – Вот ты сначала чувствуешь небольшой дискомфорт в горле, он вроде бы тебе не мешает, а на следующий день просыпаешься с дикой болью и не можешь ни есть, ни пить, не показав гримасу боли. И каждый заметит, как ты морщишь лоб, дергаешь щекой и кривишь губы в попытке что-нибудь проглотить, потому что это контролировать невозможно. Понимаешь, о чем я?

- Понимаю, – улыбнулась Ольга. – Но можно было это сказать менее завуалировано. Ах, да, ты же писатель! Не забудь это сравнение использовать в следующей книге. Или мне использовать в сценарии... – задумчиво, но не без иронии протянула она.

- Уже использовал.

- Хорошо, что предупредил, а то, не дай бог, засудил бы меня потом за плагиат.

- Кажется, мы вернулись к началу, – одним уголком губ улыбнулся Роман. – Может, так и стоило сделать сразу.

- Да что ты говоришь! – не выдержала Ольга. – Чтобы я снова пыталась рассмотреть человека за ледяной статуей, пока ты будешь меня нервировать и трахать, ну, или в обратном порядке, чтобы мой

острый язык был занят? Ну уж нет, мы это проходили!

- Оля! – опять появился рядом Толик.

- Иду, – ответила она и, не дав Роману ничего ответить, ушла.

Глава 25

Все изменилось... Это чувствовалось в каждом взгляде, слове, жесте на съемочной площадке.

Роман не просто становился снова сдержанным, он становился даже немного ожесточенным. Ольга все погружалась в себя, как будто угасая с каждым днем больше и больше, хоть и пыталась вести себя непринужденно, нацепив на лицо привычную, слегка ироничную улыбку. Иногда она ловила на себе задумчивые взгляды Олега, но он молчал, а она и не спрашивала. Взаимные саркастичные фразы прекратились, осталось только напряжение, ощутимое, вязкое, давившее на плечи. И это было даже хуже.

Ольга с Романом как будто чего-то ждали друг от друга, но никто ничего не делали.

Так прошла неделя... Она показалась и днем, и годом одновременно.

- Завтра не работаем, – сообщил Олег, подойдя к Ольге, которая сидела с очередным стаканчиком кофе. – Переезжаем.

Она устало кивнула и не удивилась бы даже, если переезд затянулся бы не на один день. Выездная съемка – это выходной для сценаристов, гримеров, костюмеров... Но звукотехникам, светотехникам, операторам и другим работникам, отвечающим за техническую составляющую, придется попотеть, пока будут перевозить оборудование.

- Здесь уже все? – спросила Ольга.

- С этой декорацией все снято, сейчас будут делать новую, а мы пока отснимем выездные. Организацией займется Толик, а мне пока надо кое-какими документами заняться.

- Черт!

- Что? – не понял Олег.

- Скоро же у Наташи свадьба, – сказала Ольга, покачав головой. – Забыла совсем с этими съемками.

- И не только со съемками, кажется, – произнес он тихо, а потом громче добавил: – И что?

- Мне надеть даже нечего. Да пофиг, – пожав плечами, она выбросила стаканчик из-под кофе в мусорку, поморщившись от последнего глотка.

Олег осмотрелся по сторонам и, не заметив Толика, достал из кармана телефон. Но даже не успел набрать номер, как вышеупомянутый помощник был уже возле них. Ольга усмехнулась и спросила:

- Толя, у тебя дар телепортации?

Тот вроде бы даже не понял, о чем речь, а Олег рассмеялся, отметив, что тоже не раз за ним такое замечал.

- Когда у тебя такой, – сделал Толик акцент на эпитете, закатив глаза, – начальник, то научишься быть джином, доктором Стрэнджем и обзаведешься маховиком времени, – привычно отпустил он, по его мнению, остроумную шутку и спросил: – А где сегодня наш писатель? Хотел сегодня с ним рюмочку пропустить, коль мы рано закончили.

Он переводил вопросительный взгляд с одной на другого в ожидании ответа.

- Я, что ли, живу с ним, что должен знать? – немного раздраженно бросил Олег.

Ольга вздохнула. С Островским она тоже не жила, но ответила:

- Его на какую-то передачу пригласили. На местное телевидение, так что предупредите его об изменениях места съемок.

- Сделаю, – отчеканил Толик. Вот человек-живчик, успевал все, везде и всегда. Как будто только на энергетиках и сидел, при этом забывая про сон и еду.

Олег протянул Ольге руку и с улыбкой сказал:

- Поехали.

Она проигнорировала протянутую ладонь, но в ответ улыбнулась тоже.

- Куда мы едем? – спросила Ольга через минут пятнадцать, заметив, что на одном из перекрестков машина повернула не в ту сторону.

Олег лишь загадочно скосил на нее глаза, но промолчал.

- Олег!!! – повысила она голос.

- Да не ори ты, почти приехали, – отозвался он и через минуту свернул к торговому центру.

- А сюда-то зачем? Может, я в машине подожду? – страдальчески простонала Ольга.

Олег повернулся к ней, подавшись вперед, наверное, слишком близко, положив одну руку на руль, а вторую – на ее сидение. Секундно пробежал глазами по ее лицу со странным выражением и расплылся в улыбке:

- Впервые вижу женщину, которая ненавидит шопинг.

- Впервые вижу мужчину, который его любит, – не осталась в долгу Ольга, мгновенно расслабившись, когда поняла, что он не делает никаких поползновений в ее сторону.

- Мне надо договориться о съемках с администрацией. Думаю, лишняя реклама им не помешает, – пояснил Олег. – Идем.

Ольга пожала плечами и вышла. Этот район был ей знаком, слишком знаком. То и дело она старалась не поворачивать голову вправо – торговый центр располагался на небольшом пригорке, так что ближайшие улицы были видны как на ладони – там, едва заметным пятном, виднелся дом, который вызывал как приятные, так и болезненные воспоминания. Не сдержалась. Застыла, глядя на казавшийся отсюда маленький прямоугольник окна. В той квартире все началось, и события последних месяцев пронесли перед глазами: прокуренная кухня, последняя точка в сценарии, скрип старой кровати, его отъезд, беременность, больничный кабинет с непонятными железными приборами, Сибирь, Олег, съемки...

Несколько месяцев, а казалось, что целая жизнь.

- Оля!

Она повернулась и натолкнулась на ничего не понимающего Олега.

- Куда ты засмотрелась? – спросил он.

- Красиво... – протянула Ольга, вновь посмотрев на дома.
- Что именно? Старый район, бетон и кирпич, асфальт и пыль?
- Нет... Представь, за каждым окном кто-то есть, у каждого своя история, свои проблемы, мечты...

Олег стал перед ней, загородив обзор на городской муравейник, и взял за плечи обеими руками, заставив поднять голову и посмотреть ему в глаза.

- Ты что-то стала много думать о чем-то, но о себе ты подумать не хочешь. Островский не просто так приехал на съемки, и ты это сама прекрасно понимаешь, но ничего не делаешь.
- Что? Что мне надо сделать? – тихо, без истерических ноток, как будто в поисках поддержки спросила Ольга.

Грустно улыбнувшись, Олег отпустил ее и ответил:

- Только тебе это решать.

Он был прав – никому не решить эту дилемму и ни на чьи плечи не стоит перекладывать ответственность. Раньше удавалось со всем справляться самой, так будет и в этот раз. За каждое решение придется расплачиваться самой, за свой выбор и за свои желания.

- Идем, – сказала Ольга и, просто вроде бы взяв Олега легонько за локоть в жесте «направить», почувствовала, как он, перехватив ее запястье второй рукой, устроил его поудобнее и прижал к себе.

Ольга немного нервно осмотрелась по сторонам и услышала смешок, за которым последовал вопрос:

- Боишься, что твой писака где-то поблизости околачивается и увидит нас под ручку. Это не Москва, конечно, – сделал Олег паузу, – но и не деревня, так что не переживай.

Молчать Ольга научилась, поэтому и промолчала. Проще пройти с ним под руку пару метров до входа, чем раздувать бессмысленные споры, говорить ненужные и только убивающие время слова, переливать снова из пустого в порожнее.

Так они и дошли до инфоцентра, где Олег у почти растаявших от его взглядов девушек спросил, где находится администрация. Они направили на третий этаж, едва не нарисовав карту торгового центра. Одна даже порывалась довести до пункта назначения, заявив, что

знает Олега, точнее его фильмы.

Ольга только улыбалась, стоя рядом и понимая при этом, что ревнивым женщинам с известными людьми связываться не стоит. Но даже сейчас, пока девушка с инфоцентра откровенно заигрывала с Олегом, что-то в груди кольнуло.

«Ну я же не могу ревновать их обоих», – подумала Ольга.

Она вообще раньше никогда и никого не ревновала. Ей это казалось безумием, чувством собственности, неполноценности и, в целом, полным идиотизмом. Если человек не любит – не заставишь, поэтому ревновать нет смысла.

Да и сейчас Ольга не могла позволить себе такой роскоши. И Роман, и Олег, что бы их с ней не связывало, были свободными людьми. Один мог спокойно трахаться с костюмершей, другой – с работницей инфоцентра.

- Что так смотришь? – спросил Олег в лифте.

Ольга, сама не понимая своего порыва, одновременно обе руки запустила в карманы его брюк и из одного выудила маленький кусочек бумаги с номером телефона.

- Я-то думал, что на что-то другое целишься, а ты, оказывается, по девушкам пошла, – не пытался даже Олег скрыть иронию.

Двери лифта открылись, но долгожданная свобода так для Ольги и не наступила. С каждой секундой она запутывалась все больше. Мысли, постоянно вертевшиеся в голове, не давали освобождения, а только больше запутывали.

- Я не пойду с тобой, – сказала Ольга возле кабинета администрации, – пройду по магазинчикам здесь. Уверена, там сидят одни дамы, а без меня ты быстрее их очаруешь.

Олег поднял брови и улыбнулся:

- Прозвучало так, будто ты ревнуешь.

- Иди, – кивнула Ольга на дверь и целенаправленно двинулась к магазину одежды, где ей на самом деле-то ничего и не надо было, но продолжать разговор о ревности хотелось еще меньше.

Она без энтузиазма переходила от одного магазина к другому, в

каждом из которых улыбочивые консультанты предлагали свою помощь. Ольга вежливо отказывалась, обходила зал по кругу и заходила в следующий магазин, чтобы просто убить время. Через минут пятнадцать от лицезрения пальто, стоимость которого превышала среднюю месячную зарплату, ее отвлек веселенький мотивчик телефона. Ольга посмотрела на экран и подумала, что надо бы поставить на него отдельную мелодию. Песня «Рома, Рома, Роман...» вполне бы подошла.

- Да, – ответила она.

- Ты где? – спросил Островский, забыв поздороваться.

- По магазинам хожу.

- Говори адрес, я сейчас подъеду.

- Не надо! – слишком громко и немного испуганно ответила Ольга.

В трубке воцарилось молчание.

- Даже догадываюсь, с кем ты ходишь по магазинам, что так не желаешь, чтобы я к тебе присоединился, – наконец довольно холодно, без капли сарказма проанализировал Роман ее последнюю реплику.

- Послушай, Олегу просто надо было сюда, чтобы договориться с администрацией по поводу съемок, а мне... Мне надо купить платье на свадьбу, – быстро нашлась она.

Легкий смешок в трубке и замечание:

- Надеюсь, не на вашу. Перезвоню позже.

И отключился, забыв еще и попрощаться. Ольга раздраженно закинула телефон в сумку и осмотрелась по сторонам. Снимают же женщины как-то шоппингом стресс, может, тоже получится.

На ловца и зверь бежит, как говорится. В витрине магазина напротив были выставлены вечерние платья на любой вкус и цвет. Ценник, конечно, кусался, но Ольга решила сегодня на него не смотреть. Скучающие в небольшом зале девушки мигом оживились при ее появлении и провели допрос о пожеланиях, а потом начали выдвигать предложения. Но... В одном не нравился фасон, в другом он был отличным, но не нравился цвет. Ну вот... Шоппинг и тот не удался.

- А вот это? – спросила уже отчаявшаяся консультант.

- Да!

Вот так иногда кто-то влюбляется в мужчин с первого взгляда, кто-то – в туфли, а Ольга в это платье. Кремовый верх, под грудью градиентом переходивший в черный цвет, а от колена наоборот. Свободная шифоновая юбка в пол, широкие бретельки на плечах, небольшое декольте и закрытая спина, а самое главное – никакой блестящей мишуры в виде страз и пайеток.

Только Ольга зашла в примерочную кабинку, как снова затрезвонил телефон. Олег.

- Ты уже договорился? – спросила она.

- Да, меня даже угостили кофе. Ты где?

- Магазин вечерних платьев, черт, забыла, как называется. Там в витрине еще платье кислотно-розового цвета, не перепутаешь.

- Сейчас буду.

Ольга расстегивала небольшой замок на еще не надетом платье, когда шторка кабинки отодвинулась и показалась голова Олега.

- Ку-ку.

- Обалдел, что ли? Ничего, что я в нижнем белье? – Ольга попыталась инстинктивно прикрыть оголенные части тела, на что Олег закатил глаза:

- Ничего, что я тебя видел даже без белья? Ладно, ухожу, ухожу, – весело сказал он. – Одевайся.

Одеться-то Ольга оделась, но вот с замком справиться до конца не смогла. Выглянула из примерочной, чтобы найти кого-то из продавцов, но, видимо, Олег всех отправил восвояси, потому что в одиночестве стоял около соседней кабинки.

- Помоги застегнуть, – попросила Ольга.

Он кивнул и зашел следом за ней. Потянул вверх замок, зачем-то положив вторую руку на талию. Делал все медленно, то и дело касаясь спины.

- Боюсь сломать, – пояснил он.

- Ну конечно, – усмехнулась Ольга и поймала его взгляд в зеркале, тянувшемся до пола на одной из стен.

- Ты великолепна, – сказал Олег тихо, так и не убрав руки – одну с талии, другу со спины.

- Не надо...

Они смотрели друг на друга через зеркальную поверхность, и Ольга действительно читала в его взгляде восхищение, он же видел только испуг и растерянность. Резко убрав руки и спросил:

- Тебе нравится?

- Очень, – искренне ответила она, наконец выдохнув после напряженного момента.

Олег потянул замок обратно вниз и вышел. Ольга сняла платье, которое тут же приняла подошедшая девушка-консультант, и оделась. На кассе ее ждал уже расплатившийся Олег с фирменным пакетом. Сейчас промолчать, нечего закатывать финансовый скандал в магазине...

Но едва захлопнулась дверь машины, как Ольга достала кошелек, выгребла из него всю наличку и протянула Олегу со словами:

- Остальное буду должна.

Он посмотрел на нее сразу удивленно, потом удрученно покачал головой, а следом рассмеялся:

- Я даже представил, какие мысли бродят сейчас в твоей светлой голове. Я не пытаюсь тебя купить или сделать чем-то мне обязанной. Если бы не хотел, не делал бы. Считаю это подарком ко Дню рождения и убери деньги. Оль, я серьезно. Ты стала какая-то нервная, все неправильно понимаешь, ищешь где-то подвохи. Неужели ты меня настолько плохо знаешь?

Ольга замолчала. Эмоции лишние, когда дело доходит до разумных доводов.

- Тогда, – она погрозила Олегу пальцем, – никакого неподъемного букета на День рождения.

Он кивнул и завел мотор. Букеты из непременно бордовых роз доставляли Ольге каждый год с момента их расставания в один и тот же день. Сколько раз она просила не тратиться на огромные веники, Олег только соглашался, но все равно делал по-своему. Количество цветов всегда совпадало с возрастом, а на четные даты шло дополнение в виде одной розы другого цвета. Прямо в середине

букета.

- На кофе напрашиваться не буду, потому что жутко хочу спать, – сказал Олег, когда они въехали во двор.

- Я тоже, поэтому и не приглашаю. Еще раз спасибо.

Он наклонился к Ольге, и она вжалась в кресло, схватившись за спасительную ручку.

- С каких пор в щеку тебя уже целовать нельзя?

Олег отодвинулся обратно, дав понять, что это был риторический вопрос.

- Пока, – сказала она и, не дожидаясь ответа, вышла из машины.

И снова привычная вечерняя схема: душ, ужин и диван. Но сегодня она дала сбой из-за звонка домофона, едва Ольга успела покинуть ванную.

- Кто? – устало спросила в трубку.

- Открывай.

Она прислонилась головой к стене. Ожидала обещанного звонка по телефону, но никак не думала, что Роман снова приедет к ней без приглашения. Нажала кнопку, открыла дверь, ждала... Вроде бы спокойно, но пульс стучал в висках, на нервной системе можно играть, как на гитаре, но в то же время усталость не давала должного эмоционального подъема.

Она так и стояла, задумавшись, около двери, пока вошедший Роман не отодвинул ее вглубь коридора, а Ольга не спросила:

- Ты зачем пришел? На секс нет сил, так что можешь позвонить костюмерше.

Островский проигнорировал ее сарказм и сказал:

- Тебе не кажется, что пришла пора поговорить? Поговорить серьезно и что-то решить.

- А это обязательно делать сейчас?

- Обязательно, – кивнул Роман. – Хватит бегать от себя самих и друг от друга.

- Ты прав, пожалуй. Нет, ты однозначно прав, – решительно сказала Ольга.

- Только оденься, – окинув ее взглядом, попросил Островский. – Если останешься в таком виде, то разговора не получится.

Он отвернулся, пытаясь стряхнуть с себя накатившее возбуждение. Надо же было прийти в тот момент, когда она только вышла из душа, стояла в одном полотенце на, наверное, голое тело – это хотелось проверить. И даже оставшаяся на плече капелька выглядела чертовски сексуально. Роман то и дело старался думать о том, что хотел ей сказать, но мысли все равно возвращались к голым плечам. Ольга была для него феромоном, но этого явно недостаточно, потому что человеческие чувства гораздо сложнее отношений животных.

Через пару минут она вышла из ванной уже в одежде и сказала:

- Говори.

- Давай что-то решать с нашими отношениями.

- Давай.

Роман так грохнул кулаком о стол, что Ольга начала переживать, как бы стеклянная поверхность не рассыпалась на осколки.

- Это твоя защитная реакция? – уже не скрывая раздражения, спросил Островский. – Мне взять тебя в охапку и просто увезти подальше от твоего режиссера? Нет, так не пойдет. Ты опять обвинишь меня в том, что я не дал тебе права выбора. Так вот я тебе его даю. Но ты упорно не хочешь ничего решать.

- Роман! – тоже повысила голос Ольга. – Что ты хочешь от меня услышать? Я не верю в то, что наши отношения протянут достаточно долго, если мы станем сосуществовать под одной крышей. Представь, мы будем видеть друг друга каждый день, а трахаться двадцать четыре часа в сутки невозможно. И что мы станем делать, если даже поговорить нормально не можем?

- Зато я смотрю, с Самойловым тебе всегда есть чем заняться, да?

- Боже, Островский, какой придурок!!! Что ж он тебе так покоя не дает? Знаешь, мне кажется не из-за большой любви ко мне, а из-за собственного задетого эго, самовлюбленный ты идиот. И ты всегда... Всегда будешь мне напоминать о нем, ты не примешь уже свершившийся факт, который изменить невозможно. Нельзя

переиграть жизнь.

Слишком много эмоций одновременно, Роман к такому не привык.

- Да ты просто ищешь себе оправдания! – как можно спокойнее попытался сказать он. И тут же возле правого уха просвистела чашка и с грохотом врезалась в стену, рассыпавшись на кусочки. – С ума сошла? – рывкнул он, когда Ольга уже потянулась за следующей.

Новая порция осколков осыпала Романа – чашка разбилась прямо у него над головой. Заметив, что останавливаться Ольга не собирается и готова перебить всю посуду, он в мгновение ока подлетел к ней и перехватил запястья, сказав:

- Да прекрати ты истерику!

Несмотря на сковавшие движения руки Островского, Ольга не оставляла попыток заехать ему чашкой в лоб. Да, это была самая настоящая истерика. Слишком много копилось-копилось и наконец вырвалось наружу. Ольга попыталась пустить в ход ноги, ударила Романа по колену, на что он слегка поморщился, но не отпустил, только, навалившись всем телом, прижал к раковине, не оставив маневра для нового удара. Ольга все-таки разбила чашку, просто выпустив ее рук на пол, и заорала:

- Убери от меня руки!

А вот этого он уже сделать не мог. Роман обычно ровно относился к истерикам: слушал вопли, спокойно кивал, молчал, и все быстро заканчивалось. Успокаивать он не умел, не приходилось раньше. Но сейчас как будто тоже потерял контроль, почувствовал, как кровь ударила в голову, и вместо того, чтобы просто засунуть ее голову под кран с холодной водой, переместил одну руку ей на затылок и поцеловал, только усугубив ситуацию.

Ольга начала брыкаться еще больше. Свободной рукой попыталась сначала оттолкнуть, на что сил не хватило, потом ногтями вцепилась в шею, на что Островский еще сильнее сдавил ее затылок, и наконец, не придумав ничего лучше, укусила его за губу. Человеческий инстинкт отодвигаться от источника боли был все-таки в этот момент слабее того инстинкта, который двигал Романом. Ольга чувствовала вкус крови во рту, чувствовала ее липкость на подбородке и тоненькую струйку, стекавшую по шее на грудь, но Островского это, казалось, совсем не отвлекало.

Он отстранился неожиданно... Приложил тыльную сторону ладони к губам и спросил:

- Да что с нами не так?

Ольга ничего не ответила, отвернувшись, включив воду, и с остервенением начала смывать с себя пятна крови. Роман последовал ее примеру, только занял ванную. Сейчас он не знал, что делать, что сказать. Опять. Он пытался оставить эмоции, пытался думать, взвешивать, анализировать, но, видимо, эта химия не подчинялась никаким стереотипам, ломала шаблоны, притягивала тела, но затмевала разум. В тот момент, когда она дергалась в его руках, он просто ее хотел... Безумно, по-животному, дико. Что может быть еще более патологическим во влечении? Роман себя чувствовал себя долбанным извращенцем, но спасало от похода к психотерапевту его только то, что эту женщину он хотел всегда, везде и при любых обстоятельствах.

- Островский! – выпалила Ольга, открыв дверь ванной. – Пошел вон!

- Ты повторяешься, – повернулся к ней Роман и добавил: – Мы можем все-таки спокойно поговорить?

Он умел быстро брать себя в руки, но так же быстро и выходил из себя. Даже сейчас, такую разъяренную, бешеную и готовую вот-вот взорваться, он ее хотел. Но свое либидо пришлось отодвинуть.

- Что ты еще от меня хочешь? – Ольга так и не успокоилась. – Все еще хочешь строить отношения с истеричкой?

Она сделала шаг назад, когда Роман сделал шаг вперед и закрыл дверь ванной. Все тот же коридор, только в другой квартире. Так все начиналось...

- Мы же действительно убиваем друг друга, делаем себя на себя непохожими. Мы можем трахаться, но только подумай, что нам придется еще что-то делать, куда-то выходить, – говорила Ольга, пока Островский наступал на нее.

- Ты мне сейчас что пытаешься сказать? – спросил он, когда она почти вжалась в стену. – Что мы не сможем быть вместе? Почему же сначала все было идеально?

- Наверное... – запнулась. – Тогда все было по-другому. Ты поставил

свои условия, я их приняла.

- Почему?.. – Роман обхватил ее лицо ладонями. – Почему мы сразу не сказали о чувствах? Все бы было по-другому...

Ольга чувствовала, как из нее рвутся рыдания, беззвучные, но очень эмоциональные, поэтому ее голос и сорвался, когда она заговорила:

- Мы слишком разные, но в то же время такие одинаковые. Если бы...

Это «если бы» могло решить многие проблемы не только в их отношениях. Но это было тем, что французы называют остроумием на лестнице, а по-русски «крепки задним умом». Да, все можно было изменить, если бы тогда они не промолчали.

- Почему мы тогда не сказали друг другу ничего? – Роман провел рукой по ее лицу.

- Потому что мы поставили границы и не пересекали их.

- И что мы сейчас станем делать?

- А какие предложения?

Предложения? Какие могут быть предложения?

Вот вроде и хотели люди быть вместе, и даже предпринимали какие-то попытки, пусть и не совсем удачные, но находили идеальные точки соприкосновения только в сексе и работе.

- Я тебе предложил уже все, что мог, в прошлый раз, – наконец сказал Роман.

- Тогда обстоятельства были другие. И скорее ты предлагал, потому что так надо, а не потому, что ты так хотел на самом деле.

Он рассмеялся – смех с нотками горечи. Снова прошел на кухню, нашел одну из уцелевших чашек и, налив воды, сделал несколько больших глотков. Ольга, пройдя следом, в недоумении на него посмотрела, не понимая причину такого веселья.

- Ты такая дура! – не выдержал он. – И не смей в меня снова запускать посуду, – предупредил, заметив, как изменился ее взгляд. – Тебе же самой проще поверить в то, что все мои слова были из-за твоей беременности. Но ты хоть раз подумала, что я мог просто уехать, сменить адрес и номер телефона, а не искать тебя по всему

городу. О! Заметь, и найти рыдающей на плече у бывшего.

- Ты опять? – Ольга схватила пустую сахарницу со стола и запустила в Островского, она приземлилась в раковину и не разбилась. Она не понимала, чего он добивается постоянными упоминаниями Олега. Чтобы она чувствовала себя виноватой? – Ты вообще женат!

Роман довольно улыбнулся:

- Уже нет.

Лучшая защита – нападение, он это понимал. Так что крыть Ольге уже было нечем, но и он зря при каждом удобном случае вспоминал про Олега.

- Поздравляю, – сказала Ольга и, наклонившись, начала собирать большие осколки. Опять попытка сбежать, абстрагироваться от разговора.

Ей было страшно. Пугала и зависимость от Островского, и возможный шаг в неизвестность. Но одно усвоила – любовь делает людей слабыми. До знакомства с ним она была уверена, что подобная проблема отношений ее никогда не коснется, но, видимо, вселенная решила преподать урок.

Она выбросила осколки в мусорное ведро и посмотрела на Романа. Он молчал и просто наблюдал за ней. Его не меньше пугала сложившаяся ситуация, но он был готов хотя бы попробовать. И попробовать только с ней. Но Ольга упорно сопротивлялась.

- Выбить бы из твоей головы всю дурность, которая мешает думать в правильном направлении. У тебя на лице написаны все сомнения и страхи.

- Насколько я помню, у тебя есть лишь один способ... – запнулась Ольга, и вся ирония, сквозившая в последних словах, сдулась, когда увидела, как Роман поставил чашку и начал медленно к ней подходить. – Нет!!!

Она попыталась снова что-нибудь найти, чтобы запустить в него, но Островский оказался проворнее и схватил ее за руку, притянув к себе.

- Опять ты брыкаешься.

Хватка была железной. Ольга пыталась сбросить его руки, била по груди, по лицу. Роман понял, что сейчас начнется новая истерика, и сам начал закипать. Мелькнула на секунду мысль, что, возможно,

Ольга и права. Слишком эмоционально нестабильны их отношения, слишком все трудно, слишком непонятно. Но разве с проблемами люди не справляются вместе? Хотя для начала они разговаривают, а разговоры пока давались слабо.

- Опять ты думаешь о сексе! Отпусти меня!

- Зато представь, каким умопомрачительным он сейчас может получиться.

- Ты извращенец!

Роман помнил, что ему нельзя выходить из себя, но ее постоянные уходы от ответов, ее нежелание что-то делать довели до белого каления. Он развернул Ольгу спиной к себе, продолжая удерживать, перехватив за живот.

- Что ты делаешь? – спросила она немного испуганно, как будто действительно не могла поверить, что Островский сейчас нацелен на секс, хоть и чувствовала это, так как прижимал он ее довольно сильно.

Вторая рука перехватила горло, и Роман ответил ей в самое ухо:

- А ты не догадываешься? – а потом прикусил мочку. Рука скользнула от шеи по груди и вот уже почти добралась до края шортов, когда Ольга поняла, что хватка ослабла, и вырвалась из нее.

- Да пошел ты со своей шоковой терапией!

Она его хотела тоже, до пресловутой дрожи в коленках, бабочек в животе и покалывания на кончиках пальцев, но не так. Видимо, гормоны в этот раз проиграли голосу разума.

- Я тебе говорил, – жестко отчеканил Роман, – если уйду, то навсегда.

- Ну и катись! – Ольга поняла, что сказала, только когда слова уже повисли в воздухе. И она увидела, как на секунду в его взгляде появилась растерянность, потом боль, и глаза вновь стали холодными. Он ждал полминуты, как будто давал ей время передумать, понимая, что за нее говорили эмоции.

Но Ольга молчала. Она хотела сказать многое, но слова застревали в горле.

- Не эти три слова я хотел от тебя услышать. Прощай, – бросил Островский и уверенным шагом вышел в коридор. Ему было больно,

но он понял, что это конец. Она больше не скажет ни слова.

Он ушел. Навсегда ушел. Осознание этого остро пронзило мозг, слезы потекли по щекам, и Ольга поняла, что совершила огромную глупость. Сейчас она готова была сказать ему эти три слова. В голове только билась мысль: «Остановить!». Но острый неубранный осколок впился как раз посередине стопы, заставив Ольгу осесть на пол, как будто само провидение было против.

Она прислонилась спиной к стене, глядя на капающую на светлый пол кровь, и сказала в пустоту:

- И если навсегда, то навсегда прощай.

Эпилог

Холодный осенний ветер срывал листья с деревьев и скуривал сигарету вместо Ольги. Последний съемочный день как всегда принес немного грусти, но окончание именно этих съемок как будто разорвало последнюю нить, связывавшую ее с Островским.

Сколько времени прошло с их последней встречи... Он больше не появлялся на площадке, а телефон постоянно был недоступен. Когда эмоции отошли на второй план, она не раз пыталась дозвониться до него, но все было бесполезно. Ольга поняла, что он все для себя решил. Он знал цену слов, поэтому никогда не бросал их на ветер. Если «прощай», значит «прощай». Никаких запятых и многоточий, только жирная-жирная точка.

Ольга была готова, на самом деле всегда была, но опоздала. Да, она понимала, что «долго и счастливо» в жизни не бывает, и им с Романом пришлось бы пройти тернистый путь, но, возможно, они бы справились. Никто не даст гарантии, что все бы получилось, но, не попробовав, не узнаешь.

Она надеялась, что боль уйдет, как это бывало с Наташей. Но она лишь немного притупилась, стала сродни хроническому заболеванию, у которого временами случались обострения. Ольга срослась с этой болью, научилась ее прятать от окружающих. Даже Олег, который, казалось, ее хорошо знал, ничего не замечал, а, может, просто делал вид.

Ночами мучили кошмары, панические атаки, и Ольга просыпалась в слезах, понимая, что расшатала свою нервную систему донельзя. Так

продолжать невозможно, а то немудрено и до невроза себя довести. Потеря осознается в полной мере, когда становится потерей...

- Поехали, – сказал Олег, подойдя к ней.

Ольга молча подошла к машине, молчала всю дорогу и только возле дома спросила:

- Когда ты уезжаешь?

- Через неделю.

- А монтаж? – удивилась она. Не думала, что так скоро.

- Толик займется, меня ждут дела поважнее. Не надумала присоединиться?

Ольга неопределенно пожала плечами. Может, это было выходом: новый город, уход в работу. Один раз она уже пыталась сбежать, только тогда она бежала от Островского.

«Добегалась, вместо того чтобы что-то делать».

Теперь же от чего бежать? От себя? От своей боли? Нет, часть себя не оставишь здесь. Почему она не хотела уезжать? Надежда... Она не просто умирает последней, она бессмертна. Даже если понимаешь, что это конец, продолжаешь какой-то крупницей воображения надеяться, что он вернется. Ждешь. Мечты губительны.

- Поехали, – вдруг сказала она. – Только мне надо найти жилье.

- У моего дяди там есть квартира, которую он сейчас сдает. Но через неделю она как раз освободиться, так что он любезно разрешил там пожить.

- Ты мне предлагаешь жить с тобой? – Ольга немного растерялась.

- Я не предлагаю тебе со мной спать, рожать детей и готовить ужин по вечерам. Просто работать. Твой сценарий, – выдохнул он, вспомнив, как хорошо были прописаны персонажи, их действия и эмоции, – мы там и реализуем. И ты мне для этого нужна, потому что только ты сможешь понять, насколько достоверно все снято и сыграно.

Время идет быстро, и оно беспощадно. Роман, едва вернувшись домой, просто выбросил сим-карту. Опять эмоции. Он был готов

нарушить данное слово после одного только звонка, поэтому не хотел знать, звонила ли она ему.

Он и сам не раз порывался позвонить, вернуться, но не смог. Он не знал, ждет ли она, сожалеет ли о том, что сказала. Жаль, что их историю нельзя переписать, как роман, заставив героев действовать правильно. Правильно для кого?

Сейчас просто надо было думать... В мыслях и была его проблема. От них раскалывалась голова.

«Я не должен был уходить».

Жаль, что иногда очевидные факты посещают голову слишком поздно. Станные существа люди... Постоянно боятся чувств, не могут их озвучить в страхе быть отвергнутыми, молчат. Как много значат слова для людей! А если бы они не умели говорить? Было бы все по-другому: читали по взглядам, судили по поступкам. Но слова значат гораздо больше, поэтому бессмысленные разговоры вылились в скомканное расставание.

Они не ненавидели друг друга, скорее были благодарны, потому что разбудили друг в друге какие-то скрытые качества. Помогли друг другу найти что-то недостающее в себе. Путь это был сложный путь, болезненный... Но иногда у судьбы совсем другие планы, и все случайности неслучайны...

Конец первой части!

Часть 2 Глава 1

Ольга поняла, что огонь и вода, на которые, по мнению многих, можно смотреть бесконечно, не идут ни в какое сравнение с тем, на что она смотрела сейчас. Уже час или даже больше, время шло незаметно.

Тихое сопение сопровождалось периодически прищмокивающими губками и дерганьем маленьких ручек, лежавших параллельно друг другу по обе стороны маленькой головы с темными коротенькими волосами. И вдруг ножки поднимаются, а потом снова резко опускаются на матрас. Раздается тихое побряхтывание, открываются голубые сонные глазки и неосмысленно смотрят на Ольгу. А через

пару минут беззубая улыбка озаряет маленькое личико, ручки начинают стучать по матрасу, а изо рта вместе с непонятными звуками вылезают пузыри.

Ольга протянула руки и с некой опаской взяла этого маленького человека на руки. Этот запах... Именно он, наверное, стал последней каплей, так что слезы резко покатались по щекам. Девочка радостно заливалась смехом, цепляя пальчиками светлые волосы, хлопая ладошками по лицу.

- Викуля, – подошла Наташа и забрала ребенка. – Ты решила тете Оле все волосы повырывать? А с тобой что?

- Ничего, – улыбнулась Ольга, смахивая слезы со щек. – Расчувствовалась.

- Это верный признак того, что пора своих детей рожать, – глубокомысленно изрекла подруга. – Вы планируете? – уже осторожнее спросила.

Ольга отрицательно покачала головой и сказала:

- Много работы, чужая квартира в чужом городе, ненормированный график... Какие дети?

- Было бы желание. Но это ваше дело. Так что идем кофе пить, расскажешь, как там в Москве.

Уверенно, совсем не так, как недавно это делала Ольга, Наташа одновременно держала ребенка и управлялась с посудой, пресекая все предложения помочь. Говорили они почти до самой ночи, но Ольга в основном рассказывала про работу, московский ритм и свои впечатления от этого бешеного города. Наташа же про семейную жизнь, бессонные ночи и прелести материнства.

- Когда ты возвращаешься обратно?

- Завтра вечером, – ответила Ольга и посмотрела на часы. – Пойду я уже.

- Может, останешься? Андрей в рейсе, комната свободна.

- Нет, у меня же недалеко есть собственная квартира.

Она и хотела вернуться в эту квартиру и не хотела туда возвращаться. Слишком много воспоминаний хранило это место. Воспоминаний и приятных, и болезненных. Их хотелось освежить в своей памяти,

чтобы понять, что еще не потеряна способность чувствовать. Но и не хотелось тоже, потому что слишком яркими были воспоминания о том, что чувства могут принести и как из-за них можно стать обнаженным нервом.

Жизнь проходила очень быстро, но каждый день за почти целый год казался Ольге потерянным. Сегодня она приехала сюда не просто так. Сегодня была годовщина их знакомства. Ноги сами принесли к ее подъезду того дома, где когда-то все началось, точнее привезла машина такси. В окнах горел свет. Может, там начинается очередной служебный роман? А может, там уже живет счастливая семейная пара? Но может быть и так, что кто-то в одиночестве коротает этот вечер.

Ольга смотрела в светившийся прямоугольник, как будто пыталась там найти что-то, что ей могло помочь. Но никаких ответов там не было – все в голове, в сердце.

Телефонный звонок оторвал ее от попытки подсмотреть за чужой жизнью. Она достала телефон и ответила:

- Да.
- Привет, – устало произнес Олег.
- Привет, – отозвалась Ольга.
- Как дела?
- Нормально. Иду от Наташи, – впервые соврала она ему.
- Вернешься когда? Как и планировала?
- Да. Как монтаж?
- Почти закончил. Спокойной ночи. Я скучаю.
- Я тоже. Спокойной.

Почему именно сейчас он позвонил? Не мог чуть позже, чтобы не пришлось врать? Ольга по привычке начала вертеть обручальное кольцо на пальце. Сейчас оно как будто жгло кожу, передавливало сосуды, ломало кость, напоминая о том, что негоже замужней женщине думать о другом мужчине.

...Все было закономерно. Они, двое вроде как бывших любовников, жили под одной крышей в городе, где знали только друг друга. Поначалу жили как соседи, но со временем все становилось по-другому. Все кроется в мелочах... И эти мелочи, свернувшиеся в один клубок, решили все. Да, это было закономерно и... удобно, что ли. Она прекрасно понимала, что у Олега были женщины, и даже предлагала освободить квартиру, чтобы не мешать, но он только отмахивался. Он же видел, как она до сих пор пытается справиться со своей любовью к Островскому.

Иногда свободными вечерами они просто сидели на кухне и говорили. Говорили, переводя литры чая или алкоголя, поддерживали друг друга. Ольга любила его, она это понимала, но другой любовью. Не так, как любила Романа. Да и вряд ли уже кого-то сможет полюбить так, как любила... Нет, любит «гения пера».

Так что все было закономерно...

Ольга бросила последний взгляд на окно, вспомнив отчетливо скрип кровати, протекающий кран, рисунок обоев, где остались следы ее ногтей, – все это так ярко пронеслось в голове, как будто было вчера.

- Как же мы это все упустили? – тихо сказала и, отвернувшись, пошла прочь от сосредоточения источника своей боли и своего ускользнувшего счастья.

А кто знает, было бы это счастьем или стало бы неудачей? Уже ответ не узнать.

Роман сразу давал понять, что именно его интересует. Но эта немного недалекая девушка была слишком настойчивой. Она пыталась с ним говорить, но это было неинтересно, потом пыталась спрашивать, но мало что понимала из того, что говорил ей Островский.

«Блондинка, одним словом», – подумал Роман, когда она в очередной раз появилась на пороге его квартиры. – «Нет, это все-таки не зависит от цвета волос».

Снова перед глазами возник образ той блондинки, у которой не было пустоты в глазах, у которой было серое вещество в голове и тонна обаяния. У этой, стоявшей на пороге, было лишь красивое тело и симпатичная мордашка.

- Рома... – томным голосом протянула девушка, а Островский подумал, как его угораздило связаться с ней. Переизбыток тестостерона, которому не было выхода? Попытка избавиться от навязчивого образа?

Ничего не помогало. Но он ушел, она отпустила...

Роман улыбнулся и наигранно печальным тоном сказал:

- Извини. Мне надо уезжать.

- Куда ты? – удивилась девушка, сексуально поправив декольте.

Это не возымело на Островского никакого эффекта. Пафосно. Ненатурально. На один раз.

- В Москву, у меня там дела по работе.

Утро наступило в пять часов, как это обычно бывало в последнее время. Только сейчас не было спящего рядом Олега. Ольга вдруг потянулась к телефону и набрала номер, который давно был вне зоны доступа. Странно, что его еще не отдали другому абоненту... И вновь только механический голос.

Утром был запланированный, но не особо желаемый поход к матери. Ольга боялась... Боялась опять себя почувствовать маленькой закомплексованной девочкой. Но она уверенно нажала на звонок и через несколько секунд услышала, как открывается дверь.

- Оля...

- Привет, мама.

Переступив порог квартиры, в которой когда-то выросла, Ольга попыталась улыбнуться. Не было никогда, не будет уже, наверное, этого детско-родительского единения.

- Ну что, все-таки твой режиссер? – спросила Галина, кивнув на кольцо, когда они устроились на кухне.

- Мама...

- Оленька, – мать положила руку ей на лицо. – Ты счастлива?

А что такое счастье? То, что принимается, или то, что создается? И сейчас непонятный порыв матери не казался театральным, он казался именно тем жестом, когда твой ребенок наконец-то становится в

глазах чем-то... стоящим. Ольге это показалось до боли обидным. Как будто единственная цель женщины – выйти замуж. До этого момента она была для матери никем, теперь хоть стала полноправным членом общества.

- Да, мама, все нормально.

Ольга не могла рассказать ей всего, не могла поделиться тем, что терзало.

- Ольга, – сурово позвала мать, грохнув чайник на плиту. – Не делай себя несчастнее меня. Что бы то ни было, как бы я не ненавидела твоего отца, но я не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу. Когда отец ушел, я осталась разбитая с маленьким ребенком, и да, этот ребенок казался мне обузой. Представь, тебе было десять, когда мне было двадцать девять, это как тебе сейчас... Оля, я любила тебя так, как умела... Ты родилась, когда мне было девятнадцать. Я сама еще была ребенком! Возможно, я была эгоистична, но сама была молода и глупа. Жизнь одна, сейчас бы я многое в ней переиграла.

Вдруг посмотрев на мать другими глазами, Ольга поняла ее. Она действительно была глубоко несчастной женщиной, пытавшейся найти в череде любовников после ухода человека, которого она любила и ненавидела, хоть какое-то подобие счастья.

А что сейчас пыталась сделать Ольга? Не то же ли самое? Убегая от одного, нашла покой с другим? Нет, она не убегала, он сам ушел...

Глава 2

Город казался сонным. Наверное, любой город после Москвы таким покажется. И сейчас, стоя на вокзале, Ольга понимала, что бешеный ритм столицы оказывал на нее почти лечебное воздействие, а в спокойствии и неспешности одолевали те непрошенные мысли, которые она так долго гнала прочь.

Взгляд зацепился за девушку, сидевшую напротив, точнее за книгу, которую она держала в руках. Минимализм в обложке, краткое название, лаконичная аннотация – сдержанность Романа прослеживалась даже в его книге. Но в то же время Ольга видела в этом иное, доступное, может быть, только тем, кто знал автора лично. Название ей говорило больше, чем крылось в двух словах на обложке, рисунок воспринимался через призму их отношений, а

аннотация читалась между строк.

Девушка пробежала глаза по последней странице и захлопнула книгу, задумавшись о чем-то. Да, Островский умел оставить след в душе.

- Извините, – обратилась Ольга к задумчивой барышне. – Может, моя просьба вам покажется странной, но не могли бы вы мне продать эту книгу?

Девушка смотрела изучающим взглядом не меньше минуты, а потом сказала:

- Вы на нее похожи, – и заметив вопросительный взгляд, добавила: – На героиню этой книги. Внешность один в один, хоть автор и уделил больше внимания внутреннему миру, но описания... Как будто это вы, даже татуировка описана точь-в-точь, – кивнула она на руку Ольги. – А родинка у вас на спине в белом кружке есть?

Родинка была. Именно такая, как и описала девушка. Прямо под лопаткой темная точка в белом круге, который даже на солнце не темнел.

- Нет, – улыбнулась Ольга. – Родинок у меня нет, а остальное – совпадение. Так вы мне продадите книгу?

Она не верила, что Роман описал ее в своем произведении. Но прочитать захотелось еще больше.

- Я бы ее еще раз прочитала. Здесь есть лоток, где торгуют книгами, спросите там.

- Спасибо, – ответила Ольга, поднимаясь.

Уткнувшись в ноутбук, Роман слушал монотонный звук скользивших по рельсам колес. Голос из динамиков объявил об остановке и назвал город. Именно от упоминания знакомого города Островский и вздрогнул. Перевел взгляд от ноутбука к окну. Знакомый перрон, на котором он сходил не один раз, как будто просил выйти и, взяв такси, поехать по адресу Ольги.

«Нет!» – сказал он мысленно сам себе. – «Все закончилось. Давно...»

На секунду ему показалось, что на перроне мелькнул знакомый силуэт. Но это было так мимолетно, что можно было посчитать самовнушением. Он знал, как это бывает. Сначала вспоминаешь все,

что было связано с этим место, а потом начинаешь представлять то, чего на самом деле нет.

Взгляд снова устремился к ноутбуку – пора закончить эту историю. Он специально оставил открытый финал в предыдущей, потому что тогда история не была закончена. Сейчас же был конец... Конец длиною в год, пора с этим смириться.

- Здравствуйте, – вежливо сказала девушка, зайдя в купе, и застыла на месте, глядя на Романа.

- Здравствуйте, – ответил он.

- Вас зовут Роман, да? – спросила она и начала судорожно копошиться в сумке. В итоге выудила оттуда книгу и добавила: – Это ведь ваша книга?

Островский уже пожалел о том, что согласился на публикацию фотографии под аннотацией. Но пиар, навязанный издательством, давал свои плоды: телевидение, презентации, радиоэфир... Это было необходимостью, хоть он только-то и хотел, чтобы его просто читали.

- Да, – с обычной сдержанностью ответил. – Рад, что вам понравилось.

- Мне очень понравилось, – восторженно сказала девушка. – И знаете... Я, кажется, встретила женщину, которую вы описывали в своей книге. Она сидела со мной в зале ожидания. Вот просто героиня вашей книги...

- Где она? – почти выкрикнул Роман, захлопнув ноутбук и встав с места.

Он понимал, что выглядит сейчас немного агрессивно, но та надежда хоть на мимолетную встречу загорелась где-то в том месте, что называют «трепет сердца».

- Я... – девушка растерялась, прижимала книгу к груди и, кажется, вообще не понимала, что происходит. – Она в этом поезде, но я...

Роман вылетел из купе и попытался прийти в себя.

Это же было невозможно? Или это... Что? Судьба? Он не был уверен, что это она, но хотел найти ту женщину, что описала девушка, его соседка.

Что он умел, наверное, делать лучше, чем писать, так это приходить в себя. Две минуты – и Роман снова в купе. Натолкнувшись на недоуменный взгляд так и продолжавшей прижимать к груди книгу девушки, он улыбнулся и сказал:

- Извините.

Она улыбнулась в ответ и просто доброжелательно кивнула. Островский прошел к своему месту и сел напротив нее, всем своим видом давая понять, как он дружелюбно настроен.

- Как вас зовут? – спросил он через пару минут, заметив, что девушка немного расслабилась.

- Марина, – засмущалась она так, что не только на щеках, но и на шее появились красные пятна.

- Скажите, Марина, а с чего вы взяли, что девушка, которую видели, похожа на героиню книги? – наконец спросил Роман, хотя первым желанием, когда он вернулся в купе, было тряхнуть ее за плечи и попросить рассказать все. Но зачем проявлять агрессию, если можно проявить терпение.

- Ну... – протянула его спутница. – Под описание внешности подходит, даже татуировка такая же, – после этих Роман улыбнулся, а Марина продолжила: – И знаете, даже не могу это объяснить... – попыталась она найти нужные слова, задумавшись, а Островский уже был готов идти стучать во все купе, но он даже не знал, в этом ли она вагоне. И вообще она ли это.

- Марина? – не выдержал он.

- Извините, – подняла она глаза. – Я, конечно, не смогу это описать так, как вы, но было в ней самой... Понимаете, даже не во внешности, а вот именно в ее энергетике что-то схожее. Я бы даже не заметила, если бы она не обратилась ко мне.

- Она обратилась к вам? – продолжил задавать вопросы Роман, когда его спутница снова замолчала.

- Да, хотела купить у меня вашу книгу. Может, впечатление от книги еще просто было очень сильным, поэтому я так и среагировала, а на самом деле эта женщина не имеет ничего общего с образом, сложившимся в ваших фантазиях.

Островский только кивнул с улыбкой.

«Вправду, какова вероятность? – подумал он. – Шанс один на... Интересно, сколько в городе блондинок с татуировками? Идиот, Рома, какой ты идиот! Мы же не герои романов, чтобы случайно, совершенно случайно сесть в один поезд, встретиться спустя год и слиться в объятьях».

- Скажите, Марина, а она в этот вагон заходила? – спросил Островский и, заметив удивленный взгляд, пояснил: – Уж больно интересно посмотреть, как читатели воспринимают героиню.

- Вроде бы нет... Нет, точно. Мы вышли вместе на перрон, этот вагон стоял напротив выхода как раз, а потом я ее уже не видела. Людей немного, но темно, – вроде бы как извинялась девушка. – Так что я не рассмотрела.

- Спасибо, я понял, – ответил Роман.

Человечество давно придумало мобильные телефоны. Так чего было проще взять его и набрать номер? Но что временный порыв против годового молчания и его слов о том, что он уходит раз и навсегда? Нет, он не позвонит. Мысль, что это, возможно, не она, еще прочнее засела у него в голове, когда Марина сказала:

- Но все-таки есть одно отличие – ваша героиня слишком дорожила своей свободой и боялась подпускать кого-то близко, а у этой девушки было обручальное кольцо.

Роман усмехнулся и понял – не она. Ольга и замужество? Это как белый медведь в Сахаре...

Это невероятно.

Только такие слова и могла сказать Ольга, пока читала книгу. Она была рада оказаться в купе в одиночестве, с жадностью перелистывала каждую страницу под ритмичный стук и легкое покачивание. Строчки дышали, образы складывались четкие и живые, текст шел плавно и динамично...

Ольга даже не заметила, как уже в который раз звонил телефон в брошенной сумке. Она отложила книгу так, как будто отложила часть себя, и подняла трубку.

- Едешь? – спросил Олег.

- Конечно.

- Чем в дороге занимаешься?

- Читаю.

- Что читаешь?

- Да так... На вокзале купила книгу, чтобы время скоротать, – вроде бы не соврала Ольга.

Да, она купила эту книгу на вокзале. «Да так» можно расценить по-разному. Он не спрашивал имя автора и название. Он просто спросил, что она читает. Ольга и ответила: книгу.

- Буду ждать тебя, – интимно добавил Олег.

- Лучше бы спал, – вроде бы усмехнулась она, но потом поняла, что надо что-то менее безразличное добавить: – Я тебя разбужу, если что, – сказала почти таким же голосом.

Пара часов – привет, столица.

И все это время Ольга читала. Где-то возмущалась, где-то плакала, где-то восхищалась, пока до нее все-таки не дошло – это взгляд на нее со стороны. Да, это была она.

Но она не показывалась в романе такой всей правильной, скорее просто живой, за что она и влюбилась в первый роман Островского: антагонисты, протогонисты, стереотипы... Нет, Роман умел вывернуть изнанку души, показать все пороки, при этом подчеркивая качества, указать на недостатки через достоинства.

Да, это были они. Простые люди с их пороками и страстями, с неуверенностью и чувством собственной правоты. Две грани одной сущности – все такие. Нет чистых праведников, нет полных грешников – в каждом есть и то, и другое.

Ольга дочитывала последнюю главу, когда объявили о прибытии. Дальше поезд не двигался. Пять минут, всего пять минут – ей осталось-то дочитать несколько страниц. Как раз все успеют выйти. У Ольги багажа не было, так что ей просто надо выйти и спуститься в метро, благо, что прямая линия.

Роман достаточно долго простоял на перроне, вглядываясь в выходящих из вагонов людей. Безумие или надежда? Он сам не знал, что им движет и почему продолжает стоять здесь, вглядываясь в каждое лицо. Достал телефон и посмотрел на экран – полночь. Хватит стоять здесь истуканом, пора ехать – завтра сложный день, а

еще надо до гостиницы добраться. Роман подхватил чемодан, на ходу набирая номер службы такси.

Ольга вышла из поезда и осмотрелась. Глаза видели плохо – то ли от длительного чтения, то ли от накатывающих слез. Давно она не плакала, почти год. И только один человек мог ее заставить, будь он рядом или же далеко. Ольгу редко трогали драматические моменты в фильмах или книгах, а если и трогали, то никогда – до слез. Сейчас же каждое прочитанное слово не отпускало, проникало глубоко в душу, разъедая ее очерстневшую оболочку.

Она взглянула на часы – пять минут первого. Пора идти. Но взгляд зацепился за удаляющуюся фигуру. В ней было что-то знакомое, но в то же время такое чужое. Книга возымела действие – Ольга стала видеть Островского везде.

«Не надо было мне это читать», – подумала она и пошла в противоположную сторону к метро.

- Привет.

Олег поднял голову от ноутбука и посмотрел на Ольгу.

- Привет, – отозвалась она устало, сбрасывая обувь.

Он лежал на диване в одних домашних штанах и смотрел на нее так, как будто пытался рассмотреть что-то новое.

- Оль, что с тобой? – наконец спросил.

- Ничего... – протянула Ольга и вдруг спросила: – Олег, скажи, я действительно не умею любить? Трудное детство, деревянные игрушки, – усмехнулась сама себе.

- Я не понял... – протянул Олег, отставив ноутбук и поднявшись. – Оль?

Пока она сидела на пуфике в коридоре, он успел подойти и нависнуть над ней с немым вопросом в глазах. Его взгляд... Он слишком много спрашивал, а ответы на эти вопросы она сейчас дать не могла, поэтому сделала единственное, что сейчас могло его отвлечь от расспросов.

Ольга поймала пальцами одной руки резинку его штанов, а второй провела по голому животу. Олег шумно вдохнул и запустил руки в

светлые волосы, в инстинктивном жесте прижимая Ольгу к себе.

Сработало. Он вроде бы расслабился и больше ничего не спрашивал, только продолжал поглаживать ее по голове. Наконец Ольга отстранилась и сказала:

- Я в душ. Одна, – предупредила, заметив, как Олег недвусмысленно подергал бровями.

Провела она в ванной не меньше часа, а когда вышла, увидела, что Олег еще не спит. Причем не просто не спит, а весьма увлеченно читает книгу Островского. Ольга мысленно чертыхнулась, застыв в дверях комнаты. Олег услышал ее шаги и посмотрел вверх книги.

- Так вот откуда подобные вопросы? – спросил вроде бы равнодушно, но Ольга заметила, как он дернул щекой.

- Какого черта ты роешься в моей сумке? – вопросом на вопрос ответила она, сложив руки на груди.

- У тебя телефон разрывался. Наташа волновалась, как ты доехала. После третьего подряд звонка пришлось ответить. Ты же знаешь, какая она мнительная – не успокоилась бы. А теперь ответишь на мой вопрос?

- Да, вопросы именно оттуда, – кивнула Ольга на книгу.

- Я, конечно, прочитал еще не так много, но заметил, что Островский сделал тебя прототипом героини. Но скажи мне, неужели он тебя настолько хорошо знал, что смог передать все качества на бумаге? Нет, это уже вымысел. Взял тебя за основу и пририсовал то, что ему надо было, чтобы книга выстрелила. Понимаешь?

- Понимаю. Ладно, я хочу спать.

Продолжать с Олегом этот разговор не было желания. Может, он в чем-то и прав касательно пририсовки некоторых черт, но Ольга и понимала, что Роман, возможно, за столь короткое время узнал ее лучше, чем она сама почти за тридцать лет. Да и мало кто хочет вообще смотреть на некоторые свои стороны.

- Мне завтра надо уехать в Питер. Пригласили посмотреть экзаменационные работы молодых дарований. Отвезешь после обеда в аэропорт? – спросил Олег, пока она не уснула.

- Хорошо.

Ольга проснулась, когда едва начало светать, но Олега рядом не было. Прислушалась к тишине квартиры – через минуту раздался едва слышный шелест бумаги со стороны кухни. Она, присев на край кровати, потянулась за халатом и, набросив его на плечи, вышла из комнаты.

Олег явно не спал давно или же не спал вообще, судя по усталому виду и почти полностью прочитанной книге.

- И давно ты тут сидишь? – спросила Ольга, когда заметила, что ее присутствие на кухне так и осталось незамеченным.

- М? – спросил он, так и не оторвав взгляд от строчек.

Ольга успела сделать кофе и пару бутербродов, слушая только переворачиваемые страницы. И едва успела сесть за стол и сделать первый глоток из чашки – Олег захлопнул книгу и усмехнулся.

- Что? – перевела на него взгляд Ольга.

- Умеет, зараза, заинтересовать и зацепить. Хоть и такой козел.

- Ты про Островского? – уточнила она, делая напускной безразличный вид, пусть и прекрасно понимала Олега.

- Это так мило, когда ты строишь из себя дуру. Ты же прекрасно все поняла. – Ответом ему было молчание. – Нет, все-таки хорошо пишет. Диалоги блестящие, их бы да на экран, – задумчиво протянул, поняв, что Ольга никак комментировать предыдущую реплику не собирается.

Она понимала, что не хочет продолжения вчерашнего разговора. Поэтому лучше промолчать: не защищать Романа, не спрашивать, не отвечать – ничего, что могло бы снова вернуть Островского в ее жизнь, хотя он и так вернулся вместе со своей книгой.

- Во сколько тебе надо выезжать? – спросила Ольга, поднимаясь.

- Примерно в три, – ответил Олег, поймав ее запястье, и потянул на себя.

Она уперлась ладонями в его плечи и сказала:

- Мне надо отъехать по делам. Над совместным сценарием поработать.

- Ну ты, Островский, и манипулятор, – отметил Олег, глядя на фотографию на обороте книги, когда Ольга скрылась в ванной. – Даже на расстоянии.

Все вопросы по совместному написанию сценария можно было решить по телефону или с помощью интернета, но Ольга просто хотела прийти в себя.

Пробки – это плохо, когда ты спешишь. Когда есть в запасе полдня, то на них плевать. Поэтому утренняя Москва и не вызывала сейчас нервной дроби пальцами по рулю, подергивания ногой рядом с педалью и прочих признаков нестабильной нервной системы. Это освобождало мысли.

Радио служило фоном. Его Ольга даже не слушала, но упоминание знакомой фамилии резко заставило дать по тормозам. Резко свернув с Кутузовского проспекта на менее оживленный Славянский бульвар, она остановилась на стоянке и прислушалась.

«Встреча с Романом Островским, одним из самых известных писателей современности, состоится...»

Ольга слушала ведущего радионовостей – адрес и время отпечатались в мозгу, хоть она и не хотела этого запоминать.

Десять минут до начала, а до места встречи пешком идти пять.

«Ирония судьбы, мать ее!» – Ольга обхватила руками голову, заливаясь в смехе, но все же вышла из машины и направилась в сторону перехода.

Она только посмотрит... Всего лишь посмотрит...

Здесь было многолюдно. Она и не думала, что столько людей придет на встречу. Затеряться среди стеллажей было несложно.

«Уходи отсюда», – твердил голос на одном плече.

«Поговори с ним», – голос на другом.

«А он изменился», – подумала Ольга.

Очки, видимо, сменили линзы, к чему он еще не привык, потому что часто моргал и иногда прикладывал палец к веку; он сильно похудел;

прическа стала другой.

Ольга рассматривала его так, как недавно Наташину дочку – жадно, ненасытно, без возможности оторваться. Пусть бы сейчас все казни египетские обрушились на это здание, она бы не смогла оторвать взгляд. Он так улыбался всем этим посторонним людям, искренне, добродушно.

«Да твою ж мать, Островский, что ты со мной делаешь?»

Роман уставал от подобных мероприятий, хоть и всегда старался держать лицо. Рука уже устала от бесконечных автографов, губы онемели от улыбки, а ноги затекли от неудобного положения. Но он упорно выслушивал все вопросы, вопросы. И даже отвечал. И вдруг... Он видел только пальцы, положившие книгу перед ним на стол, и приготовил ручку. Но вдруг знакомый голос произнес:

- Роман Сергеевич, автографом не угостите?

Ольга сама не поняла, зачем подошла. Это было сильнее... Ею двигал не рассудок, а, скорее, безрассудство. Нет, скорее инстинкты. На бессознательном уровне ее тянуло встретиться с ним взглядом, ноги сами повели к столу. Наверное, никто и никогда не чувствовал такого бешеного сердечного танца, хоть голос и руки оставались бесстрастными. Но каких сил ей стоило удержаться на ногах, когда он поднял на нее глаза.

И опять... Все вокруг перестало существовать. Время как будто замедлило свой бег. Было только это – глаза в глаза.

Роман даже привстал со стула. Их кончики пальцев соприкасались, он чувствовал ее запах, дыхание – чистый наркотик.

Он прервал этот зрительный контакт и посмотрел в сторону на журналиста с фотоаппаратом. Нехотя взял ручку и написал на книге:

«Мост Багратион 23.00. Я буду ждать».

- Пожалуйста, – протянул книгу Ольге, задержавшись дольше необходимого ладонью на ее коже.

- Спасибо, – натянуто улыбнулась она в ответ и подумала:

«Вот и все. Что и требовалось доказать. Ни ответа ни привета».

Глава 3

Ольга хлопнула дверью машины так, что недовольный голубь, что-то неподалеку клевавший, демонстративно упорхнул на безопасное расстояние. Бросив книгу на пассажирское сидение, она опустила голову на сложенные на руле руки.

«Какого черта меня вообще туда понесло? Зачем? Чтобы снова пытаться забыть каждую морщинку на его лице, проходить все круги ада один за одним? Идиотка!» – весьма самокритично вынесла мысленный вердикт.

Все воспоминания, в которых присутствовал Островский, начали возникать в голове – их первая встреча, съемная квартира, гостиничный номер, лестничная клетка в доме Олега, съемочная площадка и, конечно, последняя встреча с битьем посуды. Ольга пыталась выбросить их головы, но это было равносильно сражению с цунами. Против стихии человек бессилен.

«Ничего, справилась один раз, справлюсь снова».

И она даже знала, с чего начать. Взяв в руки книгу, открыла окно с намерением выбросить хоть это напоминание о нем. Взглянула на фото и открыла форзац, примерно представляя, что там прочитает. Стандартная фраза вроде «на долгую память о встрече» или нечто подобное.

Ольга три раза перечитала, прежде чем поняла смысл. Дыхание перехватило. Она пыталась делать короткие судорожные вдохи, но кислорода катастрофически не хватало, а сердце вот-вот готово было выпрыгнуть из груди.

«Мост Багратион. 23.00. Я буду ждать».

Перечитывая и перечитывая, Ольга готова была поверить, что у нее зрительные галлюцинации, но нет – буквы оставались на месте и складывались все в те же слова. И вдруг она рассмеялась, почти истерически.

- Островский и свидание на мосту? С каких пор в нем проснулся романтик? – спросила вслух, только ответ так и не получила.

Олег звонил уже третий раз с одним и тем же вопросом: «Ты где?»

Ольга посмотрела на часы. Час дня.

- Да уже подъезжаю, – немного раздраженно ответила, не понимая, куда он так торопится, если времени еще предостаточно.

- Ты где была? – едва Ольга переступила порог квартиры, как Олег вылетел в коридор и почти вжал ее в дверь, нависнув сверху и задав вопрос не очень-то и добродушным тоном.

Она нырнула Олегу под руку, проигнорировав его, но тут же железная хватка сковала руку выше локтя.

- Я спросил, где ты была.

- Я не собираюсь разговаривать с тобой в подобном тоне. Что за допрос?

- Ты мне сказала, что поедешь работать над совместным сценарием. Но почему-то Инна, с которой ты должна была быть вместе, звонит мне и спрашивает, как тебя найти, потому что ты не поднимаешь трубку.

- И из-за этого надо закатывать мне скандал?

Олег отпустил ее руку и спросил:

- Ты знала, что Островский в Москве?

- Так вот в чем дело... – протянула Ольга. – Да, я сегодня услышала по радио. Но, какие бы претензии ты сейчас не хотел мне предъявить, подумай дважды.

Она не чувствовала себя в чем-то виноватой перед Олегом. Да, она промолчала о том, что виделась с Романом, но ее об этом и не спрашивали.

- Оль, – протянул Олег к ней руку, но она сделала пресекающий жест ладонью и сказала:

- Впредь думай прежде, чем налетать на меня.

Оставив его посреди коридора, Ольга прошла на кухню и включила чайник.

«Через время, на расстоянии он все так же продолжает влиять на мою жизнь».

Ей казалось, что Островский так и продолжает незримо стоять между ней и Олегом, присутствовать каждый день рядом эфемерным

призраком. Но это было только у нее в голове – она не могла его оттуда выкинуть. А хотела ли вообще?

Ольга вздрогнула, почувствовав руки Олега, сомкнувшиеся под грудью. Потом последовал легкий поцелуй в шею и едва слышные слова в самое ухо:

- Извини, пожалуйста.

- Все нормально, – ответила Ольга.

После ее ответа руки стали настойчивее – одна нырнула под свитер, а вторая потянулась к пуговице на брюках. Язык выписывал замысловатые узоры по уху, и намерения Олега были вполне прозрачны. Ольга развернулась к нему лицом и, уперев руки в грудь, спросила:

- Ты чемодан собрал?

- Почти. Еще есть время.

- Давай не будем уподобляться кроликам. Времени час, а тебе еще собираться. Так что сложи чемодан, а я пока разогрею обед и сделаю кофе.

Олег почти минуту всматривался в ее лицо, прищурив один глаз, а потом молча вышел из кухни.

- Может, тебе стоило поехать со мной? – спросил Олег уже возле здания аэропорта.

- Уже поздно об этом думать, – ответила Ольга.

- Ты можешь прилететь завтра или послезавтра... Я там точно дней на пять задержусь. Неужели не хочешь в Питере побывать?

- Хочу, Олег, очень хочу. Но вряд ли смогу приехать. Ты же понимаешь, что нам с Инной надо закончить сценарий.

- Звучит как отговорка. Ладно, чуть больше часа до вылета, скоро регистрация закончится, так что пора идти. Пока.

Он наклонился к Ольге, и она автоматически в ответе оставила на его губах поцелуй.

- Пока.

Подождала, пока он достанет чемодан из багажника и помахала

рукой на прощанье.

Дорога опять успокоила и позволила подумать.

«Я не могу... Не могу поехать на встречу с Романом. Наши встречи заканчиваются одинаково, а этого нельзя допустить. В конце-то концов, я все-таки замужем!» – твердил здравый смысл.

Но какой-то другой голос, исходивший из груди, тихо шептал:

« Но это же просто встреча. Не станет же он тебя трахать прямо на мосту. ПРОСТО ВСТРЕЧА. Ты же сама этого хочешь».

«Нет-нет, это опять все усложнит!» – снова прокричал рассудок.

Они сражались, кажется, бесконечно. Начало темнеть, вновь образовались пробки на столичных магистралях, а Ольга продолжала наматывать круги по городу. Уже раза три заезжала на заправку, потеряла счет времени и посмотрела на часы, когда они показывали 22.00.

Через полчаса Ольга остановилась на Кутузовском проспекте. Пискнул телефон, оповещая о приходе смс. Олег сообщил о том, что долетел и уже устроился в гостинице. Ольга быстро напечатала ответ и достала из бардачка книгу. Еще раз прочитала надпись на форзаце и спросила сама себя почти как в гамлетовской постановке:

- Идти или не идти – вот в чем вопрос?

Кого она сейчас пыталась обмануть? Ольга давно уже решила, как только впервые прочитала.

22.37.

Она вышла из машины и направилась пешком в сторону набережной. Главное – не думать, не прокручивать возможные варианты встречи, диалоги. Пусть все будет, как будет.

22.51.

Ольга не знала, чего хочет больше – сбежать отсюда или быстрее подняться на мост. Было страшно, да так страшно, что вспотели ладони, а во рту пересохло. Но если сбежать сейчас, то она будет жалеть об этом. Так что... Что бы не хотел сказать Роман, она готова. Ко всему готова.

Едва ступив на нижний уровень моста, Ольга посмотрела на правую руку. Золотой тоненький ободок, казалось, кричал ей: «Поверни обратно». Она сняла кольцо и положила в карман. Зачем? Вряд ли Роман не заметил его сегодня днем.

Ольга осторожно шла по нижнему уровню, даже не воспользовавшись траволатором.

«Можно было конкретнее объяснить. Больше двухсот метров, два уровня».

Каждый метр был подобен километру.

22.57.

Она поднялась на верхний уровень, спросив у кого-то из немногочисленных граждан, где находится смотровая площадка.

Роман был там. Стоял, сложив руки в карманы брюк, неподвижно, как будто мыслями был где-то далеко. Ольга остановилась в паре метров за его спиной и снова посмотрела на часы.

23.05.

Здесь больше никого не было. Только они и огни ночной Москвы.

Шаг, еще один, еще... Ольга остановилась рядом с ним, плечом к плечу, почти соприкасаясь. Ни слова, даже банального «привет».

Они простояли так не меньше десяти минут, пока Ольга не почувствовала теплую ладонь, которая нашла ее руку. Роман запустил свои пальцы между ее и повернул голову. Ольга тоже повернулась к нему.

- Я скучал, – сказал он тихо.

- Я тоже, – ответила ему.

Они вот так смотрели друг на друга, боясь опять сказать что-то лишнее, боясь сделать что-то лишнее. Роман положил свободную руку на ее щеку, а Ольга в неконтролируемом движении потерлась об нее.

Это было больше, чем слова. Это было пониманием. Нет, не недосказанностью. Именно сейчас слова не нужны были. Роман дернул ее за руку к себе и обнял. Просто обнял. В этом не было никаких намеков, никакого сексуального подтекста – просто встреча двух старых друзей. Как будто встреча двух старых друзей. Только

они не были друзьями. Они всего лишь любили друг друга.

- Мост скоро закрывается, – сказала Ольга вроде тихо, но все равно прозвучало оглушающе.

Минуты бежали слишком быстро. Она готова была остаться на этом месте навечно, просто вот так стоять рядом, держать его за руку, обнимать. Но время невозможно остановить. И в такие моменты оно как будто бежит быстрее положенного.

- Идем, – ответил Роман, не выпуская ее руку из своей.

- Тебе на какую сторону? – спросила Ольга, боясь услышать, что ему на противоположную, на Краснопресненскую набережную. – У меня машина на Кутузовском.

Он в ответ только пожал плечами и пошел вместе с ней. Ольга, кажется, даже выдохнула с облегчением. Она не хотела терять этот момент, отпускать руку. Кто знает, вдруг это последняя встреча, вдруг у них осталась только сегодняшняя ночь.

Молча, но все так же держась за руки, они вышли на никогда не засыпающий проспект. Расставаться не хотелось. Ни ей, не ему. Роман кивнул в сторону круглосуточного кафе «Шоколадница» и спросил:

- Кофе?

Ольга в ответ улыбнулась и кивнула.

На входе он отпустил ее руку, по которой тут же пробежал холодок. Стало пусто.

Никто из немногочисленных в это время посетителей не обратил на них внимания. Они заняли двухместный столик в углу друг напротив друга, и Роман положил ладонь на белую скатерть в приглашающем жесте. Ольга посмотрела на него и тоже протянула руку. Он снова сжал ее и притянул к своим губам. Легонько, едва ощутимо поцеловал, но даже от этого почти неуловимого поцелуя... Это было невыносимо – снова появились все эти пресловутые мурашки, бабочки и подобная романтическая хрень.

- Это странно, – нарушила Ольга молчание. – Вот так вот сидеть с тобой где-то, а не находиться в постели.

Роман улыбнулся. Улыбнулся немного грустно и ответил:

- По-твоему, я гожусь только на секс?

- Я не об этом. Просто мы с тобой только и делали, что трахались. А сейчас... – она запнулась. – Все как будто по-другому... Даже не знаю, как объяснить.

- Понимаю, о чем ты говоришь. Мне было невыносимо больно уходить тогда, еще невыносимей – увидеть тебя снова. Я думал, что время лечит, но, увы, оно хреновый лекарь. Когда моя соседка в поезде сказала, что видела женщину, похожую на героиню моей книги, я был готов перевернуть каждый вагон. Хоть надежда на то, что это ты, была мизерной.

- Это был ты... – прошептала Ольга. – Вчера на вокзале. Я видела тебя... Мы потеряли одну встречу.

- Мы потеряли много. Слишком много. Всего-то нужно было сказать «я люблю тебя». Но нет же... Мы не смогли, поэтому и потеряли друг друга. И теперь ты чужая жена. Я даже не буду спрашивать, кто муж, потому что и так знаю. Зачем ты сняла кольцо?

Ольга выдернула ладонь, и снова стало пусто. Холодно. Одиноко.

- Потому что оно было голосом моей совести. Оно кричало мне о том, что я не должна с тобой встречаться, что это неправильно, что это плохо закончится.

Роман сделал глоток принесенного кофе и отвернулся к окну. За это время, в опять повисшем молчании, Ольга достала кольцо из кармана и надела на безымянный палец правой руки.

- Мы можем так и продолжать молчать, это удобно, – сказала наконец, чем заставила Романа снова посмотреть на нее.

- Удобно, но не совсем правильно.

- А что правильно?

- Кто знает, кто знает... Если бы повернуть время вспять, если бы понять, что мы делали неправильно, но... Мы ничего уже не изменим. Все сделано, и это наш выбор. Мы сами все сделали, мы сами все решили. Теперь поздно пить боржоми.

- Ничего и никогда не поздно, пока мы здесь, пока мы живы. Ты был женат, когда мы встретились. И пока я не поняла ситуацию, тебя

ненавидела.

- Но ты же не фиктивно замужем? Ты постоянно с ним в постели.

Глаза Романа потемнели. Ольга знала этот взгляд, и он не сулил ничего хорошего. Она поняла – он ревновал.

Разговор опять уходил не в то русло. Поэтому Ольга просто промолчала. Да и что она могла ответить на это – все бы прозвучало как оправдание. Роман поддержал ее молчание.

От кофе уже тошнило, время перевалило за три часа ночи, но, кажется, уходить никто из них не собирался. Ольга бы с удовольствием остановила бег минут, потому что понимание, что эта ночь закончится и придется разойтись, приносило почти физическую боль.

Роман бросил взгляд на часы.

- Может, еще кофе? – быстро спросила Ольга, пока он не предложил уйти.

- Нет, – отрицательно покачал головой.

- Ты... Уже уходишь?..

- Мне некуда торопиться, – не дал прямого ответа Роман, но Ольге показалось, что эта фраза как будто была камнем в ее огород. А может, она просто сейчас воспринимала все с каким-то подтекстом, словно ее упрекали в замужестве. Она даже мысленно продолжила: «В отличие от тебя...»

- Олег в Питере, – зачем-то сказала она.

- Не поверишь, но мне глубоко плевать. Тебе не надо передо мной оправдываться или отчитываться.

- Послушай... – Ольга перегнулась через стол. – Ты меня сейчас в чем-то обвиняешь? Упрекаешь? Можно подумать, что ты соблюдал целибат почти год.

Роман едва заметно усмехнулся одним уголком губ и тоже наклонился:

- А вот это уже не касается тебя.

Ему понравилась ее реакция: в глазах снова появились искры, руки

сжались в кулаки, губы поджаты. Уже не осталось той растерянности, которая иногда проскальзывала в течение последних пары часов, что они провели вместе. Наверное, Роман этого и добивался – хотел видеть ту женщину, которой она была, когда он влюбился в нее. Только вот сам не знал, осталось ли в нем самом что-то от того человека, которым он был год назад.

Ольга лишь выдохнула, на секунду прикрыв глаза, и откинулась обратно на стул.

- А ты научилась сдерживаться. Еще бы недавно в меня полетели чашки, а несчастное кафе осталось в руинах.

Сейчас Роман улыбнулся широко и задорно.

- У меня был хороший учитель, – ответила Ольга, тоже улыбнувшись, и потянулась рукой к его щеке. – Такие ямочки, когда улыбаешься. И сразу на озорного мальчишку похож. Раньше никогда не замечала. Видимо, очки придавали более серьезный вид или ты просто редко так улыбался.

Она не убирала руку. Было приятно чувствовать под пальцами теплую кожу, незаметную, но едва ощутимую щетину и то самое покалывание в пальцах, которое всегда возникало при тактильном контакте с ним.

- Оля, – Роман вроде опомнился и перехватил ее руку, – не надо. Ты же знаешь, что мы не сможем остановиться.

Ольга сделала вид, что не услышала его. Она только чувствовала пальцы, обвившиеся вокруг ее запястья, и опять наклонилась к нему со словами:

- Поцелуй меня... Пожалуйста. Просто поцелуй.

Роман ничего не ответил. Не отпуская ее запястье, свободную руку запустил в карман, достал несколько купюр и бросил их на стол. Поднялся, потянув Ольгу за собой в сторону выхода.

На улице начал накрапывать дождь. Ольга повела плечами, когда несколько холодных капель упали на лицо. Роман притянул ее к себе и обнял. Сразу стало теплее в кольце его рук. Он почти прикоснулся губами к ее уху и спросил:

- Не передумала?

- Нет...

Ольга понимала, что он имел в виду, когда говорил, что остановиться они не смогут. Едва он прикоснулся к ее губам своими, как земля ушла из-под ног. В этом поцелуе не было той страсти, к которой Ольга привыкла. Скорее, это было нежно, очень нежно, что от Романа было чувствовать непривычно. Непривычно, но приятно.

Ольга прижималась к нему все сильнее, как будто хотела раствориться в нем, стать с ним единым целым. Но Роман оторвался от ее губ и сделал шаг назад. И опять стало холодно и пусто.

- Пора прощаться, – сказал он.

Ему стоило немалых усилий прервать этот поцелуй и произнести эти слова. А Ольга, казалось, до сих пор не могла прийти в себя и выдавить хоть слово.

- Я могу тебя подвезти, – наконец тихо сказала.

Роман отрицательно покачал головой.

- Не стоит. Давай лучше завтра выпьем где-нибудь кофе или что покрепче, – предложил он и улыбнулся, заметив, как удивленно Ольга на него посмотрела: – Ты же не думала, что я с тобой прощаюсь навсегда.

- На секунду мне так показалось. Тогда... До завтра.

Как же не хотелось ей уходить. Она прекрасно понимала – еще одна встреча, может, потом еще одна, но на этом все. Они снова расстанутся, разъедутся и останутся лишь воспоминаниями друг для друга. И опять придется привыкать, стараться забыть и не думать о том, что могло бы быть.

Глава 4

Это был невыносимо долгий день, пусть Ольга и проснулась только ближе к полудню. Да и то от звонка. Эта привычка не выключать на ночь телефон и класть его в радиусе вытянутой руки сейчас была проклята. Голова болела, скорее всего, от огромного количества выпитого ночью кофе и только пары часов сна. Да, уснуть Ольга смогла, когда уже было светло.

Столько прокрученных в голове несостоявшихся диалогов, возможных сцен и вариантов. Это и заставляло ворочаться в постели, хоть уставшее от эмоций тело и хотело отключиться. Но мысли не

давали.

Ольга мечтала проспать до вечера, чтобы не считать часы, минуты, секунды, но Олег своим звонком нарушил ее планы.

- Да... – сонным голосом ответила она.

- Ты спишь еще, что ли? – удивился Олег, а потом добавил вроде ироничным голосом, но немного напряженным: – Ты заболела или беременна?

- Все нормально. Поздно легла.

Тема детей была для нее болезненной. Олег не спрашивал никогда за несколько месяцев брака, но Ольга знала, что когда-то он эту тему поднимет. И каждый день она этого боялась. Сама не знала почему – то ли страх, то ли нежелание.

- Отдыхай тогда еще.

- Ага, пока, – ответила Ольга и отключилась, радуясь, что он не спросил, почему она поздно легла и где была. Лгать было бы трудно, а правда... Иногда правда становится тем пресловутым камнем преткновения. Правда трактуется всегда со своей колокольни и в угоду своим интересам.

Роман, когда только начинал писать, даже не мог подумать, что популярность станет идти за ним по пятам. Он освободился поздно, хотя что такое поздно для никогда не засыпающего города? Достав телефон, покрутил его в руках и набрал тот самый номер, который помнил наизусть.

Вчера они даже не спросили друг у друга банальных вещей: номера, адреса... Они снова стали «белыми пятнами». А ведь номер мог измениться, но Роман надеялся, что это не так.

- Да, – услышал он осторожное слово.

- Это я.

И тишина... Такая прямо осязаемая даже через телефон. Роман слышал ее дыхание в трубке и понимал, что она ждет и боится сказать что-то лишнее.

- Будем молчать? – наконец спросила Ольга.

- Будем пить. Через час, – Роман назвал адрес своей гостиницы, сказав, что будет ждать ее в баре.

Только он не знал, что она уже готова была ехать. Уже два часа она просто мерила квартиру шагами, перебрав перед этим половину шкафа и косметички.

Ольга приехала через пятьдесят две минуты – это она знала точно, все время смотрела на дисплей телефона. Стеклопакетные двери приветливо разъехались в разные стороны с едва уловимым шумом. Прямо напротив стойка ресепшена, за которой тут же девушка расплылась в улыбке. Ольга улыбнулась в ответ и спросила:

- Где здесь бар?

Администратор, не переставая улыбаться, указала рукой влево и ответила:

- Можете пройти отсюда, а сбоку здания есть еще один вход, если вдруг вы захотите подышать свежим воздухом или покурить.

- Спасибо.

Ольга подошла к указанной двери и потянула на себя ручку. Сделала два шага, услышав, как за спиной закрылась дверь, будто оповестив: «Пути назад нет», и осмотрелась. Это был не совсем типичный бар, скорее, небольшой ресторан: ни громкой музыки, ни полумрака, ни духоты. Справа стояли столики, накрытые белыми скатертями, а вдоль всей левой стены тянулась барная стойка.

Роман уже был там. Сидел в самом конце, на углу, и водил указательным пальцем по верху стакана, очерчивая круги. Будто почувствовав на себе взгляд, поднял голову и посмотрел на Ольгу.

Она подошла к нему и сказала:

- Привет.

На что в ответ получила салют стаканом и кивок на соседний стул. Ольга повесила сумку на спинку и, подтянув узкую юбку до середины бедра, села на высокий стул. Роман остановил взгляд на ее ногах и спросил:

- Соблазнить решила?

Она неопределенно пожала плечами и сделала заказ у подошедшего

бармена.

- Мы так и будем молчать? – не выдержала Ольга.

- Твои ноги не дают мне сосредоточиться на разговоре.

- И все мысли снова оказываются ниже пояса. Я поняла. При следующих встречах только брюки.

Роман смотрел ей в глаза, казалось, вечно, а потом тихо спросил, немного приподняв брови:

- Следующих встречах?

А ведь действительно, о каких встречах может идти речь? Ольга только после его вопроса поняла, что не думала о том, что будет завтра. И что вообще будет?

Ольга отвернулась, нервно постукивая стаканом по барной стойке. Скользящая, очень скользкая дорожка. Год назад он говорил о ни к чему не обязывающих отношениях, потом хотел строить что-то долгосрочное, а теперь... Теперь Роман молчит. Да и что он мог ей предложить? Развестись? Стать ее любовником?

Она почувствовала его руку на своем колене и, когда повернулась, услышала:

- Ты слишком громко думаешь.

- И что же ты услышал?

Роман сделал бармену знак повторить и ответил:

- Как, по сути, в твоей умной, но иногда такой дурной голове вертится один вопрос – что же дальше?

В целом и общем, наверное, именно вся концепция ее мыслей именно к этому и сводилась. Вот только думать становилась трудновато, когда Ольга чувствовала ладонь на своей ноге. А когда рука Романа двинулась чуть дальше, а кончики пальцев легли под подол юбки, то ли собственное желание, то ли весь выпитый алкоголь резко ударили в голову, а потом горячая волна хлынула куда-то вниз, остановившись в самом низу живота. Роман, казалось, не только читал ее мысли, но и чувствовал каждое изменение в теле. Он наклонился к уху Ольги и сказал:

- Кажется, кто-то возбуждился...

Она залпом допила остатки алкоголя и иронично спросила:

- Может, мне куда-нибудь руку положить, чтобы проверить, насколько ты возбуждился?

Роман рассмеялся, привлекая внимание бармена и нескольких посетителей за столиками. Рука переместилась с ноги на затылок и потянула голову Ольги вперед так, что удержаться на стуле стоило немалых усилий. Оставив на губах звонкий поцелуй, Роман почти с восторгом сказал:

- Обожаю тебя!

Ольга поняла, что, даже если бы он разложил ее прямо сейчас на барной стойке под взглядами посторонних людей, ей было бы плевать. Совесть и принципы просто перестали существовать. Что может штамп в паспорте против инстинктов и желаний? Роман как будто вновь прочитал ее мысли:

- И что ты замолчала? Еще осталось желание проверить степень моего возбуждения?

Это был тот самый момент на грани черты. Или переступить, или отступить. Отступить – это потерять его навсегда. Переступить – это неизвестность. И Ольга не знала, чего боялась больше. Но, как говорится, волков бояться – в лес не ходить. А этот лес был ей знаком, пусть и не до конца исследован, и волки в нем были кусачие, но иногда довольно дружелюбные.

Ольга поднялась со стула, сняла сумку и спросила у Романа, смотревшего на нее с вопросом в глазах:

- Мне прямо здесь проверять? – на что получила знакомую, почти плотоядную улыбку.

Роман бросил бармену:

- Запишите счет на мой номер, – назвал цифры и, схватив Ольгу за руку, буквально потянул за собой, так что на выходе из бара в холл она даже зацепилась за порог каблуком.

- Черт! – выругалась, пытаясь наступить на расшатавшуюся шпильку, из-за чего та только с треском съехала набок.

- Иди сюда!

Кажется, Роман уже не намерен был терять ни минуты. Он просто подхватил ее на руки, что стало для Ольги полной неожиданностью – она на секунду растерялась, а потом попросила:

- Отпусти. Я могу снять обувь.

Лифт был недалеко, пара метров. Поэтому Роман промолчал и, поднеся ее к дверям кабины, сказал:

- Лучше нажми на вызов.

- Ты так и собираешься меня нести? – спросила, нажав кнопку.

- Оля, я могу сейчас соорудить из себя героя-романтика, сказав, что готов тебя всю жизнь на руках носить, вести себя по-джентльменски, сказав, что так бы поступил любой мужчина на моем месте. Но на самом деле я просто тебя хочу.

Двери лифта распахнулись, когда Ольга рассмеялась почти так же, как и Роман в баре. Он поставил ее на покрытый ковролином пол лифта, она, не переставая смеяться, сбросила туфли и, потянув за ремень брюк к себе, запечатлела на губах поцелуй со словами:

- Обожаю тебя!

Теперь уже рассмеялись оба. Дежавю!

Короткое «дзынь» оповестило о прибытии на нужный этаж. Ольга подхватила туфли и вышла из лифта следом за Романом, который ощупывал карманы в поисках карты-ключа. Было так легко, так свободно – она чувствовала себя окрыленной и влюбленной. Хоть где-то голос совести и пытался пробиться в те полминуты, пока они шли по коридору до номера.

Ольга замешкалась на мгновение на пороге, но потом уверенно перешагнула, захлопнув дверь, и сразу же оказалась прижатой к ней. Роман уже не сдерживался – узкая юбка пошла по шву, когда он закинул одну ее ногу к себе на поясницу; пуговицы с шифоновой блузки разлетелись в разные стороны; пальцы впивались в бедра, а губы... Как же Ольга скучала по этим губам, именно вот таким далеко не нежным, вот таким жадным и требовательным.

Она бросила сумку прямо на пол и постаралась добраться до ремня на его брюках, хоть это и было непросто, учитывая, как Роман прижимался к ней. Она чувствовала даже через ткань его член, и это заглушало все. Скорее хотелось только освободить его и

почувствовать.

Роман приподнял ее вторую ногу и, подхватив, понес к кровати. Ольга успела снять с него пиджак на ходу одной рукой, пока второй продолжала держаться за его плечо, впиваясь в тонкую рубашку и кожу под ней ногтями. Роман прикусил ее за губу, не больно, но ощутимо. Ольга ойкнула, а он отстранился и сказал:

- Я злопамятен.

- Нет, – ответила она. – Ты просто ходячая страсть.

- Это самый сомнительный, но и самый оригинальный комплимент в моей жизни, – усмехнулся Роман и бросил Ольгу на кровать, нависнув сверху на руках.

Пока она справлялась с пуговицами на рубашке, успела сказать в перерывах между поцелуями после каждой расстегнутой пуговицы:

- Я...- поцелуй в шею. – Тебя... – поцелуй в ключицу. – Люблю... – поцелуй в грудь. – Безумно... – поцелуй в живот.

Это по-настоящему было безумно. Роман так и продолжал упираться кулаками в кровать, пока Ольга проходила руками и губами вниз. Терпеть уже было невозможно – он готов был кончить только от этих прикосновений. Когда ее руки расстегнули ремень и потянули вниз брюки, когда ее дыхание чувствовалось на пупке, а потом язык сделал дорожку от края боксеров вверх, у Романа сорвало крышу.

Он перевернул Ольгу и, просунув руку под живот, заставил приподняться. Грубо, жестко, немного больно, но и чертовски приятно – она знала, чего ждать. Сразу он провел пальцами, а потом резко вошел в нее, так что Ольга даже приподнялась, но тут же рука обхватила ее затылок и вновь вжала в мягкий матрас. Юбка была просто дорвана все по тому же злополучному, вроде фирменному шву. Но жаль не было. В тот момент нет, не жаль.

Ольга чувствовала его руку на затылке, его толчки, такие неистовые и неконтролируемые, но это доставляло ей удовольствие. Мазохизм в чистом виде! Роман остановился и притянул ее за волосы, спиной к своей груди. Тонкий шифон ее блузки, пусть и разорванной, но так и не снятой, мешал. Ольга почувствовала, как руки легли на плечи, потянули вниз легкую ткань и расстегнули лифчик. Учащенное дыхание Романа обжигало затылок. Он так и не вышел из нее, и

Ольге это нравилось – это ощущение, эта пульсация, это тепло.

Когда и лифчик полетел на пол, на ней остались только чулки и стринги, но это не мешало никогда Роману – он только отодвигал их в сторону. Ольга почувствовала легкое движение внутри, и мужские руки обхватили ее грудь. Соски до боли сжали указательный и средний пальцы.

- Легко сегодня не будет, – шепнул Роман ей в самое ухо.

- Я и не прошу.

- Обратно, – в его голосе явно прослеживалось нетерпеливость, когда рука снова придавила голову к кровати. – Я... – толчок. – Тебя... – толчок. – Тоже... – толчок. – Люблю... – толчок.

Потом перевернул ее на спину и, проведя рукой по лицу, добавил:

- Тоже безумно.

Последний толчок и остановка. Ольга обняла его за плечи и легонько поцеловала в подбородок. Роман перекатился на спину, притянув Ольгу к себе и заставив лечь сверху. Она слушала его сердце, лежа на груди, и понимала, что им все-таки нужен был этот год.

- Я в душ, – через некоторое время сказала, попытавшись подняться.

Роман надавил на голову и поясницу, возвращая ее в то же положение.

- Не сейчас. Я же говорил, что легко не будет.

- Тогда делай все с привычным остервенением, – ответила Ольга.

Она провела рукой, слегка приподняв голову, по его груди, животу и обхватила рукой член.

- Полегче, – отозвался Роман.

- Легко не будет, – улыбнулась Ольга и проделала теперь дорожку языком наоборот, от ключиц вниз. – О, кажется кто-то снова готов... – добавила, проведя языком по члену.

- Потому что кто-то меня очень возбуждает.

Роман запустил руку в ее волосы и, потянув вверх, перевернул Ольгу на спину, устроившись сверху. Потом загадочно улыбнулся и повторил ее поцелуи от шеи вниз. Прикусил нежную кожу внутренней стороны бедра, а потом провел языком между ног,

заставив Ольгу даже приподняться и выгнуться в спине.

- Тише... – сказал Роман, опустив руку ей на живот, и поднялся вверх, оставляя поцелуи на животе, на груди, на шее, а потом прошептал: – Я буду любить тебя, любить иногда грубо, иногда нежно... Как ты сейчас хочешь?

- Так, как только ты умеешь, – ответила Ольга и провела языком по его губам.

- Сама напросилась...

Роман видел, как она впивается руками в простыню, пока он, закинув ее ноги на плечи, грубо и жестко входил. А когда выгнула поясицу с громким стоном, он навалился сверху, целуя, продолжая, наслаждаясь.

Ольга царапала его спину, плечи. Все тело упивалось этой близостью, хотелось раствориться в этих глазах, руках. Она как будто пыталась принять его как можно глубже, как в последний раз...

Глава 5

Утро... Оно не должно было наступать так быстро. Как Ольга и предполагала, оно принесло слишком много ненужных мыслей и накрывшего с головой чувства вины. Романа рядом не было, как не было и звуков льющейся за стеной воды. Ольга встала с кровати – тело ломило, ноги не слушались, но примерно такого она и ожидала.

- Ну и куда он делся? – спросила в пустоту, когда и в душе Романа не обнаружила. Можно было позвонить, но сначала хотелось контрастной воды, чтобы смыть усталость и легкую боль. Жаль, что метавшиеся в голове мысли нельзя спустить с водой в канализацию.

Обернувшись полотенцем, Ольга зацепилась за свое отражение в зеркале. Внимание привлекло пятно на ключице. Подойдя ближе, провела по нему рукой и чертыхнулась – это был засос. Причем немаленький и очень хорошо заметный. За день-два явно не пройдет.

«Ладно, попробую тональник», – недовольно подумала Ольга и сосредоточилась на более актуальной проблеме. В чем ехать домой? Если разорванную блузку можно спрятать под пиджаком, то с юбкой все намного сложнее.

Зазвонил телефон, оставленный где-то в брошенной прямо у двери

сумке. Но она заботливо стояла на единственном в комнате стуле. Пока Ольга пыталась понять, откуда доносится тихий звук, телефон затих, но тут же зазвенел снова. Она посмотрела на фотографию Олега на экране, и, кажется, даже щеки и уши загорелись от стыда.

- Да, – выдохнула она в трубку.

- Где ты? – без приветствия, холодно, едва сдерживаемо...

Из вспотевших ладоней телефон едва не выскользнул, а во рту пересохло, но Ольга осторожно выдавила:

- В смысле?..

- Что именно в вопросе ты не поняла?

- Я это... по делам отъехала. И вообще, что у тебя за тон?

- А какой у меня должен быть тон, когда я возвращаюсь в шесть утра домой, а тебя здесь нет? И на чем, скажи, ты уехала, если машина стоит во дворе?

- На такси, – ответила Ольга чистую правду, а потом осознание сказанного им ворвалось в голову: – Ты дома? Ты же должен был вернуться только послезавтра? Почему не предупредил? – вопросы сыпались так быстро, паника охватывала с каждой секундой все больше и больше.

Ольга даже не услышала, как за спиной хлопнула дверь и Роман, облокотившись плечом о стену, молча слушал ее нервный голос.

- Я тебя жду, – коротко бросил Олег, проигнорировав ее вопросы, и отключился.

- Как в старых добрых анекдотах, – со смешком сказал Роман. – Муж возвращается из командировки, а жена с любовником. Интересно, а как бы отреагировал твой режиссер, если бы застал нас в вашей постели?

- Хватит! – крикнула на него Ольга. – Мы натворили глупостей, я не знаю, что делать и в чем ехать домой, а ты еще и издеваешься.

- Что мы натворили?.. – прищурившись, тихо спросил он, делая шаг к ней. – Вот, значит, как?!

- Послушай, – попыталась остановить его Ольга, поняв, что опять все рушится. – Ты все неправильно понимаешь...

- А что тут понимать? – усмехнулся Роман, но во взгляде плескалась злость. – Все довольно банально и примитивно, по-моему. Пресытилась своим режиссером? Захотелось бурного секса на стороне? – он схватил ее рукой за подбородок и довольно болезненно сжал. – Что, муж недостаточно удовлетворяет? А сейчас побежишь вымаливать прощение. Интересно, каким образом? Этими губами? – он провел большим пальцем по ее нижней губе. – Только не забудь рассказать ему, где твои губы были этой ночью. Этим телом? – Роман провел руками вниз по груди, сбрасывая полотенце. – Которое вряд ли хоть раз реагировало на его руки.

Ольга стояла как парализованная. Она понимала, какие чувства в нем сейчас говорят, и не хотела подливать масла в огонь, но он же знал, с самого начала знал. Зачем же теперь все портить?

Она положила руки Роману на плечи и попыталась оттолкнуть, но он только сильнее вжал ее в небольшой стол.

- Ты понимаешь, – так же тихо сказала Ольга, – что мы поступили нечестно по отношению к нему. Ладно, только я. И Олегу будет больно, очень больно. И в этом виновата только я. В том, что у меня снесло крышу, в том, что провела эту ночь с тобой, в конце концов, в том, что люблю тебя.

Роман сделал шаг назад, и Ольга наконец подняла упавшее полотенце, вновь обмотав вокруг тела.

«Кажется, остывает», – подумала.

- Оля, он простил бы тебе случайного любовника, даже постоянного любовника. Но ты же сама понимаешь, что меня он тебе не простит.

Роман не дождался ответа, а просто вышел, хлопнув дверью так, что Ольга вздрогнула. Она так и стояла на месте, не было ни сил, ни желания даже пошевелиться. Что делать? Как быть? Что говорить?

Этот номер в гостинице, одиночество казались спасательным кругом, маленьким островком, где можно спрятаться. Но рано или поздно сюда вернется Роман, а представив, каково сейчас Олегу, Ольга наконец потянулась за остатками одежды. Нижнее белье было, на удивление, целым, небольшая стрелка на чулках – не страшно, а блузку можно скрыть. Но от одной мысли, что Олег увидит дома оторванные пуговицы, становилось тошно. Что уж говорить про

юбку, которую не реанимируешь даже иголкой с ниткой!

Ольга посмотрела на часы – начало восьмого. В такое время вряд ли где-то можно найти одежду, тем более с быстрой доставкой, ведь в таком виде даже в магазин нельзя выйти. Пока она в одном белье пыталась найти в смартфоне ближайшие адреса магазинов, снова хлопнула дверь, и Роман бросил на кровать белую блузку и синюю юбку.

- Где ты их взял? – удивленно спросила Ольга.

- Купил у администратора.

Она присмотрелась. А ведь точно, у девушки на ресепшене была точно такая же одежда.

- Спасибо.

- Не за что, – ответил Роман, задержав ненадолго взгляд на обнаженных ногах.

Ольга одевалась не торопясь, ждала, что он что-то скажет, но так и не дождалась.

- Я пойду?.. – как-то неуверенно спросила, взявшись за ручку.

- Тебе разрешение надо?

- Твою ж мать! – не выдержала она и, бросив сумку на пол, сделала несколько шагов обратно и схватила Романа за плечо, разворачивая к себе. – Зачем ты так? Мы же могли все начать сначала, а ты опять все усложняешь. Пойми, что мне просто надо поговорить с ним.

- И что дальше? – тихо спросил он. – Что мы станем делать дальше?

Ольга сделала шаг назад, немного растерявшись. Она не могла поверить, что каждая эмоция, каждое слово, каждое прикосновение этой ночью ничего не значили. Неужели это все просто?.. Просто что? Секс, страсть? Наверное, так и есть. Роман увидел, как резко меняется выражение ее лица: появляется такая знакомая складка меж бровей, уголки губ немного опускаются вниз, а в глазах начинает плескаться боль.

- Эй, – он притянул ее за руку к себе, – чего ты там себе уже напридумывала?

- Ничего...

- Я же вижу! – Роман запустил руку в ее волосы. – Не уходи...
Пожалуйста. Я боюсь, что снова тебя потеряю.

- Ты меня не потеряешь, – отстранилась Ольга, обхватив ладонями его лицо. – Я люблю тебя. Я очень тебя люблю. Я говорила, показывала и доказывала это. Неужели ты мне не веришь?

- Верю.

Роман прижал ее к себе так, что даже ребра, кажется, хрустнули. Она не хотела уходить, но расставить все точки над «i» было необходимо. Да, хотелось это попробовать. Пусть ничего не получится, пусть потом будет больно, но попробовать стоит. Чувства иногда превращают людей в безвольных существ, и хоть Ольга никогда не думала, что такое случится с ней, но и на старуху бывает проруха.

- Я уезжаю сегодня в десять вечера с Рижского вокзала. Звони, я буду ждать.

- Я приеду. Хотя бы ненадолго, – заметив, как Роман нахмурился, Ольга пояснила: – Пойми, что мне надо уладить все дела.

Его лицо разгладилось:

- Да, я буду ждать.

Она нехотя выскользнула из его объятий и обернулась, взявшись за дверную ручку:

- Я люблю тебя.

- И я люблю тебя, – ответил Роман.

Ольга вышла из номера, на ходу вызывая такси, спустилась вниз на лифте и подняла глаза вверх в поисках его окна. Какое-то странное чувство поселилось в груди: неотвратимость чего-то дерьмового, сжимающиеся ребра от странного ощущения и... что-то непонятное, как будто не стоило уходить.

Такси мчалось по утренней Москве, минуты превращались в секунды, а Ольга все думала, как поговорить с Олегом. Да, было до боли стыдно, неловко, но она надеялась, что он поймет.

Шаг, два, три... Ольга запомнила каждый, потому что проигнорировала лифт. Аккуратный, как можно более неслышный поворот ключа в замке. Открыто, можно было не стараться. Кровь стучала в голове, сердце выпрыгивало – было больно оттого, что она

собиралась сделать.

Олег сидел на кухне в компании ополовиненной бутылки коньяка. Он лишь посмотрел на Ольгу немного затуманенным взглядом и приложился к стакану снова. Она присела рядом и не придумала ничего лучше кроме как сказать:

- Восемь утра, а ты пьешь...

- И что? Какая тебе разница?

- Олег... – Ольга положила руку поверх его ладони, а он посмотрел наконец на нее и, поставив стакан, резко дернул ворот пиджака.

- Давай я даже не стану угадывать, чей это след?

Она опустила глаза. Да, ей было тяжело видеть его боль, но она и не хотела говорить с Олегом, пока он не протрезвеет.

- Может, ты сначала протрезвеешь? – тихо спросила Ольга. – А потом мы поговорим.

Он рассмеялся. Вот именно неадекватно пьяным смехом. А потом резко поднялся, за волосы дернув ее со стула, и уложил грудью на столешницу.

- Олег, не надо...

- Что не надо? – спросил он, делая большее, навалившись сверху. – Не надо быть с тобой грубым? Так тебе же это нравится, если судить по обращению Островского с тобой.

Ольга чувствовала, как Олег придавливает ее грудью к столу, а его руки в это время задирают юбку. Пальцы с грубостью проникли внутрь, а потом послышался звук расстегиваемой ширинки.

- Олег! – выкрикнула она, пытаясь остановить это, но тело сверху только сильнее надавило.

Он вошел резко, больно. Ольга даже вскрикнула, но попытки освободиться были тщетными. Олег с каждым толчком становился все грубее и грубее.

- Тебе же так нравится? Чтобы тебя не любили, а просто имели? У него член лучше? Или что? Скажи мне... – он остановился, но продолжал удерживать ее голову, пригвоздив к столу. – Что в этом чертовом очкарике есть такого, чего я не могу дать тебе? Я тоже могу тебя трахать до потери пульса... – Олег и пытался это делать,

вколачиваясь в тело с таким остервенением, что Ольга уже не чувствовала ног. – Я же люблю тебя. Я прощу тебя. И каждую ночь заставлю забывать о том, как он тебя трахал, потому что я тебя буду любить.

Он перевернул Ольгу лицом к себе и усадил на столешницу, языком слизав слезы на щеках. Она уже даже не сопротивлялась – отрешенный взгляд и бесконечные горошинки на щеках. Олег уложил ее на стеклянную поверхность, подхватил ноги под колени и продолжил входить в нее до боли, не замечая, что Ольга не чувствует ничего.

Он кончил, упав ей на грудь, и сказал:

- Не оставляй меня.

Ольга сама не поняла, откуда у нее взялись силы, но она так оттолкнула Олега, что он ударился плечом о стену. Потом обтянула юбку и спросила довольно спокойно:

- И кому ты что сейчас пытался доказать? Островскому? Так надо было его трахнуть. Показать, какой ты мужик? Чья я жена? Отлично, штамп в паспорте мог бы просто показать. Так скоро там появится еще один.

Ольга вышла в коридор и хлопнула дверью ванной, наконец дав волю слезам. Все это было чертовски унижительно, до боли, что ломала ребра и скручивала внутренности. Сейчас хотелось просто отмыться, соскрести с себя эту грязь, но она была уже глубоко под кожей. Почему-то, когда подобным образом поступал Роман, не возникало такого ощущения. Все было по-другому: грубо, но чертовски сексуально.

- Сама виновата, – вынесла вердикт.

Да, именно так. Вот только она никак не ожидала, что Олег именно таким образом выместит свою боль и обиду.

- Оля! – услышала она его голос и стук в дверь.

- Пошел вон!

- Оля, пожалуйста, давай поговорим.

- Наговорились уже. Ты до меня все предельно ясно донес.

Она вышла из ванной только через час. Олег все так же сидел за кухонным столом, но выглядел немного протрезвевшим, хоть и коньяка в бутылке осталось на самом дне. Чертова жалость кольнула в груди, даже после всего, что он сегодня себе позволил.

- Прости меня... – повернулся к Ольге.

Да, в его глазах было раскаяние, он чувствовал себя виноватым, но нельзя давать слабину. Сейчас, когда забрезжил свет в конце того тоннеля, в котором Ольга собиралась бродить бесконечно.

- Что было, то было, – ответила ему и добавила: – Разойдемся по-человечески.

- Разойдемся? – усмехнулся он. – Не в первый раз нам расходиться, а потом сходиться снова. У кого ты будешь рыдать на плече, когда Островский снова свалит в закат? Какая же это любовь, когда мозги отключаются? Что? Что в нем такого особенного? Оля, я тебя прошу, подумай, прежде чем идти на этот шаг и разрушить все.

- Я разрушила все уже давно, а сейчас пытаюсь восстановить. Мы совершили ошибку, когда поженились...

Ольга запнулась, посмотрев на Олега. Лучше бы она залепила ему пощечину, чем сказала последнюю фразу.

- Ты хоть минуту нашей семейной жизни не вспоминала о нем? Или даже в постели представляла на моем месте Островского?

- Олег, я тебя прошу... Не надо перекручивать. Я была благодарна за все, что ты для меня сделал, я никогда тебе не изменяла, я любила тебя. По-своему, но любила. А сейчас я прошу просто разойтись без скандала.

- А что он тебе даст, кроме своего члена?

Ольга ничего не ответила, просто развернулась и ушла в комнату. Бракоразводный процесс не должен занять много времени. Детей нет, имущественных споров тоже, а если Олег согласится сразу же на развод, то можно обойтись и без суда. Сейчас Ольга хотела быстрее добраться до ЗАГСа. Посмотрела график работы и чертыхнулась – сегодня понедельник. Выходной.

Достав телефон, набрала номер Романа. Безрезультатно.

Не сказав появившемуся в дверном проеме Олегу ни слова, прошла мимо и, бросив:

- Чуть позже заеду за вещами, – покинула квартиру.

Такси не мчалось, ползло по городу. Может, это и было неплохо, потому что Ольге казалось, что Роман все поймет, как только ее увидит. И от этой мысли становилось невыносимо. Казалось, что теперь он откажется от всех своих слов. Да, он жуткий собственник.

Глава 6

Его не было в номере, о чем сообщила уже другая девушка за стойкой. Ольга набирала его номер снова и снова, пока все-таки не услышала короткое и вопросительное:

- Да?

- Где ты?

- Что случилось? Я через час должен быть в гостинице.

- Должен быть? – переспросила Ольга, но Роман уже отключился.

Да, она понимала, что он, вероятнее всего, на очередной презентации, встрече или где там еще бывают писатели, но как же хреново сейчас было ей, а его опять нет рядом.

Ольга нашла только одно занятие для времяпрепровождения. Взглянув на знакомую дверь, ведущую в ресторан, она улыбнулась администратору и зашла внутрь. Людей не было в помещении совсем. Только скучающий бармен за стойкой, который до блеска натирал бокалы.

- Плесните чего-нибудь крепкого, не разбавляя, – попросила Ольга.

- Виски? – равнодушно спросил бармен, которого совсем не удивила девушка, распивающая до полудня алкоголь в полном одиночестве.

Ольга согласно кивнула. Эйфория от встречи с Романом прошла, жалость к себе от действий Олега тоже, и вернулась трезвость мышления. И после первого же стакана уже знакомые голоса на плечах завопили:

«Дура, что ты творишь? Трахнулась с ним и уже готова шагать в неизвестность».

«Нет-нет! Все правильно делаешь», – перебил его второй. – «Ты все правильно делаешь. Тебе же было плохо без него, а после этой

встречи стало бы еще хуже».

«Идиотка!» – снова завопил первый. – «Пытаться делать то же самое, что и в прошлый раз, и ожидать другой результат – признак сумасшествия».

«Нет! На этот раз все будет хорошо».

- Кажется, у меня начинается шизофрения, – вслух сказала Ольга.

- Еще налить? – тут же отреагировал бармен.

Ольга снова просто кивнула и посмотрела на время. Двадцать минут, прошло всего двадцать минут, а ее уже разрывают на части то ли внутренние демоны, то ли ангелы, то ли еще какие сущности.

Каждая минута ожидания превращалась в вечность, разрывала голову, и даже второй и третий стаканы не принесли облегчения. Сейчас Ольга хотела только одного – чтобы Роман сейчас пришел и решил эту дилемму в ее мыслях и чувствах. Наверное, впервые за всю жизнь хотелось, чтобы мужчина пришел и решил.

Со времени звонка Роману прошло уже больше часа, а он все так и не появился. Ольга хотела еще раз позвонить, но, едва взяла телефон в руки, как почувствовала в ладони вибрацию и услышала веселенький мотивчик. Только это был вовсе не Роман. На экране высветилась фотография Олега.

- И что тебе еще от меня надо? – спросила Ольга, не поднимая трубку, а потом сдвинула слайдер и выдохнула в трубку:

- Что еще?

- Оля, давай поговорим...

- О чем?

- О нас, – голос Олега был печальным и полным отчаяния. – Ты где?

- Это не важно. Мы поговорим, но сейчас и даже не сегодня, наверное. Я вечером приеду за вещами.

- И куда ты поедешь?

- Олег, хватит... Пожалуйста.

- Ты пьяная, что ли?

- Не пьянее тебя, – ответила Ольга и повесила трубку.

Роман уже жалел, что поехал на такси, надеясь, что так будет быстрее. Москва, что взять... Наконец машина остановилась около гостиницы. Он вышел, осмотрелся и достал телефон, набрав номер Ольги. Ему не терпелось узнать, что же она решила и как поговорила с... Мужем? Роман до сих пор не мог принять эту мысль, не мог представить, что все то время, те злополучные месяцы, пока он ее не видел, она была замужем. Эта женщина вязалась с самостоятельностью, самодостаточностью и свободой, а тут резко выскочила замуж. Неужели именно он послужил этому катализатором? От размышлений о причинно-следственных связях его отвлек голос в трубке:

- Алло?

- Ты где? – спросил Роман, услышав, как Ольга вздохнула на другом конце провода. Такое ощущение, что ей задавали этот вопрос за утро не один раз.

- В баре.

Поскольку она не уточнила, в каком именно, то Роман, улыбнувшись администратору и кивнув, направился уже к знакомой двери. Открыв ее, он остановился. Смотрел на запястья с выступающей синевой венки, которые были видны даже со входа. Ровные пальцы нервно зарылись в светлые волосы, потом потеряли переносицу, постучали по барной стойке и подхватили стакан с виски. Ольга слегка поморщилась и поднесла руку ко рту.

«Кажется, выпито было не так мало», – подумал Роман и уверенным шагом направился к бару.

Ольга сразу почувствовала руку на спине – стало теплее, даже теплее, чем от виски, который уже обжигал все внутри. И это был такой контраст, ломавший тело как при лихорадке, – жжение внутри, холод снаружи. Роман, кажется, его сбалансировал.

- Давно пьешь? – слышала Ольга.

- Чуть больше часа.

- Что случилось?

Роман почувствовал, как после этого вопроса она нервно повела

плечами, а потом опустила голову на сложенные на стойке руки. Он не знал – алкоголь ли это, сомнения или что-то еще.

- Ты меня любишь? – вдруг спросила Ольга, подняв голову.

Спросила тихо, но Роман все равно услышал. Вот только ничего не ответил, только вздохнул и сказал:

- Идем в номер. До вечера еще время поспать.

- Спать? – Ольга сбросила его руку. – Нам не спать надо, а поговорить для начала.

Роман тяжело выдохнул, так, как будто без слов пытался донести мысль: «Что за детский сад?» Но вслух только сказал:

- Слышала про то, что пьяный трезвому не товарищ?

- Я не пьяная, – возмутилась Ольга, но в попытке слезть со стула покачнулась и уткнулась носом в грудь Романа.

Он подхватил ее на руки с опять таким же тяжелым выдохом и понес к выходу из бара. Девушка на ресепшене, уже другая, никак не отреагировала на их появление. Лишь посмотрела в сторону открывшейся двери и снова уткнулась в компьютер. Ольга с третьего раза попала пальцем в кнопку вызова лифта и заметила:

- У меня дежавю. Кажется, мы вчера это проходили.

- А мне вот интересно, что же такое могло случиться, что ты наклюкалась с утра пораньше?

Ольга уткнулась носом в его шею и сделала вид, что спит. Лифт коротким, но ужасно противным звуком дал понять, что они на нужном этаже. Роман остановился у двери номера и сказал:

- Хватит притворяться. Достань из внутреннего кармана ключ-карту.

«Похрапеть, что ли, для достоверности», – подумала Ольга, но все-таки протянула руку к пиджаку и нащупала тонкий кусочек пластика. Оторвалась от спасительной шеи и приложила ключ к замку. На электронном устройстве зажглась зеленая точка, и через минуту Роман определил Ольгу на кровать со словами:

- Спи. Я в душ.

Пробуждение было отвратительным. Бессонная ночь, стресс и алкоголь сделали свое дело, и Ольга чувствовала так, как будто ее не асфальтоукладчик переехал, а целый парад техники. С тихим стоном она повернулась на бок и уперлась в теплое плечо.

Роман отложил книгу и посмотрел на нее.

- Доброе утро. Хотя у алкоголиков оно редко бывает добрым. Водички или лучше пива?

- Издеваешься? – еле выдавила из себя Ольга, потому что в рот как будто песка насыпали.

- Издеваюсь, – не стал отрицать Роман, поднимаясь с кровати.

Подошел к мини-бару, достал бутылку минералки. Ольге казалось, что все происходит, как будто в замедленной киносъемке. Она протянула руку в надежде, что Роман поймет ее правильно, и почувствовала прикосновение холодного стекла к пальцам.

Приподнявшись на одном локте, открутила крышку и, почти не отрываясь, полностью осушила бутылку.

- Спасибо, – сказала, поняв, что вернулась нормальная тональность голоса.

Роман снова опустился на кровать, закинув руки за голову, и спросил:

- Так о чем ты хотела поговорить?

Ольга тоже откинулась на подушку и потерла лицо руками. Под виски говорить хотелось о многом, сейчас – не хотелось ни о чем.

- Что мы будем делать дальше? – спросила, когда молчание уж слишком затянулось.

- Я иногда тебя не понимаю. Вроде же все нормально, только все устаканивается, как ты снова начинаешь. И возникает чувство, что ты мне просто-напросто не доверяешь. Я не идеален и никогда этого не скрывал. Но чтобы так... Извини, Оль, но ты не права. Ты хочешь распланировать всю дальнейшую жизнь? Это невозможно. Хочешь знать, какие у меня планы? Я каждый раз был с тобой честен, но ты как будто меня не слышала, занимаясь самокопанием. Черт возьми! Я не собираюсь жить с женщиной, которая во мне сомневается, ежеминутно ожидая какого-то подвоха. Или тебе твой идеальный режиссер мозги промыл?

Зря он упомянул про Олега, потому что Ольга почувствовала, как и

щеки, и уши начали гореть. Она не собиралась рассказывать Роману о том, что случилось утром. Это было слишком тяжело, унинительно и больно. Тем более она не знала, как он отреагирует на подобное откровение.

- Я мало кому вообще доверяла. Детская травма с формированием доверия к миру, – усмехнулась в ответ. – Ты верно все описал в своей книге.

- Давай лирику оставим на потом. Возможно, у нас еще вся жизнь впереди для разговоров, а сейчас мне надо уезжать. Я оплатил номер еще на неделю, оставайся здесь, пока не уладишь все дела. Если еще не передумала, – добавил Роман спустя минуту.

- Я схожу в душ и поеду с тобой на вокзал.

- Спинку потереть? – в его тоне Ольга услышала игривые нотки, но сегодня отреагировала на них слишком резко:

- Нет!!! – и словила взгляд Романа, удивленный и немного вопросительный. Но этот вопрос так и остался невысказанным.

Закусив до боли нижнюю губу, Ольга отвернулась и, на ходу расстегивая пуговицы, зашла в ванную. Она верила, что все будет хорошо, или просто заставляла себя верить в это. Верила, что через неделю все забудется и наладится. Но все равно какой-то червячок сомнения прогрызал дырку в груди.

Душ и вторая бутылка воды принесли Ольге еще больше облегчения. Роман застегнул чемодан и спросил:

- Ты готова?

Она кивнула, набросила пиджак и подошла к двери. Что-то опять стеной стало между ними, и это было так осязаемо, что хотелось выть от безысходности и рвать на себе волосы. Казалось, что снова что-то пойдет не так, как это бывало обычно.

- Ты не можешь остаться? – спросила Ольга уже возле лифта, хоть и заранее знала ответ. Наверное, он бы остался, если мог.

- Не могу. У меня еще несколько встреч в других городах, но не думаю, что это затянется надолго. Я надеюсь, ты тоже быстро закончишь с делами.

«И что потом?» – едва не сорвалось с губ. Перед ней сейчас стоял тот же холодный и безэмоциональный человек, с которым она познакомилась год назад, хотя Ольга знала, уже знала, что на самом деле-то он не такой.

- Я постараюсь, – ответила, заходя в лифт вперед Романа.

- Что это? – провел он пальцем по ее затылку, где виднелось несколько маленьких желтовато-зеленых пятен, едва заметных, но все же.

Ольга чувствовала небольшой дискомфорт, но не ожидала, что там есть какие-то отметины. Вспомнив хватку Олега в том месте, до которого дотронулся Роман, она дернула плечами, как будто оказалась на морозе, и ответила как можно равнодушнее:

- Ты, наверное, перестарался ночью?

- А ты, наверное, держишь меня за идиота? – ответил он вопросом на вопрос, повышая голос.

- Хватит!

- Может, набить твоему режиссеру морду... – задумчиво протянул Роман, почесав бровь.

- Не опускай свою интеллигентность до рукоприкладства. Я сама с ним разберусь.

- Так же, как сегодня утром разобралась?

Разговор пришлось прекратить, потому что они подошли к стойке администратора, где очередная вежливая девушка, попросив паспорта, оформила выселение и заселение.

Машина такси уже ждала на стоянке гостиницы. Роман положил чемодан в багажник и сел рядом с Ольгой на заднее сидение, тут же спросив:

- И ты считаешь меня интеллигентом после всего, что я тебе рассказывал. Поверь, кулаками махать я умею так же хорошо, как и писать. И ты впредь запомни – никогда не смей мне врать. Я все равно это пойму.

- Да, помню, у тебя талант на таланте и талантом погоняет. Но что за условия? – Ольга шутливо ударила его кулаком в плечо, и Роман тут же перехватил ее руку, сцепив их пальцы в замок.

- Чем сегодня займешься? – спросил уже на подъезде к вокзалу.

- Мне надо съездить за вещами, – осторожно ответила Ольга и тут же почувствовала, как напряглась рука Романа. Но он промолчал.

И молчал до тех пор, пока они не вышли из машины. Вокзал встретил их привычным для этого места шумом. Но сейчас Ольга слышала только свои шаги, каждый из которых отдавался глухим ударом в голову.

- Все нормально? – услышала она голос Романа как будто издалека.

- Да, – Ольга положила руку ему на щеку и улыбнулась. – Я почти год ждала, чтобы снова тебя увидеть, но или мы сами друг над другом издеваемся, или судьба над нами... И вот только один день, а мы опять расстаемся на неопределенный срок. Может, нам просто суждено быть лишь любовниками, встречи которых так и хороши оттого, что так редки.

- Ты сейчас меня пытаешься в этом убедить или себя?

Она убрала руку от его лица и спросила:

- Почему ты злишься?

- Послушай, – Роман взял ее за локоть и притянул к себе. – Я зря тебя отпустил сегодня утром, поэтому злюсь на себя. Мне нужно уезжать, поэтому я злюсь на чертово издательство. Ты собираешься сейчас ехать к своему режиссеру, поэтому я злюсь на тебя. А теперь... Я не мастер мелодраматических прощаний, но мне надо идти. Пока, – он легко коснулся ее губ в едва ощутимом поцелуе и добавил: – Я позвоню.

Как бы ни хотелось, но надо... Отпускать, терять, потом снова обретать.

Для Ольги это стало невыносимо. Даже первое их расставание не было таким болезненным, как сейчас. Она как будто отрывала часть себя, даже эти идиотские соленые капли, которые начали жечь глаза, были не к месту. И Роману она их показывать не хотела.

Только когда поезд тронулся, а она отошла с перрона, смогла дать волю этому физиологическому недоразумению. Сколько раз она плакала за все почти тридцать лет? Мало, очень мало. А сейчас эта непривычная соленая жидкость лилась из глаз неконтролируемо.

Потопом.

- Девушка, – кто-то тронул ее за плечо. – Вам плохо?

Ольга подняла глаза на незнакомую женщину и вдруг упала на плечо. Оно было чужим, с непривычным запахом, но это ей нравилось. Так должна пахнуть мама, которой у Ольги никогда не было. Вернее, была, но не такая.

Теплая рука легла на спину, а ободряющий шепот в ухо о том, что все будет хорошо, привел в чувство.

- Извините, – сказала Ольга.

- Девочка, – женщина вытерла ей слезы тыльной стороной ладони, – ни один мужчина не стоит такой истерики. Пойдем, – кивнула она в сторону. – Я тебя подвезу.

- Не надо.

- Надо, милая, надо.

Ольга поняла, что вот такое общение ей сейчас и было необходимо. А увидев смс от Романа, которое пришло через пять минут после отправления поезда, она совсем поддалась истерике.

«Верни мне ту женщину, в которую я когда-то влюбился».

Больно? Нет, хуже. Намного хуже.

Что-то так скрутило в районе груди, что даже дышать стало больно. Кислород стал бы почти лекарством, но он упорно не хотел входить в легкие. Ольга схватилась за плечо добродушной женщины и только смогла попросить:

- Скорую... пожалуйста...

Все дальнейшее происходило как в тумане. Вроде бы какие-то люди, суетившиеся вокруг, звук, бивший по ушам, какие-то разговоры вокруг. И свет – он казался очень болезненным. А потом Ольга услышала голос Олега, но так и не разобрала, что он говорил.

«Ну и почему она не ответила в своей привычной манере?» – подумал Роман, продолжая смотреть на погасший экран телефона.

С каждым километром он все больше убеждался, что ему не стоит уезжать...

Ответа не было. Полчаса. Час.

Роман не выдержал и набрал номер...

Ответа не было.

Такого дерьмового пробуждения она не помнила. Во рту сухо, в глазах больно, в теле немощно. В ноздри ударил запах знакомого парфюма, и Ольга только смогла прошептать:

- Олег... Воды...

Какое-то едва заметное движение. В глазах все было подернуто дымкой. А потом прикосновение к губам – стекло. Она сделала несколько глотков и обратно откинулась на подушку.

- Что со мной? – спросила, закрыв глаза и даже не пытаясь открыть. Олега видеть не хотелось.

Хотелось найти телефон и позвонить Роману.

- Оль, я врача позову.

- Олег, – она схватила его за руку.

Нашла сразу, хоть и не видела. Но рука так же быстро выскользнула, и послышался хлопок двери.

Какого черта?..

- Ольга Михайловна, – услышала чужой мужской голос. – Как вы себя чувствуете?

Приоткрыв едва глаза, которые слепли даже от больничных ламп, ответила:

- Что со мной?

Врач, пожилой, но импозантный и симпатичный мужчина, вздохнул:

- У вас олигодендроглиома.

- Что? – не поняла Ольга.

- Опухоль центральной нервной системы.

Хоть смысл сказанного не сразу дошел до еще не проснувшегося мозга, но слово «опухоль» понял бы и пятиклассник. Осознание этого не сразу проникает в мозг – нормальная защитная реакция. Ольга

просто закрыла лицо руками – ни слез, ни стенаний, ни истерики.

- Вылечить можно? – спросила через пару минут, посмотрев на врача, стараясь не смотреть Олега.

Какого черта он вообще здесь делает, она не понимала. А потом вспомнила, что они же юридически повязаны. Супруги, мать их.

- Да, – улыбнулся врач, а потом погрузился: – Только...

- Только что?

- Придется сделать аборт.

Мозг сопротивлялся, информация не доходила. Нормальная защита психики.

- Нет, – выдавила Ольга.

- Что? – не понял врач и посмотрел в сторону Олега так, как будто одним только взглядом намекал на обследование у психиатра.

- Вы ведь невролог?

- Да, – ответил он.

- Осмотра гинеколога не было? – спросила Ольга, на что получила отрицательное мотание головой из стороны в сторону. – Я не могу быть беременна.

- Оля, – сделал Олег шаг к ней. – Я понимаю, что тебе не просто это принять...

- Сделай милость – заткнись, а? Какого черта ты вообще сюда приперся?

- Ольга Михайловна, – деликатно вклинился врач. – Мы позвонили вашему мужу.

- Почти бывшему мужу, – пояснила она и снова посмотрела на Олега: – Подай завтра на развод, поскольку я сама сейчас не в состоянии это сделать. И где мой телефон?

Кажется, невролог серьезно подумывал о консультации психиатра. Нахмурил брови, поджал губы, странно посмотрел, пока не сказал:

- Послушайте, я понимаю, что вы не можете еще в полной мере осознать все произошедшее, ведь столько всего навалилось, но, чем

раньше мы начнем лечение, тем вероятнее сможем искоренить болезнь. А ваши анализы явно дали понять, что вы в положении...

- Выйди, – кивнула Ольга Олегу. Он лишь удрученно покачал головой, но нехотя послушал ее и покинул палату. – А теперь вы послушайте меня, – снова повернулась к врачу, – я не знаю, что там с анализами, но вам не мешало бы понять это, приняв тот факт, что я не беременна. Можем прямо сейчас прогуляться до кабинета гинеколога, который подтвердит этот факт.

- Я вас понял...

- Сколько мне здесь придется пролежать?

- Сложный вопрос. Но медлить с операцией мы не будем, завтра придет нейрохирург для консультации, посмотрит результаты КТ...

Ольга слушала, как он забрасывает ее медицинскими терминами, даже кивала в ответ, но больше всего жалела не себя, а жалела о том, что не все получится так быстро, как она предполагала. Снова судьба втыкает им с Романом палки в колеса, только на этот раз у палки страшное название «онкология».

Едва врач вышел за дверь, как Ольга потянулась к тумбочке, надеясь найти там телефон. Ничего! Услышала тихий скрип и, подняв голову, натолкнулась на печальный взгляд Олега.

- Что еще?

Он молча подошел и остановился в шаге от кровати.

- Мне уйти? – спросил вроде бы равнодушно. – Оставить тебя одну в чужом городе? И что ты будешь делать? Наташа к тебе не приедет, у нее маленький ребенок. Любовничек твой тоже вряд ли, я даже сомневаюсь, что ты ему сообщишь о своем состоянии. Не захочешь, чтобы он тебя такой видел, особенно после последней смс...

- Какой смс? – Ольга даже подорвалась с кровати, отчего сразу накатил приступ тошноты, а в глазах запрыгали черные точки.

- Не надо так резко подрываться, – Олег хотел поддержать ее за локоть, но Ольга одернула руку и немного севшим снова, но твердым голосом сказала:

- Не переводи тему. Где мой телефон?

Олег достал знакомый смартфон из кармана и бросил на кровать.

- Можете устроить секс по телефону, – не без сарказма прозвучали его слова. – Я завтра привезу необходимые вещи.

Он уже почти взялся за дверную ручку, когда Ольга все-таки сказала:

- Спасибо!

- Не за что, дорогая. Только учти, что на развод я сам, – сделал акцент на последнем слове, – подавать не буду.

Дверь за ним захлопнулась, казалось, с оглушительным звуком, и Ольга подумала, что вместе с ним рухнули и все ее планы.

Глава 7

Это были бессмысленные минуты в ожидании. В ожидании чего? Самой себя.

Ольга прочитала смс от Романа. Как бы это больно не было, но она поняла, что он имел в виду. Так и было. Она перестала быть собой, а теперь еще больше перестанет. И мысль о том, что он не захочет ее видеть ее такой, рвала изнутри, не позволяла пальцам набрать номер. Ольга захотела огородить его от этого дерьма, через которое она проходит. Но в чем была ее ошибка – она не спросила, хочет ли этого он.

Все равно решала сама, без него. Все равно страдала, не позволяя страдать вместе с ней.

Лишь написала:

«Я задержусь. Это необходимо».

Роман не ответил ничего.

Ольга отправила еще одно сообщение:

«Ты не вернешь ту женщину. Ты сам ее изменил».

Роман так и не ответил...

Темнота палаты сменилась рассветом, который понемногу начинал освещать стены. А сна не было.

Зашла медсестра, стандартно разбудив. Предупредила, что скоро обход, но Ольге было плевать. Такая апатия наступила... Она так и пролежала до обхода.

Группа врачей вошла в палату, среди которых был и тот вчерашний невролог. Он вроде как был лечащим, потому что сразу взял инициативу на себя. Ольга его не слушала, пока молодой врач не взял результаты КТ и не направил их к окну на просвет.

- Я вижу здесь только кисту, вы преувеличили масштаб.

- Но, – возразил невролог.

- Сам разберусь, – перебил его нейрохирург, как поняла Ольга.

Оставалось только выдохнуть и поблагодарить... Кого? Бога? Судьбу? Ольга не верила ни в одно, ни в другое. Но постоянные препятствия на пути иногда наводили на мысль, что это просто не судьба. Роман... Он так и не ответил.

Самобичевание прекратил врач, тот самый, вызвав ее в свой кабинет.

- Он идиот, – начал разговор с немного неэтичной реплики. Ольга поняла, что имел он в виду того самого невролога. – Кисту мы просто удалим, и все будет хорошо. А вот насчет беременности...

- Я не беременна, – устало повторила Ольга.

- Мы должны в этом удостовериться. Хотя зашкаливающий ХГЧ могла дать и болезнь.

Пройдя все необходимые процедуры, сдав повторные анализы, она вернулась в палату. Олег сидел, глядя в окно. На лице отчетливо проступили следы бессонной ночи и усталости.

- Зачем пришел? – спросила Ольга, привлекая к себе внимание.

Он повернулся и, проигнорировав вопрос, улыбнулся:

- Как дела?

- Олег, послушай, я не беременна, если тебя это интересует, так что можем с чистой совестью разводиться. Я почти здорова, так что не стоит строить из себя мать Терезу.

Он поднялся и подошел почти вплотную, Ольге пришлось отступить на шаг назад и упереться спиной в холодную стену.

- У меня-то совесть чиста, – тихо сказал Олег. – Не я же трахаюсь с кем попало. А где сейчас твой любовничек? Позвонила ему, рассказала обо всем?

Ольга почувствовала, как одинокая слеза скатилась по щеке, а ногти

впились в кожу до кровоточащих ран. Он знал каждый потаенный уголок ее души, знал ее лучше, чем она сама, поэтому и знал, на чем сыграть. Сейчас он подпитывал тот червячок сомнения, который и так постоянно жил в мозгу. Ольга только надеялась, что его вырежут вместе с опухолью.

- Уходи, Олег. Уходи, пожалуйста. Мы стали чужими друг другу, потеряли все. Мы все равно разведемся, рано или поздно, но это случится. Так что давай решим все быстро и любовно.

- Любовно? – рассмеялся он. – А была ли любовь у нас?

- Хватит! – Ольга как-то моментом взяла себя в руки. И знала, почему это сделала – она возвращала ту женщину, о которой говорил Роман.

Оттолкнув Олега, она направилась к шкафу, где висели вещи, в которых ее доставили сюда. Быстро одевшись под взглядом, который почти высверлил дырку между лопаток, Ольга следом забросила в сумку телефон и вышла в коридор. Она сегодня же подаст на развод.

Медсестра на посту подорвалась, но как-то быстро осела под взглядом, который был брошен в ее сторону.

- Я скоро вернусь, – бросила Ольга и почувствовала вибрацию в сумочке.

Уже на лестнице достала телефон – она слышала, даже чувствовала, что Олег идет следом – и облегченно выдохнула, увидев пропущенный вызов от Романа. Сразу же перезвонила, он сразу же поднял трубку со словами:

- Что случилось?

Его голос тут же подействовал лучше любых врачей, а за спиной как будто выросли крылья.

- Ничего. Просто мне немного придется задержаться. Я скучаю по тебе.

Ответ последовал только через минуту, не меньше:

- Оль, я тоже. Но если ты не будешь со мной разговаривать, то мы ни к чему не придем.

- Я сбежала с больницы и иду подавать на развод. Пока все.

- Понял. Только мне интересно, по какому поводу ты в больнице?

- Приболела. Такое бывает. Главное, помни, что ничего не изменилось. Я все так же хочу быть с тобой, я все так же люблю тебя. И это ничто не изменит.

- И я тебя, – отозвался Роман так близко, но за сотни километров.

Выйдя на улицу, Ольга вдохнула теплый, но еще не раскаленный весенний воздух. Олег появился за спиной неслышно и одним вопросом опалил выросшие крылья:

- Ты хоть сама себя слышала? Это не любовь, это патология любви.

Он мог говорить о патологической любви, о токсичных отношениях, зависимости, но вряд ли бы в тот момент Ольга его услышала. Она просто не хотела, чтобы снова тот самый червячок сомнения начал точить ее мозг.

«Все будет хорошо!» – она повторяла это как мантру, убеждала себя в правильности всего, что было у нее в планах.

- Олег, – повернулась к нему, улыбнувшись. – Ты хороший человек, правильный. А вот я, наверное, не очень. Но я хочу этого, хочу быть с ним. Пусть ни черта не получится, но попробовать я должна.

- Ты ведь уже даже думаешь, что ничего не получится, хотя вы еще даже ничего не начинали. Сколько не пытались, как одинаковые магнитные полюса отталкиваетесь друг от друга.

Ольга покачала головой, но улыбаться не переставала. Просто ходячий позитив, несмотря ни на что. Она положила руку Олегу на плечо и снисходительно попросила:

- Давай не будем портить отношения окончательно. Ты вчера сделал шаг к этому, – после этих слов он поморщился. Конечно, никто не любит упоминаний о своих косяках. – Я теперь делаю шаг навстречу. Давай просто разведемся, без скандалов на радость СМИ, без взаимных упреков. Да, я тоже виновата, не сдержала себя, хотя у меня принципы насчет измен в браке. Но это было, переписать уже не получится. Так что давай просто простим друг друга и двинемся дальше.

Не дожидаясь ответа, Ольга развернулась и пошла в сторону распахнутых ворот. Вот со своей решимостью она перегнула. Осмотрелась по сторонам – местность незнакомая. Чертыхнулась в

попытке рассмотреть название улицы и номер здания на противоположной стороне улицы и услышала, как рядом остановилась машина.

- Подвезти? – открыл Олег окно.

- До ближайшего ЗАГСа?

- Садись уже, – устало сказал и распахнул пассажирскую дверь.

Ольга махнула рукой и села в машину. Все-таки лучше, чем искать способ выбраться из незнакомого места, тычась во все углы как слепой котенок.

- Разведемся через ЗАГС, – сказала, когда они остановились на светофоре. – Детей нас нет, имущественных споров тоже, так что это самый простой и тихий способ. Суд нам не нужен. Сегодня подадим заявление, вот только отдадут его лишь через месяц. Может, им там денег предложить, чтобы ускорить процесс?

Машина двинулась с места, и Ольга наконец посмотрела на Олега, как будто искала ответ на свой вопрос. Он сосредоточенно смотрел на дорогу и комментировать ее слова вроде бы не собирался. Ольга отвернулась обратно к окну, когда он коротко бросил:

- Разберемся.

Знакомые улицы, дома... Олег вез ее в тот ЗАГС, в котором они когда-то расписались. Расписались без шума, так и разведутся.

И Ольга поняла, что как чувствовала ничего тогда, как не чувствует и сейчас. Осознать это было больно, и мысль, что она просто никогда не любила Олега, доставляла еще больше боли. Но боли сейчас было не место. Боль и самоистязание надо оставить за порогом и не приглашать в душу. А уж самобичевание, идущее в комплекте, вообще не нужно здесь.

- Ближе отделения не нашлось? – не выдержала Ольга, когда вышли из машины.

- Это единственное, которое я знал, – спокойно ответил Олег и добавил: – Идем? Тебе еще в больницу возвращаться.

От его заботливого тона у Ольги сводило скулы. До боли, до впивающихся в ладони ногтей, до зубовного скрежета. Этот тон добавлял чувство вины к и так перемешавшимся эмоциям и чувствам. А она не привыкла к такой лавине. Она не знала, что с ними делать и

как разгребать. Замешкавшись на пороге, только сказала:

- Пожалуйста, Олег, не приезжай больше в больницу. Пожалуйста, не надо.

- Я тебя понял, – ответил, открыв дверь и пригласительно кивнув Ольге.

Заявление приняли быстро, все-таки сразу двое супругов дали согласие, причем одновременно. Так что работница ЗАГСа даже не сказала ни слова, только предупредила:

- Все равно по правилам свидетельство только через месяц.

- Скажите, – улыбнулась ей Ольга. – А можно ускорить как-то процесс?

Женщина нахмурилась, но ответила быстро:

- Надо спросить у заведующей, но...

- Где ее кабинет? – прервал Олег.

- Восьмой.

- Спасибо.

Ольга никогда не любила бюрократическую волокиту. Хотя кто ее любит? Но хотелось только сесть и переложить все на чужие плечи. Олег перед кабинетом как будто прочитал ее мысли:

- Посиди, я сам.

Все заняло минут пятнадцать. Ольга даже считала, чтобы отвлечь себя от вновь закрадывающихся в голову мыслей. Он появился в холле и махнул головой в сторону выхода.

- Я все уладил, – сказал Олег, сев в машину. – Через неделю у нас будут свидетельства, раньше никак.

- Цена вопроса? – спросила Ольга.

- Не столь важна. Я отвезу тебя обратно, а то там врач уже рвет и мечет, наверное.

Всю обратную дорогу Ольга смотрела исподтишка на Олега. Он молчал, лишь изредка чертыхался из-за водителей, которые встречаются на каждой дороге. Она знала, что должна была что-то

сказать, но слов не находила.

Да, было больно, как будто отрываешь сейчас кусок от себя самой, хотя до этого даже не было мысли, что станет так больно.

- Олег... – дотронулась Ольга до его локтя, и от ее движения он вроде бы как очнулся.

- Что бы ты не хотела сказать, лучше промолчи. Тебе это не идет. И главное – будь собой.

- Ты это специально сказал? – взорвалась Ольга.

Может, ей казалось, но было ощущение, что все над ней просто издеваются сегодня. Хотелось просто свернуться калачиком и упиваться собственной болью.

- Оль, я не пытался косить под твоего Островского, если ты об этом. Я сделал все, о чем ты просила, так что прекрати искать виноватых в той неразберихе, что творится в твоей голове.

- Да, ты прав.

Ольга вышла и хлопнула дверью машины. Хлопнула дверью в прошлое.

Роман после ее звонка просто сидел и отстукивал пальцем по закрытому ноутбуку. Что-то было такое в ее голосе, что заставляло волноваться. Просто приболела? Не выглядела она больной, когда провожала на вокзал. Что же так резко случилось?

Он думал меньше минуты, потом написал пару писем в издательство и забронировал билет до Москвы.

Мысль о том, что она его не позвала, не попросила ни о чем, не давала покоя. Сколько можно танцевать? Пора переходить к прелюдии. Роман и сам этого боялся, не понимал, что значит – жить с женщиной. Но сейчас сорвался в город за несколько сот километров.

«Я же идиот. Она меня не звала, значит, не хотела видеть. Кто знает? Вдруг это ложь? Вдруг она опять со своим режиссером. Их объединяет большее, они не в первый раз сходились. Может, я в этом трио и лишний?»

Подобные мысли преследовали его всю дорогу, и это Роману не нравилось. Он никогда не позволял сомнениям и домыслам разъедать

мозг. Он просто все решал, но никак не метался из угла в угол, заламывая руки.

Сейчас он набрал номер Анны, зная, что у нее везде найдутся знакомые, которые смогут помочь.

- Рома, – пропела бывшая жена в трубку. – Вспомнил о старой подруге?

- Я о тебе никогда не забывал, ведь нас связывают годы дружбы и несколько лет брака.

- Какой ты милый! Значит, тебе что-то надо от меня. Рассказывай.

- Анечка, есть ли у тебя какие-то знакомые в системе здравоохранения? Нужно узнать номер страхового полиса и как-то определить, в каком учреждении он в последний раз засветился. Думаю, данные компьютеризируются?

- Естественно, Рома. Я попробую. Только ты придумал какую-то очень сложную схему. Не проще ли позвонить человеку и спросить, в какой больничке он лежит?

- Аня, сделаешь? – он назвал фамилию Ольги, даже вспомнил адрес. Хотя не знал, меняла ли она фамилию после замужества и место прописки, но надеялся, что все осталось по-прежнему.

Анна только иронично хмыкнула на другом конце провода и протянула:

- Вот оно как! Старая любовь не ржавеет.

- Старая любовь у нас с тобой, – ответил Роман колкостью на ее тон.

- Рома! – предостерегающе начала Анна. – Не зли меня, а то помогать не буду.

- За всю жизнь я слышал это несколько тысяч раз. Все равно помогаешь, ты же добрая.

- Подхалим. Предлагаю сделку. Я ищу твою Ольгу, а ты мне потом рассказываешь, где вас опять жизнь столкнула и чем это закончилось. Идет?

Роман чертыхнулся. Конечно, мысленно. Он не любил никого пускать в свою душу, даже Анну, но отказать сейчас ей не мог.

- Идет, шантажистка, – усмехнулся и, попрощавшись, повесил

трубку.

Действительно, а почему бы не позвонить самой Ольге и не спросить, где она? Но он не хотел услышать «тебе не стоит приезжать», «не надо, все нормально» и тому подобное. А Роман предполагал, что так и будет. И даже догадывался, что ее «немного приболела» – неправда. Слишком уж странный голос был у Ольги по телефону. Но, по крайней мере, слова о разводе прозвучали. И очень бы хотелось, чтобы хоть это оказалось правдой.

Анна перезвонила через час со словами:

- С тебя ящик коньяка.
- Ты стала пить коньяк? – удивился Роман.
- Да не для меня. Пришлось напрячь парочку людей, – драматическая пауза.
- Аня...
- Нашли твою Ольгу, записывай или запоминай, – она назвала больницу и уже игриво попросила: – Теперь давай рассказывай.

Роман выдохнул и начал рассказывать о встрече с Ольгой в Москве, стараясь сократить свой монолог до минимума.

- И это выдающийся писатель? – горестно вздохнула Анна. – Нет бы красочно расписать, а он сухо изложил мне факты. Даже юридические документы красноречивее тебя.
- Слушай, тебе расписать, в каких позах мы трахались или что?
- Тише ты, не кипятись. Но я рада. Вы, конечно, знатные придурки, которые как будто специально бежали от своих чувств, но наконец-то это поняли. Не наломайте в этот раз дров, третий раз судьба вряд ли даст вам шанс.

Роман согласился с ней и перевел тему на Питер. Анна рассказала о своей работе, новой подружке и красоте северной столицы, закончив словами:

- Приезжай как-нибудь набираться вдохновения для новой книги.
- Обязательно, – пообещал Роман.

Решив как-то отвлечься от зудящих мыслей, он открыл ноутбук, чтобы написать хоть пару строк новой книги.

Глава 8

Роман понимал, что в шесть утра его в больницу вряд ли кто-то пустил, но и ждать, когда он уже в Москве, было тяжело. Поэтому, подхватив дорожную сумку, двинулся в сторону стоянки такси и без раздумий назвал адрес больницы, узнав его у всезнающего гугла.

Центральная дверь, конечно, была закрыта, но Роман знал, что приемный покой будет открыт круглосуточно. Так и было, только внушительного вида женщина преграждала путь. Роман включил все обаяние, на которое был способен, но дама была непреклонна. Вот уж охрана! Даже бывший спецназовец выглядел бы не так устрашающе на посту охраны.

Они пререкались минут десять, пока из заветного коридора, в который Роман никак не мог попасть, не вынырнула девушка в белом коротком халате.

- Мама, – обратилась она к церберше на посту. – Я дочитала, принесла тебе. Великолепно.

И она протянула женщине знакомую книгу. Может, хоть на девушку его обаяние подействует.

- Извините, – обратился он к ней. – Не окажете мне небольшую услугу, а я подпишу вам книгу и даже могу прислать новую до ее выхода в свет.

Обе дамы, кажется, растерялись. Потом та, которую называли мамой, перевернула книгу и поочередно посмотрела то на Романа, то на фотографию на глянце. Девушка только открывала и закрывала рот, прижав руки к груди.

- Вы, – наконец выдавила она. – Вы Роман Островский?

- Да, – он посмотрел на бейджик, – Алина.

Наверное, сегодня фортуна была его стороне, потому что через пять минут медсестра принесла ему халат, а церберша предложила оставить сумку у нее на посту. Подписав книгу едва ли не лучшими рожденными им строками, он поспешил за Алиной. Они зашли в отделение неврологии, и девушка спросила, включив компьютер:

- Кого вам надо найти?

Роман назвал все данные, а медсестра убрала руку с мышки и улыбнулась:

- Ну сегодня просто ваш день! Должна была дежурить на сутках Светка, но попросила меня заменить, а через нее вы бы не прорвались. В конец коридора, – показала Алина рукой направо. Двести четвертая палата.

Брови Романа просто поползли вверх. Это точно невероятное везение, такое только в художественных произведениях встречается. Желание мгновенно сорваться с места пришлось подавить. Роман со всей искренностью еще минут пять распинался в благодарностях, а смутившаяся медсестра даже покраснела.

- Алина, если я вам еще что-то должен... – сделал намек.

- Ну что вы, Роман Сергеевич. Знакомство с вами мне достаточно, только постарайтесь уйти в течение часа, чтобы у меня проблем потом не было. И про диагноз даже не спрашивайте, я уже и так перешла все границы.

- Все нормально, я спрошу у Ольги и постараюсь вас не подставить, удалившись из отделения вовремя.

Наконец-то... Наконец-то... Для Романа эти несколько метров показались километрами. Он нашел взглядом заветные цифры и, стараясь не издавать лишнего шума, нажал на ручку.

Это была одноместная палата, что его удивило, но тут же и разозлило.

«Наверное, режиссер постарался», – подумал он и в едва осветившейся весенним рассветом комнате сделал несколько шагов по направлению к кровати.

Ольга улыбалась во сне, хоть и стала бледнее с их последней встречи. Роман присел рядом на корточки и провел пальцем по ее лицу, надеясь, что снится ей именно он. Ольга смешно сморщила нос от прикосновения и попыталась выпутать руку из кокона одеяла, чтобы почесать щеку.

Как будто муха ползала по щеке. Но мухи надоедливее, а тут просто было немного щекотно, но тепло и приятно. Ольга сквозь сон потянулась к щеке, но наткнулась на чьи-то пальцы и от

неожиданности открыла глаза.

Было еще темновато, поэтому понадобилось некоторое время, чтобы сфокусировать взгляд на знакомом лице. Но вот поверить своим глазам было сложно, поэтому просто вырвалось:

- Я еще сплю?

Легкая полуулыбка одним лишь уголком губ появилась на лице Романа, и он ответил:

- А я тебе снился?

До Ольги начало доходить, что она все-таки уже проснулась. А еще появилось желание расплакаться. Непонятно почему. Неизвестно отчего. Но что-то внутри, какое-то напряжение, просто разорвалось.

- Ты мне всегда снишься, – ответила, почувствовав, как голос слегка дрогнул.

- А ты мне, – снова улыбнулся он и потянулся к ней за поцелуем, но дотронулся губами лишь до щеки.

- Что ты здесь делаешь и как сюда попал?

- К тебе приехал, что непонятного. А попал почти законно – нашел рычаги воздействия на медперсонал. Потому что взбираться по стене не было желания, я же не знал, где ты, да и на Питера Паркера мало похож.

Наконец, он получил эту долгожданную улыбку. Вопросов у Романа было много, но он пока не задавал их, надеясь, что Ольга со временем все расскажет сама.

- Давай мы с тобой выпьем кофе, если ты уже меня разбудил, – спустила она ноги с кровати и подошла к чайнику, который, как казалось Роману, был запрещен в больничных палатах.

- Может, ты меня сначала поцелуешь? – спросил он.

- А с каких пор мы начали целоваться? – вроде как удивилась она, иронично подняв одну бровь. – Мы же вроде просто трахаемся. Да я еще и зубы не почистила.

Ольга набрала воду в чайник, а потом, подмигнув Роману, взяла щетку с пастой.

«Вот она!» – подумал Роман.

Даже немного бледная, в больничной палате, в растянутой домашней одежде, растрепанная, она наконец снова стала сама собой. Таковую он ее хотел вернуть. Пусть такая она его иногда невероятно бесила, он не знал, чего же от нее ждать, но был доволен. Да и волноваться перестал, потому что выглядела Ольга вполне здоровой. Только спросил:

- Бывший муж об удобствах позаботился?

Она не спеша насыпала кофе в кружки, залила его водой, вроде нарочно медленно начала размешивать, а потом повернулась к нему:

- Ревнуете, Роман Сергеевич?

- Что вы, Ольга Михайловна, куда уж мне до таких чувств. Да и ревнуют только те, кто в себе не уверен или же, – он подошел, взяв одну кружку из ее рук, – если дать повод.

Ольга смотрела на него и улыбалась. А внутри парили пресловутые бабочки и пресловутый голос просто вопил от счастья:

«Он приехал, приехал, хоть я и не просила. Сам понял, как он мне сейчас нужен. Да вот только я сама должна была его позвать. Что он сейчас подумает? Что я ему не доверяю?»

- Знаешь, – отставила она кружку на тумбочку, – очень горячий кофе, ему надо остыть, а мы пока можем придумать занятие получше.

Роман сделал глоток и нахмурился, довольно наиграно, а потом удрученно покачал головой:

- Да, ты права, горячо. И чем займемся?

Лукаво улыбнувшись, Ольга подцепила его джинсы одним пальцем и быстрым движением расстегнула пуговицу и ширинку, запустив руку внутрь и нащупав уже почти готовый к действиям член.

- Оля, – Роман взял ее за плечи, слегка отодвигая, отчего кофе немного расплескался на пол. Чертыхнувшись, он поставил кружку на тумбочку и тряхнул рукой. – А тебе можно?

- С тобой мне можно все. А в этом халатике ты так сексуально выглядишь, что я становлюсь вся мокрая, только посмотрев на тебя. Так что, вылечишь меня?

Она сорвала последнюю клемму. Роман подхватил ее под ягодицы, Ольга руками обвила его шею, а ногами – поясницу.

- И как тебя лечить? – шепнул прямо в губы. – Но учти, что у нас мало времени, да и медсестра может прийти в любой момент.

Ольгу сорвало не меньше, просто безумно.

- Прижми меня к ближайшей стенке и оттрахай так, чтобы я стоять потом не могла. Только халат не снимай, – снова подмигнула ему. – Будут у нас ролевые игры.

Долго уговаривать Романа не пришлось. Он донес ее до стены, опустил на ноги, и его руки тут же переместились на талию, а потом рывком стянули футболку через голову.

Губы сжали мочку уха, и тут же тихий голос произнес, защекодав ухо:

- Ты точно хочешь, чтобы я это сделал жестко?

Ольга вцепилась в его волосы одной, вторую снова потянула к джинсам. Роман дождался, пока она их стянет, и опустил на колени. Обвел языком вокруг пупка, чувствуя, как Ольга еще сильнее сжала волосы, почти до боли, и указательными пальцами начал стягивать пижамные шорты, под которыми ничего не было. Она через них переступила, отбросив в сторону.

Роман не видел, чувствовал, как она его хотела, как сейчас он был ей нужен. Слегка прикусив за внутреннюю часть бедра, он проделал дорожку языком по ее телу, поднимаясь вверх, и снова остановился возле уха:

- Только громко не кричи, когда я буду иметь тебя со всей своей писательской фантазией.

- Ты тоже.

Ольга снова забросила одну ногу на его бедро, под халат, и укусила Романа за шею. Он тут же впечатал ее в стену, сжав рукой горло и упершись горячим членом в живот.

- Готова к лечению?

- Еще бы...

Такие процедуры ей и требовались, по крайней мере, от хандры так точно. Роман продолжал одной рукой удерживать ее шею, второй – до боли сжал закинутую на него ногу и сразу же сделал первый

толчок. Сразу резко, отчего Ольга впилась ногтями в его плечи и даже вскрикнула.

- Тише, – прошептал Роман, не перестав двигаться внутри, только уже аккуратнее.

- Продолжай, продолжай так же, как и начал.

Она сама подалась вперед, как будто хотела, чтобы он ее наполнил полностью собой, до каждого ядра каждой клетки тела. До боли, смешанной с удовольствием. До самого невероятного оргазма в ее жизни.

Ольга опустила руки вниз, нырнула под халат и сжала ягодицы, сильнее вдавливая его в себя, а потом снова укусила за шею. Провела языком по слегка колючему подбородку и оттянула зубами его нижнюю губу. Роман сильнее надавил на шею, пригвоздив ее голову к стене, и посмотрел в глаза. Они оба как будто взбесились, как будто ими овладела маниакальность, одержимость в необходимости владеть друг другом, зависимость от этого секса.

Это был всплеск адреналина, а осознание того, что в любую минуту может появиться медсестра Алина, лишь добавляло какого-то бешеного драйва. Роман в ответ укусил ее за щеку, до боли, потом – за шею, плечо. Как будто ее вкус нужен был ему, как вода в пустыне умирающему от жажды путнику. Он чувствовал, что вот-вот готов кончить, но не мог – он еще не насытился, да и вряд ли когда-то сможет. Подхватив Ольгу уже обеими руками за бедра, Роман начал входить так, будто готов был проделать дыру в стене.

Ее пятки надавливали на поясницу, заставляя проникать глубже, а сама Ольга переместила руки под лопатки и с животным остервенением поцеловала Романа. Это был не просто поцелуй, она старалась сдержать свой крик, свой стон. Еще пара толчков, и Роман тоже выдохнул.

Ольга все так же была на его руках, продолжала целовать, только уже более нежно. Он вышел, не отпуская ее, и понес на кровать.

- В штанах не запутайся, хотя травматология недалеко, – шепнула она Роману на ухо.

- А представь, если бы кто-то зашел, – усмехнулся он в ответ, оставив легкий поцелуй на губах и положив ее на кровать. – И кофе, наверное, уже остыл.

- Подай, – попросила Ольга. – Только штаны застегни, а то так просто не отделаешься, да и кофе станет ледяным, а не теплым.

Роман улыбнулся и окинул взглядом ее обнаженное тело:

- Думаешь, твой вид по-другому на меня действует? – он застегнул джинсы и собрал с пола одежду, бросив ее кровать. – Тебе помочь одеться?

- Если ты станешь мне помогать, – подхватила Ольга футболку, – то мы задержимся еще на полчаса.

- На полчаса? – ужаснулся Роман. – Ты кого недооценила, себя или меня? Или твой режиссер такой слабак?

После последней фразы даже воздух, кажется, зазвенел в наступившей тишине. Роман сам не понял, как это вырвалось, и застыл с двумя чашками кофе, а Ольга осталась сидеть с шортами в руках, тоже перестав двигаться.

Она подняла на него взгляд и первой нарушила молчание:

- И долго это будет продолжаться?

Романа избавили от необходимости отвечать – раздался стук в дверь, тихий, деликатный. Ольга быстро натянула шорты и крикнула:

- Да?

Медсестра открыла дверь и виновато посмотрела:

- Роман Сергеевич, вам пора.

- Две минуты, – он подал одну кружку Ольге, а вторую осушил в три глотка. – Я приеду вечером и жду подробный рассказ о том, почему ты лежишь в больнице.

- Спасибо. За то, что приехал.

- А ты бы поступила иначе? Учитывая, что твой голос по телефону был отнюдь не убедительным. Мне пора, – наклонился Роман к ее лицу и оставил на губах быстрый поцелуй с кофейным вкусом, – а то поставим медсестру.

- Я буду ждать, – ответила Ольга.

Как бы ей не было его постоянно мало, но уходить ему необходимо. В дверях Роман обернулся и подмигнул, будто говорил: «Все будет хорошо». Но все равно каждый раз, когда Ольга с ним расставалась,

ее не покидало чувство, что видятся они в последний раз. Наверное, постоянные расставания, отъезды, недопонимания сыграли свою роль, и страх при виде его удаляющейся фигуры останется навсегда с ней.

Ольга сделала несколько глотков кофе и, поставив кружку на тумбочку, откинулась на подушку. Тело ломило, спина вообще не чувствовалась от жестких соприкосновений со стеной, но было приятно все равно.

Телефон подал сигнал, и Ольга прочитала через секунду сообщение: «Экстремально получилось. В этот раз не спалились. До вечера».

Она улыбнулась и ответила:

«Халатик не оставил для медового месяца?»

И только отправив, поняла, что именно написала. Дожилась. Еще с одним не развелась, а уже замуж за другого собралась. Хотя до этого момента даже мысли подобной не возникало.

«Не стал разорять больницу. Но уже пробиваю адреса магазинов медицинской одежды», – пришел молниеносно ответ, а за ним еще одно сообщение: – «Может, и в сексшоп заглянуть? Тебе что-нибудь для медового месяца купить?»

Ольга выдохнула как-то облегченно и написала:

«Извращенец».

Утро проходило в стандартных больничных процедурах, потом пришел лечащий врач, заметив, что Ольга сегодня отлично выглядит, на что она только загадочно улыбнулась. Конечно, после такого-то лечения. После обеда она взглянула на часы и поняла, что до приезда Романа не так и долго. Сейчас вздремнуть пару часов, а потом... Она понимала, что вряд ли им удастся повторить утреннюю выходку, а сдерживать себя будет тяжело, но хотя прикоснуться, целовать, да даже просто видеть было бы достаточно.

«И как я без него жила все это время?» – подумала Ольга перед тем, как провалиться в сон, надеясь, что пробуждение будет не менее приятным, чем с утра.

Но разбудил настойчивый телефонный звонок. Ольга даже не

посмотрела, кто звонит, на ощупь сдвинула слайдер и ответила:

- Да?

- Я надеюсь, что опять тебе снился?

- Конечно, – не смогла сдержать улыбку, услышав его голос.

- Что тебе привезти?

- Себя и еще раз себя.

- В пять часов ровно у тебя. Может, заехать в хозяйственный, чтобы замок купить? На дверь палаты бы повесили...

- Островский, ты точно извращенец.

- Ну что ты, я просто забочусь о твоём здоровье.

Роман, как и обещал, приехал, едва начались часы посещения. Точнее, приехал он раньше и минут пятнадцать мерил шагами дорожку около входа.

Ольга сидела на кровати перед ноутбуком, который ей вчера привез Олег, и вносила правки в сценарий, который они с соавтором вот-вот должны были закончить. Увидев Романа, захлопнула крышку и призывно похлопала рядом рукой. Долго уговаривать его не пришлось. Он сбросил обувь и лег на узкую больничную кровать, потянув Ольгу к себе на грудь.

- Рассказывай.

Она и рассказывала, пока он пальцами перебирал ее волосы. Рассказала обо всем с того момента, когда они расстались на вокзале. Роман слушал, не перебивая, только иногда Ольга чувствовала, как сильнее поднимается его грудь при вдохе, явно возмущенном.

- Не злись только.

- На что? На то, что ты упрямая и недоверчивая?

Ольга подняла голову и посмотрела на него, прищурившись:

- Сам как будто лучше. Так что лучше заткнись и просто целуй меня. У нас на это еще полтора часа. Хотя мы можем еще поэкстремальничать, – нырнула рукой под свитер.

- И кто из нас извращенец?

Роман опрокинул ее на спину и поцеловал. Поцеловал так, что

дыхания не хватало, но они стали кислородом друг для друга. Языки бешено сплетались, руки исследовали тела, будто впервые, только одежда была помехой. Они так увлеклись, что даже не услышали, как открылась, а потом захлопнулась дверь. Пришлось прерваться, когда немного ироничный голос произнес:

- Ты бы хоть для начала свидетельство о разводе получила.

Глава 9

Ситуация выглядела старым добрым анекдотом про жену, мужа и любовника. Но сейчас не прозвучали банальные «дорогой, это не то, что ты подумал» или «я сейчас все объясню». Роман спокойно повернулся к двери, смерил Олега взглядом и поправил:

- Данный документ называется свидетельством о расторжении брака.

- Роман Сергеевич, какая встреча! И вы так юридически подкованы. Ах, да, – сделал вид, что что-то вспомнил, – у вас же жена юрист.

- Бывшая жена, – уточнил Островский. – Не ожидал вас увидеть, Олег Викторович.

- Опять начинается, – сказала Ольга, поднимаясь с кровати. – Я же тебя просила и надеялась, что мы друг друга поняли, – с укором посмотрела на Олега.

Роман поднялся следом и не смог сдержаться:

- Олег Викторович, думаю, здесь есть отделение оториноларингологии, может, слух проверите?

- Островский, пошел на хуй!

Ольга даже потеряла дар речи. Вот уж не ожидала, что Олега можно так быстро вывести из себя. Если вспомнить их перепалки на съемочной площадке, то черту они никогда не переходили. А сейчас Ольге показалось, что в воздухе запахло мордобоем. Видимо, у Олега уже не было якоря.

- Вроде интеллигентный вы человек, а выражаетесь, как будто мы с вами пиво на лавочке пьем в растянутых трениках и плюем семечки.

- Заткнитесь оба! – Ольга подошла к Олегу, пока он не успел продолжить эту перепалку, и, схватив за руку, потянула в коридор. – Зачем ты пришел?

Он протянул небольшой пакет:

- Вчера наспех вещи собирал, подумал, что еще кое-что понадобится.

- Спасибо, конечно, но здесь на первом этаже можно купить что угодно.

Олег промолчал, только пристально рассматривал, как будто за последние сутки в ней что-то изменилось.

- Сам приехал? Или ты позвала?

- Прекрати, а?

- А чем вы занимаетесь, когда нет возможности трахаться? Неужели разговариваете? Посмотрим, надолго ли вас хватит?

Мордобой все-таки случился – Ольга со всего размаха съездила ему по лицу. И это была даже не пощечина, а удар кулаком. Пусть и не такой сильный, как ей бы хотелось, но в уголке треснувшей губы появилась кровь. Олег провел по ране языком, а потом приложил пальцы и посмотрел на них удивленно.

- Неплохой удар.

- Ты тоже хорошо бьешь, только больнее. Уходи.

- Ухожу, – поднял Олег руки. – Развлекайся со своим писакой.

Ольга, не попрощавшись, толкнула дверь палаты, и потерла костяшки на руке. Роман смотрел в окно, облокотившись локтями о подоконник.

- Что он хотел? – спросил, не оборачиваясь.

- Не важно, – ответила Ольга, подошла к нему, став рядом.

- А что важно?

- Мы.

Роман искоса посмотрел на нее, а потом взял за руку, подпирающую подбородок.

- Ты ему врезала, что ли? Как бы по законам жанра это должен был сделать я.

- Ты же у нас интеллигентный человек, – перевела все Ольга в шутку.
– Так что не стоит уподобляться героям бульварных романов, которые, поигрывая кубиками пресса, устраивают бой за какую-

нибудь недалекую блондинистую девку, томно вздыхающую и глупо хлопающую ресницами. Хотя, – продолжила, глядя, как у Романа иронично изгибается бровь, – ты бы мог вызвать его на дуэль. Это уже более интеллигентно.

- Ну уж извини, – подхватил он ее тон. – Шпагой или другим холодным оружием не владею, стрелять тоже не умею, могу только интеллигентно махать кулаками.

Ольга поняла, что он вроде оттаял, и сейчас не хотела высказывать ему, что она думает насчет его провокаций. А то знала, что это все может закончиться ссорой. Поэтому спросила:

- На чем мы там остановились?

Роман оторвался от подоконника и притянул Ольгу к себе.

- Если мы продолжим в таком же духе, то мне придется заглянуть в больничный холодный душ. Или придумать что-нибудь получше, – наклонился к ее уху.

В памяти помимо воли всплыли слова Олега. Ольга поцеловала Романа в щеку и мягко надавила на его руки, убирая со своей талии. Вопросительный взгляд, но ни одного слова.

- Тогда предлагаю кофе, чтобы не издеваться над твоим телом. И моим, конечно, тоже. А ты мне расскажешь что-нибудь.

Роман вроде как удивился, видимо, такого поворота не ожидал. Кивнул утвердительно и, наблюдая за Ольгой, спросил:

- И о чем поговорим?

Она пожала плечами. И вопросов было много, и историй было много. Да вот только вопросы об этих еще непрочных отношениях, наверное, она боялась задавать, что-то планировать, ведь пока все так эфемерно. А истории, по крайней мере, большинство из них были связаны с Олегом. Поэтому она вернулась туда, где они нашли впервые точку соприкосновения:

- Над чем сейчас работаешь? Новая книга?

- Какая-то светская беседа двух старых знакомых сейчас получится, – усмехнулся Роман, но, заметив, как напряглись у Ольги плечи, а рука с чайником застыла над кружкой, добавил: – Да, план набросал, несколько глав уже готовы, так что процесс идет полным ходом. Информации о кинематографе я собрал достаточно, – замолчал

ненадолго, как будто вспоминая, как именно проходил этот процесс.
– А ты над чем-нибудь работаешь или все это время была примерной мужней женой?

- Островский, вот прямо сейчас у меня родился сценарий об одном писателе, который льет язвительность направо и налево, да так, что хочется отрезать ему язык.

- А главная героиня твоя будет тоже язвой?

- Ну...- протянула Ольга, задумчиво сделав глоток кофе. – По законам жанра она должна быть доброй, молчаливой и наивной. Вроде как противоположности притягиваются.

- Как примитивно, – скривился Роман. – А как же борьба характеров, накал страстей, бешеный секс?

- И мы опять вернулись к сексу.

Роман посмотрел на Ольгу пристально, странно, как будто сканировал. Потом покачал головой, словно догадавшись о чем-то, и подозвал ее жестом руки. Она сделала шаг и тут же оказалась на коленях, пролив часть кофе на пол.

- Ну и что он тебе опять напел, что мы перестали говорить о сексе? Еще, не дай бог, и заняться и им, – сказал Роман, но отнюдь не раздраженно, даже с какой-то иронией.

Взял ее кружку, поставил рядом со стулом, на котором сидел и попросил:

- А теперь ты целуй меня.

- Мы же вроде разговаривать собирались, – сказала Ольга, но положила руки Роману на плечи.

- Этим и займемся, только по-другому. Или ты думаешь, что если мы молчим, то не разговариваем, – он провел рукой по внутренней стороне бедра. – Может, ты не понимаешь, что секс – это не просто механический процесс, а тоже общение, – провел языком по шее. – И иногда общение, которое может гораздо больше рассказать, чем слова. Я вижу тебя настоящую во время процесса, вижу твои эмоции, – Ольга даже не заметила, как его пальцы оказались под одеждой.

- Что ты делаешь? – спросила она тихо, уткнувшись Роману в шею, чувствуя, как два его пальца оказались внутри, а подушечка большого пальца начала массирующие движения снаружи.

- Нет, – остановился он. – Смотри на меня. Прямо в глаза. И почувствуй это.

Ольга подняла голову и охватила руками его шею. Роман удовлетворенно улыбнулся и продолжил движения, наблюдая, как постепенно учащается ее дыхание, расширяются зрачки, руки сильнее начинают давить. Она тоже наблюдала, видела, что это не просто удовлетворение своего партнера. Роман тоже получал удовольствие, доставляя удовольствие ей, хоть Ольга и понимала, что уйдет он отсюда со стояком. Она уже чувствовала это бедром, даже через одежду. Она смотрела в серо-зеленые глаза, уже зная, о чем он говорил.

Возможно, это был первый такой чувственный секс, а по-другому Ольга это назвать не могла. Нет, даже не секс, а то, что называют занятием любовью. А в следующую секунду почувствовала, как вот-вот готов взорваться низ живота, но Роман остановился.

- А вот теперь я знаю даже, что ты хочешь сказать. Теперь понимаешь? – Ольга кивнула. – Сейчас у тебя на лице проскочила мысль. Озвучить ее или сама?

- А что ты будешь делать?

Роман улыбнулся – она задала именно тот вопрос, который он ожидал. Понял, что разрушил еще преграду.

- Я разберусь, а ты сейчас будешь очень бурно кончать, только не задуши меня.

- Хочу, чтобы ты это сделал вместе со мной...

- Не сегодня, не сейчас. Сейчас я хочу, чтобы тебе было хорошо.

Его пальцы продолжили движение, только уже более интенсивно, жестко, с нажимом. Ольга почувствовала, как в воздухе запахло сексом, когда теплая жидкость полилась по ногам.

- Твою ж... – не выдержала она, пройдясь языком по губам Романа. – Я люблю тебя.

Он отодвинул ее за плечи от себя и спросил:

- Это в тебе не дофамин с окситоцином в тебе сейчас говорят?

- Островский, не беси меня, я даже не знаю значения этих слов. Может, ты все-таки ответишь: я тебя тоже?

- Я тебя тоже люблю, – снова прижал ее к себе. – Но как ты мне однажды сказала: «Любви недостаточно», – он даже заметил, как Ольга поежилась. – Но именно на этом фундаменте мы построим и все остальное, если хотим.

Теперь услышал, как с облегчением выдохнула. Осталось только потерпеть еще немного.

Роман вышел из здания больницы, планируя свой завтрашний день. Поскольку он опять в Москве и отменил запланированные мероприятия, издательство опять решило напрячь его именно в столице. Кое-как согласовав график, сидя на скамейке возле входа, Роман вышел за ворота, пытаясь сориентироваться, как ему быстрее дойти до маленькой гостиницы, в которой он нашел номер утром, когда вышел из больницы. Он знал, что это очень близко, даже по меркам Москвы, но ехал сюда на такси, хотя оно было лишним. Здесь идти быстрее, чем петлять по улицам. Но сигнал стоявшей вдоль дороги машины привлек внимание, а потом оттуда появился Олег.

«Блядь», – подумал Роман, но было бы глупо не отреагировать на столь очевидный призыв. Он сейчас по-настоящему почувствовал себя героем второсортной бульварщины.

- Роман Сергеевич, давайте поговорим.

В словах Олега не было никакой язвительности, только просьба.

- Слушай, – Роман оперся на машину, – давай не будем ходить вокруг да около.

- Окей, давай просто выпьем.

Что это было? Интерес? Азарт? Превосходство?

Но Роман просто кивнул, показав на какое-то третьесортное кафе неподалеку.

- Мы там не отравимся? – спросил Олег.

- Мы вовремя проведем дезинфекцию.

Они пришли туда молча, только незримое напряжение присутствовало между ними. Роман сел за стол, посмотрел на Олега, спрашивая глазами, но этот зрительный вопрос был понятен.

- Бутылку водки и что-нибудь легкое прикусить.

Усмешки на лицах обоих, как будто двое старых приятелей собрались пить, а не едва знакомые люди.

- Ну что, Роман Сергеевич, – первым начал Олег, – когда вы уже наиграетесь в гормоны?

- Наверное, тогда же, когда вы перестанете играть в семью.

Ситуация была бы смешной, если бы не была такой грустной. Олег откинулся на спинку стула, сцепив руки в замок за головой, и смотрел на Романа. Тот, в свою очередь, убрал усмешку и абсолютно беспристрастно выводил пальцем узоры на столе.

- И что она в тебе нашла? – спросил Олег, когда официантка принесла заказ.

Роман разлил водку в две рюмки и ответил:

- Наверное, то, что не нашла в тебе.

- Ты делаешь ее несчастной.

- Слушайте, Олег Викторович, вы должны быть благодарны, – поднял Роман рюмку и осушил ее, слегка поморщившись, глядя, как сегодняшний собутыльник повторяет его действие.

- За что тебя благодарить? – забросил Олег в рот какую-то мудреную закуску на шпажке.

- Ну вот сам подумай. Если бы не я, то ты бы дальше ходил и облизывался, а она не обращала на тебя внимания, оставив прошлое в прошлом, считая тебя другом. А тут такая писательская сволочь объявляется и наносит тяжелую душевную рану. Вот она и плачет у тебя на плече, потому что больше не у кого, а потом оказывается в твоей постели. А ты весь такой благородный, не прикопаться. Конюшню еще себе не прикупил? – Олег улыбнулся, но понял, что вопрос был риторическим. – Вот только скажи мне, – Роман снова налил, – ты трахался с ней, пытаясь доказать, что лучше меня, или потому что любил ее?

- Красиво говоришь, – отсалютовал Олег рюмкой. – Вот а ты сам ее любил?

Ответом ему была лишь кривая усмешка. Роман тоже выпил и наконец сказал:

- Знаешь, для меня глагол «любить» не имеет прошедшего времени. Я люблю так, как умею. Может, я и не такой идеальный, как ваше режиссерское высочество, но стараюсь. Не в этом ли и есть смысл – стараться быть лучше для кого-то? Пусть у меня это плохо получается, потому что я давно запрятал эмоции, но с ней чувствую себя живым, снова просто чувствую.

- Полное дерьмо, – резюмировал Олег, подняв рюмку.

- Согласен, – подтвердил Роман.

- Какая-то философия у нас получается, а ведь по идее я должен набить тебе морду за то, что ты спишь с моей женой.

- Если ты надел ей кольцо на безымянный палец и поставил штамп в паспорте, то это ничего не значит. Это связывает людей юридически, но никак не делает ближе.

Олег задумался над его словами. Он понимал, что они с разных углов смотрят на ситуацию, доказывая друг другу свою правоту, но каждый вынес из этого разговора что-то для себя. Разлив последнее из бутылки, Роман понял, что уже навеселе. Почти бессонная ночь давала о себе знать.

- Островский, – заговорил Олег после нескольких минут молчания, – а если я экранизирую твою новую книгу?

- Только сценариста я выберу сам.

- Могу порекомендовать.

- Да пошел ты...

- И ты туда же!

Ольга лежала, уставившись в потолок, и постоянно проверяла телефон. Ей казалось странным, что Роман даже не написал какое-нибудь пошлое смс. В и без того многострадальной голове было слишком много мыслей. Чтобы хоть как-то от них избавиться, ей нужен был он. Нужен был как антибиотик от инфекции, разъедавшей мозг, поэтому Ольга и потянулась к телефону.

Набрала смс:

«Как это ты еще никак не прокомментировал сегодняшний вечер?»

Ответ не пришел ни через минуту, ни через час. Но она знала, что он всегда отвечает. Что же случилось сейчас?

Лежать уже было невозможно, поэтому Ольга с телефоном в руках начала мерить палату шагами. И все думала и думала, могла бы напридумывать еще много чего, если бы в окно не раздался легкий стук. Как будто кто-то камешек бросил. Сперва она подумала, что показалось. Но стук повторился.

Ольга выключила свет, чтобы уже в наступившей темноте улица лучше просматривалась, и посмотрела в окно. Две узнаваемые фигуры, взяв голову под козырек, пристально всматривались в ее окно.

«Придурки», – подумала Ольга и набрала номер.

- Да-да, – ответил Роман, помахав ей рукой, и включил громкую связь. Рука Олега лежала у него на плече, и оба покачивались.

- Вы пьяные, что ли? – спросила Ольга.

- Ага... Мы работали над этим, как его... О! Сценарием. Этот режиссер хочет экранизировать мою книгу.

Глава 10

Ольга часто заморгала, думая, что это идиотский мираж, который вот-вот должен раствориться. Но нет... Эти двое так и продолжали стоять под окнами со светящимся телефоном.

- Блядь! – сказала она.

- Кто? – в унисон ответили два пьяных голоса.

- Если вы сейчас же не отправитесь спать, то эту ночь проведете в обезьяннике в компании бомжей, а двум интеллигентным людям там делать нечего, еще вшей подцепите.

- Ты так переживаешь... – радостно протянул Роман.

- Не очень, – саркастично сказала Ольга. – Но если вас не заберут менты, то я найду способ спуститься и быстро отрезвить ваши головы. И поверьте, ночь в обезьяннике тогда покажется вам просто сказкой.

- Она злится, – пояснил Олег.

- Как будто я сам этого не понял, – вроде бы обиделся в ответ Роман.

Ольга покачала головой и отключилась. Разговоры бессмысленны, они даже вряд ли вспомнят что-то завтра. Но такого поворота она точно не ожидала. Бред какой-то!

Но забивать себе голову сейчас себе голову мыслями об этих двоих не стала. Полностью отключив телефон, переоделась, чтобы лечь спать. Хотя к окну все еще тянуло. Поворочавшись в кровати несколько минут, все-таки не выдержала и подошла к окну.

Никого...

«Надеюсь, никуда не вляпаются», – подумала она.

Роман открыл глаза и потянулся к заранее приготовленной бутылке на прикроватной тумбочке.

«Интересно, как там режиссер?», – усмехнулся сам себе.

Знал, что самому плохо с утра не будет, так бывало всегда. Ничего, кроме дикой жажды. Память услужливо подкидывала фрагменты вчерашнего вечера, и, чертыхнувшись, Роман потянулся за телефоном. Гудки тянулись один за другим, и наверняка кому-нибудь с бодуна могли показаться ужасно оглушающими. А последующий за ними крик вообще взорвать голову.

- Вы какого черта вчера устроили? – рявкнула Ольга.

- Пьянку, – невозмутимо ответил Роман.

Он слушал ее возмущенное дыхание в трубке, но оправдываться не собирался. Она задала вопрос, он дал ответ. Лаконичный, но вполне удовлетворяющий запрос.

- Издеваешься?

- Ни капли.

Разговор опять не получался. Ольга уже и не знала, что еще сказать, спросить, если получала только односложные ответы. Только вот забыла, что Роман все-таки оставался собой и вряд ли потерпел бы скандал.

Молчание было их камнем преткновения, и сейчас оно невыносимо затягивалось, снова по кирпичику выстраивая стену.

- Я приеду вечером, – наконец сказал Роман.

- Хорошо.

Все опять идет не так...

Ольга даже не слушала врача, который ей что-то объяснял про операцию, пока он несколько раз не позвал ее по имени-отчеству.

- Да? – спросила она, перестав рассматривать узор линолеума.

- Вы меня не слушаете, я понимаю, что вы сейчас чувствуете...

- Все нормально, – улыбнулась Ольга. Если бы он только знал, что не здоровье занимало все ее мысли, а другое... Хотя, может, это тоже болезнь?

- У вас завтра утром компьютерная томография, а потом операция. Так что улучшите свое настроение, оно тоже влияет на всю работу организма.

- Вы нейрохирург или психиатр? – спросила удивленно.

- Я врач, – заметил он, тоже улыбнувшись. – Как ваше общее самочувствие?

- Нормально, – пожала Ольга плечами.

- Вчера вы выглядели лучше: румянец на щеках, улыбка, глаза блестят. А сегодня выглядите так, как будто только что вышли из комы. И дело-то не в физиологии. Дело вот здесь, – врач выразительно постучал указательным пальцем по своему лбу.

Да, там тоже сидела инфекция, у которой название Роман Островский, и лекарство, на удивление, имело то же самое название. Жаль, что одноразовым уколом это не вылечить, только постоянным применением препарата.

- Я поняла, – ответила Ольга, поднимаясь, но тут же дикий спазм в голове усадил ее обратно. Правый висок как будто взрывался, перед глазами потемнело. Больно, было очень больно.

Звон в ушах постепенно начал стихать, боль теперь просто пульсировала, а темнота в глазах сменилась красными бликами. Кажется, врач был прав.

Он стоял рядом с ней, пытаясь привести в чувство.

- Все нормально, – остановила его.

- Вот про что я говорил, – снова сел он на свое место. – Иногда это чистая психосоматика. Вчера вы чувствовали себя отлично, сегодня что-то случилось – и вот вы уже снова с дикой болью. У вас пальцы правой руки ходуном ходили, вы не чувствовали там боли?

Ольга отрицательно покачала головой. Она чувствовала лишь спазм в голове.

- Может, это от головной боли?

- Не похоже. От боли люди хватаются за источник этой боли, обычный безусловный рефлекс, пытаются распределить боль, допустим, хватаясь за волосы или вбиваясь ногтями в кожу. Но ваши пальцы делали движения независимо от контроля мозга. И это, – покачал головой, – и есть ваша проблема. Ваше эмоциональное состояние влияет. Так что вот вам медицинский и просто человеческий совет – будьте счастливы.

Легко сказать, но... Да легко это сделать! Вот только кто виноват, что Ольге посчастливилось влюбиться в самого не поддающегося логике мужчину, с которым она то ли счастлива, то ли на батуте. Вверх-вниз, вверх-вниз... И как бы это не нравилось, но начинаешь уставать, а кого-то даже укачать может.

- Я счастлива! – громко сказала Ольга, пытаясь убедить в этом скорее себя.

Но подумала, что, может, ей просто на роду написано делать себя несчастной.

Роман приехал снова ровно в пять. Ольга привычно сидела с ноутбуком на коленях и делала последние поправки в сценарии. На Романа подняла глаза, когда он зашел, а потом снова перевела на экран.

«Обиделась», – подумал он и подошел ближе. Уткнулся губами ей в голову, провел руками по плечам, а потом положил подбородок на плечо Ольги и спросил:

- Над чем работаешь?

- Все над тем же. Но могу переключиться на твою книгу. Вы же собрались ее экранизировать, – в последней фразе только глухой не

уловил бы сарказм.

Роман со вздохом захлопнул крышку ноутбука и сел напротив Ольги.

- Хватит дуться. Одевайся.

- Зачем? – удивилась она.

- Пойдем на прогулку.

- Хорошо. Выйди, я переоденусь.

Наверное, в этот момент Роман бы рассмеялся, если бы она не говорила вполне серьезно. Никак не прокомментировав ее слова, он просто остался сидеть на кровати, даже не отвернувшись. Ольга поняла, что уходить он не собирается.

- Напрашиваешься на бесплатный стриптиз?

- Мне устроиться поудобнее и включить музыку? Я не против.

- Я против.

Не став снимать футболку, Ольга накинула наверх длинный кардиган и только потом сняла штаны, чтобы переодеться в джинсы. Она прекрасно понимала, что Роман уже видел все, что можно, но делала это из принципа. Какого-то непонятного даже для самой себя.

Они молча шли. Одна улица сменяла другую, а ни слова не было произнесено. Роман все так же без слов нашел руку Ольги и потянул ее к ближайшей скамейке в каком-то дворе.

- В чем дело? – спросил, когда они присели.

- Что вчера было? – спросила она в ответ, но уже спокойно, не так, как утром.

- Твой режиссер предложил выпить, я согласился. Мы поболтали, пофилософствовали на тему любви, ну а потом ты сама все видела.

- Дурдом какой-то. Как подростки, ей-богу.

- Подростки бы набили друг другу морды, а мы цивилизованно беседовали. И я не понимаю, почему ты так остро на это отреагировала. Ничего же страшного не произошло.

Теперь Ольга взяла Романа за руку и сказала:

- Я боялась, что Олег... Что он наплетет тебе что-нибудь, и мы снова потеряем то, что только обрели. Или пытаемся обрести.

- Не настолько я внушаем, – усмехнулся Роман и, высвободив руку, обнял Ольгу за плечи. – А теперь рассказывай, как у тебя дела.

Она рассказала о сегодняшнем разговоре с врачом, о головной боли, о предстоящей операции, а потом аккуратно спросила:

- Когда ты уезжаешь?

- Я еще не решил. Но придется наверстывать пиар-компанию.

Ольга не хотела, чтобы он уезжал, но все-таки предложила:

- Так, может, тебе стоит заняться работой, а я тут как-нибудь сама справлюсь. Надеюсь, с операцией все сложится удачно, и уже в ближайшее время я смогу к тебе приехать.

- Ты сейчас так спокойно об этом говоришь, а ведь еще год назад подобное предложение было воспринято в штыки.

- Я больше не хочу тебя терять, – тихо сказала Ольга и поцеловала его в щеку.

- Это взаимно.

Было хорошо вот так просто сидеть, обнимать друг друга, дарить легкие поцелуи. Хотелось остановить время, запечатлеть этот момент, но именно в такие моменты оно и бежит быстрее всего.

- Нам пора возвращаться, – вынырнула Ольга нехотя из объятий Романа и поднялась.

Он посмотрел на часы и кивнул.

- Послушай, может...

Ольга не знала, как ему сказать, чтобы не обидеть, как правильно попросить, чтобы он понял.

Роман смотрел на нее вопросительно, зная, что так вести себя на пустом месте она бы не стала. И вдруг его осенило:

- Ты ведь сама хочешь, чтобы я уехал? Не хочешь ведь, чтобы я остался, чтобы видел тебя после операции? Только не могу понять, чего ты боишься... Я уже думал, что мы поняли друг друга, а ты опять все портишь. Да уж... Наверное, для нас все было слишком гладко. Так что реши, чего ты хочешь. Может, твой режиссер в роли сиделки больше подойдет?

- Пожалуйста, мы уже это проходили, – Ольга обняла его. – Неужели мы вернулись к тому, с чего начали?

Они стояли возле дверей больницы, а время снова работало против них, отсчитывая минуты до закрытия.

Только просто ли двери закроются или что-то большее где-то во вселенной, когда люди находятся на распутье и выбирают не тот путь.

- Я завтра позвоню, – сказал Роман, взяв Ольгу за плечи и отодвинув от себя.

- Ты злишься, – скорее не спросила, а констатировала она.

- Нет, – покачал он головой. – Немного расстроен.

- Я бы тебя могла настроить, – перевела Ольга тему, игриво ему подмигнув, и заметила, как немного поднялись уголки губ, а взгляд стал мягче.

- А кто говорил, что сексом все проблемы не решишь? Иди уже, пора.

Напоследок только поцелуй в висок и легкое прикосновение к предплечью. Нет, еще то же дерьмовое ощущение чего-то опять ускользающего через пальцы, отталкивающего друг от друга. Ольга пожалела, что завела этот разговор, хоть, по сути, ничего и не сказала. Он сам обо всем догадался, а она не стала спорить, потому что попал в точку. Именно об этом и хотела попросить.

Но Роман волей-неволей сам стал причиной. То смс со словами: «Верни мне ту женщину, в которую я влюбился...» Оно так и стояло перед глазами, и Ольга вернула ему ту женщину, а теперь болезнь снова ее забирала. И она боялась, что другая, слабая, беспомощная, ему не нужна.

- Ты же помнишь, что я люблю тебя, а все остальное ведь неважно? – спросила Ольга.

Он кивнул, но добавил:

- Только важного еще слишком много. До завтра.

- Пока, – неуверенно ответила она и, стараясь не оборачиваться, поднялась по ступенькам и зашла в стеклянные двери.

Голова снова разболелась, но уже не так, как утром, а просто немного устало. Ольга понимала, что завтра будет непростой день, поэтому,

приняв душ, тут же постаралась уснуть. Алкоголь или снотворное, несомненно, помогли бы в этом, но был только один анестетик.

Ольга пошарила в сумке и через пару минут поисков нащупала пачку с парой сигарет и вложенной внутрь зажигалкой. Почувствовав себя школьницей, курившей за углом, открыла окно и безрассудно села на подоконник, свесив ноги вниз. Палата далеко от поста, так что медсестра не унюхает, а вот адреналин начал шкалить.

Первая после долгого перерыва пьянит, ощущение, что вот-вот могут застучать забавляет, а высота и порывистый весенний ветер ночью делали это мгновение неповторимым.

Может быть, так себя чувствует каждый человек, который знает, что завтра ему влезут в голову, почти в ствол головного мозга, который дальше соединяется со спинным мозгом. Нет, наверное, кто-то занимается безрассудством, кто-то просто ноет, сетуя на жестокую судьбу, кто-то вообще молчит, отвернувшись к стене.

Ольга сейчас относилась к первой категории. Ей хотелось сейчас какого-то безумства, крайности, на которую она бы она никогда не пошла, если бы знала, чем обернется завтрашний день.

Телефон лежал тут же, на подоконнике. Она сфотографировала свои босые ноги на высоте третьего этажа и отправила Роману. Ответ не заставил себя ждать:

«Ты что творишь?»

«Курю в окно, не думая о том, что мы опять становимся дальше друг от друга».

«Ты чокнутая. Я сейчас приду».

«А ты забереешь меня отсюда на эту ночь? Сегодня снова дежурит твоя знакомая медсестричка».

Ответа нет...

Ольга вышла на пост и застала Алину, делающую запись в истории болезни. Села напротив и выжидающе улыбнулась.

- Вы что-то хотели? – подняла девушка голову.

- Отпустите меня, – улыбнулась Ольга, склонив голову набок и попросив так, как, наверное, наркоманы просят дозу.

Медсестра растерялась, округлила глаза и аккуратно спросила:

- Куда?

- Алина, я могу вам предложить денег, а могу спуститься по пожарной лестнице, которая недалеко от моего окна. Поверьте, я все равно уйду. Сегодня мне это надо. Черт его знает, может, я сегодня в последний раз смогу увидеть человека, которого я люблю, а расстались мы не очень этим вечером. Так что я не смогу завтра с этой ношей идти на операцию. Понимаете?

Ольга видела, что девушка ее слушает, раскрыв рот. Ну действительно, а чем не сюжет для романа?

- Но если я лишусь работы?..

- Поверьте, – Ольга взяла ее за руку, – работы вы не лишитесь. А вот если я не дотянусь до пожарной лестницы и сигану с третьего этажа... Может, вам тоже ничего не будет, но все-таки...

Телефон в руке снова пискнул.

«Ты где?»

«На посту медсестры. Отпрашиваюсь».

«Я возле больницы. И ты сегодня будешь наказана».

Ольга улыбнулась и посмотрела на Алину, практически умоляя взглядом.

- Если мне влетит... Ах, – махнула она рукой, – идите. Какая любовь... Только я помогу вам выйти.

Они с медсестрой спустились на первый этаж и пошли вниз по лестнице, ниже первого этажа.

- Куда мы идем? – тихо спросила Ольга.

- Сюда медперсонал выходит курить, так что должно быть открыто. Сверните направо, к приемнику, там ворота открыты, где скорые въезжают. Только, пожалуйста, вернитесь до прихода врачей. Дежурный сегодня вряд ли о чем-то будет беспокоиться, так что не переживайте, – сказала Алина шепотом, хоть они уже и стояли на улице. – И я рада, что встретила такую безбашенную пациентку и такого самоотверженного рядом с ней мужчину. Эх, прямо как в мелодрамах... – мечтательно протянула она.

Ольга взяла ее за локоть и улыбнулась:

- Вы видели лишь маленькую толику. Может, она и показалась вам очень романтичной, но мы прошли такой длинный путь из боли и недопонимания, что заслужили хоть несколько приятных мгновений. А сколько еще трудностей предстоит... Я надеюсь, по крайней мере, на это. Так что не забивайте себе голову романтичной чушью. Никто не будет стоять у вас под балконом с цветами, петь серенады, сочинять стихи. Увы, романтики в наше время мало, в основном, только секс, но сегодня я хочу уравнять этот баланс во вселенной.

- Тогда вперед, – выпалила девушка после такой речи.

- Спасибо.

Ольга завернула за угол и осмотрелась. Приемное отделение в темноте видно сразу – там светло. Перевела взгляд в другую сторону, на забор, и через пару минут определила, где выход, когда глаза немного привыкли к темноте.

Ворота действительно были открыты. Прошмыгнув между шлагбаумом и железной перегородкой, Ольга уже хотела достать телефон и позвонить, но тут же увидела появившуюся из темноты знакомую фигуру.

- Ну что, сумасшедшая?

Ольга притянула Романа к себе за расстегнутую ветровку и, поцеловав, спросила:

- Наказывать будешь?

- Еще как, – загадочно ответил он, запустив руки в задние карманы ее джинсов, и сильно прижал к себе.

- Только я хочу... – не менее загадочно протянула Ольга. – О! Мороженое!

- Ты точно сумасшедшая, – констатировал Роман. – Еще несколько часов назад ты была какая-то прибитая, а сейчас просто тайфун. Что случилось опять?

Ольга повторила его жест с карманами и провела языком от мочки уха до виска, услышав в ответ едва слышный стон вместе с выдохом, а потом ладони Романа в карманах сжались, причем довольно сильно.

- У тебя кошелек с собой? А то я забыла в палате, слишком спешила к

тебе.

Он нехотя убрал руки и спросил:

- Вон «Пятерочка» недалеко, идем?

Интенсивно закивав, Ольга прихватила его легонько зубами за нижнюю губу, а потом сказала:

- Ты не менее сумасшедший, только мы все умело шифруемся до определенного момента, – и тоже достала руки. – А теперь идем за мороженым.

В магазине Ольга сразу направилась к холодильникам и тщательно начала изучать ассортимент. Роман стоял рядом, сложив руки на груди и молча наблюдал за ней. Через несколько минут не выдержал:

- Я, конечно, понимаю, что магазин круглосуточный, но все же...

- А ты что будешь? – повернулась Ольга.

Роман отрицательно покачал головой, на что она прищурилась и схватила два стаканчика в шелестящей обертке. Уже на улице развернула оба и подала одно мороженое ему.

- Я же сказал, что не буду.

- Вот дело в том, что ты ничего не сказал.

Это не прозвучало упреком, но Роман понял, что она права. Да, не сказал. Да, промолчал. Но ведь все равно ясно дал понять, хотя ничего и не сказал, потому что знал, чем вызвано ее поведение. Он и сам переживал, но реагировал по-другому. Поэтому взял мороженое и откусил.

- Вкусно. Сто лет не ел такой пломбир.

- А я могу тебе рассказать... Нет, показать, как будет еще вкуснее.

Не поняв, о чем говорит Ольга, Роман вдруг почувствовал, как что-то холодное прикоснулось к губам и подбородку. Мороженое, а рядом довольное лицо.

Ольга провела языком сначала по губам, как будто испытывая, но ничего, кроме любопытства, не последовало. Потом язык прошелся вокруг губ, а потом – мелкими, но эротичными движениями по каждому миллиметру, где были остатки мороженого. А потом Роман почувствовал холодный язык с привкусом ванили у себя во рту.

Может, они и выглядели сейчас сумасшедшими подростками, но им обоим было плевать.

- Ты вкусная, – улыбнулся Роман, когда кто-то, проходивший мимо, заставил их оторваться друг от друга, задев ненароком.

- А какой вкусный ты... Этот ванильный пломбир, смешанный с твоим вкусом... Я бы запатентовала этот вкус и, конечно, хотела бы, чтобы никто больше не узнал рецепт. Сама бы пробовала и пробовала, но только в оригинале.

Ольга знала этот взгляд. Взгляд не скроешь, а такого сдержанного человека можно прочесть лишь так. И этот взгляд сейчас просто кричал: «Я хочу тебя». Но сам Роман наклонился к уху и спросил:

- А дашь себя попробовать?

- Что ты еще не пробовал? – вроде удивилась Ольга.

- Твое сумасшествие.

Она понимала, что он ее спасает, вытаскивает из пучины самоистязания и предположений. Он дает ей то, что нужно, не успокаивая, не жалея. Да, он знал, понимал. И если бы Роман вдруг начал уговаривать ее вернуться, подготовиться в операции с жалостливыми нотками в голосе, то Ольга бы в нем разочаровалась.

- И какое оно на вкус?

- Оно великолепно, – Роман окунул палец в свой стаканчик и очертил контур ее губ. – И сегодня ты хочешь узнать, насколько я тоже умею быть сумасшедшим?

У Ольги только от его интонации свело каждый миллиметр тела. Предвкушение... Оно притягивает, заставляет воображение работать на полную силу и сводит с ума. Только Роман не торопился – он снова подцепил мороженое на палец и провел пальцем от губ к щекам, как будто рисуя усики.

- Что ты делаешь? – Ольга почувствовала, что готова трахнуть его прямо посреди улицы.

- Делаю из тебя бешеную кошку, – улыбнулся Роман, любовавшись своими художествами, сделав шаг назад. – Какие планы дальше? – невинно поинтересовался.

- Издеваешься? Идем скорее. Где ты там остановился? А то после подобного искусства хочу съесть уже не мороженое, а тебя.

- Ну я же обещал тебе показать, насколько я могу быть сумасшедшим.

Взяв Ольгу за руку, Роман быстрым шагом, почти бегом, уверенно повел ее по освещенной фонарями дорожке.

- Нам далеко?

- Не очень, – бросил, не останавливаясь. – Но терпеть уже и так сил нет.

- Тогда зачем? – притормозила Ольга, остановив тем самым и Романа. Он обернулся и удивленно на нее посмотрел, поняв намек.

- Мы сегодня точно чокнулись.

- Только собираемся.

Ольга осмотрелась. Теперь она потянула его в ближайший двор, тонувший в темноте. В глубине виднелись очертания беседки, именно туда и лежал их путь. Роман не сопротивлялся, когда Ольга, едва зайдя внутрь, потянулась к его ширинке. Но чуть она потянула его боксеры вниз, как перехватил руку и, заломив за спину, развернул спиной к себе. Ольга свободной рукой схватилась за один из столбов, которые служат опорой для крыши, и почувствовала пальцы, скользнувшие по шее. Выдох вместе со стоном... Да здесь даже секс не нужен, когда только от одного прикосновения к коже хочется стонать, как от самого феерического оргазма в жизни.

Роман сам был близок к состоянию «кончить, не начиная», но и не хотел просто сделать все по-животному. Поэтому пальцами он прошел по шее, нырнул в декольте и прошел по контуру лифчика, чувствуя, как она вздрагивает от его прикосновений.

Нет, это было пыткой. Роман отпустил ее руку и притянул за волосы к себе, слизав со щеки липкие следы. Ольга повернулась и уже не натолкнулась на сопротивление, когда потянулась расстегивать его штаны. Оттолкнув Романа к скамейке, быстрым движением приспустила его одежду и, надавив на плечи, заставила сесть. Он тут же притянул ее к себе, прижавшись к животу, и тихо сказал:

- Давай уже прыгай сверху, а то будет беда.

Дважды повторять не пришлось. Учитывая, что Роман уже добрался до пуговицы и замка на ее джинсах, Ольга лишь быстро сняла их и через секунду резко села сверху. Несколько плавных движений, потом все резче и резче, быстрее и быстрее. Остановка, и Ольга снова продолжила, только уже не вставая, просто делая круговые движения. Но именно сейчас Роман до боли сжал ее поясницу, продолжив слизывать остатки мороженого с лица, иногда прикусывая кожу.

- Почему мы были такими дураками? – шепнула Ольга и ойкнула, когда зубы прошлись по щеке.

Ответа пока не было, Роман прижал ее к себе, крепко зафиксировал, обвив руками и прижав что есть силы.

Ольга уткнулась ему в шею и ответила:

- Наверное, так надо было. Но мы снова вместе. Надеюсь, надолго.

- Если постоянно бояться и ждать какое-то дерьмо, то ничего не получится.

- Приступ сумасшествия закончился, – резюмировала Ольга и встала, тут же нагнувшись за джинсами.

Глава 11

Было больно, очень хотелось пить, а еще почесать голову. Но руки почему-то плохо слушались. Да и состояние было такое, как будто на сон было только несколько часов с большого бодуна.

Ольга открыла глаза, хотя сознание проснулось раньше. Свет не дал сразу сосредоточиться, да и белизна вокруг напрягала. А еще был странный писк – вот он напрягал, пожалуй, больше всего.

«Сколько времени прошло с нашей последней встречи?»

Было странно, но ее первая мысль была именно о нем. Именно о том, что они и так потеряли слишком много времени, хоть и старались наверстывать, а этого все равно было катастрофически мало.

«Это реанимация», – подумала Ольга.

Мысль вытеснила на время все остальное. Конечно, а где еще может быть вид, как будто ты в том самом белом коридоре, отделяющем жизнь от смерти?

И снова вернулись все воспоминания. Чем же еще заниматься в реанимации?

Она хотела быть с ним всю ночь, но прямо из беседки Роман отвел ее обратно в больницу. Как бы она ни сопротивлялась! Как бы ни возражала! Хватило пяти минут, чтобы понять – этого человека не переспорить.

- Оля, не дури, – сказал он вроде мягко, но так, что пробрало до костей. – Сумасшествие не стоит затягивать, иногда надо мыслить здраво. И сейчас у нас на двоих, кажется, только один здравомыслящий мозг.

Понимая, что Роман прав, она все равно продолжала стоять на своем, цепляясь за него, будто за спасательный круг. Ольга хотела просто сбежать от больничных запахов, от самой атмосферы, такой угнетающей и давящей, от собственной болезни. Да даже просто из этого города. Вот только куда не беги – везде есть ты сам. И от этого никуда не деться.

Тогда она ненавидела его за настойчивость. Было странно слышать его слова о том, что она должна, что это необходимо, но сейчас стало спокойно. Она едва не плакала, хотела колотить его руками по груди, но сейчас понимала, что все действия Романа были направлены только на ее выздоровление.

И как бы Ольга не хотела сейчас его ненавидеть, но только улыбалась. Он заботился о ней, пусть и вопреки ее собственным предпочтениям, которые были продиктованы скорее страхом, умело замаскированным и вылитым в безразличие.

Тогда она боялась, что он увидит ее такой, а сейчас хотела его видеть. Наконец-то поняла, что значили его слова «верни мне ту женщину». Сейчас они приобрели другой смысл, и Ольга готова была подорваться – если бы были силы – рвануть к нему, обнять, обо всем рассказать.

Движение сбоку снова отвлекло. Девушка в белом халате сливалась с комнатой, только карие глаза выделялись на фоне всей этой стерильности.

- Как вы себя чувствуете? – спросила она.

- Нормально, – получилось очень сухо, и Ольга прокашлялась. –

Только пить хочу.

- Это нормально, – улыбнулась девушка. – Мы вас переведем в палату уже к вечеру.

Ольга сама не заметила, как снова уснула. Только сквозь еще наркотный сон слышала, как ее везли по коридору на каталке, а потом перекладывали на кровать. И снова беспмятство.

Проснулась снова, когда уже было темно. Медсестра зашла поставить новую капельницу и разбудила.

- Спасибо, – пробормотала Ольга.

- Ваш муж каждые полчаса звонил на наш пост, все спрашивал, как вы и где вы.

- Кто?

- Ваш муж, – удивленно ответила медсестра. – У него очень приятный голос. Такой баритон со странной интонацией.

Определение ничего Ольге не сказало – так мог звучать и голос Романа, и голос Олега.

- Он не представился?

- А у вас много мужей? – рассмеялась девушка.

Ольга только улыбнулась ей в ответ и свободной от катетера рукой потянулась за телефоном. Пять пропущенных от Олега и пять – от Романа. Вот они сговорились, что ли?

И время: 21.00

- Уже время посещений закончено? – спросила Ольга, прекрасно зная ответ.

- К сожалению, да. Но завтра – пожалуйста.

Вот только завтра не нужно было, потому что нужно было сейчас. И желательно близко, постоянно, непрерывно.

«Где же ты, мое сумасшествие?» – подумала Ольга, и тишину палаты разорвал звонок мобильного телефона.

Она с такой надеждой потянулась за смартфоном, что едва не выдернула капельницу из руки. Но на экране было не долгожданное

имя.

Олег...

Ольга подумала немного, но все же ответила:

- Да?

- Привет, – шепотом отозвался Олег. – Как дела?

Первой мыслью было, что у него сработало шестое чувство. Он не мог знать, когда была операция и во сколько. Но все же позвонил.

- А почему ты шепчешь? У тебя под боком спит какая-нибудь блондинка?

- Вдруг шатенка? – уже громче спросил Олег.

- Да хоть лысая китаянка, главное, чтоб тебе хорошо было.

- Оля, Оля... Неужели мне даже нельзя спросить, как ты себя чувствуешь?

- Все нормально, – ответила она. – Надеюсь, что уже через недельку покину больницу, подумала немного и добавила: – И город.

- И куда поедешь? Домой или... к нему?

- Не надо, Олег. Когда ты съездишь за свидетельствами?

- Скоро. Мне как сделать? Через медсестру передать или все же можно зайти к тебе?

- Не веди себя как обиженный подросток. Конечно, ты можешь зайти, если не принесешь с собой тонну негатива.

Олег ничего не ответил, только со вздохом сказал:

- До встречи.

- Спасибо, – все-таки поблагодарила Ольга, – что позвонил. Пока.

Голова снова зачесалась, да вот только дотрагиваться до марлевой повязки было сложно из-за накатывающих приступов боли. Каждое прикосновение к голове – удар молотком. Ольга хотела встать и посмотреть на себя в зеркало, но отбросила эту идею, понимая, что вид ее не порадует. А вот еще звонок может привнести толику счастья в эту пучину боли и сострадания к самой себе.

Один гудок, и голос Романа:

- Ну наконец-то!

- Привет, – постаралась придать голосу как можно больше оптимизма.

- Я уже несколько раз звонил на пост. Как ты?

- Уже в палате, хоть и башка раскалывается. Так это ты представился моим мужем?

Ольга улыбнулась, уже заранее зная ответ.

- А как мне надо было представиться? Любовником? Братом? Сватом? Или ты подумала, что это твой режиссер звонил? – последний вопрос был не без раздражительных ноток в голосе. Но Роман быстро их изменил на мягкий тон: – Я завтра к тебе приеду.

Зажмурившись до красных пятен перед глазами, Ольга немного шутливо, но напряженно ответила:

- Ты хоть представляешь, какая я сейчас красотка. Наверняка, в гроб краше кладут. Сама боюсь в зеркало посмотреть.

- Трусишка, – усмехнулся Роман в ответ. – Я могу надеть солнцезащитные очки, чтобы не упасть в обморок от твоей красоты.

«Он опять начинает злиться», – поняла Ольга. Вроде бы эта тема была уже закрыта, все было решено, но то злосчастное сомнение точило ее, как червь яблоко.

- Я буду ждать тебя, – сказала она.

- Как-то это не очень радостно прозвучало.

- А вот это прозвучало как упрек.

Снова тонкая грань, камни в хрупкое стекло, и они оба это понимали. Но сейчас хотя бы понимали.

- До завтра, – интонация Романа снова стала ровной. – Отдыхай.

Ольга выдохнула с облегчением:

- До завтра.

Она не думала, что, проспав весь день, снова сможет провалиться в сон. Но показалось, что ночь пролетела незаметно, без сновидений и почти без боли. Наверное, чудесное действие димедрола.

После ухода медсестры Ольга даже потянулась за ноутбуком с намерением убить время, но в палату вошел врач.

- Как дела? – спросил он, подойдя ближе, и аккуратно дотронулся до головы, срывая часть пластыря, который держал повязку.

Ольга чуть поморщилась, но продолжила смирно сидеть, ожидая вердикт, и тихо ответила:

- Вроде ничего.

- Это лучше, чем плохо, – отозвался он, вернув пластырь на место. – Через час идите на обработку швов и перевязку.

- Когда меня выпишут?

Врач удивленно поднял брови:

- Вчера сделали операцию, а сегодня вы уже рветесь отсюда. Я могу понять ваше желание, но придется еще потерпеть.

- И долго?

- Посмотрим, если все будет хорошо, то не очень.

Ольга перевела взгляд на темный экран ноутбука и увидела свое отражение.

«А ведь я так до сих пор и не дошла до зеркала».

Оно висело над маленькой раковиной, совсем небольшое, сантиметров двадцать на тридцать. Ольга поднялась и подошла, глядя не прямо перед собой, а вниз, на белый с желтыми подтеками керамический умывальник.

Она помнила, как за несколько часов до операции светлые волосы падали на пол под жужжание машинки, но так и не рискнула после этого на себя посмотреть. Теперь зеркало отразило бледную физиономию с синяками под глазами, сбритую под ноль часть головы справа с белой повязкой, сухие губы.

- Лучше бы уже полностью согласилась сбрить, – сказала вслух. – А то непонятно что получилось.

Попытавшись кое-как распределить оставшиеся волосы на обе стороны, Ольга поняла, что это было дерьмовой затеей. Выглядело как начинающееся облысение: все проплешины не прикрыть, повязку не спрятать.

Конечно, волосы отрастут, но сейчас...

- Твою мать, – выругалась тихо, потом ополоснула лицо холодной водой, сделала кофе и ровно через час стояла перед дверью перевязочной. Очередь из трех человек, пятиминутная обработка и смена повязки, и Ольга снова в палате.

Работа не клеилась – взгляд то и дело возвращался к цифрам на часах. Телефон молчал. Тишина давила. Мысли не давали сосредоточиться, а постоянно подкатывающая к горлу тошнота превратила лицо из бледного в зеленоватое.

Врач предупреждал, что последствия наркоза могут вылиться в слабость и тошноту, но Ольга не думала, что все будет настолько плохо.

Без десяти пять она замотала голову нашейным платком. Он был полупрозрачным, но хоть что-то, чтобы скрыть искромсанную голову. Как бы ни старалась, но два участка по бокам все равно остались неприкрытыми, сколько не пытайся соединить края, заправить один за другой – расходятся.

Под синтетической тканью сразу стало жарко, и, естественно, голова стала чесаться еще больше. Но Ольга стойко терпела, не думая о том, во что это может вылиться в будущем.

Пять минут шестого – Романа нет.

Десять, пятнадцать, двадцать...

Ольга уже решила, что он не придет. Но продолжала сидеть с повязанной головой, отсчитывая минуты, реагируя на каждое движение за дверью. Ей казалось, что слух уже стал близок к кошачьему, а глаза запомнили дверь до такой степени, что она могла с закрытыми глазами нарисовать ее с каждым изъясном и несоответствием.

Половина шестого...

«Мог бы хотя бы предупредить, что не придет».

Взяв в руки телефон, Ольга набрала номер и услышала ненавистный механический голос, сообщивший о недоступности абонента. Сердце болезненно сжалось, а на глаза навернулись слезы.

«Ни черта! Он был единственным мужиком, из-за которого я рыдала. И это было в первый и последний раз».

Доведя себя уже почти до точки кипения, Ольга начала мерить шагами палату и даже не услышала, не увидела, как открылась дверь. Только встав к окну, увидела отражение другого человека позади себя и обернулась.

- Привет, – сказал Роман и потер переносицу. Скорее, даже не потер, а хотел поправить очки, но забыл, что их там нет.

- Привет, – отозвалась Ольга, стараясь сделать голос спокойным.

Они так и продолжали стоять у противоположных стен. Он подпирал дверь, она – подоконник.

- Я был в издательстве, – сделал Роман шаг вперед. – Телефон сдох.

Он не оправдывался, просто констатировал факт. Но Ольга все равно улыбнулась, только какой-то улыбкой разочарования. А чего она ждала? Что он начнет каяться, как на исповеди? Что почувствует себя виноватым? Давно пора привыкнуть к нему. Гений пера из другого контингента!

Вот и что с ним делать? Только одно.

- Если ты до меня дотронешься, то я не рассыплюсь, – сказала Ольга, сделав тоже шаг навстречу.

Два шага с каждого, и Роман уже аккуратно обнимал ее талию, будто она была куском старого китайского фарфора, готового вот-вот рассыпаться в руках. Платок съехал с головы, и Ольга его попробовала его вернуть на место, но почувствовала ладони на своих запястьях.

- Зачем? – такой простой вопрос, который можно отнести, к чему угодно, но понять было несложно.

- У меня на голове нечто невообразимое, – улыбнулась она, пытаясь перехватить его руки. Звучало шуткой, немного с насмешкой, но Роман видел, как Ольга пытается спрятать себя от него.

- Тебе не жарко под этой синтетикой? – спросил, одним движением все-таки сдернув платок с головы. – И чего ты так стесняешься?

Ольга инстинктивно потянулась к голове, одной рукой стараясь пригладить остатки волос, другой – трогая ненавистную повязку, под которой все чесалось.

- Ну вот какого черта? – Ольга едва не ли не кричала.

- Успокойся! – чуть повысив голос, попросил Роман. – Я тебя люблю не за твои волосы. Так что давай без истерик, потому что при такой жаре внутри хрен знает, как может воспалиться рана и какое дерьмо туда может пролезть. Так что забудь о том, что красиво, и подумай о том, что важно. Так что прекрати свои выкрутасы и перейди в состояние заводских настроек, потому что скоро начнется новый этап.

Ольга отошла от Романа, вырвавшись из долгожданных объятий, и посмотрела на него:

- Ты действительно... То есть...

- Да, мне действительно глубоко плевать, как ты выглядишь. Я еще раз повторю: полюбил тебя не за это и люблю не за это. Когда же ты все-таки научишься верить?

- Я верю.

И с этого момента Ольга поверила окончательно, как не верила никому и никогда, но именно эта вера и помогала ей перенести следующую неделю.

Роман приходил каждый вечер ровно в пять. И так символично на пятый день они смогли уединиться в палате, немного быстро, но аккуратно, хоть Ольга и чувствовала, как он хочет поиграть с ее волосами. Для мужчин это было удобно, но пришлось довольствоваться только руками на теле, потому что волосы стали запретом.

Олег принес свидетельство. Ольга только почувствовала облегчение, что он снова не столкнулся с Романом. Прощание вышло скомканным и немногословным.

И уже через неделю вокзал, платформа, расписание.

Сев в поезд, Ольга действительно надеялась, что это и есть их хэппи-энд. Положив голову на мужскую грудь, она спросила:

- Ты счастлив?

- Очень, хоть я и не представляю, что мы будем делать дальше.

- Мы будем счастливы.

Глава 12

Ольга открыла глаза посреди ночи, когда шум въезжавшей во двор машины нарушил тишину, врываясь в комнату через открытую балконную дверь.

«Кажется, кому-то не помешало бы поменять глушитель», – подумала она и повернула голову. Романа рядом не было. К подобному она привыкла – не впервые приходилось просыпаться в одиночестве.

Когда автомобиль заглох, Ольга услышала едва различимый стук клавиш с кухни. Как обычно. Иногда у нее возникало ощущение, что он уходил, едва она засыпала. Но никаких претензий, упреков – понимала, что Роман просто работает, и ломать привычный для него ритм не хотела.

Поднявшись с дивана, Ольга пригладила руками отросшие волосы. Они всегда смешно топорщились в разные стороны после сна, но еще чуть-чуть, и их можно будет собрать в маленький хвост. Глаза привыкли к темноте, поэтому, не включая свет, Ольга вышла из комнаты. На кухне горел небольшой ночник, который Роман специально там поставил, и голубой свет лился от экрана ноутбука.

- Давно не спишь? – спросила Ольга, остановившись в дверном проеме.

- Не очень, – ответил после еще сотни ударов пальцами. Видимо, мысль заканчивал. Откинулся на спинку стула и устало потер лицо. – А ты почему не спишь?

- Машина разбудила, – пожала Ольга плечами и, сделав еще несколько шагов, села рядом.

- Надо было балкон закрыть.

- Жарко.

«Боже, какой идиотский разговор», – наверное, эта мысль посетила их обоих одновременно, судя по взглядам, которые они отвели друг от друга.

- Иди спать, я скоро, – сказал наконец Роман и снова посмотрел в экран.

- Вот и поговорили, – тихо сказала Ольга, но уже в коридоре, так что услышать ее слова было невозможно.

Спасть совершенно не хотелось, поэтому она вышла на балкон и посмотрела на ночной город. Чужой город. Неделя за неделей, месяц за месяцем она старалась привыкнуть, но так и не смогла. И все же держалась, держалась ради Романа и постоянно думала, что ему это, в принципе, не так уж и важно. Соберись она и свали домой, он заметит ее отсутствие, только когда трахаться припрет.

Нет, Ольга не хотела сказать, что несчастна. Только вот тот самый быт, о который разбивается любовная лодка, наверное, настигает всех. Тем, кто так и начинает жить, проще, но им с Романом пришлось нелегко, хотя Ольге казалось, что только ей.

Обретение друг друга, эйфория, бушующие гормоны, постоянно выливающиеся в бешеный секс, – все это было прекрасно, но вечно длиться не может. И вот уже второй месяц Ольга чувствовала себя здесь лишней. Поначалу она давила это чувство, находила всему оправдания. Да, человеку необходимо давать личное пространство, но когда его слишком много, это становится походит на одиночество.

Но Ольга упорно продолжала бороться за то, что хотела построить именно с Романом, за то, что было для нее важно. Она знала, что не сможет без него, но и с ним становилось все труднее. С самого начала ведь понимала, что будет несладко, только видя, что он ее все так же любит, старалась.

- Почему ты тут стоишь? – услышала голос за спиной.

- Ты уже закончил работать? – проигнорировала Ольга вопрос, не оборачиваясь, и ту же почувствовала, как руки Романа сомкнулись под ее грудью, а губы проделали едва ощутимую дорожку от уха вниз.

- Да, – тихий выдох. – Так что хорошо, что ты меня дождалась.

Ольга улыбнулась. В такие моменты всегда казалось, что все хорошо,

что счастье было почти осязаемо и что Олег когда-то был не прав – все-таки любви достаточно.

- Когда ты закончишь книгу? – спросила Ольга.

Роман оторвался от ее шеи и ответил:

- Хотел бы уже, но немного сместились планы, так что, наверное, через неделю-другую. Потом надо съездить на пару встреч в Москву.

- Ты не говорил...

- Да? – удивился он. – Забыл, может быть. Да и неважно, – снова вернулся к шее, начав развязывать халат, под которым, как он знал, ничего нет.

«Ну да», – злобно хихикнул противный голос на одном плече Ольги. – «Он уезжает, а тебе об этом знать необязательно».

«Стоп!» – заорал второй на другом. – «Все нормально. Ну забыл, с кем не бывает».

Только оба голоса заткнулись, когда Роман провел руками по плечам, чтобы сбросить халат на пол. Тут же Ольга повернулась и подцепила большими пальцами резинку его штанов, потянув их вниз. Сейчас она не хотела никаких долгих прелюдий – просто скорее почувствовать его, сразу и полностью.

Один взгляд, и Роман как будто прочитал ее мысли. Ольга вновь поразила его проницательности – он всегда как будто понимал тело, знал, что ему сейчас надо, как будто проникал в голову, считывая каждое желание. Вот только единственным недостатком было, что так случалось только в тех случаях, которые касались секса.

- Послушай, – Роман обхватил ее лицо руками, зафиксировав прямо напротив своего так, чтобы взгляда избегать не удавалось. – Я не знаю, почему ты в последнее время ходишь какая-то пришибленная, и не давя. Если захочешь, то сама расскажешь. Только помни о том, что я тебя люблю. Поняла?

Ольга кивнула, но подумала:

«Рассказать обо всем, что я напридумывала? Нет уж, лучше промолчать».

Только она забыла, что вулканы молчания могут взрываться с

катастрофическими последствиями. И теперь никого нет, кто бы встал между ними, кроме них самих.

Утреннее пробуждение было точно таким же, как и ночное. Только к предыдущим звукам присоединился звон ложки, размешивавшей кофе в кружке. Ольга нащупала телефон и посмотрела на экран.

6.43.

Совсем рано, а Роман опять на ногах. Точнее, за работой.

Издержки творчества. Ольга сама могла сутками ничего не видеть вокруг, вливая в себя литры кофе и не отрываясь от экрана, пока все мысли не выльются в строчки. Олег мог ночами сидеть с распечатанным сценарием, внося поправки и корректировки, или сутками пропадать на съемочной площадке. Поэтому Ольга понимала.

Телефон в руке коротко завибрировал. Смс.

«Интересно, кто в такую рань?»

Сообщение от абонента Инна Парфенова:

«Оля, пожалуйста, перезвони мне, как проснешься».

С ней Ольга последний раз разговаривала перед отъездом из Москвы, когда они закончили работу над совместным сценарием, и сейчас не понимала, что могло ей понадобиться через столько времени.

Нажав на кнопку вызова, Ольга после первого же гудка услышала взволнованное:

- Да?

- Привет. Что случилось?

- Оленька, – едва ли не плач на другом конце провода. – Ты можешь приехать в Москву?

- Зачем?

- Помоги мне. Мы застряли на сценах, которые ты писала. Олег Викторович рвет и мечет, требует от меня и актеров непонятно что. Уволит меня к черту, а я больше ничего не умею делать, кроме как писать сценарии.

Ольге слабо верилось, что Олег не может разобраться с несколькими

несчастливыми сценами. А может, она просто искала подвоха в этом звонке? Поэтому аккуратно спросила:

- Он знает, что ты мне позвонила?

- Нет, когда я предложила обратиться к тебе за помощью, он разорался так, что на следующий день уже орал свистящим шепотом, сорвав голос. Мы несколько раз переснимали, но каждый раз ему что-то не нравилось. Пожалуйста, Оль, это не займет много времени. Олег Викторович приостановил съемки и сам пытается переписать эти сцены, но тебе, как автору, удастся передать всю атмосферу и основную мысль. И ты можешь это время пожить у меня, – уговоры превратились в мольбу.

- Я перезвоню.

Ольга отбросила телефон на соседнюю подушку и задумалась. Странное стечение обстоятельств. Может, просто открыть файл со сценарием и сделать пояснительные пометки? Только дело вовсе не в сценарии. Олег всегда снимал написанные ею сцены даже без дополнительных поправок, которые всегда делают режиссеры.

- Доброе утро, – услышала Ольга и перевела взгляд на Романа, который держал в руках дымящуюся кружку. – О чем ты так сосредоточенно думаешь?

Два противных голоса заорали так, что голова едва не треснула.

«Не говори, не говори. И никуда не надо ехать».

«Нет, нет, ты должна рассказать».

- О работе, – в итоге неоднозначно ответила Ольга.

Роман только посмотрел и, поставив кружку на тумбочку, снова ушел на кухню.

«Вот черт!»

Ольга поняла, что так дело не пойдет. Он наверняка слышал, что она с кем-то разговаривает. Ее слова даже мог разобрать, но ничего не сказал. Или ждет, что сама расскажет, или ему плевать.

Пять минут, десять. В квартире висела тишина. Ольга сделала последний глоток кофе и поднялась. Халат, оставленный ночью на балконе, теперь лежал на спинке кресла.

«Ну хоть с одним способом общения у нас проблем нет», – подумала

Ольга и вышла на кухню.

- Мне надо в Москву съездить, – сказала, опершись кулаками о стол.

Роман поднял глаза и спросил:

- Зачем?

- У моего соавтора проблемы с некоторыми сценами, которые я писала. Их не могут снять. Думаю, что смогу помочь.

- Если можешь, то почему бы не помочь.

- И все? – вопрос вырвался вместе с нервным смешком.

- Закатить тебе сцену ревности? Что ж, – Роман сцепил руки за головой и продолжил: – Я могу спросить, кто режиссер, хотя и так знаю. Ты ответишь. Я грохну кулаком по столу и скажу, что ты никуда не поедешь. Ты обзовешь меня каким-нибудь непечатным словом и начнешь бить посуду. А потом мы займемся бешеным сексом и после начнем говорить спокойно. Так почему бы не начать сразу со спокойного разговора. Хотя против секса я тоже ничего не имею. Можно с него.

- Островский... – протянула Ольга, качая головой. – Ты такой Островский.

- Уж какой есть. И ты всегда об этом знала. Или думаешь, что люди, которые вместе живут, обязательно должны ругаться.

- Для начала можно просто пообщаться, – сарказм в голосе можно было добавлять в аджику вместо перца. – А то у меня иногда складывается впечатление, что тебе плевать на все, кроме секса. Может, давай закажу тебе резиновую куклу по своей фотографии? – Ольга поняла, что перегнула, когда он резко поднялся и за затылок притянул к себе.

Роман злился. Об этом говорил его взгляд, желваки, ходуном перекатывавшиеся по скулам, и напрягшаяся шея.

- Что ты несешь? – он говорил сквозь зубы. – Черт возьми! – отпустил ее и сел обратно, взяв себя в руки. – Я не понимаю, тебе эмоций не хватает, что ли? Ты знала, что я не самый эмоциональный человек, точнее, не особо проявляющий эмоции. И да, я не умею строить отношения, но пытаюсь. Не одной тебе трудно. Так что с Москвой, собираешься? – уже спокойно спросил он.

Ольга пожала плечами:

- Может, и съезжу. Все равно сейчас работы нет, а ты как раз книгу закончишь.

- Только давай без повторения сибирской лав стори, а то нет желания ждать еще год и чистить твою голову, после того как режиссер забудет ее бредовыми мыслями.

А вот теперь Ольга улыбнулась:

- Знаешь, это похоже на ту самую сцену ревности, которую ты не хотел закатывать. Просто почему-то проявляется она довольно странно. Ладно, – махнула рукой и пошла в ванную.

Роман услышал, как открылась дверь, и крикнул:

- Дверь не закрывай, я сейчас присоединюсь, – а через секунду усмехнулся – замок как будто демонстративно щелкнул.

«Ну слава богу, характер наконец-то показала, а то я уже думал, что не дождусь», – подумал он.

Если в отношениях кто-то пытается быть не тем, кто он есть на самом деле, то рано или поздно все рухнет. Нет, просто выгорит, истлеет, разобьется.

Ольга стояла под струями воды и уже жалела, что закрыла эту чертову дверь. Она обняла себя за плечи, закрыв глаза, и села на акриловую поверхность, подтянув колени к груди. Вода, вода, вода... Ее шум успокаивал, грел, бодрил, и Ольга даже не почувствовала, как на плечи легли руки.

- Я же просила... – только сказала она.

- Такое ощущение, что ты на ключ закрылась, – усмехнулся Роман. – Тут ногтем достаточно повернуть механизм, чтобы оказаться внутри. А уж зайти бесшумно, когда ты в какой-то прострации, вообще не составило труда.

- А ты ногти не стрижешь? – не удержалась от язвительности Ольга, но расслабилась, когда он начал массировать плечи.

Они сидели в ванной, и только тонкие, но мощные струи воды сверху били по телам. Ольга повернулась к Роману лицом и обвила ногами поясницу, обхватив его шею руками. Сейчас вода стекала по ее

волосам, но это немного мешало, поэтому двинулась чуть вперед, и тут же, как по законам физики, их тела соединились.

- Островский, – прошептала Ольга ему в губы, – ты меня бесишь, но ты меня и возбуждаешь.

- Сильно? – спросил он, взявшись руками за борта ванны.

- Бесишь или возбуждаешь?

Ольга провела языком над его верхней губой, а потом поцеловала в улыбающийся уголок.

- Ты долго надо мной издеваться будешь?

Они отбивали вопросы, как будто играли в волейбол, но только ответов на них не было. Роман провел одной рукой по ее ноге, поднимаясь все выше и выше к талии, и надавливал, чтобы Ольга наконец начала движения, а то от бездействия все начинало болеть.

- Если ты хочешь, то я могу издеваться над тобой всю оставшуюся жизнь.

- Вот сейчас ты это делаешь очень умело. Если не начнешь, то у меня будет эректильная дисфункция, тогда придется трахать всю оставшуюся жизнь только твой мозг.

Ольга ускорила темп, переместив одну руку тоже на скользкий борт, а Роман, обхватив ее плечи со спины, надавливал, когда это было нужно, и отпускал, позволяя ей приподниматься.

- У тебя жутко неудобная ванна, – прошептала Ольга и тут же вскрикнула от боли, когда Роман прикусил сосок.

- Поднимайся, – оторвался от груди. – И давай вспомним, как все началось.

Ольга непонимающе нахмурилась, а потом улыбнулась. Поднявшись, выключила воду и положила ладони на плитку.

- Я-то помню, – сказала, слегка наклонив голову, чтобы уловить Романа взглядом.

Он почти вплотную подошел и провел ладонью по шее.

- Тогда, в первый раз, – он резко перехватил ее поперек живота. – Уже тогда я, наверное, влюбился, – шептал в шею, второй рукой начав массировать чувствительную точку между ног. Ольга

непроизвольно выгнулась, и Роман запустил внутрь пальцы, не прекращая движения извне. – Только мне казалось, что любить я не умею, умею только трахаться.

- Ты... Ты умеешь, все умеют, кроме социопатов. Просто показывают по-разному.

Роман прижался вплотную и медленно вошел, хоть и было желание сделать это грубее и быстрее.

- Заметь, я тоже могу издеваться.

Он сделал едва ощутимый толчок, но не до конца. Ольга готова была получить тот кайф, что всегда испытывала от секса с ним, но Роман не позволял. Он двигался не до конца, не полностью входя – только дразнил.

- Как ты еще терпишь? – спросила Ольга.

- Я не терплю, я изнемогаю.

И резкий толчок вперед. Она знала этот порыв, эту неистовость, это желание. До боли, до изнеможения – Ольге казалось, что с каждым новым движением он проникал в каждую клетку, в каждый нейрон ее мозга. Это было то единение, которое связало их впервые. Нет, не то. Тогда была только страсть, которую Роман хотел получить, сейчас – любовь.

- Я люблю тебя...

Ольга вздрогнула от его слов. Он и раньше их говорил, но никогда так. Так, что каждое из трех слов проникало куда-то внутрь, как кокаин, который дарит то незабываемое блаженство. Жаль, что только краткосрочное.

- Я тоже тебя люблю, – только с ее стороны это были не просто слова, а крик.

Роман сделал еще пару толчков, а Ольге даже не хотелось, чтобы этот момент прекращался. Безумие... Оно было их стезей, а нормальность не для этого дуэта. Они всегда хотели друг друга безумно, безудержно.

Только почему у Ольги слезы катились по щекам?

Он это понял, почувствовал.

- Оля, – развернул ее опять лицом к себе, – можешь ехать в Москву.

Не думай, что мне все равно, но если бы я запретил, ты бы орала: «Островский, ты собственник». То есть было бы еще хуже, – уперся своим лбом о ее и продолжил: – Ты бы не смогла жить, когда каждый твой шаг контролируют и анализируют. – Может, это выглядело дерьмово со стороны, но Роман говорил то, что думал. – Так что любое мое слово будет... черт возьми, – Роман набросил полотенце на ее плечи. – Оно будет неправильным, истолкованным по-другому. Я ревную, чертовки ревную, но надеюсь, что ты не наделаешь глупостей, как в прошлый раз.

Глава 13

Снова шум вокзала. Он уже стал таким привычным для Ольги за последний год. Она любила дорогу. Это было время для мыслей и новых идей, только сейчас стало было по-другому.

- Позвони мне, как доберешься, – шепнул Роман ей в макушку.

Они сидели в зале ожидания. Ольга положила голову на его плечо, как будто пыталась перед прощанием урвать хоть еще толику тепла и запомнить запах. Роман гладил ее по плечу, то едва прикасаясь, то прижимая к себе с силой.

- Конечно, – Ольга подняла голову и улыбнулась.

Два пальца легли на слегка колючую щеку и сделали незамысловатый узор, остановившись у самых губ.

Роман перехватил ее руку и поцеловал в запястье, заметив:

- Не стоит увлекаться, а то придется нам опробовать кабинки местного туалета на прочность.

- Извращенец, – усмехнулась Ольга в ответ.

- Да, ты уже говорила об этом. Но по тому, что ты вытворяла сегодня ночью, могу сказать, что недалеко от меня ушла, – он наклонился к самому уху и добавил очень интимно, сексуально: – Интересно, скоро ли следы твоих ногтей и зубов сойдут с моего тела? А вот тут, – он взял ее руку и приложил к своей груди, – болит до сих пор. И в следующий раз я тебя так за сосок укушу, чтобы ты понимала, как я себя чувствую сейчас.

- Кажется, нам пора в туалет.

- Извращеночка моя, – Роман взял ее пальцами за подбородок и легонько поцеловал, лишь на секунду проведя языком по губам.

Это только распалило. Ольга сжала ноги, почувствовав, что они почти онемели. Внизу живота все пульсировало, а чувствительные мышцы начали сокращаться от одной только мысли, предвкушающей мысли.

- Черт!

- Что? – не понял Роман.

- Придется уехать, не опробовав туалеты, – Ольга кивнула на часы. – А ты, – ткнула пальцем в то место на груди, где только несколько часов назад оставила свой след, – не смей ни с кем трахаться, пока меня нет. А то я тебя знаю, ни минуты не можешь не думать о сексе.

- Это только рядом с тобой, а так я отнюдь не гиперсексуальный извращенец, который готов трахать все подряд. Так что пару недель продержусь.

Роман поднялся, одной рукой нашел чемодан, а второй – ладонь Ольги.

- Жаль, – сказала она уже на перроне и прижалась к нему. – Я буду скучать.

- Я тоже.

Снова поцелуй в макушку. Роман выглядел спокойным, впрочем, как обычно. Но Главное Ольга знала – ему не все равно. И она старалась не показывать, что эта дорога ей не в радость. Тогда зачем едет? Сложный вопрос, но просто хотела.

- Я надеюсь вернуться еще до твоего отъезда, а то потом мы можем долг не увидеться.

- А я надеюсь раньше закончить книгу и приехать к тебе. Мне немного осталось.

Ольга даже не поняла, как его руки оказались под футболкой и теперь раскаленным железом плавил кожу.

- Островский, – она почти застонала, – что ты со мной творишь?

- Тихо, – шепнул Роман ей в ухо, лизнув мочку. – Мы же взрослые люди...

Но в глазах его была издевка и такое желание, что Ольга не выдержала и сказала:

- Я чувствую себя девочкой, у которой шалют гормоны, а не тридцатилетней женщиной. И уже не хочу никуда ехать.

- Могу даже угадать, чего ты хочешь.

Ольга подмигнула и печально пожала плечами. Иногда хотеть недостаточно – есть еще обстоятельства. И время. Сейчас оно и мешало осуществлению желаний, а так бы они с Романом точно хорошо попрощались в том же туалете. Перед расставанием всегда кажется, что любишь сильнее, что хочешь больше, что не переживешь разлуку.

Вот только эти отношения больше походили на череду музыкальных реприз, бесконечно повторяемых жизнью, а не на развивающийся организм.

И почему такие мысли упорно крутились в голове, пока поезд набирал скорость, он не могла сказать. Все же нормально. А если нормально, то не должно быть ощущения, что чего-то не хватает.

Пейзаж за окном менялся, и вскоре Ольга оказалась в родном городе, с тоской посмотрев на знакомую местность за окном. Тут же зазвонил телефон. Наташа.

- Ты почувствовала, что ли, что я в городе? – спросила Ольга вместо приветствия.

- Не поняла... – протянула подруга. – А почему не позвонила?

- Да я на десять минут здесь, пока поезд стоит. В Москву еду.

- Ты... Это... – Наташа мялась, пытаясь что-то спросить. – К Олегу возвращаешься?

Ольга выдохнула, чтобы не сорваться, но все равно в голосе появилось раздражение:

- Подумала, что мы так мало продержались? Нет, у нас все хорошо. И не могу понять, почему никто не верит в наши отношения и почему я должна возвращаться к Олегу.

- Извини, Оль. Просто как-то у вас все странно.

- Наташа!!! Все у нас нормально.

- Ладно-ладно, молчу.

Действительно, к этой теме они больше не возвращались. Поговорили еще минут десять ни о чем и обо всем, Ольга пообещала как-нибудь приехать в гости и попрощалась с подругой, тут же задумавшись:

«Неужели и со стороны заметно, что с нашими отношениями что-то не так? Нет, они не совсем стереотипные, без всяких там ухаживаний, конфетно-букетных периодов и прочей романтической чуши, но в этом и не было смысла, если мы начали трахаться уже на второй день знакомства, а потом расставались, снова трахались, ругались, прощались, и все шло по кругу...»

Но она верила, что уже они уже разорвали его.

Инна прислала в сообщении свой адрес с довольным донельзя смайликом. Ольга вызвала такси и, уже полулежа на заднем сидении машины, набрала номер Романа. Поздно, но для него время детское.

Он долго не отвечал, но наконец она услышала:

- Да?

- Я уже подумала, что ты спишь.

- В душе был, – ответил Роман. – Доехала.

- Да, что-то с непривычки даже устала. Сейчас бы тоже в душ, – усмехнулась Ольга и, покосившись на таксиста, добавила тише: – Желательно с тобой, а потом спать, желательно так же.

- Ты прекращай, а то придется мой душ повторить, только уже холодный. Ну или позвонить какой-нибудь знакомой, не слишком обремененной нравственностью, чтобы она справилась с моим стояком.

- Попробуй только, и обещаю, что больше у тебя его никогда не будет.

- Какая грозная дама, – протянул Роман довольно.

- Работать еще будешь? – спросила Ольга, зевнув.

- Конечно. Надо же куда-то деть свою энергию. Да и в постели одиноко так будет, что вряд ли усну, – такой голос, что волосы на руки невольно поднимаются.

- Прекращай, а то придется нам секс по телефону устроить, – снова понизив голос, сказала Ольга.

- Разнообразие не помешает, – задумчиво заметил Роман, но шутливо.

- Тебе не хватает разнообразия? – вот ее тон был серьезным.

На секунду промелькнула мысль, что он так пытался ей на что-то намекнуть, но потом вспомнила, что это Островский. А он всегда будет говорить прямо.

- Вот что ты придираешься к словам? Знаешь, я тоже могу. Вспомни, что ты сказала вчера: «У тебя неудобная ванна». И поверь, цену слова я знаю. Оговорочка по Фрейду.

Ольга сразу не поняла, о чем он, но потом дошло.

- Ты собираешься упрекнуть меня в словах «твоя ванна», не подумав, что это нормально? Я же просто еще адаптируюсь к новым условиям, – возмутилась она. – Мы же взрослые люди, в конце концов.

- Хватит, все! – Роман явно дал понять, что скандалить не намерен.

- Согласна.

На этих словах Ольга положила трубку. Она знала, что остыть надо не ему, а ей, а то могло быть сказано слишком много.

Спать! Спать! Спать!

Это все, чего хотела Ольга. Сбросив Инне смс, она откинула голову на спинку сидения и закрыла глаза. Черт бы побрал его с этой ванной! Ну сказала «твоя», а не «наша», и что теперь?

Инна стояла возле подъезда. Похудевшая и измученная, она нервно курила. Ольга махнула ей рукой, приняв чемодан из рук таксиста.

- Дай мне сигарету, – сказала, подойдя ближе.

- Ты же вроде не курила, – заметила Инна, но протянула пачку и зажигалку.

Ольга сделала первую затяжку. Сигареты были крепкими, и кашель резко сдавил горло. Она давно не курила, но сейчас почувствовала, будто в голове выстроилась непонятная с первого взгляда схема московского метро, поэтому и попросила. Следующая затяжка принесла легкое головокружение и покалывание в кончиках пальцев.

После третьей – Ольга почти опьянела.

- Где съемки? – спросила, выбросив окурок.

- Ответила бы я в рифму, – снова закурила Инна. – Идем, – она подхватила чемодан.

- Где твой муж? – спросила Ольга уже в квартире.

- На работе. И вряд ли сегодня вернется. Олег Викторович вообще озверел в последнее время, так что мой вряд ли сегодня домой вернется, будет заниматься монтажом всю ночь.

Ну вот есть же творческие пары, вполне нормально сосуществующие. Хотя, может, монтажера и сценариста нельзя так называть. Все-таки монтаж не то чтобы творчество, хоть и близко к нему.

«Но с Олегом же я жила нормально».

Опять дерьмовая мысль посетила Ольгу, но она все списала на то, что просто Олега не любила. Хотя нет, все-таки любила. Не страстно, бешено и безудержно, а как-то спокойно и просто нежно.

- Где Олег? – спросила она. – На студии?

Вышло довольно резко, но Инна не растерялась. Она напоминала Ольге саму себя н-ное количество лет назад. Такая же дерзкая, увлеченная, постоянно сидевшая на никотине и кофеине.

- Не знаю, – пожала Инна плечами.

- Звони мужу и спрашивай, там ли он.

- Хорошо. Но почему бы тебе самой не позвонить Олегу Викторовичу?

Ольга не хотела ему звонить, даже, наверное, не хотела его видеть. Но не раз им приходилось разграничивать личное и рабочее. Сейчас только рабочее. Она пыталась себя в этом убедить, но руки предательски начали подрагивать, когда Инна звонила мужу.

От сна уже не осталось и следа. Только тошнота накатывала. От волнения, наверное.

- Что? – спросила, увидев, как Инна повесила трубку.

- Он орет там, еще на студии. Ушел в кабинет, уволил секретаршу. Может, завтра остынет?

- Я поеду сейчас, – поднялась Ольга. – Раньше начнем – раньше

закончим.

Инна вроде хотела что-то сказать, но только махнула рукой. От дома до студии можно было дойти пешком минут за десять, чем Ольга и воспользовалась, чтобы подумать. А мыслей было много.

Ключи еще остались, и они были с собой. Одно движение, которое не хотелось или хотелось делать... Это движение: приложить, по сути, домофонную кнопку к датчику, потянуть на себя дверь и оказаться внутри – все можно было так легко сделать и одновременно сложно.

Знакомые коридоры, двери, стены... Ольга приложила руку к губам, понимая, что вся эта атмосфера вызывает странное чувство, такое, которое отдает каким-то давлением в груди.

Второй этаж. Кабинет Олега. Если уволил секретаршу, то приемная пустая. Ольга нажала на ручку двери, она поддалась сразу. Да, никого. И вот дверь непосредственно к начальству.

Стучать или нет?

Нет.

«Надеюсь, он там не развлекается с какой-нибудь начинающей актрисой».

«Нет, какая мне разница, тогда надо закрываться».

Ручка поддалась безропотно. Ольга выдохнула и толкнула дверь.

Олег сидел в расстегнутой рубашке со стаканом чего-то в руках. На вид, напиток был похож на виски или коньяк. Он просто смотрел в окно, даже не услышав, что кто-то вошел.

А Ольга просто спиной оперлась о дверь и так и стояла, пока не поняла, что пауза слишком затягивается.

- Привет, – сказала она тихо.

Никакой реакции. Новый глоток, а потом только Олег повернулся и скривил один уголок губ.

- Уже натрахались? Я думал, вас на больше хватит.

- Может, через лет двадцать и натрахаемся, – Ольга подошла к столу и спросила: – Где записка?

Олег кивнул в сторону шкафа за его спиной и спросил:

- Какого черта ты приперлась?

- Рабочего.

- Как это тебя твой писака отпустил?

- Наверное, доверяет, – пожала плечами Ольга, открыв шкаф и достав бутылку со стаканом. – Как ты теплым пьешь? – поморщилась, сделав первый глоток.

Виски был бесспорно хороший, но теплый. Олег подкатился на стуле к мини-холодильнику, вроде тех, что стоят в гостиничных номерах, и достал пакетик со льдом.

- Доверие – вещь хрупкая, и ни один человек не станет безоговорочно доверять другому, всегда остается ниша для сомнений.

- Олег, не надо. Мне плевать, что никто не верит в нас, но я хочу с ним быть. По крайней мере, здесь и сейчас, а потом... А потом плевать, там и будет видно.

Ольга сделала глоток обжигающего напитка. Какое дерьмовое состояние – вот так стоять перед бывшим мужем и рассказывать, как она любит другого. Увы, хэппи-энда для всех не будет. В этой истории есть третий лишний.

- А меня, представь, жена бросила, – Олег так и не поворачивался к ней, поэтому Ольга обошла его кресло и оперлась на подоконник, поймав взгляд.

- Я любила тебя.

Он резко подорвался и заключил ее в кольцо своих рук, поставив их тоже на подоконник.

- Я сейчас разверну тебя и оттрахаю.

- Нет, – сказала Ольга и улыбнулась. – Ты не такой, поэтому так не сделаешь. Ты слишком хороший, – она провела рукой по его щеке. – Олег, я не перестала тебя любить, ты всегда будешь для меня любимым человеком, но он... Черт, я не думала, что можно любить ТАК.

- Оль, а ты собака на сене.

Он вернулся обратно на стул и подхватил стакан со стола.

Ольга продолжала подпирать подоконник, глотая виски, который не

вызывал ничего, кроме рвотных позывов.

- Олег, какие проблемы со сценарием? – перешла к делу.

- Можно ли любить двоих одновременно? – он явно не хотел говорить о работе. – А может, совсем не любить? Ты его просто хочешь, но любишь ли?

- Я люблю его!

- А меня?

Ольга не ответила, просто повернулась, уставившись в окно. Она знала, что будет сложно, но не думала, что настолько. Тут же руки Олега сжали ее плечи. Не настойчиво, но нежно. Он развернул ее лицом к себе и как будто что-то старался вычитать, всматриваясь в глаза.

- Олег...

- Молчи, – перебил он ее. – Один поцелуй, пожалуйста.

- Я не могу... Не надо.

- Я могу.

Ольга тут же почувствовала руку на затылке, притянувшую ее лицо к другому. Язык мягко провел по губам, а потом проник в рот, все так же вдавливая голову, не давая шанса ею пошевелить. Он отодвигал ее к подоконнику, и Ольга сама не заметила, как оказалась сидящей на нем, а Олег удобно устроился между ног. Одна его рука продолжала удерживать затылок, а вторая – сжала грудь.

- Нет! – Ольга резко толкнула его. – Не смей больше так делать, а то будешь сам справляться со сценарием.

Олег усмехнулся и протянул ей лежавшие на столе листы, где карандашом он сделал пометки.

- Намудрила ты со сценарием.

- Сценарий как сценарий, – пожала Ольга плечами, аккуратно сделав шаг, чтобы взять распечатку.

- Не бойся, не кусаюсь. Да и несет от тебя его туалетной водой даже на расстоянии, так что я бы сейчас даже гаймориту обрадовался. Кстати, – спросил через пару минут, пока Ольга всматривалась в текст, – твой писака продаст мне права на экранизацию?

- Не знаю, – ответила, не отрываясь от листов. – Я не его агент. Но почему бы и нет?

- Ну да... – снова ехидно усмехнулся. – Расплатился я уже с ним сполна, причем собственной женой, но могу и денег добавить.

Ольга наконец посмотрела на него. Олег продолжал улыбаться, глядя, как она закипает.

- Я не предмет для торга.

- Конечно, – кивнул он. – Знаешь, я даже не могу понять, жалею или нет, что однажды захотел экранизировать его книгу. Может, не свяжись я с ним когда-то, все бы было по-другому.

- Ох, уж это «было бы»! Только веса оно не имеет. Истории жизни не переписываются.

Ольга продолжила перекраивать текст, взяв со стола карандаш. Что-то вычеркивала, что-то добавляла. Она знала, что никогда не добьется идеала, но всегда к нему стремилась. Даже через некоторое время, глядя на свой собственный текст, что-то хотела исправить.

И в такие моменты Ольгу не мог смутить или напрячь чужой взгляд, такой, каким Олег не переставал на нее смотреть.

- Ты не выглядишь счастливой, – заметил он, продолжая ее сканировать.

- Мне станцевать или спеть, чтобы выразить весь спектр своего счастья? Вот это посмотри, – Ольга бросила два листа на стол. – С остальным я поработаю.

- Спасибо, – Олег налил новую порцию виски. – Я, наверное, не смог снять, потому что в этих сценах было слишком много тебя, и мои попытки абстрагироваться от этой навязчивости вылились в непрофессионализм.

Ольга положила остальные листы в сумку и сказала:

- Звони, если что-то понадобится.

Она дошла только до двери, как телефон в кармане дал о себе знать, и решила, что это Роман. Но на экране высветилась фотография Олега. Ольга обернулась и посмотрела на его улыбающуюся физиономию с мобильником у уха.

- Ты нормальный?

- Сама же сказала звонить, если что-то понадобится.
- И что тебе понадобилось?
- Компания на поздний ужин.

Глава 14

Олег вроде бы просто предложил, но глаза просили. Нет, даже умоляли. Что-то колыхнулось у Ольги в груди. Она только надеялась, что это не жалость, потому что жалости он не потерпит.

- Знаешь, а я ведь сегодня почти ничего не ела, но жутко устала и не хочу никуда ехать, – сказала, возвращаясь обратно к подоконнику.
- Отлично, – обрадовался Олег. – Тогда предлагаю доставку.
- Хочу тайскую кухню.

Ольга взяла смартфон и через минуту подала его Олегу, предоставив право выбора.

- Хочу все, – улыбнулся он.
- Голодному человеку всегда кажется, что он готов сожрать даже слона, а потом оказывается, что после насыщения наступает пресыщение, и еда уже вызывает рвотный рефлекс.

Он оторвал взгляд от телефона и внимательно посмотрел на Ольгу:

- Ты сейчас точно о еде?

Она в ответ пожала плечами. Олег понял, что ответа не будет, и продолжил оформлять заказ. Телефон в его руке подал короткий звук.

Ольга подумала, что это смс о принятии заказа, но смех, который последовал следом, когда Олег пусть и невольно, но прочел сообщение, навел на мысль, что это отнюдь не служба доставки.

- Что там?
- Твой писатель настоящий романтик.

Забрав телефон, Ольга прочитала:

«Нам надо пожениться».

Она перечитала раз пять. Потом просто отправила:

«Зачем?»

Наверное, ждала ответа вроде – потому что мы любим друг друга или что-то в этом роде. Но получила краткий ответ:

«Юридические права».

Ольга знала, что у Романа никого нет: родители умерли, и оба были из детдома, где, собственно, и познакомились, братьев-сестер он не имел, как и других родственников. Поэтому жена автоматически становится единственным наследником в случае чего. Ну и, конечно, дети.

Тут же отвлек звонок из кафе, где уточнили заказ и время доставки.

- Ты согласилась? – спросил Олег, когда Ольга повесила трубку.

- Еще нет, – бросила она и написала:

«Поговорим при встрече».

Роман сам не понимал, почему не сделал это раньше и почему подобная мысль посетила его только сейчас. Да причем таким идиотским способом, через смс-сообщение. Надо было как-то по-другому.

Но именно сейчас, когда Ольга уехала и он остался один, Роман не почувствовал себя свободным. Он почувствовал себя одиноким. А последний разговор выбил из колеи окончательно.

Роман прочитал последнее сообщение и понял, что она злится. А в подобных делах у него был лишь один советчик.

Анна с привычной юридической риторики начала разговор:

- Если вам, Роман Сергеевич, не надоест звонить мне по ночам, то мне придется подать в суд за мелкое хулиганство.

- Тоже рад тебя слышать, Аннь.

- Островский, тебе надо спать в объятиях любимой женщины, а не звонить бывшей жене. И тут же вопрос: что случилось? Только не говори, что ты опять накосячил.

Роман ей коротко обо всем рассказал, добавив в конце:

- Я сделал неправильно?

- Боже, какой же ты все-таки придурок. Ты когда ей цветы дарил?

- Никогда.
- В ресторан когда водил?
- Я работал.
- Украшения?
- М, нет...
- Ну я же и говорю – придурок.
- Ей это все не надо, – уверенно сказал Роман.

Анна вздохнула так, будто на другом конце провода был не взрослый мужик, а собиравшийся на первое свидание подросток.

- Скажи мне, как ты до нее баб кадрил? Или трахал только то, над чем особо не надо не заморачиваться?
- Так удобнее.
- Но сейчас именно поэтому ты не можешь ее понять. Она же женщина! А ты ей так предложил пожениться, как будто завещание написал.

Олег вышел встретить курьера возле входа, и Ольга поняла, как была все это время напряжена. Захотела еще налить виски, но знала, что не надо. Все-таки воспоминания, пусть и годовой давности, были еще свежи. Те самые больничные коридоры, ощущение инородного предмета внутри...

Она не сказала Роману, хоть и должна была. Боялась. Боялась, что все повториться снова.

Олег вернулся с двумя внушительными пакетами, из которых тут же начал вытаскивать контейнеры, коробочки, приборы, салфетки.

- Карри? – предложил он. – Зеленое, как ты любишь.
- Спасибо.

Ольга продолжала подпирать подоконник, открыв контейнер, и вдохнула аромат еды.

- Может, ты присядешь. В твоем положении-то.

Оторвавшись от запаха карри, она спросила удивленно:

- Как ты узнал?

- Я тебя знаю не первый год, а иногда создается впечатление, что всю жизнь. Какой срок?

Ольга отставила контейнер на подоконник и отвернулась к окну.

- Я не знаю и боюсь узнать, – тихо ответила, видя отражение лица Олега за спиной в стекле.

Он нахмурился, а потом понял:

- То есть?..

- Нет! – Ольга почти закричала, а потом как-то замялась. – Ты тогда представляешь, что будет, учитывая, что я перенесла общий наркоз и дозу лекарств? Может... – она снова отвернулась, потому что не было желания смотреть в его растерянное лицо.

- Ты надеешься, что это его ребенок? Ты этого хочешь?

- Олег, – она так и не повернулась, – я очень хочу, чтобы было именно так. Но, как это рассказать, учитывая женскую физиологию...

- Оля, мать твою, я не вчера родился и знаю, что такое менструация. Так нахрена ты сегодня виски пила, пусть и пятьдесят грамм?

- Какая забота, – Ольга все-таки повернулась. Хватит бегать. – Я сегодня еще и курила. Вот что-то накатило.

- Дура, – резюмировал Олег. – Но помни, если это мой ребенок...

- Это не твой ребенок, закрыли тему.

Ольга, если честно, уже пожалела, что подтвердила догадку Олега. Она снова взяла контейнер с едой и пластмассовые приборы и отвернулась к окну.

- Обиделась? – спросил Олег.

- Нет, – пожала плечами.

- Да присядь ты и расслабься. Просто поговорим.

Наконец, Ольга расслабленно опустила плечи и села напротив, но чувствовала, понимала, что просто так он не сдастся, пока думает...

Она сама не хотела думать, что забеременела от Олега. Цикл сбился сразу после операции, так что даже примерный срок сама не могла

определить. Сразу вспомнилась и ночь с Романом, а потом и утро с Олегом. Ольга дернула плечами.

- О чем подумала?

- Ни о чем.

Вспоминать вслух не возникло желания, столько времени прошло. Сколько? Казалось, что вечность, а на деле пара месяцев.

- Застегивай рубашку, и идем, – сказала Ольга, поднимаясь. – Тебе надо поспать и мне тоже.

- Останусь здесь, – кивнул на диван у противоположной стены. – Утром поговорю со съемочной группой, может, вечером начнем снимать. Как раз темнота нужна. Приедешь?

Ольга кивнула и ответила:

- Днем поработаю еще со сценарием, сделаю пометки, как и что.

Она вышла за дверь и спустилась вниз.

Ночной воздух как-то имел какой-то особенный запах. Ольга столько раз пыталась его описать, но не получалось. А вот у Романа получилось что-то вроде: «Даже летняя ночь пахла холодом, холодом от света ярких звезд, который смешивался с запахом цветов, зелени и остывающего асфальта. Идеальный баланс, который не обжигает, но и не морозит».

Наверное, весь его романтизм уходил в книги, потому что Ольга бы сама в жизни не придумала подобную метафору.

Она шла по улице, как будто только сейчас начав замечать мелочи вокруг. Дорога, которая должна была занять десять минут, превратилась в получасовую прогулку. Раньше Ольга за собой подобного не замечала, но сейчас поняла, что вот сейчас несчастный паучок, который ползет по приглянувшемуся цветку, может быть раздавлен одним движением ее руки.

- Да мне плевать, если честно, чей ты, – приложила она руку к животу.

Но почему-то фантазия выдавала образ мальчика с такими же глазами, как у Романа. То зелеными, то начинавшими сереть, то совмещавшими в себе оба цвета. И обязательно с таким же серьезным выражением лица.

Ольга достала телефон и набрала те заветные три слова, которые произносятся каждый день разными людьми, произносятся автоматически, но у нее, по крайней мере, сейчас было по-другому.

«Я люблю тебя».

Она знала, что Роман не истолкует интонацию этих слов по сообщению, знала, что им и дальше будет трудно, еще сложнее прежнего. Но хотела получить то же в ответ.

«Я тебя тоже люблю».

И тут же звонок, когда Ольга уже стояла возле подъезда.

- Да, – ответила она.

- Прости меня, я дурак, – сказал Роман. – Не так, наверное, стоило это сделать.

- Я беременна, – выпалила Ольга, зажмурившись и почувствовав, как ногти свободной от телефона руки впились в ладонь.

Она боялась, что он снова спросит: «От кого?»

- Кажется, у нас входит в привычку сообщать важные новости по телефону. Только давай будем честными... Я сейчас могу изобразить восторг, фальшь в котором ты почувствуешь, а могу просто сказать, что мне надо переварить эту новость. Но знай, я рад.

- И ты даже не спросишь, от кого я беременна? – Ольга усмехнулась довольно нервно.

- Я знаю, теперь знаю. Помни одно – это мой ребенок. Что бы ни случилось... Блядь, – выругался Роман. – Напоминает бред Райана Гослинга в «Дневнике памяти». В общем, все у нас будет хорошо. Помни об этом.

Попрощавшись, Ольга поднялась в квартиру Инны. Аккуратно, стараясь не издавать лишнего шума, открыла дверь выданными ключами и в полной темноте постаралась разуться.

- Я на кухне, – крикнула Инна.

Ольга зашла и сказала:

- Сегодня переночую, а завтра поеду в гостиницу.

- Не придумывай. Мой муж дома не появляется, а ребенок у бабушки. Уже взрослый же.

- Сколько твоему ребенку? – вдруг спросила Ольга, хоть до этого подобная информация ее не интересовала.

- Семь уже. Я же в восемнадцать родила, едва школу окончила. Но знаешь, все хорошо. Хоть второго и не планируем пока. С возрастом начинаешь думать. В том возрасте не было мыслей о патологиях, выкидышах, замерших и прочей херне, так что переносилось легче. А сейчас, когда муж говорит о втором ребенке, начинаешь чувствовать, что тебе уже давно не восемнадцать, и прислушиваешься к звоночкам организма.

Ольга кивнула и сказала:

- Я хочу спать. Извини, очень устала.

- Постелила тебе в детской, пока мелкого нет.

Инна все показала и, закрыв дверь, вышла. На кровати, застеленной ярким бельем в принт с машинками, лежало полотенце. Ольга сходила в душ и легла на диван. Наверное, по привычке Инна положила маленького плюшевого медведя.

Ольга прижала его к груди и уткнулась носом в плюш.

Игрушка была пропитана запахом, непривычным запахом.

«Наверное, так пахнут дети», – подумала она.

И сделала то, на что не была способна до сегодняшнего вечера, точнее ночи.

- Эй, малыш, – она снова прижала руку к животу, благодаря тесты на беременность, которые помогли не списать все на сбившийся после операции цикл. – Мы с тобой точно будем счастливы.

Плоский все еще живот не пожелал ответить. Да и не надо было.

Глава 15

Утром, конечно, все показалось бредом. Особенно, собственное поведение. Какие-то «няшности», как Ольга мысленно обозвала свои вчерашние лирические порывы. И все-таки решила поставить все точки над «і».

Ей повезло, в медцентре отказались накануне от консультации, так что Ольга через два часа попала на прием к гинекологу.

Стандартные процедуры, которые уже проходила, но именно ультразвуковое исследование она ждала, боясь и надеясь.

Холодное прикосновение, ожидание... Ольга не выдержала первая:

- Какой срок?

- Сейчас.

С ответом врач, казалось, тянула вечность.

И предательские слезы накатили, когда она выходила из кабинета и рассчитывалась с администратором.

Все как будто на повторе, жизнь отмотана на год назад. Те же движения, похожая обстановка и...

«Нет, этого ребенка я не потеряю», – подумала Ольга, выйдя на улицу.

Как по закону чего-то, то ли подлости, то ли провидения, тут же завибрировал телефон.

- У тебя чуйка, что ли, когда мне хреново? – вместо приветствия ответила на звонок.

- Сейчас смс вышлю адрес, приезжай на съемки, – сказал коротко и по существу Олег. – И почему тебе хреново?

- Настроение ни к черту.

- Раньше у тебя проблем с настроением не было. Так что есть над чем поразмышлять.

Намек был совершенно прозрачным, и Ольга устало выдохнула в трубку:

- Не получится у тебя, Олег. Я не уйду от него. Эту тему больше не поднимаем, жду адрес.

Наверное, когда человек ничем не занят, его начинают занимать собственные мысли. И, может, это такая странная особенность разума, но мысли приходят отнюдь не радостные.

Сейчас, на съемках, сосредоточившись на процессе, Ольга поняла, что уже несколько часов не занимается самокопанием и анализом их с Романом отношений. А вечером поняла, что на это нет сил. День за днем все повторялось. И эта усталость Ольге нравилась, а еще больше нравилось, что Олег перестал делать намеки и посылать

остроты в адрес Островского.

Незаметно пролетела неделя.

Ольга скучала, очень скучала, но и радовалась тому, что все-таки приехала. Может, им так и надо расставаться периодически, чтобы потом снова становиться ближе. Хотя это тоже не выход, она понимала. Наверное, рутина и быт просто не для них.

«Но как-то же люди так живут», – усмехнулась своим предположениям.

- Какая-то ухмылка у тебя загадочная, – сказал Олег, подходя и протягивая стаканчик с чаем.

У него за последнюю неделю вошло в привычку отучать ее от безмерного употребления кофе, бочки которого постоянно употреблялись всеми работниками за день на площадке.

- Задумалась, – ответила Ольга.

- На монтаж останешься?

- Зачем? – удивилась она.

- Ну мало ли... – протянул Олег. – Вдруг твой взгляд поможет сделать итог краше.

- Ты лучший режиссер по монтажу, с которым мне доводилось работать, так что мой взгляд не поможет. Скорее, тебе не помешает вплотную заняться, чтобы вышла конфетка.

Они замолчали, глядя, как помощники оператора скручивают длинные провода, разбирают оборудование.

- Ты к врачу ходила? – наконец спросил Олег, но при этом как будто извинялся.

- Нет еще.

Говорить об этом Ольга не хотела. Роман должен был узнать первым.

- Я тебя только об одном прошу: позвони мне, когда сходишь. Пожалуйста.

В ответ была заготовлена целая тирада на эту тему, но подошла Инна, поэтому Олег удостоился только кивка в ответ.

- Спасибо, Оль, что приехала. А то бы мы не справились. Все-таки идея сценария была твоя, я просто помогала, так что... Эх, без тебя

бы не справились.

Инна делала вид, что не замечает напряжения, не знает, что они были женаты.

- Справились бы как-нибудь, – сказал Олег и повернулся к Ольге: – Когда уезжаешь?

- Я не уезжаю, – ответила она.

Он вышел из поезда и достал телефон.

«Я приехал».

Ответ пришел не сразу. Роман успел доехать до гостиницы и принять душ, а ответа все не было. Можно было позвонить... Если уж Ольга не ответит, то занята на съемках или чем-то еще.

«Ты где?»

У Романа в ушах звучал голос Анны, так что он ответил:

«Жду тебя. Ул. Образцова, 3с1»

Он чувствовал себя невероятно неуютно. Все-таки подобная постановка была в новинку, но послал к черту все свои принципы и стереотипы.

Ольга не стала перезванивать, пусть и возникло такое желание, но какое-то чувство, наверное, как описывают героини в романах, появилось внутри. То ли чертовы бабочки, то ли желание предстоящей ночи, то ли томление... Как еще можно это описать?

Она прогуглила адрес, присланный Романом, и едва не рассмеялась. Ресторан, блин.

- Инна, я ухожу!

- Вернешься?

Вот все-таки она была похожа на Ольгу. Ни вопросов, ни замечаний – ничего.

- Вряд ли.

- Слушай, – Инна замялась уже перед открытой дверью, – ты же с Островским живешь?

- И?..

- Я читала его книги. Талантливо, броско, остроумно, но сам он... Он холодный и как будто безжизненный.

- В нем жизни больше, чем в нас с тобой, взятых вместе.

- Тебе виднее, – улыбнулась Инна, закрывая дверь.

Такси. Предвкушение. И... новость.

Ольга бросила деньги водителю, даже не глядя, и выскочила из машины.

Роман сидел на террасе со стаканом воды в руках. Он повернул голову и улыбнулся. Сейчас бы им не в ресторан, а в номер гостиницы, такое сильное желание охватило обоих.

Почти подбежав к столику, Ольга села к нему на колени, причем не совсем прилично, лицом к лицу, и начала целовать. Целовать до боли, пытаясь компенсировать все, что горело внутри. Его запах, вкус, руки на теле... Все это было сумасшедшим.

- Оля, я сейчас кончу, – шепнул на ухо Роман, взяв ее ладонь и пристроив между телами, чтобы она сама почувствовала, как стояк мешает в общественном месте.

- Я хочу тебя, – шепнула она в ответ и провела рукой по выпирающей части на брюках.

- Я бы сейчас трахал так, чтобы больше ни одна дурацкая мысль не проникла в твою голову, чтобы ты орала подо мной, кончая, чтобы я ощущал твои твердые соски губами, когда сидишь на мне, чтобы твоя спина выгибалась, когда я вхожу сзади.

- Бля, если сейчас будет мокро, то явно не от дождя.

- Я так и хотел.

Рука Романа уже нырнула в шорты. И им было плевать на людей вокруг.

- Может, нафиг ужин? – спросила Ольга.

- Нет уж, прыгивай и садись напротив. Нам надо поговорить.

Разговоры не были их сильной стороной, но она понимала, что сейчас этого не избежать.

- Говори, – Ольга села на стул.

- К врачу ходила?

- Да.

Вопросов не было, только взгляд. Но именно он пробирал до костей, перекручивал все внутри. И Ольга поняла, что должна сказать, но эгоистично не хотела.

- Все нормально, – ответила, отдав меню.

- Это как? – Роман ждал, аккуратно спрашивая.

- Это значит, что плод развивается согласно сроку и что через... нное время мы станем родителями.

- Я рад.

Ольга его мучила беспощадно, но ждала этот вопрос, который так и не прозвучал. Какой срок? Он ведь сказал, что это в любом случае его ребенок.

Официант принял заказ, и Ольга, поставив локти на стол и подперев сплетенными ладонями подбородок, уставилась на Романа.

- И что мы так смотрим? – спросил он, улыбнувшись.

- У тебя красивые глаза, – ответила Ольга.

- Да я вроде и весь ничего.

- Согласна. Потом расскажу, какая часть твоего тела мне нравится больше всего.

Роман наклонился чуть вперед и предположил:

- Это мой мозг?

- Он, безусловно, хорош, и работать ты им умеешь, но с другим органом у меня получается лучше находить общий язык.

- С языком проблем точно нет, – он игриво подмигнул, – а вот с мозгом бы не помешало тоже поработать.

- Островский, ты иногда меня бесишь.

Протянутая ладонь, и Ольга вложила свою руку. И в этом прикосновении было больше любви, чем в сексе. Эта была простая нежность, но искренняя, душевная, что ли...

- Ты часто обращаешься ко мне по фамилии, – сказал Роман, подтянув ее запястье к губам и поцеловав.

- Мне нравится твоя фамилия.

- Хорошо, – он отпустил ее руку. – Ольга Михайловна Флоренцева, я абсолютно не романтик и совершенно не понимаю, что именно сейчас надо делать, но... Блядь, я люблю тебя. У меня нет с собой кольца, я не собираюсь становиться на одно колено, а ты не запрыгаешь в экстазе от всей этой картины. Поэтому просто скажи – мы поженимся? Тебе же нравится моя фамилия, она может стать и твоей.

Ольга откинулась на стуле и слушала, как он неумело пытается организовать предложение руки и сердца. Все-таки писать у него получается лучше, чем говорить.

- Я. Тебя. Обожаю.

- Это да?

Роман напрягся, ожидая от него слов или действий. Ольга не стала его мучить:

- Шесть недель. Всего-то шесть недель, и ты теперь знаешь, что он твой. И я хочу, чтобы у него были твои глаза.

- У него?

- Я уверена, что это мальчик. И буду носить твою фамилию. Островская Ольга Михайловна... Не плохо же?

- Вообще отлично. А нам можно?..

Роман не закончил вопрос, но Ольга его поняла. Она сама так соскучилась, что даже принесенная еда не лезла в горло.

- Нам можно все, что не запрещено всякими кодексами. И я уже сижу, сжимая ноги, потому что хочу тебя до умопомрачения.

- Оль, я рад всему, что происходит, – Роман отложил приборы и посмотрел так, что Ольга поняла – сейчас будет сказано что-то неприятное. Она чувствовала это. В груди все перевернулось, сжалось, стянулось от этих слов. – Но я боюсь... Я не хотел никогда детей, потому что...

- Что?..- переспросила Ольга. Ее внутренняя борьба достигла состояния – вырваться и орать в голос. А тем более Роман, который

смотрел в сторону, добавил непонятное:

- Я не создан для семьи, но с тобой готов.

- Это что сейчас было? То есть ты сомневаешься? Не надо на мне жениться по долгу, не надо на мне жениться по юридическим причинам, не надо на мне жениться... Если ты не хочешь! Такое ощущение, как будто ты делаешь мне одолжение этим браком. Я тебя не просила, я не настаивала, как делали бы другие женщины. Я просто хотела быть с тобой...

Роман понял, что просто неправильно выразил свою мысль. Все-таки на письме это у него получается лучше, но он улыбнулся:

- Ты стала моей болью и проклятием, – а потом стал серьезнее: – Блядь, я не никого не любил так, как тебя. Да, я боюсь этих чувств, нам будет сложно, даже очень. И мы, Оль, слишком похожи, но я хочу быть с тобой. Хоть сколько, но хочу...

- Не поняла, – сказала Ольга, тоже отложив приборы и посмотрев внимательно.

Роман протянул руку и улыбнулся.

Понимать сейчас ни к чему. Просто нужно любить. Но все было слишком сложно. Улыбки и молчание их не спасало.

- Островский я даже для меня слишком хорошо тебя знаю. И пока ты не скажешь, разговора не получится.

- Тебе не со мной надо сейчас поговорить.

- В чем дело? – Ольга не понимала, но принимала.

- Оль, просто поговори с ним. Он действительно хороший человек. Хотя я лучше сам поговорю, если вдруг... Впрочем, не столь важно...

Ольга приподняла брови и вопросительно уставилась на Романа.

- Охренеть просто. Мы тут жениться собираемся, а ты меня отправляешь к бывшему мужу поговорить.

- Надо разобраться в нашем любовном треугольнике. Н-да, звучит дерьмово.

- Мне казалось, я в этом разобралась, когда получила свидетельство о разводе.

Роман пожал плечами и усмехнулся:

- К сожалению, бумажки не все решают.

- Я все равно не понимаю, чего ты хочешь этим добиться. Где остановился?

Получив адрес гостиницы, Ольга просто поднялась и молча вышла на улицу. Не было ни обиды за его слова, ни раздражения, ни злости. Вот ничего вовсе не было.

Примерно через час она достала телефон и набрала номер Олега. Он ответил сразу, произнес короткое:

- Да?

- Ты где? – спросила Ольга, присел на скамейку черт знает где. Все-таки час шатания по московским улицам дал знать о себе болью в ногах.

- Домой еду.

- Адрес не поменял?

- В гости приехать хочешь?

- Ставь чайник.

- Жду, – усмехнулся Олег.

Ольга посмотрела на название улицы и открыла карту на телефоне, чтобы найти ближайшее метро, потому что еще полчаса назад перестала понимать, где сейчас находится. До дома Олега, который она считала и своим когда-то, добралась быстро. Остановилась возле подъезда и подумала:

«Почему квартиру Романа я до сих пор не могу считать своей».

Позвонив в домофон, Ольга дождалась звука открываемой двери и поднялась пешком на этаж. Олег стоял возле открытой двери, и все это напомнило ту ситуацию, когда она сбежала от Романа год назад и приехала по давно знакомому адресу. Только теперь она верила, что все будет иначе. Прошлых ошибок она не собиралась повторять. Но было ли то ошибкой?

- Привет, – сказала Ольга.

- Да вроде виделись недавно, – ответил Олег и добавил: – Проходи.

В квартире все осталось по-прежнему. Даже забытая тушь все так же

стояла возле зеркала в коридоре.

- Клининговая компания или живешь с кем? – спросила Ольга, сбрасывая обувь.

- По-твоему, я сам навести порядок в квартире не могу? Или ты приехала помочь, чтобы у меня тут грибы на полу не начали расти? Не стоит волноваться, уже лет пятнадцать один живу, с редкими перерывами между женами.

Ольга привычно включила чайник, достала кружку, чай, сахар. Олег наблюдал, сидя за столом, но взгляд прожигал спину. Кому-то надо было начать, но это самое сложное. Все рухнуло уже давно, все прошло, хоть и оставалась какая-то тонкая ниточка, продолжавшая соединять их. И только сейчас Ольга поняла, что имел в виду Роман. Разобраться необходимо. Расставить все точки, а не привычные запятые.

- Олег...

- Что?

Он знал. Уже знал, как только Ольга ему позвонила.

- Даже если бы... – начала она.

- Без «если бы». Неважно, что могло бы быть. Я тебя потерял, как только подписал договор с Островским. А все, что было потом... Это было хорошо, правильно, но как-то ненатурально. А с твоим писакой все эмоционально, весьма даже, но, как по мне, так неправильно. Первое впечатление никогда не изменится, а вы стали друг для друга драмой, и вместе вам будет очень тяжело по жизни.

Ольга присела напротив и посмотрела на Олега. Немного грустно, но с улыбкой. Он же был задумчивым, только отстукивал по столу пальцами дробь и смотрел в сторону.

В каком-то непонятном порыве Ольга накрыла его руку, заставив посмотреть наконец в ее сторону. В этом взгляде, на который она наткнулась, было прощание и легкая грусть.

- Я люблю тебя, Олег, – вырвалось вдруг.

Она не врала. Но вложила в эти слова совсем другой смысл, нежели тот, который вкладывала в эти же слова, когда говорила их Роману. И все было понято правильно.

- Я тебя тоже.

Они сидели, уже не глядя друг на друга, но все так же держась за руки, пока Ольга не поднялась и не поставила кружку в раковину, сказав:

- Я пойду.

Олег кивнул и вышел следом в коридор.

- Ты уверена, что ребенок не мой?

- Уверена.

- Островский везунчик.

- Я тоже, – улыбнулась Ольга и, подойдя, прижалась щекой к плечу Олега. – Потому что знакома с тобой ближе многих. И этому я рада.

- Уходи, – Олег отодвинул ее от себя. – Хватит мучить друг друга. Идите с писакой мучайтесь.

Вот только сейчас не хотелось мучить себя, поэтому таксист ее отвез по знакомому адресу, но это был не адрес гостиницы. Инна не задавала вопросов, просто открыла дверь и пропустила Ольгу внутрь.

- Увидимся еще? – единственный вопрос, который прозвучал, пока в чемодан складывались немногочисленные вещи. – Ну, или хотя бы поработаем?

И тут же смс:

«Ты ко мне приедешь?»

- Инна, работать с тобой приятно, но... Не знаю, вообще не знаю, что даже будет завтра.

«Нет», – короткое смс, написанное почти сквозь пелену слез.

- До встречи, Оль.

- До встречи. Надеюсь.

«Где ты?»

Ольга усмехнулась, уже сидя в машине, прочитав новое сообщение.

«Еду домой».

Только вот где дом, она уже не понимала. Было ли в ее жизни место, которое можно так назвать? На секунду захотелось вернуться к

матери, но это не мысль. Наташа? Да нет, она сама по себе, у нее семья. Почему? Вот почему все приходят на ум, но только не Роман.

А он еще ничего и не ответил. А что можно было ожидать? Что он примчится на вокзал, встанет на колени, признается в любви? Увы, это не хэппи-энд. Работать им над собой еще долго. А для этого надо время.

Глава 16

В квартире было душно и пыльно. Видно, Наташа давно не заходила. Что ж, это было понятно, своих проблем хватает.

Ольга распахнула балкон и окно на кухне, повернула вентили, включив подачу воды, и совершенно бездумно начала протирать мебель, чувствуя, как начинает свежеть в помещении. Еще бы в голове просвежело, было бы вообще отлично!

Телефон выключен, а включать его Ольге совсем не хотелось. Вот бывает такое, когда что-то перемикает в голове и просто необходимо побыть одной.

«Только у меня в голове постоянно перегорают провода. Почему бы не забить на все, как я делала это раньше. Мужчины, любовь, отношения – все это не имело значения. Что же изменилось? Я или мое мировоззрение? И кто виноват, что ничего не складывается? Я или он?»

Вопросов у Ольги было много, вот только ответы в одиночку не найти. Здесь не помогут ничьи советы, не помогут походы к психологу, литры алкоголя, который и употреблять-то нельзя было.

Здесь мог помочь лишь один человек...

Хоть Роман и помнил об импульсивности, присущей Ольге, но почему-то казалось, что это осталось позади.

«Гормоны, что ли, у нее шалют?»

Он пытался дозвониться, но плюнул после нескольких неудачных попыток, поняв, что она просто-напросто выключила телефон, не желая ни с кем разговаривать. Роман знал, где она, но не хотел давить сейчас. Он умел выносить знания из уроков жизни и помнил, чем все

обернулось в прошлый раз, как и помнил, чем обернулось бездействие. И какова тогда золотая середина?

Звонок разорвал тишину номера, и Роман сразу потянулся за телефоном, надеясь, что это остывшая Ольга. Но безмерно удивился, увидев на экране другое имя. Он сдвинул слайдер и вместо приветствия сказал:

- Ну и что ты наплел ей в этот раз?
- Да ты полный придурок, если считаешь, будто в том, что у вас ничего не складывается, виноват я, – усмехнулся Олег на другом конце провода.
- Зато ты у нас настоящий идеал, – в тон ему ответил Роман.
- Приезжай ко мне в офис, есть предложение.
- Говори адрес.
- Клади трубку и лови смс.

Сообщение пришло через полминуты. Роман оделся и вызвал такси, которое через полчаса остановилось у недавно отремонтированного здания. Олег прогуливался перед входом, прикуривая очередную сигарету, но тут же остановился, увидев, как Роман выходит из машины.

- Паршиво выглядишь, режиссер.
- Ты тоже не цветешь, – также спокойно ответил Олег.
- Дай сигарету, – попросил Роман.
- Ты же вроде не курил.
- Ты вроде тоже.

Олег молча подал пачку и зажигалку. Ни у одного из них сейчас не было желания обмениваться колкостями, к которым оба уже привыкли. Они уже не делили одну женщину, потому что были уверены в том выборе, который она сделала, больше не испытывали в присутствии друг друга напряжения. Просто два знакомых человека – не друзья, но и не посторонние.

- Что хотел? – Роман нарушил молчание первым, затушив окурок о край железной урны.
- Идем, – кивнул Олег, открывая дверь.

Они поднялись на второй этаж, зашли в кабинет. Каждый думал о своем, пока они сидели друг напротив друга. В этой тишине не было эмоций. Роман обводил взглядом кабинет и, наткнувшись взглядом на фотографию на столе, поднял один уголок губ в усмешке. Это не осталось незамеченным.

- Единственная, – проследив за взглядом, отметил Олег. – Я имею в виду фотографию.

На снимке они были вдвоем – он счастливо улыбался, а ее взгляд немного грустный, хоть губы тоже были растянуты в улыбке.

«А у нас ни фотографий, ни воспоминаний... Кроме охренительного секса и общей работы. Хм, еще и всего дерьма, что мы пережили», – подумал Роман, но вслух произнес:

- Так что ты от меня хотел?

- Вот это, – Олег бросил несколько листов на стол. – Могу по электронке переслать твоему юристу, чтобы посмотрела, но поверь – там все чисто. Копию в издательство я уже отправил, а там тоже есть свои юристы. Выпьешь? – спросил, не делая паузу.

- Если нальешь, – ответил Роман, уткнувшись в договор.

Стандартные пункты, почти то же самое, что и в прошлый раз. Он пролистывал страницу за страницей, периодически делая глотки налитого коньяка.

- А ты дотошный, – сказал Олег, когда листы снова легли на стол, но прозвучало это без сарказма.

- А ты профессионал, – заметил Роман. – На твоем месте я бы...

- Слушай, Островский, ты не на моем месте, но иногда мне хочется, чтобы я оказался на твоём. Путать профессиональное с личным – гиблое дело, поэтому сейчас, пусть твоя рожа меня до ужаса и бесит, ради выгодной сделки я распиваю с тобой коньяк. Но я честно готов признать, естественно, без капли лести, что ты талантливый мужик. Вот даже могу понять, что она в тебе нашла, но...

Олег замолчал.

- Но?..

- Я не могу понять, почему ты с таким невозмутимым видом сидишь здесь, когда она просит прислать оставшиеся вещи на старый адрес.

Роман думал, что зубы вот-вот начнут крошиться, так сильно он их сжал. Пустой стакан тут же треснул в руке, к счастью, не сильно порезав кожу.

Ольга почти сутки не выходила из квартиры, то сидя на балконе с книгой, то лежа на диване перед телевизором. В итоге все-таки позвонила Наташе и договорилась о встрече. За последние шесть часов с включенным телефоном Ольга не получила ни сообщения, ни звонка от Романа. Она понимала, что сама была неправа, и уже готова была позвонить. Но... Ее часто бросало из крайности в крайность, а мысли становились преградой.

«Он же говорил, что никогда не хотел детей... А вдруг обиделся, что я уехала? Вдруг ждет чего-то от меня?»

Ольга знала, что во всей этой жизненной каше есть не только отношения. Есть работа, есть обязательства, и все может повернуться в другую сторону в любой момент. Красивая концовка не для жизни, потом наступают кризисы, которые преодолеваются вместе. А если уж не получится, то можно и вполне удобно друг для друга разойтись.

- Привет, – Наташа махнула рукой, толкая коляску перед собой.

Ольга вынырнула из своих не очень позитивных мыслей и улыбнулась, помахав в ответ.

«Вот почему некоторые люди умеют быть просто счастливыми?»

Роман вышел из поезда на вокзале и с грохотом поставил чемодан на перрон. Его раздражала ситуация, эта вечная беготня друг от друга, от проблем, от слов...

Он загрузил чемодан в такси и назвал адрес.

Бессонные ночи давали о себе знать. Всего-то две...

«Она еще не раз не даст мне уснуть. И ребенок... Черт, какой мне ребенок?»

С этой мыслью, сколько Роман не пытался, привыкнуть получалось плохо. Он любил ее, она – его, но получилось полное дерьмо из их попыток любить. И таких, как они, любовь и ребенок не сблизят, пока

не будет найдено что-то, что они не учли или потеряли с самого начала.

Роман перед подъездом уже час. Он чувствовал себя идиотом, но продолжал сидеть. Мысли сейчас терзали его, изводили, и было уже желание позвонить этому чертовому режиссеру, который его дезинформировал.

- Привет, – услышал наконец знакомый голос, который звучал очень хрипло и неуверенно. – Давно сидишь?

Подняв голову, Роман спросил:

- На улице говорить будем?

Да, спросил раздраженно. Но просто устал.

- Идем, – сказала Ольга и достала ключи.

Она как будто не видела, что в нем не осталось ни капли терпения. В нем просто кипела злость и... Наверное, непонимание.

В квартире обстановка накалилась еще больше. Роман у порога бросил вещи и тут же схватил Ольгу за запястье, привлекая к себе.

- Ты что придумала? – спросил, зная, что делает ей больно.

- Нам надо поговорить, – ответила она.

Обычно с этих слов начинается что-то плохое.

«Нам надо поговорить», – звучит зловеще.

Роман был в бешенстве, но сохранял внешнее спокойствие. Да и боялся нервировать ее, хотя и было желание взорваться, а потом привычным способом выбить из нее всю дурь. Он отпустил запястье, на котором остались следы его пальцев, но никого возмущение в ответ не услышал.

Ольга прошла на кухню, поставила чайник, насыпала чай, сахар, немного рассыпав по столешнице, потому что руки подрагивали, и сказала:

- Наори на меня.

- Что? – не понял Роман.

Она повернулась к нему и пояснила:

- Ори на меня, злись, ругайся, но только не будь таким бесчувственным, холодным и безэмоциональным, что у меня возникает ощущение, что я тебе на хрен не нужна!

С каждым словом Ольга могла наблюдать, как поднимаются его брови, а потом Роман уточнил:

- У тебя гормоны?

- Да при чем тут гормоны?

Она бросила в него попавшееся под руку кухонное полотенце и снова отвернулась, понимая, что не смогла выразить правильно свою мысль. Роман не догадался, что она имела в виду, а может, просто так показалось.

- Оля, я не самый лучший романтик, но и не идиот. Если бы я начал проявлять деспотизм и собственнические замашки, то ты бы ушла от меня сразу. Не в твоём характере терпеть подобное. Но поверь, мне не плевать на тебя. И неужели ты этого не чувствуешь?

Ольге даже почудилось на секунду, что в его голосе промелькнула обида. Видеть она не могла, потому что продолжала стоять спиной, но каждое слово, каждая вибрация голоса отдавались в голове.

«Может, я просто дура, которая не привыкла к подобному? Может, я просто сама все усложняю? Что происходит? Что меня пугает: его вечно ровный голос, спокойствие? Но я до сих пор не понимаю, чего от него ждать, но это Островский, пора бы уже привыкнуть».

И именно эта неизвестность ее и пугала, замыкала в себе, в собственных мыслях, которыми Ольга боялась с ним поделиться.

- Ты меня слышишь? – спросил Роман, когда пауза затянулась.

Он не понимал, почему ему было легко общаться с Анной, почему Ольге было легче общаться с Олегом. Что с ними двоими было не так? Чувства, которых они не понимают? Или чувства, которые им были на самом-то деле не нужны?

- Ты нужен мне, – наконец сказала Ольга и медленно повернулась, не зная, что сейчас увидит. Именно увидит, а не услышит. Она научилась понимать его взгляды, жесты, но хотелось слышать слова.

Взгляд Романа был полон разочарования. Еще в нем плескалась замеченная ранее обида, но... Это было все. И вдруг Ольга поняла, что в последнее время только он сражался за их отношения, пытался

говорить, а она просто не слышала, не понимала значение тех прямых слов, которые он произнес перед ее поездкой в Москву на балконе, а потом в ванной.

Ольге показалось, что Роман как будто стал мудрее, как будто первым повзрослел и понял всю значимость их невозможности обходиться друг без друга, а она поглупела и обабилась. В принципе, как все влюбленные женщины. И вроде понимаешь, что это полный идиотизм, но поделаться с собой ничего не можешь. Нет, конечно, можно идеально быть эрудитом в работе, в общении с другими людьми, но рядом с ним...

- Бля, нельзя быть такой идиоткой! – Ольга выкрикнула это вслух, а потом добавила уже тише: – Я люблю тебя, я хочу быть с тобой.

- По-моему, ты сама не знаешь, чего именно хочешь. Почему ты до сих пор не продала или не сдала квартиру? Потому, что как и со своим режиссером, так и со мной сомневалась, не верила, что сможешь построить нормальные отношения. Может, ты просто не способна это? Ты в любой сложной ситуации сбегаешь, потому что не хочешь решать. Я познакомился когда-то с язвительной, странной, но удивительной женщиной, которая просто не умела справляться с чувствами и сбегала. И до сих пор сбегает. Я не знаю, что в Москве тебе ударило в голову, но явно не режиссер, потому виделись мы с ним на следующий день. Он отпустил тебя, хоть до сих пор и любит.

Снова каждое слово Романа резало голову, вбивалось гвоздем. И Ольга забыла все слова, которые хотела сказать с фразой «нам надо поговорить». Говорил он, говорил все так, как есть. По крайней мере, только Роман признавал, что она сходит с ума от пожирающих ее изнутри противоречий.

Ольга подошла к нему и положила руки на плечи, стараясь всмотреться в лицо, глаза, чтобы понять степень его раздражения. Но лица не было видно, и стало понятно, что сексом не отделаться, как это бывало обычно.

- Рома, – Ольга уткнулась губами в короткие жесткие волосы, чувствуя, как все-таки его руки легли ей на бедра, – я люблю тебя. Я больше никогда не уйду, мы будем разговаривать обо всем. Все будет хорошо.

- Слова, слова, слова. Мы, когда уезжали из Москвы, тоже думали, что будем счастливы. Я вот был, а ты, кажется, не очень. Чего же тебе

не хватает? – он говорил и говорил, но руки уже расстегивали шорты, а губы целовали живот. Целовали так аккуратно, как будто боязливо, что было вообще несвойственно для них.

Роман провел языком по пупку, не веря, что так почти дотрагивается до своего ребенка. Что там творится на таком сроке? Чувствует ли он что-нибудь? Ольга сказала, что уверена. Это мальчик. Было так интересно – бьется ли у него уже сердце, сформировались ли ручки-ножки? Но самое главное – жив ли он?

В прошлый раз все обернулось трагедией, из-за которой они потеряли друг друга на долгое-долгое время. Но в том ли была причина? Живот был плоский, будто там ничего и нет. Точнее, никого. И вдруг Роман оторвался от ее кожи и спросил:

- Почему ты не предохранялась? Я-то... Потому что помнил, что ты...

Ольга присела на корточки, чтобы увидеть его глаза, и ответила:

- Может, подсознательно я хотела? Но, – она потянулась к пуговице на его джинсах, – я с самого начала чувствовала, что он твой.

Роман перехватил руки и сказал немного холодно:

- Так почему не сразу? Вот видишь... Ты сомневалась, пока не получила медицинское подтверждение, – он смотрел на Ольгу с вопросом.

Она села на пол и закрыла лицо руками. Надо попробовать.

- Послушай. У меня была задержка, как только мы уехали из Москвы. Что мне надо было сделать? Когда через месяц снова ничего не произошло, я сделала тест на беременность, он оказался положительным. Но, видимо, тогда был совсем маленький срок, если сейчас только около семи недель. Я боялась идти к врачу, боялась услышать, что срок больше и понять, что Олег...

Она не смогла сказать. Слова по ним били плетью, становились обжигающим раскаленным железом в горле.

- Ты думала, что я?.. – Роман даже усмехнулся, но как-то безрадостно.

- Да я растерялась, я не знала, что делать и как ты это воспримешь!

Он понял ее страхи. Но не мог поверить, что вел себя настолько

неправильно, не вызывал доверия, не заслужил искренности.

- Мы оба хороши, – сказал Роман и поднял ее за руки. – Не сиди на полу, пусть и лето, но все же.

Ольга села к нему на колено и начала расстегивать пуговицы на рубашке, чувствуя, как увеличивается его член у нее под бедром. Именно сейчас это и нужно было ей, не разговоры, не выяснения отношений, а то, в чем они всегда были ближе.

Роман притянул ее за затылок и поцеловал. Нет, не просто поцеловал. Он просто издевался над ее губами, то кусая их, то играя языком, то жестко вторгаясь, то оставляя всего лишь легкие прикосновения, за которыми Ольга тянулась, надеясь получить новую порцию. Руки блуждали по телам. Его – аккуратно, ее – до боли сжимая.

- Идем? – вопросительно предложила Ольга.

- Мы в прошлый раз не опробовали кухонный стол, – ответил Роман.

Но они понимали, что еще не все решено, не все договорено, а впереди самый тяжелый труд – научиться быть вместе, доверяя друг другу. А люди, которые по жизни были одиночками, вряд ли когда-нибудь поймут, что это. Как до конца открыться другому человеку?

Но мысли уже переместились ниже пояса. Роману не терпелось скорее почувствовать, как она пульсирует, сжимая его внутри, когда кончает, а Ольге – почувствовать его внутри.

Глава 17

Роман подхватил Ольгу, а она закинула ноги ему на пояс. Они хотели друг друга. До боли, до всех недосказанностей.

Но эта извечная фраза...

- Я уже придумал название нового романа. «Любви недостаточно...»

Ольга вздрогнула на минуту, как будто сейчас в одном лице смешались двое.

- Это уже было использовано, – прошептала едва слышно. – И ты думаешь, что нам недостаточно?

Одежда падала на пол, пока они смотрели друг на друга. В этих взглядах было много всего: надежда вместе с недопониманием,

страсть с неуверенностью, желание с болью. Им как будто необходимо умирать друг без друга, чтобы снова возрождаться рядом. Быть порознь, чтобы почувствовать, насколько они нужны друг другу.

- Нам достаточно всего, кроме откровений, – сказал Роман, откинув остатки одежды в сторону. – Но я до сих пор не могу принять, что внутри тебя... Черт, как это назвать? Человечек? Ребенок? Но ты же помнишь...

Он не закончил говорить. Просто погладил Ольгу по животу, когда та откинулась на стол, привстав на локтях, и она поняла его мысль:

- Ты боишься из-за того, что я беременна?

Задавать такой вопрос, лежа обнаженной на столе, было неудобно. Роман еще не спешил с ответом, как будто специально медлил, проводя пальцами по груди, животу, ногам.

-Я боюсь из-за того, что...

Ольга не нашла пример, она вообще растерялась. Роман забросил ее ноги себе на плечи, подтянув к краю стола, и аккуратно вошел.

Он с такой едва ли не трепетностью входил в нее, так целовал согнутые колени, так боялся сделать неправильное движение, что Ольга даже растерялась. Она ожидала, что это будет яростно, неистово, грубо. Но она этого и хотела!

Ан нет! Со стороны Романа это казалось испытанием – делать все так. Возможно, впервые в их отношениях просквозили отголоски нежности.

- У меня иногда возникает ощущение, что мы с тобой чокнутые, – сказал Роман, одеваясь.

- А разве нет? – удивилась Ольга, отобрав у него рубашку и обняв.

- Я всегда считал себя нормальным.

- Островский, – короткий смешок, – писатель априори не может быть нормальным человеком, а уж отличный писатель тем более.

- А я отличный? – игриво спросил Роман.

- Лучший, – подмигнула ему Ольга.

Ей нравилось, когда он улыбался, когда был таким... простым, что

ли?

- Все нормально? – вопрос прозвучал неожиданно и уже серьезно, а Роман посмотрел так, как будто Ольга вот-вот готова была скончаться.

- Островский, – она закатила глаза, – я тебя сейчас выгоню, если будешь задавать глупые вопросы.

- Послушай, – он стал еще серьезнее, – если хочешь, то можешь остаться здесь пока. Я все равно уезжаю, а торчать в чужом городе одной... Это тяжело, могу понять. Но я надеюсь, что ты все все-таки ко мне вернешься.

- Не поняла...

- В общем, у тебя есть время подумать и решить, чего же ты хочешь на самом деле.

Ольга сцепила зубы до хруста, а потом, сама не понимая почему, с размаха влепила ему звонкую пощечину и отступила на шаг назад, заметив, как потемнел взгляд напротив.

- Прости, – тут же сказала, прикрыв ладонью рот.

Он ей когда-то говорил, что так делать не стоит. И тогда Ольга поняла, что действительно не стоит. Не учится она на своих ошибках.

На секунду показалось, что Роман сейчас уйдет. Просто развернется и уйдет, как было в прошлый раз. На его лице начал выделяться след ладони.

- Прости меня, – повторила Ольга.

- Ничего, – ответил Роман так, как будто ему в метро кто-то случайно наступил на ногу.

- Ты прямо сейчас уедешь?

- Переночевать пустишь? – улыбнулся он. – И полотенце выдели, пожалуйста.

Ольга знала, что они странные, но никогда не думала, что им придется общаться, как совершенно посторонним людям. В этой отрешенности было столько недосказанности, столько недомолвок, и она поняла, что в этом виновата сама...

Но та чертова грань, линия, которая никак не переступалась, была невидимой стеной – это было сложно преодолеть.

Роман ушел в ванную, а Ольга сидела на диване и думала, чего же опять от него ждать. Они не понимали друг друга, каждое неправильно сказанное слово отдаляло их, но объединяло большее.

- Давай уже расставим все точки, – тихо сказала Ольга, когда он появился в комнате.

- Давай, – согласился он.

- Ты же видишь, что у нас ничего не получается. Я не знаю, почему именно так, но... Рома, я боюсь, – Ольга горько усмехнулась. – Может, в этом дело?

Он стоял перед ней в одном полотенце на бедрах. И стоял близко, даже очень.

- Такая умная, стервозная и независимая женщина чего-то боится?

Кажется, он когда-то это говорил. Ольга нахмурилась и подняла глаза, но взгляд все равно невольно опускался на грудь, живот и темную дорожку, что вела к краю полотенца. Он не был накачанным героем женских романов, но на руках проступали рельефы мышц, живот был плоским, а бедра узкими. Все было так гармонично, что Ольга не понимала, как можно иметь такое идеальное тело. Хотя, может, идеальным оно было только для нее? У него на прессе не было пресловутых кубиков, на лице – улыбки, которая обещает вечное блаженство, – обычный мужчина, которые сотнями ежедневно прогуливаются по улицам.

- Во мне что-то изменилось, что ты так пристально пялишься? Или стараешься запомнить?

«Он что, намекает, на расставание?» – пронеслось у Ольги в голове. Она провела ногтем по животу, по самой границе с полотенцем, и едва ли не сквозь зубы проговорила, выделяя каждое слово:

- Островский. Ты. Меня. Не бросишь.

- А я разве собирался? – удивился Роман. – Интересно, мне когда-нибудь удастся понять, какие мысли бродят в твоей голове, если уж ты их озвучивать не желаешь?

Ольга только собиралась что-то ответить, как настойчиво прозвенел звонок. Наташа? Вряд ли в это время.

- Ты кого-то ждешь?

- Нет. Но лучше бы тебе одеться, – окинула она взглядом почти обнаженного Романа.

Он в ответ демонстративно лег на диван, сделав вид, что не услышал слов Ольги. Она вышла в коридор и посмотрела в дверной глазок.

Только не это...

Но открыть надо.

На пороге, сложив руки на груди, стояла мать Ольги и, судя по выражению лица, готовилась отчитать дочь, как нашкодившего ребенка.

- Привет, мама, – обреченно выдохнула, надеясь, что Роман, услышав ее обращение, все-таки оденется. И тут же взглядом наткнулась на стоявший в коридоре чемодан, а звук стиральной машинки явно давал понять, что в комнате его одежды точно нет.

- Ну привет, дорогая, – голос Галины был напряжен, и, кажется, она сегодня собиралась немного поорать.

- Проходи на кухню.

Когда мать отвернулась спиной и, сбросив обувь, пошла в сторону кухни, Ольга схватила чемодан и, стараясь делать все быстро и незаметно, забросила его в комнату.

Комедия положений. Снова. Только на этот раз не муж застукал с любовником, а мама.

Ольга хотела уже предложить выйти на улицу. Вроде как прогуляться, погода же хорошая, но матери явно было удобно дома. Она набрала воду в чайник, открыла шкафчик, удивившись:

- Странно, что у тебя нет кофе, – в общем, вела себя совершенно по-хозяйски.

- Как ты узнала, что я в городе?

- Встретила твою Наташку, и знаешь, она мне рассказала много чего интересного. Хоть и пришлось из нее каждое слово клещами тянуть. Оказывается, ты развелась с Олегом, пролежала некоторое время в больнице, а потом свинтила с каким-то мужиком в неизвестном направлении.

Ольга понимала, что этот «какой-то мужик» в соседней комнате все прекрасно слышит.

- Мама, мне тридцать лет, и я...

- А такое чувство, что шестнадцать, – перебила Галина. – Приключений не хватает? Что тебе с Олегом не жилось-то? Гормоны в голову ударили? И с чем теперь ты осталась? Что, бросил тебя твой залетный любовник, раз ты вернулась домой одна? Надеюсь, хоть не обрюхатил.

- Хватит! – рявкнула Ольга, ударив кулаком по столу.

- Не повышай на мать голос! Лучше прислушайся к советам.

- Советам? Пока я слышу только причитания и нотации.

«Ну, Наташка! Получит по первое число!»

Ольга не понимала, почему вообще мать заявила к ней домой, почему начинает воспитывать, хотя этим надо было заниматься лет двадцать назад. Раньше ее не волновало ничего, кроме себя самой, а звонки и встречи были сведены к минимуму. Может, почувствовала приближение старости и захотела наладить отношения? Только плохо пока выходит.

В пылу ссоры Ольга и не заметила появления Романа, пока он не положил руку ей на плечо, как будто успокаивая, и не сказал:

- Ты бы не нервничала. Я где-то слышал, что это вредно для беременных женщин, – а потом посмотрел на поперхнувшуюся чаем Галину и добавил: – Приятно познакомиться, я тот самый залетный любовник, с которым Оля свинтила в неизвестном направлении. Кстати, зовут меня Роман.

Хоть иногда Ольга и ненавидела его безэмоциональность, но сейчас именно она ее успокоила и заставила замолчать мать, которая растерянно переводила взгляд с одного на другого, а потом сказала с усмешкой:

- На папашу твоего похож.

Это было отнюдь не комплиментом, но Романа слова никак не задели. Он снова довольно спокойно заметил:

- О, я читал, что женщины часто выбирают мужчин, похожих на своих отцов, а мужчины – женщин, похожих на матерей. Это вроде

бессознательно происходит.

Ольга мысленно улыбнулась. Островский все-таки такой Островский.

- Мне, наверное, лучше уйти. А то я как-то не рассчитывала на знакомство с любовником дочери.

- Я почти муж.

Галина изогнула бровь:

- Хотя бы перерыв между мужьями сделала. Не стоит меня провожать, сама найду выход.

- Как скажете, – голос Романа ни на секунду не менял тональность, но Ольга чувствовала, что его веселит ситуация.

- Да уж, хорошо, что хоть оделся, – протянула она, когда хлопнула входная дверь.

- С тещей мне не повезло, это я уже понял. А теперь собирайся.

- Куда?

Роман пожал плечами и ответил:

- Куда-нибудь, я тут не местный, так что выбирай сама.

Ольга его не поняла сразу, а потом удивленно воскликнула:

- Ты меня на свидание, что ли, приглашаешь?

- Могу и по привычке в постель пригласить. Но отложим постель до ночи.

Глава 18

- Странно себя чувствую, – усмехнулась Ольга, сняв туфли. – Как будто мы нормальные люди.

- До нормальных нам еще далеко, но мы попытались. И вроде бы начало было неплохое, – ответил Роман.

Ольга кивнула. Ей в самом начале вечера было немного неуютно, она уже забыла, что значит – ходить на свидания. А тем более Островский и свидание казались понятиями абсолютно параллельными. И очень непривычно с ним находиться не в постели и не выяснять отношения. Ну вот как он и сказал раньше: разнообразие. Да еще такое неожиданное!

Только все равно это пока казалось одноразовой акцией. А что дальше?

- Ты о чем задумалась? – Роман внимательно посмотрел в погрузневшие глаза.

- Все будет хорошо? – спросила Ольга и сцепила руки замком на его спине.

- Хватит уже сомневаться. В себе, во мне, в нас. Я не обещаю тебе быть эталоном идеального мужчины...

- Мне идеальный и не нужен. Мне нужен ты, вот такой вечно сдержанный, холодный, умный и неидеальный.

Роман улыбнулся. Наверное, эти слова были даже большим, чем простое «я тебя люблю», которое было сказано уже не единожды, но толку никакого не принесло.

- Слушай, – сказал он. – Мне, конечно, очень приятно, когда ты меня обнимаешь, но как-то стоять в коридоре уже десять минут...

- Точно, – усмехнулась Ольга, разжав руки. – Спать идем? Или ты опять работать?

- А вот это прозвучало упреком, – они снова замолчали, и как будто что-то опять началось рушиться, так и не успев достроиться. Как будто на болоте заливают фундамент, который постоянно проседает и проваливается в трясину. Но Роман продолжил: – Иди сюда, – и, заведя Ольгу в комнату, усадил на диван, присев на корточки напротив. – Я отключаюсь, когда работаю. Понимаешь? Немного отвлечешься – и мысль потеряна. А мы вернулись, когда мне как раз надо было книгу заканчивать. Так что...

- Я понимаю, – перебила его Ольга. – Сама такая. Главное, чтобы наши графики вдохновения совпадали. Но мы пойдем, даже если не совпадут. Мы же справимся? Только вот как сейчас говори со мной. Ты объяснил – я поняла. И наоборот. Вроде схема простая.

Роман уткнулся лбом в ее колени, запустив руки под платье и сжав бедра. Он не мог поверить, что этот бесконечно повторяющийся цикл наконец изменил свое течение. Шагов еще предстоит сделать очень много, но на этот раз, он надеялся, не друг от друга. Хотя они и вели себя порой так, что не подступиться, но все-таки они были обычными людьми. Да, у каждого свои тараканы, характеры, амбиции, привычки, но как-то же кто-то находит точки соприкосновения,

пытается общаться.

- Оль, – Роман поднял голову, но не убрал руки. – Возможно, я сейчас скажу довольно завуалировано, но ты должна понять. Я не родился писателем, но я им стал. Это был долгий и довольно трудный путь. Я каждый день учился писать, каждый день оттачивал мастерство, пытался привнести что-то оригинальное в свои тексты. После отказов от издательств я не опускал руки, а продолжал упорно идти к своей цели, не пытаясь попасть в струю современности, а остаться собой, сохранить стиль. И вот только через восемь лет смог...

- И смог так, – подхватила Ольга, пропуская его волосы между пальцами, – что твоя книга стала бомбой.

- И мы сможем. Главное, не опускать руки и не терять себя. Я не вовремя показал свой характер, когда ушел тогда. Злость – не самый лучший советчик.

Все такие правильные и нужные слова, но не прекратится ли это завтра же?

- Спасибо, – Ольга коснулась губами его щеки. – Я в душ.

Роман поднялся и кивнул, наблюдая, как она на ходу стягивает платье. Причем так зазывно, приглашающе, игриво. Вот тут им не надо было разговаривать – хватало только языка тела.

Он уже разделся, собираясь присоединиться к Ольге в ванной, как лежавший рядом телефон издал звук. Любой бы человек повернул голову, и Роман по инерции посмотрел на экран. Мельком, но взгляд зацепился за имя абонента, приславшего сообщение.

«Умело врешь, дорогая».

Три раза перечитав, Роман так ничего и не понял. И объяснить ситуацию могла только Ольга. Что это значит? О чем пишет Олег? Только возникшее спокойствие начало снова сменяться штормом.

- Я думала, ты ко мне присоединишься, но так и не дождалась... – Ольга осеклась, и улыбка сошла с лица, когда она увидела обращенный на нее взгляд. Что там было? Недопонимание, недоверие, обида...

- Ты помнишь, что я однажды попросил тебя не врать мне. Никогда.

Ольга нахмурилась, не поняв его, потом перевела взгляд на лежавший рядом телефон с подсвеченным экраном и спросила:

- В чем дело?

Вопрос прозвучал испуганно. Она не понимала, что он хочет от нее услышать, Роман – как спросить. Ольга быстро преодолела расстояние до дивана и взяла телефон, прочитав открытую смс.

«Как? Как? Как?»

Всего один вопрос бился в голове, и встречаться взглядом с Романом никак не хотелось.

- Черт! – выругалась Ольга и снова скрылась за дверь комнаты. Она не помнила, когда в последний раз открывала сумку, с которой приехала из Москвы. – Где эти чертовы бумаги? – снова вслух спросила Ольга, но они волшебным образом не появились.

- Оля, объяснишь, может? – Роман стоял, прислонившись к косяку.

- Я хотела показать.

Ольга уже поняла, что забыла бумаги у Инны, а там, скорее всего, и до Олега дошло. Но неужели он такой идиот, что подумал, что она ему соврала. И Роман тоже хорош...

- Рассказывай. И давай под одеялко.

Он не злился, просто хотел объяснений.

Включив телевизор, пусть и полностью без звука, Ольга почувствовала руку, поглаживавшую плечо, потом грудь, живот, и повернулась лицом к Роману, опершему голову на руку.

- Ты знаешь, как ультразвук ставит срок? – решила Ольга.

- Примерно, – кивнул он.

- Но это не всегда день в день, все зависит там от размера плода, но мне не смогли более точно определить, потому что цикл сбился еще до этого. И даже при современном медицинском оборудовании... Но я тебе не соврала, честно. Шесть недель я не выдумала.

Роман выслушал, а потом откинулся на подушку со словами:

- Дай угадаю, он от твоей коллеги прознал про результат?

- Скорее всего.

- Он будет всегда третьим в нашей жизни, но я уже даже привык как-то. Главное, чтобы не в постели.

Ольга положила голову ему на грудь и сказала:

- Надо было сразу...

- Все нормально, – перебил Роман, приобняв ее за плечи. – Я все равно от своих слов не откажусь, но впредь, конечно, недоговаривать не стоит. А теперь давай спать.

- Ты не рассказал, куда и когда ты уезжаешь...

- Давай утром.

- Давай, – эхом отозвалась Ольга, обрадовавшись, что он не отпустил ее, чтобы удобнее лечь. Но и не порадовало, что даже мимолетного поцелуя не было.

Рассвет уже занимался, и первые лучи солнца старались пробиться сквозь плотно завешенные шторы. Ольга открыла глаза и выбралась из-под руки Романа, стараясь не разбудить его.

Почти пять утра, а сон как рукой сняло.

«Ну, я не сплю, так и ты не спи», – подумала она и, взяв телефон, вышла на кухню.

Олег поднял трубку после второго же гудка.

- Привет, – сказал он.

- Ну, привет. И долго ты собираешься портить мне жизнь?

- Кто? Я? – удивление было совсем без сарказма. – Я просто хочу разобраться.

Ольга слышала шум дороги на фоне их разговора и спросила:

- Куда ты едешь?

- Домой, Оля, домой. А теперь расскажи мне, какого хрена?

- Вечером перезвоню. Встретимся.

Так, наверное, будет лучше, хоть Ольга уже и устала от бесконечно расставляемых точек, которые превращались в многоточия. Но и Олега, который цеплялся за призрачную надежду, тоже могла понять.

«Когда же все уже закончится? Или, наоборот, начнется?»

Ольга заварила чай, пролиستала новости в телефоне, сделала кое-

какие заметки по новому сценарию и сожгла к черту завтрак. Кулинар из нее и так был не очень, а тут еще и настроение с утра не самое радужное.

- Ты решила пожар устроить? – появился Роман на кухне и помахал рукой перед лицом, разгоняя дым.

- Наверное, мне придется готовить в одних чулках и переднике, чтобы хоть как-то мои поварские способности поднялись в твоих глазах, – рассмеялась Ольга, открыв окно.

Роман подошел и легонько хлопнул ее по заднице, игриво шепнув в ухо:

- Если ты будешь готовить в таком виде, то подниматься будет кое-что другое.

- Извращенец. На завтрак только бутерброды.

- Интересно, через сколько времени после таких завтраков у меня откроется язва, – задумчиво протянул Роман, а потом улыбнулся: – Шучу, шучу я.

Ольга снова поставила чайник и поняла, что надо переходить к серьезной теме, хотя его утреннее настроение ей понравилось.

- Я звонила Олегу. Он едет сюда из Москвы. Вечером встречусь с ним, – сказала наконец, пусть и хотела сначала промолчать о встрече, не зная, как Роман отреагирует.

- Это хорошо, – кивнул он.

- Это хорошо? – переспросила Ольга, уже думая, чем в него запустить.

- А почему нет? Может, он уже перестанет постоянно вмешиваться в нашу жизнь. Хотя встречаться нам, наверное, еще придется. Я подписал с ним договор на экранизацию. Ну а к вашей взаимной светлой любви я уже привык. Да и ему надо время, чтобы свыкнуться с мыслью, что не будет так, как в прошлый раз. Он-то вроде и держится бодрячком, но видно, что ему тяжело.

Подобной речи Ольга не ожидала и даже не знала, как реагировать. Слова о «светлой любви» не были язвительными, и Роман, кажется, действительно сочувствовал Олегу.

- Охренеть... – только и смогла выдать она.

- Только не смей ему об этом говорить. Я все буду отрицать и все так же отпускать колкости в его адрес, – предупредил Роман, а потом перевел тему: – Нам надо решить, где мы будем жить.

Ольга пожала плечами, ответив:

- Я как-то не думала об этом.

- У меня есть предложение. Мы продаем обе квартиры и покупаем одну побольше в любом городе, в каком захочешь. Только на карте покажи.

- Островский, – Ольга улыбнулась, – да у тебя на меня далеко идущие планы.

- А ты все еще сомневалась?

- Нисколько.

Теперь уже нет. Кажется, шаг за шагом что-то начинает складываться, да и разговоры стали легче.

- Иди сюда, – Роман сел на стул и похлопал по своему колену. Ольга отставила кружку и обхватила его руками за шею, устроившись на коленях. – У меня сейчас небольшие разъезды, которые через неделю закончатся в Москве. Как говорится, реклама – двигатель торговли.

- Я понимаю, я все понимаю. А вот что мне сейчас в бедро упирается?

- Идем, – поднялся Роман, не отпуская Ольгу с рук. – Я тебе покажу.

- А потрогать дашь?

- Все, что только захочешь.

Проводив Романа на вокзал, Ольга поняла, что в этот раз нет того чувства безысходности, только легкая естественная грусть. Как будто они обрели уверенность друг в друге, в своих отношениях, знали, что уже ничего не рухнет, не перевернется с ног на голову от одного невысказанного слова.

Ольга пешком дошла до здания киностудии и остановилась перед входом. Вот та самая лавка, сидя на которой, она впервые увидела Островского. Кажется, что это было так давно, а ведь всего чуть больше года прошло.

Ольга повернула голову и увидела, что на нее смотрит мужчина.

«Интеллигент», – вынесла она мысленно вердикт, хотя судить людей по одному только внешнему виду было не в ее правилах. – «И на ботаника похож». Аккуратно постриженные темно-русые волосы, немного вытянутое лицо, правильные черты. Очки в прямоугольной тонкой оправе, из-за которых Ольга и окрестила его ботаником, костюм и рубашка без единой складки, начищенные туфли. Весь такой просто идеальный. Ольга думала, что так не бывает и какой-нибудь изъян должен быть у него обязательно.

Любой сценарист назвал бы этот момент постановочным знакомством, но ни он, ни она еще этого не знали.

Да, уж Ольга точно не могла подумать, что все так обернется. Странная штука жизнь. Можно выбрать, как жить, но нельзя выбрать, кого любить. Какой долгий путь к пониманию друг друга, к умению принимать друг друга и счастью.

Ольга почувствовала, что вот-вот расплачется. Наверное, гормоны... Зашла в здание, в котором мало что изменилось за год. Даже охранник все тот же, который узнал ее и улыбнулся.

Олега с Толиком она нашла в монтажной. Сколько ночей они тоже здесь провели, то изнывая от жары, то кутаясь в пледы и вливая в себя горячий кофе.

«Какое-то ностальгическое у меня настроение».

- Привет, – сказал Олег, развернувшись на стуле, а Толик радостно воскликнул:

- Возвращение блудной дочери!

- А вы в работе. Впрочем, как всегда, – улыбнулась Ольга. – Олег, поговорим?

- Идем, – поднялся он.

В его бывшем кабинете тоже все осталось по-прежнему, только табличка на двери изменилась. Олег опустил в свое бывшее кресло и сложил руки за головой, откинувшись на спинку. Ольга спросила:

- Где мои результаты?

- Ты их забыла у Инны, она передала мне, узнав, что я еду сюда, – он бросил на стол папку.

- А ты решил заглянуть?

- Любопытство, – Олег не оправдывался, ждал, что она скажет.

Спрятав папку в сумку, Ольга выдохнула:

- Я не врала. Ты сделал сам неправильные выводы. Понимаешь, человек видит то, что хочет видеть. Погрешность возможна в моей ситуации, и шесть недель вполне могли стать восьмью-девятью, но пойми, что это маловероятно.

- Но все же вероятно?

- Олег, у тебя с математикой совсем плохо? Или календарик дать?

Он задумался, а потом усмехнулся:

- Черт, точно просчитался! Наверное, просто хотелось что-то после себя оставить в этом мире.

- Боже, как театрально, – покачала Ольга головой. – Ты оставишь после себя славу лучшего режиссера современности и много хороших фильмов. А потом... Кто знает, кто знает.

- А вот это уже лесть.

Стук в дверь и голова Толика в проеме:

- Не помешал? – Олег отрицательно покачал головой. – Давайте куда-нибудь пожрать сходим. Как в старые добрые времена.

Две пары глаз с вопросом уставились на Ольгу. Ну раз уж сегодня день воспоминаний...

- Почему бы и нет, – ответила она, поняв, что соскучилась по Толику и его байкам, которых явно должно было прибавиться за последнее время.

Эпилог

Ольге нравились эти ежедневные посиделки с Олегом и Толиком. Днем решались дела, вечером была хорошая компания. Это воспоминанием и прощанием одновременно. Хотелось запомнить, как почти десять лет назад они вот так же сидели, смеялись, обсуждали фильмы. Но всему приходит конец.

- Я завтра уезжаю, – сказал Олег в один из вечеров.

Вот и все.

Ольга каждый день, да и не один раз созванивалась с Романом, поэтому знала, что он уже в Москве, а значит, скоро она его увидит. Сейчас было непонятно, как она жила без него год, если неделю еле выдерживает.

- Я поеду с тобой.

- В смысле? – не понял Олег.

- Довезешь меня до Москвы?

- Заеду в два часа.

Он все понял правильно, а Толик даже не вступал.

Роману Ольга не сообщила, что собирается приехать. Сюрприз? Скорее просто неожиданность. Чего она хотела? В первую очередь, конечно, Романа. А во вторую – снова его же. И уже в третью – услышать, что он будет говорить о книге. А то есть о них самих.

Олег заехал, как и обещал. Бросил по телефону короткое «жду», и Ольга тут же спустилась вниз с одной небольшой сумкой.

- А ты совсем налегке, – заметил он.

- Я ненадолго.

Они молчали почти всю дорогу, Ольга отсчитывала часы до приезда, Олег просто смотрел на дорогу.

- Куда тебя отвезти? – спросил только на въезде в город.

- На ВДНХ. Но я могу и сама добраться.

- Успеем, не волнуйся.

Они вышли из машины за десять минут до начала мероприятия.

Ольга только удивленно посмотрела на Олега, который направился к входу вместе с ней.

«Какого черта ты прешься туда?» – едва не сказала вслух, но сдержалась. Да плевать уже на все! Все равно ничего не изменится. По крайней мере, она в это верила.

Людей собралось в павильоне много, да и журналисты с камерами мелькали то тут, то там. Ольга надела солнечные очки и заняла место на свободном стуле в самом последнем ряду. Олег подпер стену, сложив руки на груди.

Роман вынырнул как будто из ниоткуда, приветливо кивнул и заняв

место напротив аудитории. Его речь была стандартной, и Ольга подумала:

«Интересно, кто пишет эти заготовки? Не в его стиле».

Рядом с ним сидел мужчина. Наверное, литературный агент. Он говорил даже больше Романа, на что тот лишь снисходительно улыбался. И тут настало время вопросов, на которые мог ответить только автор книги.

- Скажите, почему ваши герои такие обычные? – слышался вопрос от девушки с первого ряда.

- А разве это в литературе не самое необычное – писать об обычных людях? – Ольге даже показалось, что Роман немного усмехнулся. – Именно обычные люди попадают в самые необычные ситуации. Жизнь зачастую интереснее любого романа.

- Роман Сергеевич, – вопрос с другого места, – в вашей последней книге главная героиня вызвала противоречивые чувства. Сама история пробрала до костей, но впечатление двойственное.

- Вот, – Роман даже протянул это слово. – Неужели не в этом смысл? Герои не должны быть идеальными, не должны становиться другими, но сама их история должна цеплять. И цеплять эмоционально.

Ольга повернулась к Олегу и увидела, как он улыбается.

«Не вздумай встреть, тебя могут узнать», – отправила ему смс.

Он достал телефон из кармана, посмотрел, подмигнув, и ответил:

«Я не Бондарчук, так что не узнают».

И тут же выступил вперед, задав свой вопрос:

- Роман Сергеевич, а у этой книги будет продолжение? А то какой-то финал уж больно открытый даже для открытого.

Ольге показалось, что Островский даже на секунду растерялся, посмотрев на Олега, а потом обвел взглядом публику. Он понял, что она здесь...

- Знаете, Олег Викторович... – Роман даже встал со стула, но голос его оставался прежним, спокойным, ровным. – Что есть финал? Финал – это опуститься на два метра под землю. А так... Нет. Каждый финал открытый. Вот читаешь детектив, где в конце преступник был раскрыт. Но мы не знаем, как он был наказан, а если

и был, то откуда можно узнать, не сбежал ли он из тюрьмы? Или любовный роман, который закончился самой что ни на есть счастливой концовкой? Чего мы ждем? Что они жили долго и счастливо? А вдруг завтра одного из них собьет машина или кому-то кирпич на голову упадет? Вот и все – конец хэппи-энду. Или сегодня герои счастливы, а через год разводятся? Каждая книга все равно остается недосказанностью, и мы никогда не узнаем, чем закончилась история.

Раздались аплодисменты, а Олег подошел к Ольге и шепнул на ухо:

- Теперь мне здесь нечего делать. Ты в хороших руках, – а потом похлопал по плечу и добавил: – До встречи на съемках.

Анализ ситуации: вот дерьмо.

Роман смотрел прямо на нее и улыбался. Наконец сказал, пока все отходили от его предыдущего монолога:

- Я писал о любви, но знал о ней только на основе наблюдений со стороны. И иногда не понимал, пока не почитал о подходах различных психологов и философов к определению этого понятия.

- И что, по-вашему, есть любовь? – тут уже Ольга поднялась, чувствуя сердце даже ударами в ушах.

- Схема совершенной любви вроде простая, но довольно сложная, если не найти все три компонента, не совместить их. Интим, страсть и обязательство. Если не совместить, то это выливается в недолгосрочную романтику, в страсть, в пустоту, в обыденность, в дружбу или в слепоту.

- Я совершенно люблю тебя, – Ольга произнесла одними лишь губами, но знала, что он ее услышал.

- Я тебя тоже, – прочитала во взгляде и в едва уловимом движении губ.

Конец